ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕГ150
Д 413.

EГ1So
Д 413

ДЕНЬГИ
И
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В ОСВЕЩЕНИИ МАРКСИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ
О. БАУЭРА, Н. БУХАРИНА,
Е. ВАРГИ, Р. ГИЛЬФЕРДИНГА,
К. КАУТСКОГО, Н. ЛЕНИНА,
Р. ЛЮКСЕМБУРГ и др.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. Ф. ШМЕЛЕВА и А. Б. ШТЕРНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР
МОСКВА 1929 г.

ДЕНЬГИ
И
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
В ОСВЕЩЕНИИ МАРКСИЗМА

СБОРНИК СТАТЕЙ
О. БАУЭРА, Н. БУХАРИНА,
Е. ВАРГИ, Р. ГИЛЬФЕРДИНГА,
К. КАУТСКОГО, Н. ЛЕНИНА,
Р. ЛЮКСЕМБУРГ и др.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
К. Ф. ШМЕЛЕВА и А. Б. ШТЕРНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР
МОСКВА 1929 г.

К.
П 1928
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ЕГ150
Д 4В2 Р
БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА
ОР
34840
288326 у
288326

Главлит № А 25586. Москва, 1928 г. Зак. № 135. Тир. 3000 экз.
«Мосполиграф», 14-я типография, Варгунихина гора, 8.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Первое издание этой книги, вышедшее в свет в 1923 г., уже давно разошлось. Между тем, интерес к теоретическим проблемам, которые трактуются в этом сборнике, не ослаб,—да и не мог ослабнуть. Вследствие этого редакторы сочли необходимым выпустить ее вновь вторым изданием.

Весь текст был еще раз тщательно просмотрен и в ряде случаев исправлен. Кроме того были сделаны следующие существенные дополнения к первому изданию.—

В целях освещения проблем денег и денежного обращения в период социалистической революции здесь печатаются извлечения из статей и работ В. И. Ленина.

Наряду с этим помещена и статья К. Каутского, трактующая тот же вопрос.

Теоретическая статья Евг. Варга, позаимствованная из сборника «Проблемы политической экономии» (под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина, ГИЗ, второе издание, 1925 г.) печатается как непосредственно примыкающая к помещенной в этом сборнике серии статей о золоте и движении цен.

Теоретическая статья Н. И. Бухарина (позаимствованная из его книги «Империализм и накопление капитала», ГИЗ, Москва, 1925 г.) трактует проблему денег в связи с проблемой расширенного воспроизводства. Она прекрасно восполняет и расширяет трактовку теоретических проблем денежного обращения авторами других статей, помещенных в этом сборнике.

Статья Р. Люксембург «Происхождение и функции денег» представляет собой извлечение из ее недавно вышедшего труда («Einführung in die Nationalökonomie», Berlin, 1925, Kap. IV, Die Warenproduktion, II, S. S. 211—238).

Наконец, статья К. Каутского «Возникновение и функции денег» является извлечением из его недавно вышедшего исследования («Die materialistische Geschichtsauffassung», B. II, Berlin. 1927, Kap. IX—X, s. s. 194—213).

Перевод статьи Р. Люксембург сделан К. Ф. Шмелевым, а вновь помещаемых в настоящем издании статей К. Каутского — А. Б. Штерном.

Редакторы сочли необходимым и во втором издании напечатать выборки из произведений К. Маркса о деньгах и денежном обращении, ибо по отзывам компетентных лиц эти выборки оказали большую помощь при изучении проблем денег и денежного обращения.

Москва, 12 августа 1928 г.

К. Шмелев, А. Штерн.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ.

Годы, предшествовавшие мировой империалистической войне, были годами общего под'ема товарных цен, а вместе с тем и роста дороговизны.

Однако, под'ем товарных цен того времени отличался от дороговизны военной эпохи в том отношении, что, в противоположность последней, он развивался в условиях нормально функционировавшего золотого обращения.

Теоретики марксизма, защищая интересы определенного общественного класса—пролетариата, не могли, конечно, пройти мимо столь важного явления, как под'ем товарных цен и рост дороговизны, и не сделать попыток выяснить причины, вызвавшие их, а также определить механизм, посредством которого эти причины влияли на движение цен.

При исследовании указанного явления, естественно, невозможно было обойти вопрос о том, не коренятся ли причины дороговизны также и в области денежного обращения и в изменениях условий производства денежного материала (золота).

Этому важному вопросу научный орган германской социал-демократии «Neue Zeit» посвятил в 1912 и 1913 гг. ряд статей видных теоретиков марксизма (Е. Варги, Р. Гильфердинга, К. Каутского, О. Бауэра и др.).

Впервые в 1911 г. вопроса о дороговизне, а также вопроса о влиянии факторов денежного обращения на дороговизну коснулся О. Бауэр в своей книге «Die Teuerung» («Дороговизна»).

В ней, между прочим, он признал теоретически возможность влияния изменений в условиях добычи золота на изменение товарных цен.

Однако, в этой книге вопросы денежного обращения были исследованы не во всей широте, но лишь на-ряду с освещением других факторов дороговизны.

Впервые специально указанный вопрос поднял Е. Варга, посвятивший ему в начале 1912 г. в «Neue Zeit» (№ 7) особую интересную статью «Добыча золота и дороговизна».

В этой статье Е. Варга высказывает мысль, что изменения в условиях добычи золота не могут оказывать влияния на повышение товарных цен, ибо как бы не увеличивалось предложение золота (вследствие сокращения издержек его производства), оно никогда не превысит спроса, так как этот последний в данном случае не ограничен: «эмиссионные банки всех стран жадно берут сырое золото, предлагаемое по прежней (т. е. установившейся до увеличения предложения) цене; об излишке, а следовательно, и о понижении цен не может быть никакой речи».

Взгляд Е. Варги был рассмотрен в статье анонимного автора, выступившего под инициалами J. v. G., помещенной в № 19 «Neue Zeit» в том же 1912 г. Автор подвергает сомнению взгляд Е. Варги.

«Золото приобретается центральными эмиссионными банками потому именно, что оно, на-ряду с применением его для промышленных надобностей, всегда является основой денежного товарного оборота»; вследствие этого влияние изменений в условиях добычи золота не может быть парализовано деятельностью эмиссионных банков; последние также подвержены этому влиянию.

Однако, высказав свои сомнения, J. v. G. не развил и не обосновал их достаточно подробно.

Это попытался сделать Р. Гильфердинг в статье о «Деньгах и товаре» в № 22 «Neue Zeit» 1912 г.

Р. Гильфердинг разделяет в общем и целом приведенное выше положение Е. Варги о неограниченности спроса на золото. Он идет дальше, пытаясь теоретически перекинуть логический «мост» между двумя положениями, именно признанием неограниченности спроса на золото со стороны эмиссионных банков и признанием невозможности влияния изменений в условиях добычи золота на товарные цены.

«Для того, чтобы могло произойти изменение ценности золота» — говорит он — «это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средства обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых ценностей. Деньги вне обращения — как сокровище в банковских кладовых — не имеют никакого отношения к находящейся в обращении сумме товаров».

Этот свой довод Гильфердинг обосновывает указанием на особенности, которые отличают золотое обращение от ограниченного металлического и чистого бумажного обращения.

«При ограниченном металлическом и чистом бумажном обращении количество денег есть величина данная, независимая от ценности обращения; ценность же этого количества определяется суммой товарных ценностей, находящихся в обращении. Напротив, при золотом обращении данной, независимой от ценности обращения, величиной является собственная внутренняя ценность золота, а количество определяется ценностью обращения».

Для освещения указанного различия и выявления своей точки зрения Гильфердинг развивает свою известную теорию ценности бумажных денег, изложенную впервые в его «Финансовом Капитале» и сводящуюся к следующему основному положению: «ценность денежной массы равняется сумме товарных ценностей, деленной на быстроту оборотов денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус — взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых один и тот же денежный знак попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство».

Доводы Гильфердинга были несомненно оригинальны, но отнюдь не общепризнаны.

Вскоре же после появления указанной статьи Гильфердинга эти доводы были обстоятельно рассмотрены и критически проанализированы К. Каутским (статья «Золото, бумажные деньги и товар» в «Neue Zeit» №№ 24 и 25 1912 г.).

В этой исключительно интересной статье Каутский подверг сомнению и критике теорию ценности бумажных денег Гильфердинга.

Он доказывает ее логическую несостоятельность, несоответствие ее исходных посылок действительному порядку вещей: «по Гильфердингу ценность денег при бумажно-денежном обращении определяется ценностью товаров, установленной по сравнению с ценностью денег; в этот безусловно порочный круг Гильфердинг мог попасть только смешав понятие ценности и цены».

Затем Каутский дает обстоятельную критику точки зрения Варги и Гильфердинга на влияние эмиссионных банков на товарные цены и ценность золота. «Неограниченный спрос на золото» — говорит он — «предъявляемый эмиссионными банками, есть не что иное, как готовность банка принять на хранение все золото, находящееся в предложении. Золотые запасы центрального эмиссионного банка являются ни чем иным, как собранием в стране золотых сокровищ отдельных обладателей денежных средств, которые до этого хранились в разрозненном виде в отдельных кассах и кладовых, а теперь централизуются».

В этой же статье К. Каутский опровергает доводы о невозможности влияния изменений в условиях производства денежного материала (золота) на товарные цены и ценность самих денег.

Оставалось об'яснить механизм этого влияния.

Эту исследовательскую задачу старались выполнить О. Бауэр и К. Каутский.

О. Бауэр сделал это в статье «Добыча золота и дороговизна», помещенной в «Neue Zeit» (№№ 27 и 28 1912 г.).

В свою очередь, Варга в новой статье («Добыча золота и дороговизна» в «Neue Zeit» 1913 г., № 16) критикует соображения О. Бауэра.

Тогда вновь выступил с ответом К. Каутский в своей книге под названием «Изменения в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны» (особое приложение к № 16 «Neue Zeit» 1913 г.).

В этой книге Каутский отчетливо показывает, как построен и как действует механизм простого товарного и капиталистического производства, посредством которого изменения в условиях производства денежного материала влияют на товарные цены и ценность денег.

Этой книгой Каутского обсуждение денежной проблемы оборвалось.

Мировая империалистическая война отвлекла внимание от теоретических вопросов.

***

Из империалистической войны почти все государства вышли с расстроенным денежным обращением.

Денежная проблема вновь встала во всей своей остроте.

Попытку освещения некоторых из наиболее важных вопросов денежного обращения послевоенного периода сделал К. Каутский в 1918 г. в своей книге «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft», значительную часть которой он посвящает деньгам (106—156 стр.).

Указанный отдел этой книги Каутского о деньгах, несмотря на спорность некоторых из его положений, представляет собой безусловную ценность, особенно же в отношении изложения общего учения о деньгах и денежном обращении.

Это изложение может быть рекомендовано приступающим к изучению проблемы денег.

***

Вопросы денег и денежного обращения приобрели для Советской России в настоящее время исключительное значение, ибо борьба за стабилизацию денежной единицы, борьба против разлагающего народное и государственное хозяйство падения ценности денег стоит в самом центре важнейших народнохозяйственных проблем.

Именно поэтому вопросы денег и денежного обращения требуют самого тщательного теоретического анализа, — и в этом отношении испытанный метод марксизма является незаменимым орудием.

Поэтому нам казалось необходимым издание предлагаемого вниманию читателей сборника марксистских статей о денежном обращении, в которых поставлен ряд важнейших вопросов. Правда, они приурочены к иной исторической обстановке; однако, это отнюдь не лишает их теоретической ценности для нас, поскольку прежде всего важна самая постановка и самый метод разрешения вопросов, связанныхх с денежным обращением.

В перечисленных выше статьях рассматриваются, главным образом, два основных вопроса денежного обращения: 1) что определяет ценность бумажных денег и является мерилом ценности при чистом бумажно-денежном обращении? 2) влияют ли изменения в условиях добычи золота на товарные цены и каким образом?

Давая освещение указанных двух центральных проблем, статьи Бауэра, Варги, Гильфердинга, Каутского и J. v. G. освещают одновременно ряд других вопросов теории денег и денежного обращения, как-то: значение количественной теории, функции золотых резервов эмиссионных банков, влияние запасов денег в банках, вкладов и проч. на товарные цены, анализ биметаллизма, роль эмиссионных банков в денежном обращении, проблема издержек производства и их влияния на цены, ценность бумажных денег.

Внимательный читатель найдет в этих статьях достаточно материала для размышлений, — материала, который в соединении с основными положениями Маркса о деньгах (см. прилож. к этой книге) облегчает возможность осознать основы марксистского мировоззрения о деньгах и денежном обращении.

***

В заключение считаем необходимым отметить следующее. Немецкое слово «Wert» в статьях Бауэра, Варги, Гильфердинга, J. v. G. и Каутского переведено словом «ценность», а не «стоимость».

Цитаты из Маркса в тех же статьях большей частью приведены в русском переводе В. А. Базарова, И. И. Степанова и А. А. Богданова; но обозначение «стоимость» заменено в них «ценностью».

Первая статья Е. Варги и очерк К. Каутского «Изменения в условиях добычи золота и меняющийся характер дороговизны» представляют собой просмотренный и сверенный нами перевод под редакцией Д. Далина («К. Каутский. Золото, деньги и дороговизна». Петербург, 1918 г.).

Статья О. Бауэра «Добыча золота и дороговизна» переведена Л. Солдатовым.

Остальные статьи переведены самими редакторами настоящей книги.

В целях ознакомления с важнейшими мыслями Маркса и Энгельса о деньгах и денежном обращении нами даны в приложении выборки из важнейших произведений К. Маркса о деньгах и денежном обращении.

В том виде, в каком издается предлагаемая вниманию читателей книга, она безусловно страдает рядом несомненных недостатков.

Однако, желание возможно скорее сделать ее доступной интересующимся учением марксизма о денежном обращении заставило издать ее в том виде, в каком она печатается.

Мы надеемся в будущем внести в нее ряд существенных улучшений и дополнений.

К. Шмелев. А. Штерн.

Петроград, 2 мая 1923 года.

Д Е Н Ь Г И.

КАРЛ КАУТСКИЙ [1]).

1. Предварительные замечания.

При товарном производстве все проблемы хозяйственной жизни своеобразно раздваиваются и осложняются благодаря деньгам. При товарном производстве каждое изменение материи в процессе производства, начиная с первого приобретения сырья в натуре и кончая приобретением готового продукта потребителем, является не только переменой места и материальной формы, но вместе с тем и денежной операцией. Все движения и изменения материального богатства отражаются таким образом в движениях и изменениях денежных сумм, хотя нередко и в очень искаженном виде. Все материальные вопросы хозяйственной жизни являются поэтому одновременно и денежными вопросами.

Однако, в пределах товарного производства деньги являются не только зеркалом хозяйства, но также и механизмом, необходимым для того, чтобы держать его на ходу. Как и многое другое, и этот своеобразный механизм пришел вследствие мировой войны в основательное расстройство. Привести его снова в порядок так же важно, как важно восстановить средства транспорта, орудия и предметы труда. Среди экономических проблем товарного производства проблема денег и денежного обращения является наиболее трудной и сложной проблемой, так как здесь часто идет речь лишь об отражениях, об отвлеченностях, которые не так осязательны как корабль, паровоз, поле или фабрика.

В качестве формы, позволяющей наиболее популярно об'яснять экономические явления, следует остановиться на изложении их исторического развития. Эту форму мы изберем и в данном случае. Это значит, что каждое из явлений, которые нас интересуют в данном случае, мы будем изучать с точки зрения его развития. Однако, порядок, в котором будут рассматриваться отдельные явления, не должен соответствовать очереди их возникновения. Это только затруднило бы изложение, а не способствовало бы ему, так как пришлось бы расчленять отдельные элементы относящиеся к одному явлению. Таким образом, например, я буду рассматривать бумажные деньги и банкноты тотчас же после рассмотрения металлических денег и раньше, чем вексель, несмотря на то, что исторически они возникли позже этого последнего.

2. Возникновение денег.

Мы исходим из различия между первобытным хозяйством, в котором продукты производятся для удовлетворения собственных потребностей производителей и в котором нет денег, и товарным производством, в котором деньги существуют. Разница эта уже неоднократно излагалась и поэтому, кажется, может считаться общеизвестной. В виду этого мы опишем ее только в общих чертах.

В течение тысячелетий, а может быть, и сотен тысяч лет, люди жили маленькими общинами, каждая из которых производила все то, в чем нуждались все ее члены. Такой способ производства сохранился и после того, как появились классовые

---

[1]) Предлагаемый очерк представляет собой перевод одного из отделов (а именно отдела о деньгах) из книги Karl Kautsky.—„Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft". Leipzig 1918. Verlag der Leipziger Aktiengesellschaft S. s. 106—156.

различия. Рабы и крепостные (Knechte und Tributpflichtigen) удовлетворяли не только свои собственные потребности, но и потребности своих господ, непосредственно предоставляя этим последним свой труд или доставляя им продукты своего труда.

Развитие производительных сил путем разделения труда не могло пойти далеко в маленьких первобытных общинах. Этому развитию стал прокладываться новый путь только тогда, когда различные общественные организмы, которые производили различные продукты, стали вступать друг с другом в сношения и стали обменивать между собою свои различные продукты. Этим было положено основание производству т о в а р о в, т. е. благ, которые производились членами какой-либо общины или производственной ячейки не для собственного потребления, а для обмена на ценности, в которых эти люди нуждались, но которых сами они не производили. При вполне развитом товарном производстве, каждый производит то, в чем сам непосредственно не нуждается.

Чем шире круг работников, производящих друг на друга, тем шире может развиться разделение труда с его экономическими преимуществами. Развитие товарообмена сделало возможным расширение этого круга за пределы отдельной общины, — расширение до таких пределов, до каких простиралась область товарообмена. Это расширение происходило, однако, не так просто. Когда производители неодинаковых по своему материальному существу товаров сходились на месте мены, на рынке, чтобы обменять свои товары, то удача этой операции обусловливалась не только тем, что каждый из производителей находил то, что он искал, но также и тем, что он находил искомое как раз у того производителя, который именно сам нуждался в его товаре.

Предположим, что на рынок пришел столяр со своим столом и что он нуждается в полотне. Ткач тоже находится на рынке, но стол он уже имеет. Ему нужна мука, чтобы приготовить своим голодным детям хоть сколько-нибудь удовлетворительный обед. Вот встречается и мельник с мешком муки. Но он — жаждущая душа. Он отклоняет предлагаемое ему полотно и требует вина. Перед ним соблазнительно стоят два боченка вина. Однако, виноградарь забил себе в голову приобрести стол, а не муку. Но стол опять-таки можно получить только в обмен на полотно. При таких обстоятельствах ни одна из мен не может осуществиться; и обладатели товаров должны возвратиться домой со своими продуктами, не совершив сделки.

И только в редких случаях могли встретиться двое желающих произвести мену, каждый из которых нуждался бы именно в продукте другого.

Поэтому первые шаги менового хозяйства возможны в действительности только при таком состоянии, при котором каждая производственная ячейка сама производит все существенное из того, в чем она нуждается, и выменивает только излишки, так что ее существование не зависит от осуществления обмена.

Большая часть человечества переживает подобное переходное состояние от чистого потребительского хозяйства к чистому товарному производству уже в начале исторических времен. Черты этого переходного состояния сохранились даже у культурных народов до нашего времени. До сих пор в маленьких городах ремесленник занимается сельским хозяйством; и до сих пор в глухих отдаленных местностях крестьянин производит сам большую часть предметов промышленности, в которых он нуждается.

При своем возникновении обмен должен был быть явлением случайным. Но с течением времени, с ростом производительных сил, он стал регулярно повторяться и расти в своем об'еме. А это обстоятельство легко привело к тому, что определенные товары стали иметь бо́льший спрос, стали охотнее приниматься в обмен, чем другие.

Выделение из общей массы обмениваемых товаров какого-либо товара, чаще других спрашиваемого и более охотно принимаемого, тотчас же привело к следующему: товаровладельцы, которые не могли непосредственно обменять товары своего производства на товары, в которых они нуждались, предпочитали обменять их на товар, наиболее часто спрашиваемый и, следовательно, наиболее охотно принимаемый, чем уйти с рынка, не совершив никакого обмена; ибо за легко обмениваемые товары они могли надеяться скорее получить ценности, которые им были необходимы, чем за свой собственный продукт.

На примере сказанное становится еще более очевидным. Возьмем приведенный выше случай со столяром, ткачем, мельником и виноградарем, которые не могут освободиться от своих товаров. Но вот выступает еще один владелец товара — владелец

коровы. Допустим, что рогатый скот сделался товаром, который является наиболее обычным предметом пользования и который чаще и охотнее всего берется в обмен.

Владелец коровы осматривает товары на рынке. Он нуждается в столе и поэтому предлагает свою корову в обмен на стол. Столяр не нуждается в корове, он имеет уже трех на своем пастбище. Но он знает, что от коровы он освободится скорее, и поэтому он предпочитает отдать за нее свой стол, чем понести его обратно домой.

Получив корову он обращается к ткачу, в полотне которого он нуждается. Ткач также мало нуждается в корове, как и в столе,—он желает получить муку. Но так как мельник не нуждается в полотне, то ткач принимает предложение столяра и берет его корову в обмен на свое полотно. Столяр, таким образом, освободился от своего стола и получил желаемое полотно — он исчезает с рынка. Такая же сделка при посредстве коровы происходит также между ткачом и мельником и, наконец, между мельником и виноградарем. Все они при посредстве коровы получают, таким образом, то, в чем они нуждаются. А это до появления коровы было невозможно. Но корова будет менять своего хозяина до тех пор, пока наконец не найдется кто-нибудь, кто действительно нуждается в ней, как в молочном скоте, и оставит ее у себя. Для прочих она имела лишь ту потребительную ценность, что была средством обмена. Эта потребительная ценность — новая; она обусловливается не ее природными свойствами, но ее ролью на рынке. Благодаря этой своей роли всеобщего средства обмена, она стала представлять собой деньги.

При помощи денег становятся возможными операции обмена, которые без них были бы невозможны. Только там, где деньги получили право гражданства, сбыт товаров приобретает ту быстроту и ту уверенность, которые необходимы для того, чтобы каждый мог себя посвятить исключительно производству по своей специальности.

Таким образом, благодаря деньгам расширяется разделение труда.

Медаль имеет, однако, свою оборотную сторону. Где при посредстве денег товарное производство окончательно развилось и стало на место производства для собственных потребностей, единичный владелец товара зависит всецело от того, найдет ли он владельца денег, который возьмет у него его товары. Сколько бы ни было произведено— без денег продукт не находит пути от производителя к потребителю.

Таким образом, при товарном производстве деньги являются необходимым средством обращения товаров — средством их движения из рук тех, кто произвел товары и в них не нуждается, в руки тех, кто в этих товарах нуждается, но не произвел их.

Одновременно деньги обнаруживают еще одно свойство. Вспомним о приведенном выше примере обмена до появления денег. Столяр нуждается в полотне, ткач в муке, мельник в вине и т. д. Там, где дело идет о непосредственном обмене, — это обмен неодинаковых потребительных ценностей.

Неодинаковость потребительных ценностей является мотивом обмена. Но вот, появляются деньги, как на представительницу которых до появления металлических денег мы указали на корову. Все различные потребительные ценности обмениваются теперь посредством одного и того же предмета, который ни для кого из обменивающихся не имеет потребительной ценности вне процесса обмена. Корова в качестве денег рассматривается как новая форма ценности — меновой ценности. Все различные потребительные ценности обмениваются теперь на одинаковую по качеству меновую ценность — 1 стол, 10 метров полотна, 50 килограмм муки и 100 литров вина. Каждый из этих товаров порознь равноценен одной корове. Корова, в качестве денег, интересует лишь постольку, поскольку определяется, какие количества каждого, из различных продуктов на нее обмениваются. Поскольку деньги указывают эти количества, они оказываются мерилом товарных ценностей. Размеры этих товарных ценностей определяются количеством труда, общественно-необходимого для их производства и воспроизводства. Обмен равных ценностей является не чем иным, как обменом продуктов, производство которых требует одинаковых количеств общественно-необходимого труда.

Уже в хозяйстве для удовлетворения собственных потребностей мы замечаем стремление равных и свободных членов, которые работают сообща и друг для друга, к одинаковой производительности труда и к равным долям в общественном продукте. В этом стремлении ничего не изменяется, если на место совместной товарищеской работы в общем хозяйстве становится работа друг для друга в различных единичных

частных хозяйствах. Оно, пожалуй, еще усиливается в виду того, что вместо товарищества производителей имеет место их незнакомство друг с другом. Никто не хочет работать для другого больше, чем этот другой работает на него. Стремление это, конечно, не сознается теперь участниками, так как они, ведь, не работают непосредственно друг для друга и не обмениваются друг с другом непосредственно продуктами. Оно получает своеобразную форму проявления, поскольку одни потребительные ценности не обмениваются непосредственно на другие, но все различные по своим качествам потребительные ценности измеряются посредством одной и той же меновой ценности.

Тот, кто продает свой товар выше его трудовой ценности, получает за продукт своего труда продукт большего количества труда, больше денег, чем тот, кто продает свой продукт по его ценности или даже ниже нее. Этот порядок не может повторяться без того, чтобы один не стал богаче деньгами, чем другой. Если производители товаров свободны и равны и если производство товаров протекает без парализующих его обстоятельств, то вследствие этого производители охотнее обратятся в той отрасли производства, в которой результат одинакового труда приносит больше денег, чем к той, в которой труд приносит их меньше.

Предложение товаров, оплаченных выше своей ценности, станет повышаться; цена их вследствие этого будет понижаться; предложение товаров, оплаченных ниже их ценности, будет уменьшаться, а их цена в связи с этим — повышаться. Таким образом, закон ценности осуществляется посредством изменений спроса и предложения и, следовательно, посредством обусловливаемых этими изменениями колебаний цен.

Сказанное относится к простому товарному производству, в котором товаровладелец, выносящий свой товар на рынок, и работник, создавший этот товар, — одно и то же лицо.

Дело несколько меняется, как только производство становится капиталистическим, т. е. таким, при котором товаровладелец создает свои товары не самолично, а использует для этого особо оплачиваемых наемных рабочих. То, что товаровладелец приносит на рынок, не является больше продуктом его собственного труда; оно является продуктом труда других лиц, рабочую силу которых он покупает так же, как он покупает и средства производства. Он не учитывает больше затраченного труда; он учитывает теперь затраченные деньги, так называемые издержки производства. Он так же, как и работник простого товарного производства, стремится к выгоде, равной выгоде владельцев других товаров. Однако, равенство выгоды у капиталистического товаровладельца является уже не равенством выгоды одинаковых затрат труда, но равенством выгоды одинаковых денежных издержек; другими словами — это равенство процента чистого дохода в издержках производства.

Этим закон ценности только несколько видоизменяется, но ни в коем случае не отменяется. В некоторых отраслях производства обычная средняя цена рыночных продуктов (содержащая в себе нормальные издержки производства и нормальную среднюю прибыль и называемая Марксом ценой производства) не только может, но и должна стоять выше своей трудовой ценности, и притом не только временно, но и длительно. Однако, это возможно лишь постольку, поскольку продукты других отраслей расцениваются рынком также в течение продолжительного срока ниже своей трудовой ценности. Масса труда, а вместе с тем и масса трудовых ценностей, которыми обладает общество, является фиксированной величиной, а масса средних рыночных цен (цен производства) должна в своей совокупности им соответствовать. Трудовая ценность остается исходной точкой и осью, вокруг которой вращается вся система товарообмена. Массой трудовой ценности определяются как масса прибавочной ценности, так и масса прибыли, высота процента прибыли и обусловленные этим процентом отклонения средних рыночных цен (цен производства) от трудовой ценности.

Однако, трудовая ценность не осуществляется непосредственно. Ценность товара на рынке измеряется не количеством труда, которое было общественно-необходимо для его производства, но количеством денежного товара, который обусловил соответствующую затрату труда. Это количество денег является его ценностью.

Подобно тому, как всякий результат сознательной человеческой деятельности должен быть первоначально мысленно представлен в голове человека в качестве цели или намерения, прежде чем он станет практическим действием, так и ценность товара

должна быть измерена деньгами; другими словами, его цена должна быть точно установлена в сознании производителя прежде, чем он станет его продавать. Оборот товаров немыслим без предварительного измерения их ценности. Эта функция денег также необходима и важна для развития товарного производства, как важен и самый оборот. Даже в качестве средства обращения денежный товар менее необходим, чем в качестве измерителя ценности.

Древние египтяне, например, употребляли уже в III столетии до Р. Х. медь и золото (но не серебро) в качестве денежного товара и всеобщего мерила ценности, но измеряемые в своей ценности при помощи денег товары обменивались большей частью непосредственно.

Так, например, в одной из таких меновых сделок обменивался бык. Его ценность устанавливалась равной 119 медным утну (14,4 килограммам меди). Но за него было дано: 1 мат, который расценивался в 25 утну, пять мер меди стоимостью в 4 утну, 8 мер масла стоимостью в 10 утну и еще 7 разных предметов на остальную сумму.

В данном случае медь функционирует в качестве мерила ценности. Она функционировала бы и в качестве средства обращения, если бы владелец быка получил за него в уплате 119 медных утну, а на последние купил бы затем мат и прочие предметы.

То обстоятельство, что в древнем Египте медь функционировала в большей степени в качестве мерила ценности, чем средства обращения, происходило от того, что медь имела большой спрос как предмет потребления. Это обстоятельство как раз и делало ее особенно подходящей для денежного товара. Однако, пока производство ее не получило еще широкого развития, это препятствовало применению ее в качестве средства обращения, так как, поскольку она обращалась в качестве такового, постольку она, конечно, не получала применения в промышленности. Даже вплоть до прошлого (XIX) столетия применение благородных металлов в качестве денег играло меньшую роль, чем применение их в качестве предметов потребления. Маркс цитирует исчисление Якобса, относящееся к 1834 году, согласно которому одна треть из находившихся в Англии благородных металлов имела форму денег, а две трети — форму предметов роскоши.

«Насколько значительно отношение золотых и серебряных сокровищ, в виде предметов роскоши к благородным металлам, служащим деньгами, мы можем видеть из того, что в 1829 году это отношение, по Якобсу, равнялось 2 к 1 в Англии, а во всей Европе и Америке благородных металлов в форме предметов роскоши было на ¼ больше, чем их было в форме денег» [1]).

Из общего количества современных запасов денежного металла, золота, чеканка его, во всяком случае, превышает промышленное применение. В 1911 году во всем мире было:

	Отчеканено монет на:	Получило промышленное применение на:
Золото	372 миллиона долларов.	116 миллионов долларов.
Серебро	117 миллионов унций.	142 миллиона унций.

При обсуждении вопросов денег и денежного обращения в большинстве случаев обращается слишком мало внимания на то, что материал, из которого делаются деньги, находит себе применение не только в качестве такового, но также и в качестве потребительных ценностей и товаров, что он, следовательно, появляется на рынке не только в качестве денег, но также и в качестве товаров и что он может принимать ту или другую форму без всякого изменения своей ценности.

Не менее часто забывают также о роли денег в качестве мерила ценности, — роли, которую они могут играть только потому, что они представляют собою определенную трудовую ценность в качестве товара. Их рассматривают по большей части только как средство обращения. В виду этого легко приходят к совершенно неправильным

[1]) К. Маркс „К критике политической экономии". Петроград—1922 Стр. 113. Конец цитированной в тексте фразы К. Маркса переведен неверно: немецкое „Viertel" (четверть) неверно переведено словом „четыре".

выводам, так как деньги, как мерило ценности, никоим образом не подлежат действию тех законов, каким они подлежат в качестве средства обращения. Деньги как мерило ценности и деньги как средство обращения уже тем отличаются друг от друга, что в качестве измерителя ценности они существуют только в представлении. Напротив того, деньги, при помощи которых совершаются сделки купли-продажи, должны быть фактически на-лицо. Однако, с другой стороны, если деньги как мерило ценности являются лишь воображаемыми деньгами, то они все-таки должны быть действительным, реальным денежным товаром, который не может быть заменен другим. Напротив того, деньги, которые должны функционировать при купле-продаже в своей реальной оболочке, могут быть заменены суррогатами, которые вместо них осуществляют переход денег из рук покупателя в руки продавца.

Сапожник может определить цену пары сапог, которые он сшил, примерно в 40 марок без того, чтобы эти 40 марок или хотя бы одна марка были у него в руках или вообще каким-нибудь образом были ощутимы им. Но он не мог бы определить этой цены, если бы ценность золота не была так же установлена, как и ценность сапога, так как в таком случае эта последняя не могла бы быть определена посредством того или иного количества золота, которое заключается в двух двадцати-марковых монетах. Для денег в качестве мерила ценности не существует бесценных или малоценных суррогатов.

Иначе обстоит дело с деньгами в качестве средства обращения.

3. Монета.

От состояния производства, экономического оборота и экономических сношений страны зависит, какие собственно товары при сделках обмена начинают настолько выступать на первый план, что вследствие этого они становятся всеобщим средством обмена, то есть деньгами. В истории человечества деньгами становились самые разнообразные товары — скот, рабы, шкуры, соль, бобы, какао и т. д. В конце концов, все-таки повсюду пробивают себе дорогу в качестве денежного материала, на ряду с медью, благородные металлы.

Благородные металлы получают всеобщее признание в качестве денежного материала благодаря своим природным свойствам.

Уже одна их неизменяемость предназначает их к тому, чтобы функционировать в качестве денег. Товар покупается для того, чтобы быть потребленным, чтобы, следовательно, исчезнуть в своей преходящей форме. Он выпадает из товарного обращения. Деньги, напротив, остаются в обращении. Они переходят из рук в руки; они не потребляются, но используются для все новых и новых покупок; и для каждого последующего продавца они должны представлять ту же самую ценность, какую они представляли для продавцов предыдущих. Скот и рабы могут заболеть или даже умереть, шкуры могут быть основательно попорчены, если не ржавчиной, то молью, бобы, какао также не вечно сохраняют свою доброкачественность и т. д. Напротив, золото и серебро остаются всегда одинаковыми, а медь неизменна, по крайней мере, в сухом воздухе, — а как раз в древних странах культуры — Египте и Вавилоне — воздух был сухой.

Отдельные куски благородного металла не различаются между собой по своим качествам, т. е. по потребительной ценности, тогда как отдельные единицы других товаров, которые функционировали в качестве денег, часто очень значительно различаются между собой. Отдельные куски благородного металла отличаются друг от друга только количественно, т. е. по весу, и потому они особенно пригодны для воплощения меновой ценности, которая — в противоположность потребительной ценности — выявляет только количественную разницу товарных ценностей.

Благородные металлы настолько мягки, что делятся без особого труда и притом на любые доли. Благодаря делению они не теряют своей потребительной ценности, которой они обладают на ряду с выполнением ими функций денег. Они легко могут быть превращены из денег в товары и обратно — из товаров в деньги. Их потребительная ценность, а вместе с тем и товарная ценность сохраняются у них и тогда, когда они делятся на очень мелкие части. Эта способность делиться является незаменимым качеством, в виду большого количественного различия ценностей, попадающих

на рынок и там обращающихся. Если я обладаю золотым слитком, который весит один фунт и хочу приобрести товар, ценность которого равна $^1/_{10}$ фунта золота, то не составляет никаких затруднений отделить от куска золота часть, которая составит $^1/_{10}$ его веса. Но каким образом можно было-бы отдать одну десятую коровы, быка, невольника или даже шкуры?

В пользу употребления благородных металлов в качестве денег говорит и то, что они легко перемещаемы. Они имеют высокую ценность, а прежде имели еще большую. В небольшом количестве благородного металла воплощается сравнительно с огромным большинством других товаров очень много труда. В кусках золота и серебра весом в несколько фунтов и небольшого об'ема можно было бы транспортировать большое количество ценностей. Нечего было бы опасаться, что они могут пострадать при перевозке. Это сделало благородные металлы особенно пригодными для целей торговли, которая уже со времени своего возникновения была международной и давно связывала друг с другом большие пространства.

Ко всему изложенному присоединяется еще и то обстоятельство, что ценность благородных металлов меняется мало и медленно.

Ценность каждого товара определяется не рабочим временем, действительно потраченным на его производство, но общественно-необходимым рабочим временем, потребным для его производства в момент определения его ценности. Если производство какого-либо товара стоило одного дня работы и если затем, благодаря новому изобретению, он может быть произведен в полдня, то ценность произведенных до изобретения экземпляров упала бы наполовину, если бы они попали на рынок после того, как изобретение стало общеизвестным.

Изменения в условиях производства влияют на рыночную ценность товаров не всегда одинаково быстро. Они влияют скорее всего на ценность тех товаров, которые наиболее быстро потребляются или запасы которых не могут сохраняться в течение многих лет, так что большая часть их должна постоянно вновь производиться, как, например, зерно. Цена на него колеблется значительно в зависимости от колебаний урожая, приводящих к тому, что одинаковое количество труда воплощается один раз в большом, другой раз в незначительном количестве зерна.

Чем больше запасов, чем меньше приток новых товаров, которые доставляются новым производством, тем медленнее изменение условий производства изменяет рыночную ценность.

Старые запасы благородных металлов, благодаря высокой степени их прочности, значительны сравнительно с вновь производимым ежегодно количеством их. Лишь для немногих товаров сравнительная величина старых запасов больше, чем для благородных металлов. Ежегодное уничтожение благородных металлов, происходящее в результате химических процессов и изнашивания в высшей степени незначительно, не только благодаря их естественной прочности, но и благодаря тому, что с изделиями из благородных металлов обращаются крайне бережливо, вследствие их высокой ценности.

Лексис исчислял ежегодное потребление золота приблизительно в $\frac{2}{1000}$ запаса. Общее количество наличного золота в 1900 г. он исчислял в 35,5 миллиардов марок. Общее же количество годовой продукции составляло 1 миллиард марок, т. е. не достигало даже и 3% запаса. С тех пор запасы золота увеличились более чем до 50 миллиардов марок, годовая же продукция возросла почти до 2 миллиардов марок, т. е. до 4% запаса. Для 1550 года Лексис оценивает золотой запас в 1.700 миллионов марок, ежегодную продукцию — приблизительно в размере около 20 миллионов, т. е. несколько выше 1% запаса. Несмотря на огромный рост золотого запаса, относительный рост ежегодной продукции, как видно, также возрос. Количество золота, которое притекало в Европу, составило в 16 и 17 столетиях значительно большую сумму, чем сумма новой продукции, в виду того, что большие количества золота, накопленные в течение тысячелетий Америкой и Индией, были расхищены в указанные века европейцами и увезены ими на свою родину.

Значительные изменения в условиях добычи золота, на которые нам указывают цифры вновь добытых количеств, не остались, конечно, без влияния на ценность золота. С XVI столетия она значительно понизилась. Тем не менее, исходя из того, что золотой запас возрастает ежегодно, благодаря новой продукции, на незначительный

процент, мы считаем себя в праве принять, что изменение условий производства в настоящее время влияет на золото медленнее, чем на другие товары, и что, в частности, в прошлые столетия это влияние было слабее.

Рыночная ценность благородных металлов подвергается менее быстрым годовым колебаниям, чем, например, ценность зерна. С другой стороны, средняя ценность зерна со времен средних веков меньше понизилась, чем ценность благородных металлов. Производительность труда в сельском хозяйстве не так быстро повысилась, как в горном деле.

Так, уже Адам Смит констатировал, что ценность зерна ежегодно колеблется больше, чем ценность золота и серебра, но что в течение столетий она изменяется меньше.

«Ценность серебра, напротив, меняется очень сильно из столетия в столетие, но очень мало ежегодно; она остается часто неизменной или почти неизменной в течение полстолетия или даже целого столетия (Wealth of Nations, IV, 1 ch.)».

«Цена этих металлов (золота и серебра) не гарантирована, правда, от всяких изменений, но те изменения, которым они подвергаются, медленны, постепенны, равномерны. Чтобы вызвать внезапное изменение в цене золота и серебра, которое выразилось бы в ощутительном и заметном повышении или понижении денежных цен всех товаров, требуется такая же экономическая революция, какая была вызвана открытием Америки». (Wealth of Nations, IV. 1 ch.). Таким образом, золото и серебро ближе всего подходит к идеалу апологетов товарного производства к неизменяющемуся в ценности денежному товару, как измерителю ценности, в котором товарообмен для своего правильного течения нуждается столь же сильно, как и в неизменяющихся весах, метрических мерах и мерах для жидкостей. А. Смит говорит об этом так:

«Постоянно изменяющаяся мера (как, например, нога человека, длина руки, горсть) не может служить точной мерой количеств других вещей. Точно так же и товар, ценность которого изменяется, не может представлять собой точную меру ценности других товаров» (Wealth of Nations, I, 5 ch.).

На ряду с функциями мерила ценности появляются с течением экономического развития также и другие задачи денег—как сокровища, как платежного средства,—которые требуют того, чтобы ценность денег была неизменной. С этими функциями мы впоследствии ознакомимся.

Как бы ни была желательна неизменность ценности денег, она в нашем подлунном мире недостижима для денег так же, как и для всех прочих вещей. Но благородные металлы подходят к ней ближе всего.

Это обстоятельство было одной из многих причин, которые, в конце концов, сделали благородные металлы единственным материалом для денег.

Количества металлов измеряются по их весу. Поэтому и ценности выражались в деньгах в виде определенного по весу количества золота, серебра и меди.

В виду указанного взвешивание денежного металла относилось к торговым сделкам.

Это происходило, например, регулярно у древних египтян в тех случаях, когда не имел места натуральный обмен и когда предпочитали пустить в обращение денежный металл не только в качестве мерила ценности, но и в качестве покупательного средства. Для этой цели применялись медные, золотые, а позднее и серебряные кольца. Обстоятельства, сопровождавшие торговые операции египтян, описываются Масперо следующим образом:

«Их (кольца) нужно взвешивать при каждой торговой сделке заново. Заинтересованные стороны пользуются этим как поводом для горячего спора. Покричав в течение четверти часа о том, что весы не в порядке, что пользование ими неправильно, что нужно повторить взвешивание, они, наконец, усталые от спора, приходят к соглашению и мирно расходятся. Помехи беспрепятственному осуществлению сделок становятся зловреднее, когда благородные металлы подделываются и в драгоценные слитки вводится столько меди, сколько они могут содержать ее без того, чтобы изменить свой внешний облик. Торговец, который вполне уверен, что получает, предположим, восемь утну чистого золота, и которому подсовывают 8 утну сплава, имеющего вид золота, но содержащего едва $^2/_3$ золота, бессознательно теряет, благодаря этому, одну треть своего товара. Если бы не существовало опасности этого обмана,

которого каждый опасался вполне основательно, то обмен на металлы вытеснил бы с рынка (в старом Египте) все прочие орудия обмена. Он делается общепринятым лишь тогда, когда изобретается способ, который освобождает продавцов от необходимости постоянно взвешивать металлические слитки и удостоверяться в их чистоте [1])».

Такой способ появляется тогда, когда на рынке индивид, обладавший доверием покупателя и продавца, снабжает отдельные куски денежного металла своим штампом, удостоверяющим, что эти куски взвешены правильно и неподдельны и что они содержат точно определенное количество металла. Таким лицом мог быть хотя бы уважаемый в данном месте коммерсант. Снабженные его штампом куски, которые он пускал в обращение, принимались, конечно, без возражений только теми, кто его знал и доверял ему. Снабженные штампом куски стали приниматься всеми и циркулировать подолгу без поверки лишь тогда, когда их стала пускать в оборот длительно существующая и всеми признанная организация—г о с у д а р с т в о. Куски металла, снабженные удостоверяющим штампом государства, принимались с большей охотой, нежели куски им не штампованные, и тем полнее и быстрее вытесняли эти последние в качестве денег, что государство обладало необходимыми средствами принуждения строго наказывать всякую подделку штампованных им кусков.

Таким образом возникли м о н е т ы. Они не представляют собой ничего иного, как весовые количества денежного металла, точность и доброкачественность которых государство гарантирует своим штампом.

Многие названия денег до сих пор носят на себе следы такого их происхождения: фунт стерлингов, лира, ливр. Слово «марка» имело в средние века два смысла: 1) вес (равный $^1/_4$ фунта) и 2) марку, штамп, который ставился на слиток, чтобы удостоверить его вес.

В настоящее время большинство населения, конечно, забыло, что название денег означает определенный вес благородного металла.

Когда чеканка монет вошла в обычай, то каждый мог по своему усмотрению превратить свой денежный металл в покупательное средство принимаемое всяким, обратившись в государственное учреждение для чеканки и предложив вычеканить его там в монеты.

Наряду с этим государство чеканило в монеты и те количества металла, которые оно само предполагало пустить в обращение для покупок или для других целей. В настоящее время чеканка на нужды государства превышает чеканку на частных лиц.

Первыми государственными деньгами считаются те, которые были вычеканены в Малой Азии в VII столетии до Р. Х. частью лидийскими царями, частью же республиками—городами древней Греции.

Монета является первой материальной формой денег. В ней денежный металл не имеет другой потребительной ценности, как только служить средством обращения. Металлические слитки могут служить как товарами, так и деньгами, как сырым материалом для промышленности, так и средством обращения. Монета—другое дело. Чтобы употребить ее в качестве сырого материала, нужно предварительно уничтожить ее монетный облик, сплавить ее. В качестве монеты она является только деньгами.

Для этой цели она была создана государством, и она принимается по той ценности, которую указывает государство. На этой почве возникло представление, что деньги являются продуктом государства и что последнее придает им их ценность.

Неправильность этого представления усматривается уже из того, что монета в качестве денег функционирует только в пределах того государства, которое ее отчеканило и за нее ответственно. Тогда как исторически товарообмен возникает прежде всего как обмен международный; и сам международный оборот издавна представляет собой важнейшую часть общего товарооборота. В этом обороте монета, как таковая, не имеет ценности: в нем и в настоящее время, как и во времена древних египтян, денежный металл принимается по весу, а не по штампу,—его не считают, а взвешивают. При этом исчезает все, что могло бы свидетельствовать о том, будто штамп государства придает деньгам их ценность.

---

[1]) G. Maspero. „Aegypten und Assyrien“ 1891. Leipzig. S.S. 21 — 22.

Однако, в пределах государства, благодаря ряду функций, которые приобретают деньги, появляются факты, якобы свидетельствующие о том, будто деньги и их ценность—продукт государства.

4. Платежное средство.

В предыдущем изложении мы исходили из положения, что товар обменивается на деньги непосредственно, что покупка оплачивается наличными и что, таким образом, деньги циркулируют как покупательное средство. Однако, не всегда за передачей товара немедленно следовала передача денег. Покупатель, быть может, не имеет денег на руках. Он думает отдать их позднее, но в товаре нуждается немедленно. При достаточном доверии продавца к покупателю первый может удовлетвориться обещанием (хотя бы письменным), которым обеспечивалась бы уплата денег в более поздний срок. Отношение продавца к покупателю превращается таким образом в отношение кредитора к должнику.

Это может произойти вследствие необычной временной нужды последнего. Но оно происходит также и при нормальных условиях товарооборота, а именно там, где в отношения между производителями и потребителями вмешиваются в качестве продавца и покупателя—торговцы, что в частности имеет место, когда производитель и потребитель находятся друг от друга на далеком расстоянии. Если производитель отдает свой товар где-либо в Англии, то последний не достигает тотчас же потребителя, находящегося в Индии. Пройдет некоторое время, прежде чем товар дойдет до потребителя и будет им обменен на деньги, которые, со своей стороны, должны проделать длинное путешествие к производителю. Если путешествие туда и обратно длится три месяца и сделка совершается при посредстве торговца, то последний может принять в ней участие в качестве посредника лишь при том условии, что английский производитель потребует деньги за товар, который у него покупает торговец для перевозки его в Индию и продажи его там, лишь через три месяца. Деньги функционируют в данном случае не как средство покупки, так как эта последняя совершилась без них, но как средство уплаты долга.

Чем больше развивается и становится господствующим товарное производство (а этого оно достигает лишь в капиталистической форме), тем более учащаются случаи, когда деньги функционируют в качестве платежного средства,—например, для уплаты наемной или арендной платы за пользование строениями или земельными участками.

При уплате заработной платы они также функционируют по большей части в качестве платежного средства. В этом случае, как правило, товар—рабочая сила наемного рабочего не только покупается, но и потребляется (посредством применения его труда) прежде, чем оплачивается.

На первый взгляд функция денег как платежного средства незначительно отличается от их функции как покупательного средства. В обоих случаях за купленный товар должны быть уплачены деньги; только в одном случае деньги уплачиваются некоторое время спустя после передачи покупателю товара, а в другом случае они уплачиваются раньше этого, или, во всяком случае, одновременно.

Промежуток времени, отделяющий уплату денег от передачи товара, может иметь большое значение: в течение этого промежутка должник может стать банкротом или оказаться прогоревшим обманщиком.

Но и тогда, когда все протекает нормально, позднейшая уплата имеет иной облик, чем покупка за наличный расчет.

В последнем случае обе стороны свободны. Свободны, конечно, не от внутренних экономических необходимостей, но от внешнего принуждения. Сапожник, который покупает кожу, может в ней крайне нуждаться для поддержания своего существования. Но никто не может его принудить купить ее сегодня, а не завтра, у этого торговца, а не у другого, данного качества, а не другого и согласиться на всякую требуемую за нее цену.

Иначе обстоит дело в случае платежа денег некоторое время спустя после получения товара. В этом случае во всех отношениях на место свободы становится принуждение: покупатель должен внести в определенный срок определенную сумму денег

определенному лицу, за определенный товар, который он получил ранее и который он принужден теперь оставить у себя, независимо от того, подходит он ему или нет.

Это экономическое состояние связанности с определенными лицами предоставляет государственной власти богатые возможности вмешательства в форме регулирования и наказания. При этом она получает новое влияние на денежное обращение.

В отношении монеты государство первоначально берет на себя ответственность за вес и содержание в ней благородного металла. Покупатели и продавцы совершенно свободны принимать монету в качестве покупательного средства или употреблять вместо нее другое средство обмена. При употреблении денег в качестве платежного средства, наоборот, вступает в силу их принудительный прием. Он служит государственной власти для того, чтобы добиться применения монет в пределах подчиненной ей территории в качестве платежного средства. Только признанные ею деньги являются законным платежным средством: кредитор обязуется платить именно этими деньгами, должник также обязуется принять платеж именно в этих деньгах.

Это является новым основанием для поддержания того взгляда, будто деньги и их ценность—продукт государственной власти.

5. Разменная монета.

Видимость, будто государство может по своему усмотрению создавать деньги и устанавливать их ценность, возрастает еще в большей степени, поскольку его монополия на производство монет и его власть навязывать их своим гражданам в качестве законного платежного средства используются им в целях выпуска таких денег, которые имеют значительно меньшую ценность, чем на них обозначено.

Здесь мы исключаем те многочисленные случаи, когда властители прибегали к прямому обману, подделке монет, чтобы пополнить свои кошельки за счет своих подданных, выменивая созданные этими последними ценности на меньшие. Мы рассматриваем только те методы, которые применяются открыто и при известных обстоятельствах имеют для страны экономическую выгоду и могут сделаться даже необходимостью.

Уже самое существо функции монеты, как орудия обращения, обусловливает то что ее действительная металлическая ценность не совсем соответствует той, которую она представляет по своему штампу: она полноценна только в тот момент, когда она выходит из-под станка. Но как только она вышла из-под станка, тотчас же начинается ее изнашивание. Однако, это изнашивание монеты не принимается во внимание. Ее больше не взвешивают, но принимают за то, что́ на ней значится и что́ она действительно собой представляла в момент чеканки. Это происходит, конечно, только в пределах страны. В международном обороте денежный металл взвешивается, так что изношенные деньги стоят меньше, чем вновь отчеканенные.

Не все монеты изнашиваются в одинаковой степени. Некоторые лежат спокойно где-либо в кассе и совсем не изнашиваются, другие в течение дня сто раз переходят из рук в руки, переносятся и подвергаются тряске и теряют при этом вследствие трения много своего веса. В обращении внутри государства и те и другие монеты стоят одинаково, т. е. обладают одинаковой покупательной силой.

Сказанное относится также к монетам, сделанным из различных металлов, но находящимся в твердом соотношении между собой.

При возникновении товарного производства в качестве денег—мерила ценности, платежного средства и средства обращения—функционирует не один какой-нибудь товар, а несколько товаров сразу. Но при развитом товарном производстве мерилом ценности служит только один товар, которым и измеряется ценность всех других товаров. Если несколько металлов одновременно являются деньгами, то только один из них является действительным мерилом ценности.

Это относится также и к монетам. Примем для простоты (что, конечно, не подходит для примитивных обстоятельств), что господствует метрический вес. Если бы в таком случае все три денежных металла имели одинаковое достоинство, то получилось бы, что вычеканенные из этих металлов одинаковые по весу монеты одинаковы между собой и по достоинству,—что одну и ту же сумму денег в золотой монете содержат 10 грамм золота, в серебряной—10 грамм серебра и в медной—10 грамм

меди. Этого, однако, не бывает. Имеется всегда какой-либо металл, который приобретает господство над другими.

Если таким основным денежным металлом является золото, то вес каждой из серебряных и медных денег принимается равноценным лишь части золотой монеты. Таким образом, если господствует десятичная система, серебряная монета будет чеканиться такого веса, чтобы она стоила один грамм золота, а медная так, чтобы она стоила $^1/_{10}$ грамма золота.

Если соотношение ценности между золотом и серебром равняется примерно 1 : 13,5, то при употреблении десятичной системы—серебряная монета будет чеканиться не в 10 грамм, а в 13,5 грамм. И если соотношение ценности между золотом и медью составляет 1 : 210,0, то медная монета будет чеканиться весом в 21 грамм.

Конечно, и серебро могло бы быть мерилом ценности. В таком случае золотая монета чеканилась бы как кратное серебряной монеты, так что ценность первой составляла бы, примерно, десятикратное последней. И таким образом золотая монета стоила бы столько, сколько десять серебряных. Если серебряная монета весит 10 грамм, то золотая монета будет чеканиться весом в 7,3 грамма. Напоминанием о связи нынешней золотой валюты с предшествовавшей ей серебряной валютой является то обстоятельство, что золотая двадцатимарковая монета нашего времени содержит около 8 грамм золота.

Золотые, серебряные и медные монеты стоят таким образом в твердом соотношении между собой. Если золото является металлом для измерения ценности, то серебряные и медные монеты могут рассматриваться как определенный вес золота точно так же, как и сами золотые монеты.

При этом между различными монетами возникает разделение функций: чем больше ценность, которую они представляют при равном весе, тем более они приспособлены для более крупных покупок и платежей, а также для перемещения на дальние расстояния (Fernverkehr); чем незначительнее их ценность, тем более они пригодны только для мелких покупок и платежей и для местного оборота.

На монеты для мелких покупок вообще употребляется наименее ценный металл. Было бы совершенно невозможным чеканить в монеты крошечные зерна золота, ценность которых равна медному пфеннигу.

В зависимости от быстроты обращения монеты изнашиваются неодинаково. При этом, однако, наблюдается различие между теми денежными металлами, которые служили деньгами не только во внутреннем, но и в международном обороте, и теми, которые вследствие своего большого (по сравнению с их ценностью) веса были ограничены местным оборотом.

В области международного обращения денежных металлов изнашивание монет означает потерю для того, кто их должен истратить для платежей за границу. Вышлют ли их в форме монет или переплавленными в слитки,—они будут приняты заграницей только по их действительному весу, а не по весу, указанному государственным штампом. В виду этого государственная власть, желающая в области денежного обращения служить интересам товарооборота, а не обманчивой фискальной политике, постановляет, что употребление курсирующих в стране монет из того металла, который употребляется в международном обороте, не должно превышать известной незначительной суммы. Слишком легкие монеты изъемлются государственными кассами из обращения и переплавляются.

«По английским законам, например, соверен (монета в один фунт стерлингов), потерявший в весе более 0,747 грамма, не является больше легальным совереном» [1]).

Совсем иначе обстоит дело с монетами, вычеканенными из металлов, которые не годятся для международного оборота. Как бы они ни были изношены, они будут приниматься в стране за столько, сколько показывает их штамп. Последний теряет всякое отношение к их весу. Такие монеты могут в течение длительного срока быть представителями больших ценностей, чем та, которою обладает содержащийся в них металл. Государственная власть определяет их ценность.

Как только это было осознано, принялись чеканить монеты, которые предназначались исключительно для местного товарооборота, умышленно ниже их ценно-

[1]) К. Маркс „К критике политической экономии".

сти. Монеты этого рода называются разменными. Их возникновение можно отнести лишь к XVI столетию.

В отношении разменных монет, конечно, не существует свободной чеканки для частных лиц. До чего можно было бы дойти, если бы каждый, кто обладает фунтом серебра или меди, мог чеканить из него монеты, за которые он мог бы купить два или три фунта серебра, меди или товаров соответствующей ценности? Это произвело бы громадную денежную путаницу. Нет, это выгодное дело государство сохраняет для себя и может его осуществлять без вреда для процессов производства и обмена лишь в том случае, если оно будет производить чеканку в узких границах—будет чеканить только такое количество разменной монеты, какое может принять и в котором нуждается местный мелкий оборот.

6. Бумажные деньги.

Бумажные деньги, о которых здесь говорится, не следует смешивать с банкнотами, ибо функции тех и других определяются неодинаковыми законами. Мы говорим здесь не о бумажных знаках, являющихся мандатом (удостоверением) на наличные металлические деньги, но о бумажных деньгах, которые выпускаются государством вместо металлических денег, которыми оно не обладает. Они представляют собой как-будто создание ценности из ничего.

Можно было бы задать вопрос, каким же образом ценность бумажных денег (а также разменной монеты) об'ясняется в согласии с теорией ценности Маркса, на основании которой ценность может быть созидаема только трудом?

На это следует прежде всего указать, что ценностные отношения товаров между собой никоим образом не изменяются в силу замены денежного металла бумажными знаками.

Ценность бумажных денег безусловно не определяется количеством овеществленного в них труда. Но она, тем не менее, определяется общественно-необходимым трудом,—и именно тем трудом, который был бы общественно-необходим для производства того количества золота, которое заменяется в товарном обороте бумажными деньгами.

Нечто подобное имеет также место с производством товаров при образовании земельной ренты. Ценность продукта самого плодородного участка земли или же наиболее богатого рудника определяется не количеством овеществленного в нем фактически труда, но тем количеством труда, которое содержится в продукте, произведенном на самом неплодородном участке или же на самом бедном руднике.

До тех пор, пока золото необходимо в качестве денег и не может быть в этом своем качестве целиком заменено, ценность бумажных денег определяется ценностью золота. Золото же может быть заменено в качестве средства обращения государственными бумажными деньгами лишь в пределах данного государства, а отнюдь не в международных сношениях.

Стало быть, ценность бумажных денег не устанавливается государством произвольно, но зависит от ценности того количества золота, которое должно было бы находиться в обращении, если бы не были выпущены бумажные деньги. И государство может произвести подобным образом при незначительных затратах рабочей силы (т. е. посредством выпусков бумажных денег) ценности не сколько ему угодно, но лишь столько, сколько необходимо для потребностей внутреннего оборота.

В каждый данный момент в обращении находится определенная масса товаров, обладающая определенной ценностью. Если бы все эти товары продавались одновременно, то для того, чтобы все они могли быть одновременно же куплены, необходимо было бы иметь в наличии такое количество золота, ценность которого равнялась бы их ценности. Однако, не все товары продаются одновременно, но лишь по очереди. Тот, кто продал, может сейчас же вслед за этим купить; и, таким образом, один и тот же денежный знак может менять владельца в течение дня много раз. Допустим такой случай: на данный рынок поступает товаров на сумму в 100 миллионов марок; продажи и покупки следуют одна за другой так быстро, что каждый денежный знак обращается в течение дня в среднем в 10-ти покупках; все сделки купли-продажи совершаются на наличные деньги. Для того, чтобы могли в этом случае циркулировать все товары, требуется денег только на 10 миллионов марок. Если денег мало, то обра-

щение не будет протекать без задержек; оно затормозится. Напротив, если денег много, то часть их останется неиспользованной. В данном случае, таким образом, происходит подобное тому, что имеет место на железной дороге, где число товарных вагонов, которое требуется для беспрепятственной перевозки товаров, зависит от количества товаров, которое должно быть перевезено, и от скорости движения этих товаров. Количество денежных знаков, необходимое для внутреннего обращения страны, при данных условиях является данной величиной; точно также данной величиной при данных же условиях является и сумма их ценности. Если вместо золотых монет будут циркулировать бумажные денежные знаки, имеющие с ними одинаковое ценностное обозначение, то эти бумажные знаки будут иметь в обращении такую же ценность, как и золото—но при условии, что общая сумма их номинальной ценности не превышает ценности реального золота, которое они замещают в обращении.

Совершенно иначе обстоит дело в том случае, когда бумажных знаков выпущено больше, чем это необходимо для обращения. Какова бы ни была их номинальная ценность (Nennwert), их действительная совокупная ценность будет определяться ценностью золота, необходимого для обращения товаров (предполагая, что в обращении, кроме золотых, не будет никаких других денежных знаков).

Предположим такой случай: в данной стране требуется один миллиард марок золотом для того, чтобы процесс обращения мог совершаться беспрепятственно; желая создать деньги дешевым и выгодным для себя способом, государственная власть заменяет один миллиард в золоте двумя миллиардами бумажных денег. В этом случае два миллиарда бумажек будут представлять не большую ценность, чем один миллиард золота, который они замещают. Это означает, что для покупки какого-либо товара, который раньше, до выпуска бумажных денег, стоил 20 марок золотом, теперь потребуется 40 марок бумажными деньгами. Рыночная ценность денежной единицы падает; цены же, выраженные в бумажных деньгах, обнаруживают общий рост. Таким образом, становится ясным, что государство не в силах по своему усмотрению устанавливать ценность бумажных денег и что эта последняя определяется законом ценности. При этом само по себе совершенно безразлично, велика или мала ценность денег, имеет ли одна и та же ценность именование 10 или 20 марок, или же одно и то же наименование обозначает большее или меньшее весовое количество золота. Пусть все, что стоило одну марку, будет теперь стоить две марки, все же я ничего при этом не потеряю, если мой доход будет составлять теперь вместо 2.000 марок—4.000 марок.

Имеет значение не высокий или низкий уровень ценности денег, но его изменение (движение). Не все товары одинаково быстро приспособляются к изменениям ценности денег; неодинаково быстро к ним приноравливаются и долговые обязательства. Есть классы, которые заинтересованы в падении ценности денег; есть, напротив, и такие, которые заинтересованы в повышении этой ценности.

Товаропроизводитель, получивший кредит в высокоценных деньгах и уплативший долг низкоценными деньгами, выигрывает, если только он продает свой товар по (одновременно с этим) повысившейся цене. Напротив, кредитор проигрывает, ибо за все товары, которые он вновь покупает, он должен платить дороже, между тем, как общая сумма следуемых ему, как кредитору, денег не изменяется. При краткосрочных ссудах это обстоятельство не играет большой роли; напротив, при долгосрочных ссудах оно играет значительную роль. Землевладельцы всегда были сторонниками «порчи» денег, поскольку таковая была средством понижения ценности следуемых с них процентов по гипотекам и долгам, так как номинальная ценность таковых оставалась неизменной и при всеобщем повышении цен.

Что касается рабочего класса, то для него важнее всего то обстоятельство, что цена рабочей силы, т. е. денежная заработная плата, не поспевает за изменением ценности денег,—иначе говоря, она повышается медленнее, нежели повышаются цены прочих товаров.

Этот факт твердо установлен; он об'ясняется тем, что производство товара—рабочей силы не может быть ограничено, подобно производству других товаров даже тогда, когда оплата его недостаточна. Ибо товар—рабочая сила составляет одно с личностью рабочего; этот товар рабочий должен воспроизводить, если он желает жить. Кроме того, сохранение этого товара после его смерти, т. е. воспроизведение и вос-

питание детей, он (рабочий) осуществляет не как промысел. Он выращивает своих детей не для того, чтобы продавать их с прибылью.

Конечно, при известных условиях падение реальной цены рабочей силы по сравнению с ценами предметов первой необходимости,—иначе говоря, падение реальной заработной платы,—не останется без влияния на воспроизводство рабочей силы. Повышенная смертность и сокращение рождаемости могут значительно ослабить этот эффект. Но оказать такое влияние на рынок труда они смогут только 15—20 лет спустя; до этого же времени они не окажут на предложение рабочей силы ни малейшего влияния.

Период падающей ценности денег всегда был одновременно периодом падающей реальной заработной платы. Денежная плата может при этом увеличиваться; однако, она будет расти не с такой быстротой, с какой будут расти цены на предметы первой необходимости.

Именно поэтому все эксплоататоры чужой рабочей силы заинтересованы в падении валюты; однако же выгадывают от этого те из них, которые ограничиваются эксплоатацией рабочей силы внутри страны с падающей денежной единицей и совершенно независимы от мирового рынка рабочей силы, где денежная единица не падает.

Стране, которая перешла к падающим бумажным деньгам, попрежнему приходится расплачиваться на мировом рынке золотом. И так как каждая страна с развитым товарным производством имеет оборот с заграницей, продавая ей и покупая оттуда товары, то в указанной выше стране (при описанном бумажно-денежном хозяйстве) будут иметь место два ряда цен: золотые и бумажные. Последние имеют значение во внутреннем обороте, а первые (золотые) в обороте с заграницей. Оба указанные ряда цен не стоят все время в неподвижном и неизменном, раз навсегда фиксированном, отношении друг к другу. Ценность золота обычно практически не изменяется в короткие промежутки времени. Ценность же бумажных денег колеблется непрерывно, раз они выпущены в размере, переступающем границы потребностей обращения. В силу этого ценность бумажно-денежного знака определяется не тем количеством золота, представителем коего он должен быть согласно значащейся на нем надписи. Она колеблется даже тогда, когда новые массы бумажек (еще более понижающие рыночную ценность денег) уже больше не выбрасываются на рынок. Бумажные деньги не имеют внутренней ценности; ценность всей бумажной массы определяется количеством товарных ценностей, находящихся в обращении, и быстротой обращения денег; она определяется, как выражается Р. Гильфердинг, «общественно-необходимой ценностью обращения» [1]).

Эта ценность постоянно изменяется, ибо непрерывно изменяется как количество товарных ценностей, так и быстрота обращения денег—процесс циркуляции товаров то расширяется, то суживается, то ускоряется, то замедляется.

Поэтому соотношение между рыночной ценностью золота и бумажных денег подвержено постоянным изменениям, которые зачастую бывают поразительны. Тот, кто в стране с бумажно-денежным обращением (о которой мы говорим здесь) имеет дела с заграницей, покупая там сырье и продавая туда фабрикаты, никогда не знает, какова будет ценность денег, которые он должен будет впоследствии, при расчете либо доплатить, либо получить. В аналогичном положении находится и тот, кто производит товары из заграничного сырья или производит для сбыта за границу; он не знает, каково будет отношение бумажных денег к золоту в тот момент, когда его товары будут уже готовы для продажи. Всякий предварительный расчет теряет верную основу, дела становятся все более несолидными. А это и есть почва для процветания спекуляции. Товарное производство построено прежде всего на спекуляции; такой характер присущ ему всегда—не исключая и тех случаев, когда оно стремится удовлетворить реальные потребности. Ведь, товарное производство ведется не планомерно, не на основе сознательно и непосредственно учитываемых им производительных сил общества и потребностей потребителей: оно ведется самостоятельно хозяйствующими частными лицами, каждый из которых должен принимать в соображение как размеры потребностей потребителей, так и количество продуктов, которое эти последние могут дать в обмен (т. е. их покупательную силу), так, наконец, и

---

[1]) Р. Гильфердинг—„Финансовый капитал".

размер производительных сил собственной отрасли промышленности, т. е. ожидаемую конкуренцию. Таким образом, путем спекуляции ему приходится определять наперед, каким образом сложатся вышеуказанные факторы, и согласно этому направлять свои поступки. Чем правильнее он спекулирует, тем лучше идет его предприятие.

Каждый промышленник, каждый купец должен спекулировать указанным образом. Чем значительнее об'ем товарного производства, тем большее применение получает в этой области разделение труда. Это разделение труда заключается в том, что возникает особый класс людей, которые делают спекуляцию своим особым и исключительным занятием, которые принимают участие в товарообороте не с целью производить товары, или покупать их для собственной надобности, или служить посредниками между производителем и потребителем, но исключительно для того, чтобы спекулировать на повышение или понижение цен. Спекулируя на повышение или на понижение цен, эти люди будут иметь тем больший успех, чем в большей степени они превосходят среднего делового человека в своем проникновении в процесс обращения или в экономической силе влиять на этот процесс.

Склонность к такого рода делам растет тем сильнее, чем более они являются непредвиденными, чем они богаче неожиданностями, чем больше и неожиданнее колебания цен. Чем больше спекулянт может потерять,—поскольку он обладает собственным имуществом, а не спекулирует на чужие деньги,—тем более он может также и выиграть. Как это бывает при всякой лотерее, величина барышей манит и заставляет забывать о величине убытков. Из осторожного солидного предприятия делается все более рискованная азартная игра.

Постоянная неуверенность и беспокойство на рынках, спекуляция и шарлатанство, быстрое образование больших состояний и раззорительные банкротства, всеобщий экономический развал,—вот картина, которая создается там, где выпущено безмерно много бумажных денег. И тем не менее, до сих пор бумажные деньги почти всегда выпускались чрезмерно, так как выпуски их считались предпочтительным средством спасения государства от финансовых затруднений.

Мы должны еще раз подчеркнуть, что описанные выше бумажные деньги не следует смешивать с банкнотой, которая также функционирует в качестве денег и которая внешне является тем же самым, чем являются и бумажные деньги. Однако, банкнота не является суррогатом несуществующего золота,—напротив, она является удостоверением (мандатом) на золото, которое имеется налицо. Она выпускается в обращение не государством, но банком, и имеет своим источником не монетную регалию государства, принадлежащую ему исключительно, но функции банка.

7. Банкнота.

Мы можем сравнить деньги как средство обращения товаров с железной дорогой, которая нуждается в известном количестве вагонов, чтобы при данной скорости движения иметь возможность перевести данное количество товаров. При этом не все вагоны находятся в движении. В одно время их нужно больше, в другое—меньше, и потому необходима наличность известного резерва вагонов, так как совершенно необходимо, чтобы в определенному сроку на различных станциях стояло известное количество вагонов.

Точно так же совершенно необходимо, чтобы различные индивидуумы, имеющие дело со сферой товарного обращения, не пускали в обращение немедленно, посредством новых закупок, все те деньги, которые к ним притекают, но некоторую часть их оставляли на более или менее длительные сроки без движения, накопляли их, «аккумулировали» их, образовывали из них богатство.

В начальный период товарного производства такого рода накопление является следствием исключительной жадности к деньгам. Только товары представляют собой действительные потребительные ценности и, таким образом, материальные блага. Деньги, напротив того, имеют единственную потребительную ценность—быть средством товарного обращения. Вне этого обращения их потребительная ценность равна нулю. Сами по себе, как таковые, деньги не могут быть потреблены и лишь постоянно циркулируют в сфере товарного обращения. Таким образом труд, затраченный на производство денег, не увеличивает количества действительных потребительных ценностей в

обществе. Мало того: труд, затраченный на производство денег, представляет вычет из того труда, который мог бы быть затрачен обществом, если бы деньги не стоили никакого труда. Чем меньше металлических денег нужно обществу, тем больше потребительных ценностей оно может произвести. Кстати сказать, уменьшение потребности в металлических деньгах является одной из полезных сторон бумажного обращения.

Сказанное относится, однако, к обществу, как целому, во всей его совокупности. Но в товарном обществе каждый производит то, в чем он сам не нуждается. Его товары, таким образом, не являются для него потребительной ценностью. Напротив, золото в виде денег является товаром, который берется каждым и за которую можно купить любую потребительную ценность. Золото—знак обладания потребительными ценностями общества. Таким образом каждый тем богаче, чем больше то количество золота, которым он обладает. Отсюда проистекает стремление к золоту и к накоплению богатства.

Чем больше золота находится в обладании того или иного лица, тем больше потребительных ценностей может купить это лицо или тем большее количество людей оно может держать на жалованьи и пользоваться их рабочей силой по своему усмотрению. Поэтому на ряду с частными лицами государственная власть также уже издавна начала собирать большие сокровища золота и серебра, как средство для быстрой мобилизации в случае войны.

Позднее, нарождающийся капитализм противодействует этому стремлению к накоплению сокровищ из золота и серебра. Прусские короли принадлежат к последним собиравшим на случай войны сокровища в звонкой монете. Уже в 1776 году это бросилось в глаза Адаму Смиту. В своем «Богатстве народов» он замечает следующее:

«В наше время, если не считать прусского короля, в политике европейских властителей нигде не замечается стремления к накоплению сокровищ». (IV, I глава).

Эта прусская особенность не только сохранилась до наших дней, но была даже перенята новой Германской Империей, которая положила начало в 1871 году имперскому военному фонду в 120 миллионов марок, каковые были помещены в башне Юлия в Шпандау.

В общем стремление к накоплению металлических сокровищ исчезает, как только появляются капитализм и характеризующее его искусство помещать деньги таким образом, чтобы они возвращались владельцу с известным барышом. В настоящее время не является больше паролем: собирайте золото, накапливайте его с тем, чтобы сохранять его мертвой массой. Ныне накапливаемое золото постоянно бросается в обращение для того, чтобы получать его обратно с известной прибылью и таким образом увеличивать его сумму и дальнейшее накопление.

Но если капитализм отвергает накопление богатств, то он сам снова создает условия, которые уже не ставят случайное накопление богатств в зависимость от усмотрения отдельных личностей, а делают его экономической необходимостью.

В этом направлении действует развитие функции денег как платежного средства. В известные сроки приходится производить крупные платежи, для чего уже задолго до этого накапливаются средства. Тот, кто платит за свою квартиру через промежутки в четверть года, должен в течение всей четверти года собирать деньги, чтобы, наконец, иметь в своем распоряжении необходимую сумму. Если фабрикант покупает машину, которая стоит, примерно, 10.000 марок и через десять лет приходит в негодность, то он должен ежегодно откладывать 1.000 марок, чтобы через десять лет посредством накопленного богатства в 10.000 марок иметь возможность заменить эту машину новой. Даже рабочие должны также накапливать «богатство», чтобы в известные промежутки иметь возможность заменить свое износившееся платье новым.

С другой стороны, крестьянин при продаже урожая получает на руки крупную сумму денег, которую он не расходует сразу целиком, но сохраняет известную часть ее в качестве сокровища, чтобы в течение года постепенно ее расходовать.

Таким образом, каждый, принимающий участие в товарообороте индивидуум, подчинен необходимости накапливать определенное количество средств на определенные цели. Разделение труда, которое характеризует производство товаров, ведет, однако, к тому, что функции накопления сокровищ выполняются теми или иными индивидуумами в качестве самостоятельного промысла. Тот, кто обладает сокровищем, в котором он сам не нуждается, может снабдить им других лиц, которые нуждаются в средствах, но таковыми не обладают. Он может, например, снабдить средствами крестьянина, у которого

сгорел дом и который нуждается в деньгах, чтобы выстроить новый, или арендатора, который вследствие неурожая не получил дохода и который в силу этого нуждается в деньгах, чтобы уплатить арендную плату, или, наконец, любящего роскошь юнкера, который тратит вдвое больше того, что получает.

Если владелец сокровища дал взаймы свои деньги не из простой благотворительности, но оговорил себе наряду с возвратом ссуды также дополнительный платеж, то он превратил свое сокровище в капитал.

Ростовщический капитал наряду с торговым капиталом является первичной формой капитала. Когда говорят о капитализме в древности, то подразумевают именно эти две формы капитала. Промышленный капитал получает значение лишь с эпохи открытий и первоначального накопления.

Как только появляется возможность помещать деньги капиталистически, возникает возможность жить на доходы от денежного капитала, нисколько не уменьшая этого последнего, но даже увеличивая. Обладание и помещение денежных сокровищ становится, таким образом, предприятием, доставляющим доход.

Размен денег наряду с ссудами их давно уже стал для их владельцев источником дохода. Ведь, каждая монета годилась только внутри той страны, где она была вычеканена. Если на одном и том же рынке собирались купцы из различных стран, то они привозили с собой разного рода монеты, которые на данном рынке не имели хождения. Лица, владевшие избыточным запасом денег, были в состоянии обменивать чужеземные монеты на туземные монеты, на что они, конечно, соглашались только за вознаграждение.

Если, с другой стороны, кто-нибудь собирался уехать из данной страны, то он менял местные деньги на чужеземные.

Размен денег явился второй функцией обладателей денежными суммами (банкиров) наряду с ссудами.

В качестве третьей функции к ним присоединился прием вкладов. Чем бо́льшим имуществом кто-либо обладает, тем значительнее становится опасность, что его имущество может быть у него похищено. Эта опасность естественно стала наиболее значительной для золота, которое легче транспортируется, чем большинство других товаров, и которое может быть повсюду выменено. Обладатели значительных сокровищ уже издавна заботились поэтому строить особенно прочные сооружения, в которых они сохраняли свои богатства. То же самое должен был делать каждый банкир. Отсюда было недалеко до того, чтобы его товарищи по делам, которые не обладали такими безопасными от взлома помещениями, доверили ему на хранение свои собственные денежные сокровища. Банкир мог за это взяться с охотой. Одна монета выглядит так же, как и другая. Деньги товарища по делам не отличались от собственных денег банка. Последний не брал на себя обязательства возвратить те же самые золотые монеты; он лишь обязывался возвратить равноценную сумму денег, как только последняя будет востребована. До того времени банкир мог делать с деньгами все, что ему было угодно. Он фактически обладал тем же правом распоряжаться ими, каким он обладал и в отношении полученной в долг денежной суммы. Он мог употребить эти вклады на то, чтобы расширить свои денежные операции, чтобы увеличить свою прибыль. Это оказалось настолько выгодным, что банкиры начали стремиться увеличивать количество денежных вкладов. С этой целью они заявили о том, что они готовы выдавать проценты за вкладываемые в банк денежные суммы,—конечно, более низкие, чем те, которые они сами требовали по выданным ими в ссуду деньгам. Разница составляла их прибыль.

Вместе с тем меняется и характер ссуд. Прежде они вызывались нуждой, которая являлась следствием несчастных случаев, деловой неспособности или легкомыслия, или таких катастроф, как война, которая заставляла прибегать к займам даже само государство. Они приносили доход кредиторам. Но нужда должника часто благодаря им увеличивалась, его разорение ускорялось, и даже общественное материальное богатство уменьшалось, если заем сопровождался бесхозяйственностью и расточительностью.

Иное действие займы начинают оказывать с наступлением промышленного капитализма. Средства производства, которые применяет капиталист, производятся не им самим, а другими лицами, в виде товаров, которых сами производители не потребляют. Если они должны быть применены как средства производства, они должны быть сначала куплены тем, кто желает и может их применить в качестве таковых.

Таким образом при капиталистическом способе производства недостаточно, чтобы необходимые для продолжения и расширения производства средства производства были изготовлены. Те, кто может их применить, должны также иметь необходимые деньги для их покупки. Чем скорее возрастает количество находящихся в распоряжении промышленных капиталистов денег, тем скорее могут они развить свое производство,—при условии, конечно, что существуют необходимые материальные рессурсы и имеется в предложении рабочая сила. В виду этого промышленники-капиталисты стараются увеличить находящиеся в их распоряжении денежные суммы тем, что они присоединяют их к своим собственным деньгам. Правда, они должны платить проценты по займам, но их собственная прибыль всегда выше этих процентов. Их доход заключается в излишке прибыли над процентом,—излишке, именуемом предпринимательской прибылью. Таким образом займы становятся средством не только обогащения кредиторов, но также и должников, а равно и средством, стимулирующим развитие производительных сил страны.

Ничто, однако, не увеличивает так размеров предоставляемого в распоряжение промышленных капиталистов заемного капитала, как рост банковских вкладов. Последние возрастают гораздо быстрее, чем общее количество денег в стране, в виду того, что все большие суммы денег, которые раньше хранились дома, притекают в банки, чтобы этим приносить своим собственникам проценты. Сами промышленные капиталисты также взаимно предоставляют друг другу этим способом (т. е. через банки) ссуды. Выше мы приводили в качестве примера фабриканта, который для того, чтобы иметь возможность заменить купленную им машину через 10 лет, должен ежегодно откладывать 1.000 марок. Эти 1.000 марок он не оставляет лежать в своем денежном шкапу, они вносятся в банк и даются этим последним в долг другим капиталистам до тех пор, пока фабрикант не потребует обратно всей суммы.

Это относится, конечно, уже к развитым капиталистическим отношениям. Но мы возвратимся еще раз к периоду возникновения банкового дела, к индивидуальным владельцам сокровищ, которые строили крепкие сокровищницы и которым их друзья доверяли сохранение своих собственных сокровищ. Указанная передача оформлялась распиской, в которой банкир обязывался выплатить вложенные деньги, как только они будут истребованы. Эта расписка могла быть написана таким образом, что она уполномочивала всякого держателя ее, кто-бы он ни был, получить из банка без дальнейших формальностей определенную сумму денег. Употребление таких расписок на пред'явителя означало возникновение б а н к н о т ы.

Если держатель такой расписки должен был произвести пла́теж, то он, конечно, мог пойти в банк, получить там в обмен на расписку свои деньги и ими произвести платеж. Однако, для обеих сторон—как для платящей, так и получающей—могло быть более удобным и выгодным в смысле экономии времени, если бы одна сторона вручила другой указанную расписку банка, поскольку сумма ее была бы приблизительно достаточна для производства платежа. Возможный излишек или недостаток суммы расписки против суммы долга мог быть выравнен при этом более мелкой монетой.

Таким образом, расписки банка служили в качестве денег.

Они транспортировались легче, чем большие количества золота или золотые монеты. Благодаря им же золото и золотые монеты оставались лежать в кладовой банка и сохранялись от изнашивания.

Коль скоро указанного рода расписки банка стали приниматься в качестве денег, то отсюда уже недалеко до того, что банк начинает выпускать также такие расписки, которые представляют собой ордер (Anweisung) на их собственный золотой запас.

При помощи таких расписок банк мог производить денежные операции таким же образом, как и с золотом, которое эти расписки представляли. Этим создавалась для банка возможность выпускать больше расписок, чем их могло быть покрыто его золотым запасом. Поскольку излишние (против золотого запаса) расписки принимались частными лицами, постольку они означали расширение денежного капитала банка, а также и увеличение наличного денежного запаса общества. При этом они были гарантированы от обесценения, поскольку банк обменивал на золото каждую свою расписку, которая ему пред'являлась.

К такому обмену банк должен был быть всегда готов, так как расписки данного банка принимались только теми лицами, которые его знали и имели доверие к его солидности. Кто совершал сделки вне этого круга лиц, тот должен был, как и раньше,

платить золотом и обменивать на золото расписки банка, которыми он обладал. Постепенно на основании опыта выяснилось, в какой пропорции к количеству расписок банка должны находиться его золотые запасы, чтобы можно было беспрепятственно удовлетворять всем требованиям обмена. Другими словами—постепенно на основании опыта выяснилось, в какой пропорции к своему золотому запасу банк мог выпускать расписки, не опасаясь попасть в затруднительное положение из-за недостатка золота для целей обмена.

Чем шире сфера деятельности банка, тем шире и круг, в пределах которого принимались его расписки, тем, далее, незначительнее ставка того процента, который платился банку за расписки, которыми он оказывал кредит и которые в течение определенного промежутка времени обменивались на золото. Эта процентная ставка должна была быть наиболее незначительной для центрального банка, который распространял свои сделки на все государство. Именно поэтому централизация капитала делала наибольшие успехи в области эмиссионных банков.

С другой стороны, вследствие недобросовестного выпуска банковых расписок могли произойти величайшие бесчинства, могло возникнуть непоправимое замешательство в денежном обращении, регулирование которого государство приняло на себя. Да и почему последнее должно было уступать частным лицам выгоду от дешевого производства денег?

Необходимость урегулирования денежного обращения и желание государственной власти воспользоваться выгодой, доставляемой выпуском банковых билетов, привели в большинстве государств к тому, что выпуск банкнот стал привилегией одного или немногих центральных банков, которые являлись государственными концессионерами и которые одни только были уполномочены выпускать банкноты и производить с ними операции. Доходы от этих операций они должны делить с государством, предоставляя ему беспроцентные или с пониженным процентами займы.

Их операции регулируются и контролируются государством. Государство точно определяет максимальный контингент непокрытых банкнот, который может быть выпущен, а также относительную величину металлического запаса, которым они должны обладать.

Это последнее правило очень часто ложно понимается. Нередко предполагают, что ценность, которую представляют банкноты, зависит от высоты золотого покрытия; она, якобы, падает и поднимается вместе с ней. Так, например, Умбрейт писал в статье «Gewerkschaftliche Fragen zur Uebergangswirtschaft», помещенной 9 февраля 1918 г. в «Korrenspondenzblatt» Генеральной Комиссии профессиональных союзов (Германии): «если наш золотой запас уменьшится, то вместе с тем уменьшится и ценность наших денег».

Нет ничего более ошибочного, нежели подобное утверждение. Пока банкноты размениваются на золото, их ценность всегда равна ценности того количества золота, которое они представляют согласно имеющейся на них надписи. Золотой запас предназначен исключительно для обеспечения разменности банкнот. Он может быть очень незначителен в стране, где производство платежей банкнотами стало общепринятым и где золото применяется почти исключительно для сделок на мировом рынке.

Падение банкнот ниже золотой ценности может иметь место только там, где прекращен их размен на золото, где каждый по этому вынужден принимать их в платежи вместо золота. А это может иметь место лишь для банкнот банка, пользующегося государственной привилегией, на основании особого государственного указа. В таком случае банкноты приобретают характер государственных бумажных денег с принудительным курсом. О таких бумажных деньгах мы уже говорили в предыдущей главе. При отсутствии размена ценность банкнот может упасть. Но там, где имеет место подобное явление, оно произойдет не вследствие сокращения золотого запаса банка, но в силу того, что количество выпущенных банкнот будет превосходить потребность товарного обращения. Стало быть, ценность банкнот, размен которых прекращен, будет зависить не от высоты покрытия, но от отношения их количества к ценности обращающихся товаров и к быстроте обращения.

А. Швонер (Вена) несколько смело пишет в «Neue Züricher Zeitung» 25 февраля 1918 г. о финансовом положении Австрии следующее:

«Сомнения вызывает не столько количество находящихся в обращении банкнот само по себе, сколько то, что это количество ненормально велико. На 7 декабря 1917 г. оно составляло в Австро-Венгрии 17,7 миллиардов крон против 3 миллиардов крон в начале войны. Стало быть, оно возросло на 14,7 миллиардов, из коих 13,2 миллиарда падает на долги обоих государств б. монархии центральному банку и 1,5 миллиарда падает на другие статьи.

Иначе обстоит дело с нашим золотым наличием. В мирное время банк имел вполне достаточное золотое покрытие банкнот... Между тем как наличие золота в банке за время войны сократилось с 1.150 до 324 миллионов крон.

...Это—минимальная доля покрытия громадного размера банкнот в обращении... Но мы не принадлежим к слепым поклонникам золота. Производительная сила сильнее золота».

Конечно, это последнее предложение звучит красиво, но оно страдает одной ошибкой. Эта ошибка заключается в том, что золото есть средство товарного обращения, между тем как производительные силы таковыми не являются; производительные силы не могут заменить золота в этой его функции. Но мы сходимся со Шпонером в том, что мы—не слепые поклонники золота.

Именно поэтому мы оцениваем характерные черты австрийского денежного обращения совершенно иначе, нежели это делает он. Он считает рост обращения банкнот менее опасным, чем уменьшение золотого покрытия. Мы же держимся обратного мнения. Если бы обращение банкнот осталось неизменным, то их ценность не изменилась бы при одинаковом обращении и одинаковой быстроте циркуляции товаров, если бы даже покрытие пало с 1.200 до 300 миллионов. Напротив, всякий выпуск банкнот сверх потребности обращения понизил бы их ценность, если бы даже золотое покрытие соответственно повысилось.

Не мало есть людей, полагающих, что обращение банкнот можно по желанию расширять, если только одновременно возрастает золотое покрытие. Некоторые же идут еще дальше. Они отождествляют покрытие с залогом. Это по существу совершенно неверно. Золотое покрытие имеет своей целью дать возможность каждому обладателю банкнот, нуждающемуся в золоте, обменять банкноты на золото (металл), являющееся подлинным средством обращения. Ибо банкнота циркулирует лишь как ордер (ассигновка) на золото.

Напротив, если я получаю кредит и оставляю залог, то этот последний является не деньгами, но товаром. Я отдаю этот последний как раз потому, что он не является деньгами, а между тем я нуждаюсь именно в деньгах. Я закладываю товар вместо того, чтобы его продать, либо потому, что в данный момент он не может быть продан, либо потому, что я не хочу от него отказаться на длительное время.

Залоговое свидетельство есть право на товар, а не на деньги. Люди, не имеющие представления о сущности денег, воображают, что всякий документ (мандат) на какую-либо ценность может функционировать в качестве денег. И так как они думают, что в зависимости от покрытия возможно по собственному усмотрению увеличивать число выпускаемых банкнот, то они делают дальнейший вывод в том смысле, что в зависимости от количества заложенного имущества соответственно может быть увеличено также число банкнот.

В качестве подобного об'екта залога часто рассматривается земля. Если бы государство конфисковало, скажем, на миллиард марок земельных угодий, то оно могло бы выпустить на такую же сумму бумажные деньги, полностью покрытые реальными ценностями. Подобная идея была исходным пунктом выпуска ассигнатов Великой Французской Революции.

Она блуждает и поныне в некоторых головах.

Так, например, Дамашке в своей работе «День возвращения домой» высказывается за создание «поселков для лиц, принимавших участие в войне». Вопрос о том, откуда получить необходимые для этого средства, доставляет ему мало забот. Для этого достаточно просто заложить создаваемые в первую очередь поселки указанного назначения и в пределах общей суммы их ценности выпускать свидетельства ссудных касс (Darlehenskassenscheine)..

Он пишет:

«За время войны мы сделали крупный шаг вперед. До этого времени никогда не решались выпускать деньги, которые не были бы покрыты золотом (Г. Дамашке, повидимому, раньше никогда не слышал о бумажных деньгах. К. Каутский). За время войны ряд лиц впал не по своей вине в нужду; таковы, например, фабриканты, которые не смогли вывезти свои товары, купцы, имущество которых находилось в колониях, собственники иностранных ценных бумаг и т. д. Для того, чтобы этим лицам притти на помощь, мы создали свидетельства ссудных касс. Благодаря им стало возможно закладывать указанные выше ценности под их обеспечение. Этот шаг не встретил никаких возражений. Обычно мы никогда не знаем, стоят ли на бумажных деньгах слова «государственная банкнота» или же слова «свидетельство ссудной кассы».

В общем это совершенно безразлично. Главное значение играет не кусок золота, хранящийся в подвалах Государственного Банка, или залог в ссудной кассе, а то, что германское государство отвечает за обязательства своим порядком, своей налоговой способностью и честью». (Стр. 20).

Во всех положениях, выставляемых г. Дамашке, как впрочем и у всех, кто пишет теперь о денежном обращении, не замечается ни малейшего понимания того, что количество денег, представляющее определенную ценность, определяется и ограничивается ценностью находящихся в обращении товаров. Согласно Дамашке, город, у которого заложено чужое имущество на сумму в 100 миллиардов, может выпустить бумажных денег на 100 миллиардов.

Свидетельства ссудных касс и банкноты, если они становятся неразменными, подчиняются тем же законам, что и бумажные деньги (о которых уже говорилось в предыдущей главе). Разменные же банкноты, напротив, по существу отличны от бумажных денег уже по своему происхождению. Бумажные деньги возникают в силу нужды государства в средствах для производства платежей. Банкноты же возникают вследствие нужд товарного оборота. Они могут стать орудием развития этого последнего, средством увеличения производительных сил и поднятия товарного производства на высшую ступень.

В предыдущей главе мы уже говорили, что бумажные деньги в известных пределах сберегают тот труд, который (если бы не было бумажных денег) был бы затрачен на производство металлических денег, что они таким образом освобождают рабочие силы, которые можно применять на создание потребительных ценностей. Банкноты служат той же цели в более рациональной форме.

Бумажные деньги и банкноты не только увеличивают количество рабочей силы, производящей потребительные ценности (поскольку своим существованием они освобождают рабочую силу от производства добавочного количества металла). Они дают возможность значительно быстрее увеличивать количество средств обращения, нежели это оказалось бы возможным путем одной только добычи золота. Таким образом устраняются рамки, стоящие на пути быстрого развития товарного производства, ибо связанное с развитием товарного производства расширение товарного обращения нуждается в определенном количестве добавочных денег. Количество ценностей, находящихся в процессе обращения, возрастает не только вместе с ростом населения, т. е. с ростом количества рабочей силы. Это расширение должно усиливаться даже при неизменной рабочей силе, если только производство для собственного потребления быстро сокращается, а для продажи растет. Ибо только это последнее, а отнюдь не первое требует денег для обращения товаров.

Только в капиталистической стадии своего развития товарное производство становится всеобщей формой общественного производства. Развитие же товарного производства в этой стадии в 16 и 17 веках было ускорено притоком большого количества золота и серебра из Америки в Европу, что значительно увеличило находящееся в обращении количество денег. Этот поток благородных металлов в течение 17 века все более замедлялся. Но зато крупные эмиссионные банки, возникшие в 18 столетии, выпустили большое количество денег, которые имели то преимущество, что они не отвлекали подобно добыче золота и серебра рабочей силы от создания потребительных ценностей.

Благодаря выпуску банкнот оказалось возможным использовать и приспособить находящуюся в обращении денежную массу к наиболее быстрому и упругому расширению выбрасываемой для продажи товарной массы.

8. Вексель и чек.

Одновременно с появлением банкнот возникают методы, которые не создают новых наличных денег, но которые экономят таковые, ускоряя их обращение и тем самым содействуют увеличению интенсивности товарного производства, что происходит, например, при ускорении транспорта товаров. Некоторые из этих методов становятся особенно важным для международного товарооборота. В последнем банкнота не играет никакой роли. Однако, в то же время вместе с увеличивающимися количествами ценностей и территориальным расширением сферы международного товарооборота растут неудобства и затруднительность платежей в золоте. Сверх того об'ем международного оборота стремится к более быстрому росту, чем добыча золота.

Для целей международного оборота появляется в е к с е л ь, а для целей оборота внутреннего—ч е к. Оба приобретают большое значение благодаря тому, что они облегчают сведение взаимных расчетов, расширяя область их применения.

Мы уже говорили о банковских вкладах и вывели происхождение банкноты из своего рода права вкладчика распоряжаться своим вкладом. В настоящее время он (вкладчик) пользуется этим правом иным порядком, а именно посредством поручения платежа—чека, которым поручается банку произвести за счет вклада платеж третьему лицу. Если это третье лицо обладает вкладом в том банке, то платеж может произойти без наличных денег, а именно: в книгах банка вклад первого лица уменьшается на сумму чека, а вклад второго соответственно увеличивается (жиро).

Чем крупнее банк, чем шире об'ем его операций, чем многочисленнее его филиалы, тем чаще будет иметь место указанный случай взаимных расчетов. Бо́льшая часть крупнейших предприятий (Германии) пользуется для жиро-операций Германским Государственным Банком (Рейхсбанком). В 1910 году при ежедневном обороте Рейхсбанка в один миллиард марок было истребовано наличными деньгами только $\frac{1}{8}$ миллиарда. На каждые 100.000 марок оборота всех операций Рейхсбанка пришлось банкнотного обращения всего на 500 марок [1]).

При этом развиваются такие расчетные операции, посредством которых крупные предприятия, а именно банки, регулируют свои взаимные требования. И только остающуюся разницу (сальдо или балансы) они выплачивают друг другу наличными деньгами или переводят посредством жиро. Насколько крупное развитие получили эти операции, усматривается из нескольких цифр, которые мы берем из только что цитированного труда Шульце-Геверница.

Обороты Рейхсбанка составляли:

	В 1891 году миллиардов марок.	В 1913 году миллиардов марок.
По жиро-обороту	81,0	379,2
По расчетным сделкам	17,6	73,6
Итого	98,7	452,8
Из них сделок на наличные	24,3	43,4
Наличн. расчеты в процентах к общему обороту	24,7%	9,6%

Совсем отличный от чека характер имеет вексель. Он является не приказом о платеже, но платежным обязательством. Вексель может быть платежным обязательством двоякого рода: 1) прямым платежным обязательством, в котором Иванов обязуется уплатить Петрову в определенный срок определенную сумму (с о л о - в е к с е л ь); 2) косвенным платежным обязательством, сопровождаемым приказом о платеже,—на-

[1]) G. Schulze—Gaevernitz. Die Deutsche Kreditbank. Grundriss der Sozialökonomie, V Abt., II Teil—Bankwesen. Tübingen, Mohr. S. 41.

пример, Петров дает приказ Иванову уплатить ему, Петрову, лично или третьему лицу определенную сумму в определенный срок (тратта или переводный вексель). Последнего рода вексель становится действительным лишь после того, как Иванов акцептировал его, т. е. посредством своей подписи, своего акцепта, признал требование Петрова действительным; этим путем приказ делается обязательством.

Платежные обязательства в области международного товарооборота регулируются большею частью именно путем тратт. Германские экспортеры в Англию выдавали векселя на английских импортеров, а английские экспортеры выдавали векселя на германских импортеров.

Экспортеры обеих стран продавали свои векселя, срок которым наступал лишь позднее, банкам, либо получая за них наличные деньги, либо соответственно увеличивая размеры своих вкладов. Таким образом в обеих странах векселя стекались в немногочисленных центральных учреждениях, которым было нетрудно обменять взаимные обязательства одной страны к другой. И в этом случае так же, как и чековом обороте, наличными деньгами должно было быть оплачено только сальдо или платежный баланс, причем деньгами могло быть лишь золото.

Итак, золото остается фундаментом того громадного здания, которое воздвигается указанным порядком. Тем не менее его доля в денежной массе делается все незначительней. Доля банкнот также сокращается сравнительно с денежными суммами, которые значатся в одновременно обращающихся чеках и векселях и которые записываются или списываются в книгах счетов.

Банкноты, чеки и векселя представляют собой деньги или превращенные в форму денег товарные ценности, которые еще не превращены обратно в форму новых товаров.

Если доля золота в общей массе денег сокращается, то абсолютное количество золотых монет, наоборот, увеличивается вместе с продолжающейся добычей золота. Золото остается измерителем ценности всех товаров и при все увеличивающемся обращении денег в других (кроме золота) формах; и каждая сумма денег в другой (кроме золота) форме выражается суммой золота. Как бы широко ни развилось бумажное обращение, как бы ни казалось могущественным его господство, оно все таки остается под диктатурой золота. Никакое бумажное обращение не может ничего изменить в этом положении вещей. Золото остается единственным надежным базисом капиталистического оборота. Все прочие виды денег являются, в сущности говоря, лишь свидетельствами о готовности заплатить золотом и могут функционировать в качестве денег лишь постольку, поскольку то, о чем они свидетельствуют, принимается за чистую монету. И как только исчезает доверие и кредит, тотчас же все здание кредитных денег колеблется и грозит развалиться.

С другой стороны, облегчает циркуляцию кредитных денег то обстоятельство, что голые свидетельства превращаются в чистую монету.

Чем больше денежное хозяйство впитывает в себя элементов доверия, тем чувствительнее оно становится ко всякому обману, тем, далее, оно шире открывает этому последнему двери. И чем больше неуверенности, тем пышнее расцветает спекуляция.

9. Фиктивный капитал.

Указанное положение достигает высшего развития благодаря тому, что к фиктивным деньгам присоединяется фиктивный капитал. Мы уже видели, что денежный капитал ищет своего помещения в предоставлении займов под проценты.

До возникновения промышленного капитала процент обусловливается вымогательством, использованием стесненного положения должника. Высота его зависит поэтому всецело от степени указанного стесненного положения.

Совершенно иным становится положение вещей, когда заем становится средством, способствующим развитию промышленности, средством приобретения прибавочной ценности не только для кредитора, но также и для должника.

Закономерность в действии делового оборота и конкуренции обусловливает закономерность прибыли и процента. При всех незначительных колебаниях текущего дня, средняя ставка прибыли, а равно и средняя ставка процента становятся нормальными ставками для всех солидных предприятий. Вместе с тем становится настолько общепринятым вкладывать в банк или другое подобное ему предприятие под проценты каждую

сумму, в которой не нуждаются немедленно, что в представлении деловых людей процент делается естественным продуктом денег.

«Создавать ценность—приносить процент становится таким же свойством денег, как свойство грушевого дерева приносить груши» [1]).

Если в человеческом сознании представление о денежном капитале и проценте нераздельно связаны друг с другом и процент предполагается всюду, где есть денежный капитал, то очень близко примыкает к этому и обратное предположение—денежный капитал предполагается там, где происходит регулярная уплата процентов. И если средняя процентная ставка является определенной величиной, то за определенным количеством денег, доставляемым уплатой процентов, предполагается также определенное количество денежного капитала.

Таким образом возникает новая форма ценности и капитала, которая является не продуктом труда, а простого исчисления,—форма, которую Маркс называет ф и к т и в н ы м или иллюзорным капиталом. Если право на получение процентов устанавливается бумагой, то последняя становится ценной бумагой, товаром, который продают и покупают, как всякий другой товар.

За фиктивным капиталом может стоять капитал реальный (Wirkliches Kapital), например, продукт труда,—средства производства и деньги для уплаты заработной платы. Но ценность фиктивного капитала не измеряется ценностью капитала реального.

Возьмем для примера какое-либо акционерное общество, например, фабрику. Курс акций измеряется не по ценности фабричного инвентаря и сырого материала или имеющихся наличных средств, а по высоте дивиденда, который они приносят. При основании фабрики акционерный капитал был равен действительно вложенному в фабрику капиталу, например, 10 миллионам, курс акции соответствовал их номинальной стоимости и был равен, например, 1.000. Если принятая в данной стране средняя процентная ставка равняется 5, но если вместе с тем годовой доход общества достигает 1 миллиона, а дивиденд, следовательно, 10% акционерного капитала, то его акции поднимутся до 2.000. Если общество продолжает ежегодно получать доход в 1 миллион, а принятая процентная ставка понижается до 4%, то курс акций достигнет 2.500.

И за бумагами государственного займа может стоять действительный капитал, если, например, доход от займа расходуется на железнодорожное строительство. Но расходуется ли доход от одного займа производительно, а доход от другого—непроизводительно,—это не оказывает никакого влияния на цену облигации: облигации и того и другого займа могут иметь одинаковую цену. Их курс меняется в зависимости от принятой процентной ставки.

Не только действительные, но даже и ожидаемые проценты создают фиктивный капитал. Так, например, незастроенный земельный участок, если он может быть использован под постройку, получает ценность в зависимости не от процентов, которые он сам приносит, а в зависимости от тех процентов, которые приносят соседние дома и которые он также мог бы приносить, если бы был застроен.

При основании каждого акционерного общества ценность его акций базируется сначала только на обещанных дивидендах.

Это делает возможным и облегчает появление дутых предприятий и содействует также тому, что ни на что другое цены не колеблются так сильно, как на фиктивные ценности, которые вследствие этого делаются главными об'ектами спекуляции, концентрирующейся и бушующей на бирже, этом рынке для всякого фиктивного капитала.

С одной стороны, денежный и кредитный механизм капиталистического производства делается все более чувствительным. С другой стороны, одновременно растут потрясения, которым оно время от времени подвергается. Таким образом, казалось бы, капиталистический способ производства должен был бы, в конце-концов закончиться хаосом, всеобщей экономической анархией, которую мог бы укротить только социализм.

Между тем в рамках самого капитализма появилось противодействие,—не столько вследствие образования картелей (на которых мы поэтому не остановимся), сколько вследствие развития банков.

---

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. III, ч. 1, глава 24. Перевод под ред. В. Базарова и И. Степанова. Гос. Изд. Москва—Петроград. 1923 г. Стр. 378.

Мы уже видели, как централизация банкового капитала делается все более заметной. Одновременно банки все более становятся держателями всех денег, которые не получают немедленного применения. Становясь же держателями чужих денег, банки получают возможность распоряжаться этими деньгами. В той же мере, в какой увеличиваются вклады в банки, возрастает и сумма чужого (занятого) капитала, применяемого в промышленности. Промышленность получает этот капитал от банков в самых разнообразных формах. Единичный капиталист становится все более зависимым от своего банка, а последний получает все большее влияние на его операции.

Чем крупнее банк, тем шире круг капиталистов, им контролируемых, тем больше его влияние на общее положение дел, тем больше он имеет возможности вмешиваться в операции капиталистов, препятствуя одним и поощряя других.

Этим, однако, не исключается возможность какого-либо мошенничества или спекуляции. Именно банки предоставляют наиболее крупные средства и возможности мошенникам и спекулянтам. Но крупные центральные банки получают все большую возможность препятствовать всякому мошенничеству или спекуляции, которые им не подходят, от которых они не имеют никакой выгоды, которые, наконец, кажутся им опасными для их собственного влияния и их собственных операций. Кроме того, величина доходов, которые они получают от нормальных операций, настолько сильно возрастает, что они легко отказываются от рискованных операций малозначительного об'ема. Их еще интересуют лишь крупные спекуляции такого гигантского размаха, которые могут перевернуть целые государства. Спекуляции крупных банков становятся наиболее значительной пружиной империализма.

В области денежных отношений единичных капиталистических предприятий между собой крупные банки все больше заменяют анархию свободной конкуренции своим деспотизмом. В этом противоречии между растущим деспотизмом и растущей анархией функционирует (движется) в настоящее время капиталистическое производство.

10. Платежный баланс.

Понижение валюты, т. е. ценности обращающихся в стране денег, проявляется в неблагоприятном вексельном курсе.

Понижение ценности денег—явление, которое не ограничивается одной только Германией, но в большей или меньшей степени может быть наблюдаемо во всех ведущих войну державах [1]).

Его экономический вред мы уже установили в главе о бумажных деньгах. Там же мы указали на чрезмерный выпуск бумажных денежных знаков как на важнейшую причину этого вреда.

Для вексельного курса к этому присоединяется еще одна причина: неблагоприятный платежный баланс. И хотя при изучении валютного вопроса большею частью принимается во внимание только он один, все-таки он не является важнейшим моментом.

Вексельный курс становится неблагоприятен. Это значит, что курс иностранных денег становится выше курса туземных денег. Это имеет место тогда, когда платежный баланс оказывается пассивным, т. е. когда страна должна произвести за границу больше платежей, чем получить таковых из-за границы. Это имеет место, в частности, тогда, когда страна больше ввозит товаров, чем вывозит, и когда вместе с тем этот излишек не может быть выравнен исполнением каких-либо платежных обязательств за границу.

Для большей ясности мы постараемся представить механизм колебаний вексельного курса в наиболее простом виде, без вмешательства банков. Возьмем для примера две страны, которые ведут между собой торговлю,—например, Россию и Германию. Россия посылает в Германию товаров на 2 миллиарда марок, а последняя посылает в Россию товаров на 1½ миллиарда рублей, равных 3 миллиардам марок. Русские экспортеры получат векселя на Германию в 2 миллиарда марок. Наоборот, русские импортеры должны будут уплатить Германии 1½ миллиарда рублей, равных 3 миллиардам марок. Простейшее средство произвести этот платеж состоит в том, что они

[1]) Писано Каутским в марте 1918 года. (Ред.)

скупают выданные на Германию векселя. Посредством этой скупки русские экспортеры получают деньги, которые должна Германия России. Однако, русские импортеры ищут больше векселей (3 миллиарда), чем их выпущено (2 миллиарда): на Германию векселей спрашивается на 1 миллиард больше, чем предлагается. Цена этих векселей поднимется.

Повышение курса иностранных векселей не сможет, однако, превысить известного предела, если существует обмен банкнот на золото и если, следовательно, капиталист имеет возможность придать своим деньгам форму золота, которая одна имеет ценность на международном рынке. Векселей на заграницу ищут для того, чтобы избежать издержек и трудов по пересылке золота. Чем выше подымается вексельный курс, тем выгоднее становится вместо покупки векселей пересылать золото. Как только вексельный курс достигнет предела, начиная с которого пересылка золота становится более выгодной, чем покупка и пересылка векселей, тотчас же повышение прекращается. Этот предел называется золотым пределом, золотой точкой. Золотая точка лишь немного отстает от ценности золота. Вексельные курсы колеблются постоянно, но в нормальное время в незначительных пределах.

Изложенное, однако, действительно лишь при разменности банкнот на золото. Если в какой-либо стране нельзя достать золота, то указанной границы повышения вексельного курса, по отношению к странам, где оно есть, или где его легче достать, не существует. Он может повышаться неограниченно. И в виду этого цены на импортируемые товары становятся все выше, причем невозможно точно установить, в какой степени это может быть отнесено за счет обесценения собственных бумажных денег, которое также повышает цены на произведенные внутри страны товары, и в какой степени—за счет неблагоприятного торгового баланса.

А как раз такое положение создалось в течение войны для большинства воюющих государств. Ликвидация такого положения составляет задачу периода перехода народного хозяйства от военного состояния к мирному. При этом, однако, народное хозяйство попадет в жестокий внутренний конфликт.

Неблагоприятный платежный баланс стран, ведущих войну, в первую очередь основывается на их неблагоприятном торговом балансе. Вследствие недостатка рабочих сил свертывались отрасли промышленности, работавшие на экспорт, в то время как внутреннее потребление под влиянием военных потребностей росло. Это вело к сокращению вывоза и к увеличению ввоза и, стало-быть, к ухудшению торгового баланса воюющей страны.

Для того, чтобы сделать платежный баланс более благоприятным, необходимо поэтому в переходный период ликвидации военного хозяйства радикально изменить положение вещей, сжимая ввоз и увеличивая вывоз. На пути к этому мы встречаем, однако, препятствия материального характера. Каким образом промышленность, работающая на вывоз, сможет быть вновь приведена в движение, если она не имеет достаточного количества сырья? Восстановление промышленности требует ввоза, главным образом, сырья, а не продуктов промышленности. Для получения же сырья ввоз должен быть возможно расширен. Но, ведь, одновременно его хотят как можно более ограничить, чтобы улучшить платежный баланс!

Могут сказать: необходимо не допускать к ввозу не иностранное сырье, но фабрикаты. Однако, при этом забывают, что подобное ограничение напоминает собой «сказку про белого бычка». Если я буду запрещать ввоз иностранных фабрикатов путем принудительных мер, то прочие государства отплатят мне той же монетой. А между тем для улучшения торгового баланса необходимо усиление вывоза.

Следует вместе с тем отметить, что падающая валюта, повышающая цены иностранных продуктов, имеет то же действие, что и охранительная пошлина.

В большинстве случаев действие падающей валюты даже сильнее, чем это желательно. Мы не можем получить достаточного количества сырья. Приходится опасаться не того, что ввоз его будет слишком велик, но, наоборот, того, что он окажется недостаточным. Лишь только после того, как промышленная страна получила необходимое для нее сырье, она может думать о восстановлении своей экспортной промышленности и, следовательно, об улучшении своего торгового баланса.

Как же оплатить сырье? Откуда взять для этого деньги?

Тот, кто не имеет своих собственных денег, думает о деньгах других—о займе. Путем займа за границей, конечно, возможно временно улучшить неблагоприятный платежный баланс и одновременно произвести за его счет закупки сырья и, оживляя, таким образом, экспортную промышленность, открыть пути для улучшения торгового баланса.

Но не следует базироваться на иностранных займах. Мировая война слишком истощила все государства и одновременно усилила их стремления к заключению иностранных займов, чтобы кто-либо из них мог твердо рассчитывать на финансовое подкрепление из-за границы.

Однако, не следует на этом основании отчаиваться. Если из-за границы ничего нельзя ожидать, то не следует забывать, что каждое государство обладает внутри страны определенным количеством денег, которые могут быть использованы в качестве мировых денег. Мы говорим о золотом запасе, которым государство обладает либо в качестве собственного государственного фонда, либо в качестве фонда центрального эмиссионного банка.

Грубейшей ошибкой теории денег, господствующей в банковских кругах, является убеждение, что этот золотой запас не может быть использован. Не нужно быть защитником бумажного обращения, чтобы, признавая, что золото является необходимым базисом для денежного обращения как в качестве мерила ценности, так и в качестве мировых денег, вместе с тем считать совершенно ошибочным слепое «цепляние» за золотой запас.

Ибо оно основывается на ложных воззрениях—будто бы ценность банкнот зависит не от отношения их количества к ценности обращающейся товарной массы, но от величины их металлического покрытия. В действительности же золотой запас существует не для поддержания ценности банкнот, но как резервный фонд для заграничных платежей, производимых в золоте, если только эти платежи не покрываются взаимно. Предназначение этого фонда заключается именно в том, чтобы делать возможными платежи за границу в золоте,—платежи, которые иным способом не могут быть покрыты—и чтобы таким образом выравнивать платежный баланс.

Конечно, государство, не обладающее необходимым количеством золотых приисков, окажется не в состоянии длительно оплачивать ввоз товаров золотом. При этом может быстро истощиться также и крупнейший золотой запас.

Однако, при экстраординарных обстоятельствах можно себе позволить основательно «использовать» кассу. Именно для этого и существует резервный фонд. Полководец, который вводит в бой свои резервы преждевременно и без нужды, с точки зрения тактики поступает неумно. Но не менее глупо поступает и тот полководец, который эти резервы трусливо задерживает в момент, могущий обеспечить победу. Если, благодаря этому он проиграет битву, то плохим утешением будет то, что резервы остались нетронутыми, чтобы прикрывать отступление.

Никогда ни одно государство не испытывало такой крайней необходимости расходовать свой золотой запас на закупки за границей, какую принуждены будут испытать в этом расходовании воюющие государства непосредственно по окончании войны.

Использование золотого запаса для закупки сырья за границей было бы к тому же наиболее целесообразным мероприятием для регулирующего вмешательства государства в импортные дела. На ряду с огосударствлением каменно-угольной промышленности и крупного землевладения, а также на ряду с государственным регулированием коммунального земледелия, использование государственного золотого запаса явилось бы лучшей возможностью привести в порядок расстроенный процесс производства. Это мероприятие, а именно установление определенной линии поведения при регулировании ввоза, целесообразнее, чем гнетущий аппарат запрета ввоза или же монопольных закупочных товариществ.

Само собой разумеется, что мы имеем в виду при этом государство, в котором бюрократия не управляет автократически.

Не следует опасаться, что при вывозе золота государство лишится всего своего золотого запаса. Опасность кроется скорее в том, что оно использует его недостаточно.

Мы, ведь, знаем, что в каждой стране обращение денег при известных условиях может воспринять лишь определенное количество золота или золотой ценности.

Если все государства, оказавшиеся дефицитными в отношении потребительных ценностей, придут к тому, что будут откупаться от тех немногих государств, которые после войны производят излишки, то в этих последних накопится большое количество золота, которому они не найдут никакого применения. В некоторых из нейтральных государств зачатки подобных явлений имели место уже во время войны.

Но деньги, как говорил еще Рошер, являются «приятным товаром» лишь потому, что они обладают приятным качеством, давая возможность покупать за них любой товар. Деньги же, за которые я не смогу купить товар, теряют свою потребительную ценность, ибо таковая заключается исключительно в их способности приводить товары в движение.

И если экспортирующие сырье государства за свои товары получают только золото, а не фабрикаты; то это может им показаться плохим обменом и они могут притти к запрету дальнейшего ввоза золота, в противоположность господствующей ныне практике запрета вывоза золота.

Но подобная опасность, конечно, не может служить основанием для отказа индустриальной страны от возможно большего использования своего золотого запаса в целях приобретения сырья из-за границы до тех пор, пока страны, обладающие избытком сырья, не запрещают ввоза золота. И чем скорее, сильнее и энергичнее будут осуществлены эти мероприятия, тем больше будут их достижения.

11. Выравнивание ценности банкноты с золотом.

Когда мы защищаем вывоз золота, то этим самым мы вовсе не имеем в виду говорить в пользу чистого бумажного обращения. В качестве мерила ценности и мировых денег золото незаменимо, оно должно в каждой стране оставаться базисом системы денежного обращения. Однако, для этого вовсе не необходимо, чтобы во внутреннем обращении золотые монеты снова (как и до войны) свободно обращались, и чтобы они всегда могли быть по желанию беспрепятственно обменены на банкноты. Бумажные деньги или банкноты могут быть единственным средством обращения для внутреннего рынка. Они должны быть только приведены в определенное ценностное соотношение с золотом с тем, чтобы согласно этому соотношению банкноты обменивались на золото, в случае, если оно спрашивается для промышленных нужд или для иностранных платежей.

Чтобы разрешить указанную задачу, государство, конечно, должно иметь в наличности золото. Государство не должно поэтому совершенно освобождаться от золота. Но для разрешения указанной задачи ему вовсе не нужны такие громадные золотые запасы, какие в настоящее время собраны в кладовых крупных банков. Не от высоты золотого покрытия банкнот зависит паритет между золотом и банкнотой, но от количества выпущенных в обращение банкнот.

Имеются различные методы, чтобы сделать бумажные денежные знаки вновь равноценными золоту.

Какой бы из этих методов ни избрать, каждый из них требует предварительного условия, которое при всяких обстоятельствах должно быть выполнено. Первым шагом для оздоровления денежного обращения должно быть полное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денежных знаков, какое бы наименование они ни носили. Это относится к заемным свидетельствам (обязательствам) государственного казначейства, так же, как и к банкнотам.

После того, как осуществлено это предварительное условие, можно итти по двум путям превращения бумажного хозяйства в золотое. Первый путь—это более или менее быстрое повышение ценности бумажных денег, осуществляемое до тех пор, пока они не уравняются с ценностью золота. Второй путь—это закрепление (фиксирование) того ценностного соотношения между бумажными деньгами и золотом, какое установилось к концу войны.

Быстрее всего указанная цель может быть достигнута первым путем. Устанавливается количество банкнот, превосходящее потребности обращения и платежей и на это (избыточное) количество открывается подписка на заем, выручка от которого

используется для из'ятия соответствующего количества банкнот из обращения. Если бы обращение требовало 6 миллиардов в золоте, банкнот же выпущено по номинальной ценности на 12 миллиардов, то достаточно займа в 6 миллиардов, чтобы сделать банкноты равноценными золоту.

Но независимо от того, что крупные займы после войны могут быть реализованы с трудом, при указанной выше разнице между бумажными знаками и золотом, эта операция будет означать собой внезапный скачек ценности денег и полнейший переворот всех цен. Первым последствием такого оздоровления были бы тяжелые замешательства в сфере товарного обращения.

И только там, где разница между бумажными знаками и золотом незначительна, составляя всего несколько процентов, оздоровление денежной системы могло бы осуществиться при посредстве займа.

Другая же система, проводимая медленнее, но исключающая резкие пертурбации и ничего не стоющая (в смысле расходов), заключается в том, что по-просту «ничего не делают», ограничиваясь прекращением дальнейших выпусков бумажных денег.

С развитием товарного производства и увеличением населения из года в год увеличивается размер продукции и количество поступающих в обращение товарных ценностей. Вместе с тем возрастает также потребность в новых количествах денег. Таким образом, циркуляторная ценность (Zirkulationswert) находящейся в обращении массы бумажных денег возрастает из года в год. Если эта масса остается неизменной, то увеличивается ценность каждой из ее составных частей, каждого бумажно-денежного знака, пока он не достигает ценности одноименной золотой монеты.

Этот путь был избран, например, Соединенными Штатами Северной Америки после великой гражданской войны, продолжавшейся с апреля 1861 г. по май 1865 г. и доведшей государственные расходы, предположительно исчисленные для 1861/62 г. в размере 680миллионов долларов, до 1.900 миллионов рублей. Пришлось прибегнуть к повышению налогов и займов. А на ряду с этим и к выпуску бумажных денег. В 1862 г. было выпущено в обращение на 73 миллиона долларов государственных бумажных денег (названных greenback'ами по их зеленой оборотной стороне) [1]). В 1864 г. гринбеков было выпущено уже на 415 миллионов долларов. Следствием все растущих выпусков было все увеличивающееся обесценение денег и повышение цен. В том же 1864 г. ажио золота достигло 185 процентов.

После войны была сделана попытка не сразу, но мало-по-малу уменьшить количество greenback'ов (гринбеков) путем ежемесячного извлечения их до 4 миллионов долларов. Мероприятие это натолкнулось, однако, на сопротивление. От него пришлось отказаться. И с 1868 года количество гринбеков оставалось в общем неизменным, составляя в то время 328 миллионов долларов. Ценность их возрастала из года в год. Соединенные Штаты дорастали до своего слишком широкого вначале платья бумажных денег, пока оно, наконец, не пришлось им впору. В 1879 году золотой и бумажный доллар стояли уже на одном уровне. До этого же времени приходилось мириться с неудобствами бумажного хозяйства.

Конечно, нечего и думать о том, чтобы какое-либо из участвовавших в современной войне государств, подобно Америке, переживет такой быстрый под'ем. Ведь победа над работорговцами Юга предоставила крестьянину Севера большие участки земель, при том девственных, которые даже при поверхностной обработке, без удобрений сначала приносили богатые урожаи.

Таким образом, там было открыто широкое поле для применения новой рабочей силы, что привлекло многочисленных переселенцев из восточных стран и Европы. Именно, в период с 1864 г. по 1879 г. наступила эра переполнения Европы американским хлебом и мясом. С 1860 г. по 1880 г. население Америки выросло с 31 до 50 миллионов. Число крестьянских хозяйств удвоилось (возросло с 2 до 4 миллионов), производство пшеницы увеличилось с 173 до 499 миллионов бушелей. Для подобного расцвета Европе недостает всех предпосылок—как свободных земель, так и новых людей.

---

[1]) Greenback—английское слово и по-русски буквально значит «зеленая оборотная сторона» (*Прим. ред.*).

Сокращение рождений достигает, во всяком случае, силы французского, эмиграционное движение рабочих отнимет у Европы больше рабочей силы, чем даст ей таковую.

Единственной страной, в которой могли бы в ближайшие годы создаться условия подобные тем, которые были в Соединенных Штатах после гражданской войны, является Россия.

Таким образом, незаметное и безболезненное вростание европейского капитализма в широкую одежду из бумажных денег, которую она падела вместо своего плотно облегающего ее члены золотого панцыря, столь же сомнительно, как и незаметное вростание в государство будущего.

Не оказалось ли бы, тем не менее, возможным содействовать росту ценности бумажных денег способом, каким это пытались сделать вначале в Соединенных Штатах,— именно путем извлечения ежемесячно известного количества денег,— и таким образом постепенно без резких пертурбаций повысить их ценность? Как мы уже видели, процедура эта встретила в Соединенных Штатах сопротивление. Почему?

Мы уже указывали выше, что в понижении ценности денег и, стало быть, в повышении цен заинтересован ряд элементов населения. Цены, которые подымаются, являются бумажными ценами внутреннего рынка, а не золотыми ценами в мировом обороте. Так как заработная плата не возрастает в той же мере, в какой возрастают цены на продукты, то последние,—несмотря на рост бумажных цен,—производятся, если выразить издержки их производства в золоте, дешевле, чем производятся при таких же условиях подобные же продукты в стране с золотым обращением. Таким образом, понижающаяся ценность бумажных денег может действовать как охранительная пошлина. С другой строны, падающая ценность бумажных денег оказывается на руку дебиторам, заключившим долгосрочные займы, так как они погашают свои долги и платят проценты более дешевыми деньгами. От этого терпят убытки кредиторы. Противоположное действие оказывает, конечно, повышение ценности денег, которое выражается в понижении цен. Это наносило в Соед. Штатах ущерб интересам огражденных охранительными пошлинами промышленников. Наносило оно ущерб также интересам крестьян, которые получили свои ипотеки плохими деньгами и должны теперь платить за них проценты и погашать их более ценными деньгами.

Рабочие при падающих ценах выигрывают, ибо цена их рабочей силы не изменяется так легко, как цены других товаров. Однако, наемные рабочие в Америке еще не дошли тогда (в 70-х и 80-х годах прошлого века) до понимания своих интересов как рабочих; многие из них считали себя будущими промышленными капиталистами или крестьянами и проводили их политику.

В Европе все это в настоящее время не будет протекать так просто.

Рабочие ни в каком случае не найдут для себя приятной дороговизну и радостно будут приветствовать падение цен. Но они очень задумаются над тем, должны ли они требовать с этой целью искусственного повышения ценности денег посредством мероприятий, которые влекут за собой новое обременение государства, а вместе с тем и рабочих масс, несущих вместе с мелкобуржуазными слоями населения почти все бремя государственного хозяйства.

Это относится ко всякому способу извлечения государством бумажных денежных знаков из обращения—за счет ли займов или же за счет доходов от государственных предприятий, поскольку налоги на массы населения остаются существенным элементом финансовой системы государства. Современное капиталистическое государство приобретает деньги преимущественно посредством налогов и займов. Если оно намерено извлечь в течение месяца 100 миллионов бумажных денег, то оно должно, если не получит их при помощи займа, прибегнуть к налогам. При всяком способе это означает, что государство только извлекает указанные 100 миллионов и не должно их вновь выпускать. Если оно извлекает их путем налогов, то поскольку государственные расходы не могут быть сокращены, должно произойти повышение налогов. Если же государство извлекает деньги путем займов, то на плательщиков налогов падает бремя платежей процентов по ним, что (при прочих равных условиях) также ведет к повышению налогов.

Кто же окажется в выигрыше при этой операции?

Не рабочие, заработная плата которых вследствие внезапной большой безработицы лишится своей обычной консервативной малоподвижности. Бесспорно выиграют все те, кто в течение войны сделался кредитором государства или частных лиц, а также лица, получавшие военную прибыль. Если в какой-либо стране ценность бумажных денег составляет только 50% ценности золота и, если затем по окончании войны ценность их восстанавливается до 100% путем извлечения половины их из обращения, то это поведет к удвоению военных прибылей и процентов по долгам и при том, поскольку речь идет о государственных долгах, за счет государства, которое, с своей стороны, живет за счет рабочих.

Образец иного метода выравнивания ценности бумажных денег и золота дает нам старая царская Россия.

Войны против революционной Франции и Наполеона привели к эмиссии громадного количества бумажных денег. Эти последние чрезвычайно обесценились, так что в 1815 г. 426 бумажных рублей стоили столько же, сколько 100 серебряных рублей. После войны была сделана попытка извлечь излишнее количество бумажных денег. Но для этого нехватало сил. Серебряное ажио удалось понизить не более как до 350. В конце концов, решились признать такое положение окончательным и зафиксировать его. В 1835 г. было установлено, что впредь 350 бумажных рублей будут равны 100 серебряным рублям и что бумажные знаки в этой пропорции должны беспрепятственно разменяваться на серебро. Таким образом, разница в бумажных и металлических деньгах не была уничтожена, но обе валюты были признаны в определенной фиксированной друг к другу пропорции; отрицательные стороны чрезмерного количества бумажных денег были устранены, поскольку они проистекали из того, что их ценность определялась не относительно устойчивой ценностью денежного металла, но вечно колеблющейся ценностью товарного обращения.

Эта система, так называемая д е в а л ь в а ц и я, просто фиксирует то, что имеет место в действительности. Она может быть проведена в жизнь в любое время, сразу—без всякого обременения государства и налогоплательщиков.

Она вновь устанавливает для внутреннего и внешнего рынка одинаковое мерило ценности и согласование цен бумажных с золотыми,—однако, конечно, таким образом, что разница между металлической ценой на мировом рынке и бумажной ценой на внутреннем рынке внедряется в этот последний. Однако, таким только образом подготовляется и облегчается переход к чисто металлическому денежному обращению.

Конечно, такого рода параллелизм двух валют (Doppelwährung) не может длиться долгое время. Это доподлинное «переходное хозяйство». И было бы просто нелепо в течение длительного периода времени называть бумажку «рублем», когда она стоит всего лишь одну треть металлического рубля. Поэтому, вслед за тем, как соотношение между металлическими и бумажными деньгами стабилизовано, государство стремится извлечь из обращения старые бумажные денежные знаки. Но в данном случае это мероприятие будет иметь иной смысл, нежели извлечение, проводимое описанным выше методом.

Извлечение, имеющее место в данном случае, не сопровождается увеличением ценности бумажных денег и не требует от государства никаких специальных расходов.

Нет необходимости обменивать старые знаки (в установленной пропорции) на золото. Вполне достаточно установить обмен их в указанной пропорции на банкноты, которые, в свою очередь, всегда стоят al pari с золотом.

Описанная выше русская денежная реформа начала проводиться с 1839 г., а стоявшие al pari с серебряными деньгами банкноты были введены под названием «государственных кредитных билетов» уже с 1841 г., а в 1843 г. они были об'явлены единственными действительными бумажными деньгами.

Несмотря на все перечисленные преимущества, девальвация также вызывает большие сомнения и резкие возражения. И все же она является лучшим способом быстро устранить все препятствия, стоящие на пути товарного обращения, связанные с наличием противоречий между внутренним и действующим на мировом рынке мерилом ценности и средством обращения.

Как же быть с платежами по обязательствам, заключенным до проведения девальвации?

С проведением девальвации товары, появляющиеся на рынке, будут иметь две цены—бумажную и металлическую.

При исчислении платежей до девальвации не предвиделось подобного двоякого выражения цен. Как же платить — в золоте или бумажками? Здесь повторяется в ином виде та же трудность, которую мы отметили при повышении ценности денег вследствие извлечения бумажных денег.

Если все платежи должны быть произведены в бумажных деньгах, то, если мы примем за основание соотношение металлических денег к бумажным, какое было принято в России в 1839 г., каждый, кто сделал до войны денежный вклад или дал взаймы известную сумму денег, получит обратно вместо 100 рублей всего 30. Если же, напротив того, все платежи должны производиться в золоте или банкнотах, равноценных золоту, то для всякого, кто в конце войны вложил в банк известную сумму денег или дал ее взаймы (покупка ценных бумаг сводится к тому же), эта сумма после введения девальвации повышается в 3½ раза. Первый случай будет рассматриваться как незаслуженное ограбление в пользу должника, второй — как еще более незаслуженный подарок кредиторам.

Мы еще не знаем, как сложатся денежные отношения к концу войны, какое установится ценностное отношение бумажных денег к золоту. По целому ряду причин мы оставляем в стороне предложение каких-либо определенных мероприятий. Одно лишь может быть уже теперь установлено с полной определенностью: при регулировании денежных отношений будут играть большую роль не только теоретические неясности, которые больше всего распространены в этой области; на ряду с этим также столкнутся весьма реальные и легко понятные противоречия интересов могущественных классов и групп, что превратит вопросы денежного обращения в одну из областей переходного хозяйства, наиболее спорных в политическом отношении [1]).

12. Недостаток в деньгах.

Мы должны обсудить еще один вопрос, являющийся, пожалуй, наиболее трудной проблемой периода перехода народного хозяйства от военного состояния к мирному.

До сих пор мы исследовали, каким образом улучшить качество денег; а теперь разберемся в вопросе, откуда взять необходимое для переходного периода количество денег. Откуда получить необходимые деньги?

Ни одно капиталистическое предприятие не может работать без денег, всякий капитал, прежде чем он примет иные формы, вначале должен быть налицо в форме денег. Если евангелист Иоанн думает, что в начале было «слово» (logos) или лучше «мировой разум», если Фауст, в противоположность этому, заявляет: в начале было «дело» (Tat), то капиталист говорит: «в начале были деньги».

Ибо для того, чтобы он мог получать прибавочную ценность, он должен иметь деньги для постройки фабрики, для покупки машин, сырья, выплаты заработной платы. В виду того, что деньги являются исходной формой всякого капитала, довольно часто смешиваются понятия денег и капитала. Тогда как, с одной стороны, деньги, которые превращаются в капитал, а с другой стороны, деньги, которые превращаются в торговый или промышленный капитал, превращаются тем самым в товары, и, следовательно, перестают быть деньгами. Недавно еще поучал нас Умбрейт следующему:

«К средствам труда относятся в первую очередь сырье, затем предприятия и, в-третьих, к а п и т а л ы. («Der Tag der Heimkehr», стр. 25).

Сырье и «предприятия», конечно, являются капиталом в руках капиталиста. Под словом «капитал», который Умбрейт называет третьим видом средств труда (он, очевидно, имеет в виду средства производства), следует понимать только деньги, — именно те деньги, которые расходуются на выплату заработной платы. Конечно, деньги не являются ни средством труда в частности, ни средством производства вообще, но являются всегда средством обращения. Третьим фактором, который выступает в области производства на ряду с сырьем (предметами труда) и средствами труда, являются не деньги, а рабочая сила, которая покупается на деньги так же, как машины и сырой материал.

---

[1]) Эти строки были написаны Каутским в 1918 г., когда мировая империалистическая война еще продолжалась (*Ред.*).

Таким образом, капиталист должен обладать деньгами прежде, чем он приступит к производству товаров. Но эти самые деньги, несмотря на алхимию бумажного хозяйства, не могут быть получены из «ничего». Они получаются путем продажи товаров. Стало быть, «в начале» мы имеем дело не с деньгами, но с товаром. Но как производить товар без денег?

Поставленная проблема сводится к вопросу: что было раньше — яйцо или курица? Раз механизм капиталистического хозяйства находится уже в движении, то на ряду с непрерывным производством товаров происходит также превращение товаров в деньги, а денег в товары для потребления или же для нового производства. Ни об одном из этих превращений нельзя сказать, что оно имело место прежде другого, являясь «началом».

Возникновение капиталистического способа производства вообще предполагает накопление денег. И не случайно то обстоятельство, что это накопление становится на путь усиленного развития одновременно с наступлением эпохи открытий, — иначе говоря, одновременно с наступлением колониальной политики нового времени. Массы золота и серебра, которые в течение тысячелетий добывались и собирались обитателями отдельных частей Америки и Индии (часто ради одного только удовольствия, доставляемого их блеском), были главными «об'ектами» первоначального накопления капитала и образовали собой денежный базис капитализма.

Даже после возникновения капиталистического способа производства, во времена меркантилизма, вплоть до восемнадцатого столетия, накопление золота внутри страны считалось квинт-эссенцией всякой экономической премудрости.

Когда капиталистический способ производства уже вполне развился, тогда вопрос о том, что является исходным моментом капиталистического производства — деньги или товар, — теряет всякий смысл. Но он вновь выплывает на поверхность, как только значительно нарушается непрерывность процесса производства. А подобное нарушение со времени возникновения капиталистического способа производства еще никогда не было столь глубоким и всеобщим, как во время нынешней войны.

После ее окончания обнаружится, что в начале каждого капиталистического процесса производства стоят деньги, и жгучим станет вопрос: откуда же взять деньги для того, чтобы вновь пустить в ход замершие отрасли производства?

Чтобы ответить на этот вопрос, вызывают дух первоначального накопления. Стремление добыть необходимые деньги при посредстве возмещений за военные убытки рождено этим духом. Так как мы исследуем период перехода общественного хозяйства от военного состояния к мирному с интернациональной, а не с национальной точки зрения, то указанный способ разрешения денежного вопроса исключается из поля нашего рассмотрения.

Но откуда же взять деньги?

Количество денег нельзя увеличивать произвольно. При данных условиях оно является данной величиной.

Товарная ценность принимает, при беспрепятственном обращении товаров, форму денег, для того, чтобы в конечном счете вновь превратиться в форму нового товара. Поэтому сумма наличных денег определяется суммой товарных ценностей, принявших форму денег и еще не превратившихся, в свою очередь, в новые товары. Выручка за все проданные товары, еще не использованная для покупки новых товаров, составляет сумму наличных денег, могущих принимать самые различные формы — в качестве монеты, банкноты, векселя, чека, долгового требования. Бо́льшим количеством денег класс капиталистов не может располагать. Кредитная система не может увеличить этого количества денег; она лишь дает возможность усилить их капиталистическое использование, расширить таким образом производство товаров и вследствие этого увеличить потребное количество наличных денег.

Капитал, однако, не может отдать производству все то наличное количество денег, которым он обладает. Капиталист хочет жить и жить хорошо. Для этой цели он действует в качестве капиталиста. При нем находятся лица, не занятые никаким трудом или занятые трудом непроизводительным, но также желающие жить. Деньги, которые все эти люди тратят на свои потребности, не могут быть израсходованы как капитал.

Остальные деньги, часть которых служит для возмещения ценности износившихся средств производства, другая же часть представляет собой накопленную прибавочную ценность, не все сразу вкладывается промышленным капиталистом непосредственно в свое предприятие. Значительная и постоянно возрастающая часть их обращается в ссудный капитал и предоставляется на некоторое время промышленными и торговыми капиталистами в распоряжение денежных капиталистов. Мы уже видели, что с течением времени деньги, непревращаемые вновь немедленно в товар, все более депонируется в банки, и что, с другой стороны, всякое капиталистическое предприятие все более работает при помощи ссудного капитала.

От количества свободного ссудного капитала все более зависит развитие капиталистического процесса производства. Когда капиталист говорит о деньгах, он имеет в виду прежде всего ссудный капитал. Если ссудного капитала предлагается больше, чем спрашивается, то это означает, что имеются свободные деньги. Если, наоборот, спрос больше предложения, то имеет место недостаток (нужда) в деньгах. В последнем случае процент высок и капиталист жалуется, что деньги дороги. Напротив, при низком проценте деньги дешевы. Но все это не имеет ничего общего с ценностью денег. Также мало общего оно имеет и с количеством наличных денежных знаков. Однако же, как изобилие, так и недостаток денег находятся в тесном и постоянном взаимодействии с процессом производства. Если производство очень оживлено, если царит преуспеяние, то каждый старается использовать благоприятную кон'юнктуру. Тогда капиталисты домогаются денег, чтобы расширить свои предприятия и наиболее интенсивнее использовать их существующие размеры и материальный состав. Все поступающие на рынок товары тотчас же обращаются в деньги, а деньги также немедленно вновь обращаются в товары. Таким образом, промежуток времени, в который произведенные товарные ценности остаются в форме денег, сильно сокращается. Спрос на ссудный капитал необычайно увеличивается. Этому увеличению спроса не соответствует увеличение предложения. Испытывается нужда в деньгах. И все-таки дела блестящи и наживающиеся счастливцы полными пригоршнями расбрасывают деньги.

В периоды застоя наступает противоположное явление: деньги освобождаются; и все-таки каждый сокращает свои расходы, — наступает нужда.

Таким образом, во время стесненности в деньгах (Geldknappheit) нельзя безоговорочно думать о недостатке денег. Но равным образом было бы ошибочно всегда рассматривать таковую как признак преуспеяния. Она может происходить от самых разнообразных причин. Так, она является признаком паники, отсутствия доверия, при котором капиталисты предпочитают оставлять свои деньги в виде сокровища дома и не получать на них процентов, вместо того, чтобы давать их взаймы под проценты.

Большое различие составляет также и то, помещаются ли деньги в качестве оборотного или же в качестве основного капитала. Оборотный капитал — сырье и заработная плата — обращается быстро и возвращается уже через месяцы, а может быть, через недели в качестве денег к своему исходному пункту. Он извлекается с рынка не надолго. Иначе обстоит дело с основным капиталом — машинами, постройками. Часто требуются годы на их постройку, вследствие чего капитал на этот период совершенно из'емлется из товарного оборота. Даже после того, как они готовы, денежный капитал возвращается к своему исходному пункту лишь частями и постепенно, в меру пользования им и притом постольку, поскольку этим пользованием передается ценность создаваемым продуктам. Если сооружение стоит 20 миллионов и ежегодно возвращается в ценности его продукта или приносимого им дохода $^1/_{20}$ его общей ценности, если эта часть переводится на деньги, и если возведение сооружения длилось 2 года, то должно пройти 22 года, прежде чем все истраченные деньги окончательно возвратятся на денежный рынок.

Но если сооружения уже возведены, то они требуют денег только на цели ремонта и содержания. Они ежегодно доставляют на денежный рынок больше денег, чем берут, и увеличивают, таким образом, количество наличных денег.

Как же складывались денежные отношения в период войны?

Ряд предприятий совершенно закрылся. Сюда относятся прежде всего многочисленные мелкие предприятия в самых различных областях, которые не могли продолжать своего существования без самоличного участия их владельцев. И как только эти последние были призваны на военную службу, их предприятия приостановились.

На ряду с этим пострадали целые отрасли промышленности; так, например, в некоторых государствах — морское судоходство, строительное дело со всеми его вспомогательными отраслями. Мы имеем в виду при этом работы для гражданского населения. Что касается военных нужд, то о них будет речь в дальнейшем.

Деньги, предназначавшиеся строителям-предпринимателям для закупки строительных материалов, выплаты заработной платы и т. д. или же приготовленные для них банками, не находили своего применения. Все запасы материалов, которыми обладали их основные или вспомогательные предприятия, были проданы, а новые не покупались. Следовательно, имело место лишь превращение товара в деньги, а не денег в товары, т. е. простое накопление денег. Вследствие изнашивания машин, превращенные в их продукт ценности должны быть использованы, в конце концов, на приобретение новых машин, если процесс производства должен итти не сокращаясь. Точно так же должна расходоваться в стране и та часть общей суммы наемной платы за помещения, которая не представляет собой земельной ренты, а является лишь возмещением за пользование домами; другими словами, эта часть должна расходоваться на ремонт или постройку новых домов, чтобы не наступил жилищный кризис. Во время войны прекращается и то и другое. Наемная плата за помещение уплачивается как и прежде, но доход от нее или—в случае, если помещение не сдается в аренду,—равная этому доходу денежная сумма не употребляется на устройство новых жилищ и, таким образом, не превращается в товары ни самими домовладельцами, ни строительными предпринимателями, получавшими раньше необходимые на постройку домов деньги через банки.

Другие отрасли производства были отрезаны от мест, откуда они снабжались сырьем. Они перерабатывали наличные запасы сырья, продавали все свои запасы фабрикатов, а новых материалов больше не покупали; и после того, как они приостанавливали производство, они не выплачивали более и заработной платы. Стало быть, и они лишь превращали товар в деньги, не осуществляя дальнейшей метаморфозы превращения денег в товар. К этой группе принадлежит значительная часть текстильной и мебельной промышленности.

К третьей группе предприятий принадлежат такие, которые не зависят от иностранного сырья. Сюда принадлежат прежде всего производители сырья, сельские хозяева, обладатели горными предприятиями и предприятиями тяжелой промышленности. Они не только продолжают дальше производить, но производят притом с повышенной прибылью. Цены их продуктов растут,—при чем не только вследствие падения ценности денег, но также вследствие нарушений внешнего торгового оборота, которые усиливают их монопольную власть повышать цены сверх ценности и цен производства. Их издержки производства растут не в одинаковой степени. Их рабочей силой частично являются обходящиеся дешево военнопленные. Равным образом и заработная плата отечественных рабочих обычно отстает от товарных цен. Мужчины заменяются женщинами и детьми, при чем действие законов охраны труда приостанавливается. Правда, при этом в виду чрезмерного напряжения производительность труда понижается; но это понижение наступает не сразу, временно производство повышается. Расходы же предпринимателей падают или возрастают незначительно, между тем как выручка за их продукты резко возрастает.

Таким образом, и в отраслях народного хозяйства, не зависящих от иностранного сырья, денежные доходы предпринимателей растут. Часть их затрачивается на повысившиеся личные потребности путем обмена на товары. Часть же должна была бы пойти на обновление производственного аппарата. Но для этого нет предпосылок — продуктов и рабочих. Не закупаются машины, удобрение, продовольствие. Не производятся все необходимые ремонтные работы, не говоря уже о строительстве. И в данном случае больше продается, чем покупается.

Своеобразно складываются условия для наемных рабочих. Как правило, заработная плата не превышает того, что необходимо рабочему для поддержания своей рабочей силы и существования его семьи. Деньги, получаемые им в качестве заработной платы, он быстро тратит, не увеличивая запасов денег в стране.

Между тем, как мы видели, для известных надобностей рабочий должен иметь «запасы», дабы в благоприятные времена скопить кое-какие деньги на время безработицы. Эти сбережения никогда не достигнут такого размера, который дал бы

возможность рабочему классу откупиться своим сбережением от класса капиталистов, как это раньше полагали апостолы накапливания. Но в общей массе они могут достигнуть значительных размеров и хранятся чаще всего в сберегательных кассах.

Война значительно увеличила число таких сбережений. Личное потребление рабочего населения, как и большей части гражданского населения, за исключением слоев, получающих военную прибыль, резко сократилось. Конечно, не может быть увеличения денежных запасов там, где ограничение проистекает от недостатка в деньгах, являющегося следствием либо безработицы, либо сокращения рабочего времени, т. е. одновременно и заработной платы, или же следствием того, что заработная плата не так быстро растет, как растут цены на предметы первой необходимости.

Но цены могут расти еще быстрее, чем заработок, и все же денежные затраты рабочей семьи падают, поскольку она не имеет никакой возможности покупать ставшие дорогими предметы.

Как же складываются во время войны условия жизни рабочей семьи? Расходы на квартиру возросли сравнительно незначительно. Одежда, мебель, предметы домашнего обихода стали дороже, и их нельзя приобрести. Пиво и табак стали редкостью, и рабочая семья едва ли имеет возможность тратить на них деньги. К тому же семья рабочего значительно сократилась: муж на войне, он ничего не тратит из дохода семьи. Зарабатывают жена и дети.

Мы не касаемся здесь помощи, оказываемой государством и частными лицами и учреждениями семьям участников войны, так как мы изучаем здесь, как уже указывалось, денежные отношения, которые вытекают из изменившегося под влиянием войны положения процесса производства, и не затрагиваем области военного управления. Независимо от государственной помощи военного времени, доходы немногих семейств рабочих превышают их расходы. Это происходит, однако, далеко не вследствие их благополучия, а как раз наоборот — вследствие их бедственного положения.

Лишения, которые они испытывают в материальном отношении, одинаковы, следствием чего бы они ни являлись — следствием недостатка денег или же недостатка товаров. Но экономически мы должны отметить различие между недостатком денег и недостатком товаров, так как в последнем случае возрастает количество свободных денег в стране. Рабочая сила продается как товар, и лишь часть вырученных за этот товар денег превращается в новый товар.

Конечно, по сравнению с суммами, которые накапливаются у капиталистов, увеличение запасов денег вследствие вынужденного ограничения потребления рабочего класса мало что значит.

Таким образом, в силу указанных причин товаров продается гораздо больше, нежели вновь покупается.

Мы имеем в виду, как уже было отмечено, покупки внутри процесса производства, покупки для гражданского населения. Благодаря сокращению покупок гражданским населением, накапливается все более денег, сумма которых тем больше возрастает, чем дольше затягивается война.

Имеющиеся в наличности деньги должны были бы достигнуть невероятного количества, если бы они не нашли себе применения, которое превращает их снова в товары. Сама та война, которая создает свободные деньги, также в них нуждается. И тут война находит те деньги, без которых ее нельзя вести. Снова, как в эпоху тридцатилетней войны, война питается войной, но в данном случае мы видим, как примитивные методы натурального хозяйства превратились в методы хозяйства денежного. Но как в том, так и в другом случае это питание войны войной делает экономически возможным и об'яснимым ее продолжительность. Только во времена натурального хозяйства отдавали себе более ясный отчет о причинах и последствиях, нежели в настоящее время, когда их заволакивают туманы денежного хозяйства.

Во время войны государство собирает деньги частью (небольшой) путем налогов, частью путем займов. Подобно тому, как это раньше (до войны) делали промышленники, государство затрачивает эти деньги на оплату заработной платы (или жалованья) или же на закупку товаров. Но в обоих случаях эти затраты не идут на производство — они служат делу уничтожения.

Деньги, которые затрачиваются в качестве капитала в процессе производства, возвращаются в процессе обращения товаров к своему первоначальному владельцу, уве-

личивая прибавочную ценность. Напротив, деньги, затрачиваемые не как капитал, но как средство для закупки предметов потребления, истрачиваются безвозвратно, и покупатель их больше никогда не увидит.

Государство во время войны тратило деньги именно как потребитель; капиталист же, дававший для этой цели деньги, имеет в виду получить их обратно,— он хочет превратить их в капитал. Этому желанию соответствует заем. Он получает за свои деньги ценную бумагу.

О подобных ценных бумагах мы уже говорили выше, в главе о фиктивном капитале.

Уже в мирное время капиталисты любили обращать в фиктивный капитал те суммы денег, которые они были вынуждены накапливать по самой природе их производства.

Припомним то, что мы говорили о необходимости, в которую поставлен каждый капиталист, каждый вовлеченный в сферу капиталистического производства, — необходимости откладывать временные денежные запасы определенного размера. Он депонирует деньги под проценты в банк. Но этот процент, оплачиваемый ему банком, низок. Он получит бо́льший процент, если купит ценные бумаги и положит их в банк.

Но то, что он туда должен положить, — суть деньги. Если он должен продолжать эксплоатировать свое предприятие без задержек, то нужно, чтобы ценные бумаги могли быть превращаемы в деньги во всякое время, притом, примерно, в такое количество денег, какое они ему стоили. Он купил их не для того, чтобы в течение длительного времени получать проценты, но для того, чтобы продать в любое время, предпочтительно по повышенному курсу. Если же курс упал, а он, между тем, нуждается в деньгах, то он их ломбардирует или закладывает (что, конечно, сопряжено с уплатой больших процентов) и выжидает, пока курс вновь не поднимется.

Все это предполагает, что деловая жизнь идет по одной и той же колее, что капиталистам, которые продают ценные бумаги, всегда придут навстречу такие, которые их покупают, и что одновременно с капиталистами, которые ломбардируют (закладывают) бумаги, выступять другие, которые снова выкупят свои бумаги и выплатят суммы залогов.

Если наступает паника или застой и бумаги только предлагаются, а не спрашиваются, если они только продаются и ломбардируются, но не покупаются и не выкупаются, то бумаги не могут быть проданы, а у банков более или менее быстро исчерпываются средства для ломбардирования. При таком состоянии денежного рынка у капиталистов остается на руках их фиктивный капитал, и у них нехватает поэтому денег для дальнейшего ведения своих предприятий; они должны их остановить.

«В том факте, что даже накопление долгов может оказаться как бы накоплением капитала, со всей полнотой обнаруживается то извращение реальных отношений, которое имеется налицо в системе кредита. Долговые свидетельства, которые выданы за ссуженный первоначально и давно уже истраченный капитал ,эти бумажные дубликаты уничтоженного капитала, функционируют для своих владельцев как капитал, поскольку они являются продажным товаром и поскольку в виду этого могут быть снова превращены в капитал» [1]).

Ленч и в настоящее время еще предполагает, что «накопление долгов представляет собой накопление капитала». Согласно сообщению «Vorwärts» от 25 марта 1918 г. он сообщал Народному Союзу для борьбы за свободу и отечество:

«Государство сделалось (в течение войны) совершенно иным хозяйственным фактором, так как оно держит в своих руках в качестве военного займа около одной трети «народного достояния».

В виду́ того, что Ленч вместо слова «капитал» употребляет слово «народное достояние», «извращение» действительного положения становится еще грубее.

Основным вопросом денежного обращения после войны является превращение созданного во время войны фиктивного капитала в деньги.

Явление, заключающееся в том, что в рамках производственного процесса товаров больше продается, нежели покупается, в переходный период от военного состояния к мирному примет противоположное направление. Слишком мало окажется того, что

---

[1]) К. Маркс. «Капитал». Т. III. Ч. 2. Глава 20. Гос. Изд. 1923, стр. 14 и 15.

можно будет продавать, но вместе с тем обнаружится большая потребность в деньгах для покупки. Между тем, деньги можно получать (не говоря о грабеже и вымогательстве) лишь путем продажи товаров. В качестве таковых для увеличения денежных сумм по заключении мира прежде всего должны быть приняты в расчет фиктивные капиталы, которые создала война. Но кто станет их покупать, если на все имеющиеся в наличии деньги будет пред'явлен спрос производством?

В виду значения этого вопроса, на его разрешение было затрачено много остроумия.

Мы можем считать нашу задачу ограниченной и полагаем, что она заключается лишь в том, чтобы обратить внимание на все значение указанной проблемы. Мы не имеем в виду предлагать сейчас практическое решение; из предложенных же решений, нам известных, ни одно не является колумбовым яйцом.

Они клонятся либо к заграничному займу, либо к увеличению денежных знаков, находящихся в обращении. Мы уже неоднократно указывали, как мало каждое из государств может ожидать после войны помощи из-за границы, для преодоления своих внутренних экономических затруднений. И меньше всего — в денежном вопросе. Воевавшие государства после войны будут совершенно истощены. Они сами будут нуждаться во всем том количестве денег, которое у них останется, и не дадут ничего за границу. Число же нейтральных государств невелико, и сами они окажутся не на много в лучшем положении.

Что же касается увеличения количества денежных знаков, например, новых выпусков свидетельств ссудных касс (Darlehenskassensheine) под залог ценных бумаг, то от этого следует настоятельно предостеречь. Такой выпуск не сможет стать средством для достижения намеченной цели, он превратится в средство тормаза другой одинаково очень важной и вполне достижимой задачи.

Он не увеличил бы реального, только выраженного в денежной форме, наличного количества ценностей, но лишь сделал бы невозможным восстановление валюты. Он не усилил бы денежного аппарата и лишь чувствительно увеличил бы его нестроение.

Мы должны свыкнуться с мыслью, что не существует способа быстро увеличить то количество денег, какое будет иметься в наличии ко времени заключения мира.

Тем важнее будет самый способ расходования этих денег.

Производственный процесс восстановится тем быстрее, чем больше имеющихся денежных средств будет затрачено продуктивно, т. е. при данных условиях — в качестве индустриального реального капитала (для оплаты заработной платы промышленных рабочих и для закупки средств производства), и чем меньше их будет затрачено непродуктивно (для личного потребления капиталистов и лиц, их обслуживающих, а равно и для непродуктивных государственных целей).

Наконец, как бы мы ни рассматривали проблему перехода народного хозяйства от военного состояния к мирному — со стороны ли материальной или денежной, — ее альфой и омегой неизменно будет международное разоружение.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ФУНКЦИИ ДЕНЕГ [1]).

Р. ЛЮКСЕМБУРГ.

1. Обмен и функции денег.

Обмен, как единственное экономическое связующее звено между членами общества, имеет свои большие трудности и не портекает безоговорочно гладко.

Пока мы рассматриваем только обмен между двумя единственными производителями, обмен между сапожником и пекарем, дело обстоит совершенно просто. Сапожник не может жить одними сапогами и нуждается в хлебе; пекарь же не не может, как говорит уже священное писание, жить одним хлебом и нуждается, правда, не в слове божьем, но (в данном случае) в сапогах. Так как здесь имеется налицо полная взаимность, то обмен совершается гладко; хлеб переходит из рук пекаря, который в нем не нуждается в руки сапожника; сапоги же перекочевывают из сапожной мастерской в булочную. Оба — и пекарь и сапожник — удовлетворяют свои потребности, и частный труд обоих оказывается общественно-необходимым. Но мы принимаем, что то же самое происходит не только между сапожником и пекарем, но между всеми членами общества, т. е. между всеми товаропроизводителями сразу. Мы имеем основание это принимать, мы даже вынуждены сделать такое предположение. Ибо, ведь, все члены общества должны жить, должны удовлетворять свои различные потребности. Общественное производство не может прекратиться ни на одно мгновение, так как не может ни на мгновение прекратиться потребление. К этому мы должны прибавить: так как отные производство расчленено на отдельные частные работы, из которых ни одна в отдельности не может быть достаточной для удовлетворения потребностей человека, то, — поскольку вместе с тем не должно ни на мгновение прекращаться потребление общества — не должен прекращаться ни на мгновение и обмен. Таким образом, все непрерывно обмениваются между собой своими продуктами. Как же это происходит?

Возвратимся к нашему примеру. Сапожник нуждается не только в продукте пекаря; он желал бы также иметь известное количество каждого другого товара. Он нуждается, кроме хлеба, еще в мясе мясника, в сюртуке портного, в материале на рубашку, произведенном ткачом, в шляпе или цилиндре шапочника и т. д. Все эти товары он может достать только путем обмена. Но, с своей стороны, он может предлагать за это не что иное, как только и всегда сапоги. Поэтому для сапожника все продукты, которые ему нужны для жизни, имеют первоначально форму сапог. Если он нуждается в хлебе, то он делает сперва пару сапог; если он нуждается в рубашке, он также делает сапоги; желает ли, далее, он иметь шляпу или папиросы, он делает для этого всегда и прежде всего только сапоги. В его специальной отрасли труда, для него лично общественное богатство, которое ему доступно, имеет форму сапог. Только посредством обмена на товарном рынке его работа может превратиться из своей узкой формы сапог в многообразную форму жизненных средств, в которых он нуждается. Но чтобы это превращение действительно произошло, чтобы большой прилежный труд сапожника, от которого он ожидает всяких радостей жизни, не остался заключенным в форме сапог, для этого необходимо одно важное условие, которое мы уже знаем: необходимо, чтобы все другие производители, в продуктах труда которых сапожник

---

[1]) Rosa Luxemburg. «Einführung in die Nationalökonomie». Berlin, 1925. Ss. 211—220, 224—237.

нуждается, с своей стороны нуждались в его сапогах и желали их взять в обмен. Сапожник только в том случае получал бы все другие товары, если бы его продукт — сапоги был желанным товаром для всех других производителей. Он получал бы во всякое время столько всех других товаров, сколько он мог бы выменять за свой труд, если бы его сапоги были для каждого во всякое время желанным товаром и, следовательно, товаром, спрашиваемым неограниченно. Однако, со стороны сапожника было бы явно большим самомнением и необоснованным оптимизмом считать, что его специальный товар представляет такую абсолютную и неограниченную необходимость для человеческого рода. Дело ухудшается от того, что в точно таком же положении, как и сапожник, находится каждый другой отдельный производитель: пекарь, слесарь, ткач, мясник, шалочник, земледелец и т. д. Каждый из них нуждается в разнообразных продуктах и их домогается, но с своей стороны может предложить взамен только свой единственный продукт. Каждый из них мог бы вполне удовлетворять свои потребности только в случае, если бы его специальный товар во всякое время находил спрос в обществе и принимался в обмен. Короткое размышление покажет вам, что это явно невозможно. Никто не может всегда в одинаковой степени желать всех продуктов. Никто поэтому не может во всякое время неограниченно покупать и сапоги, и хлеб, и одежду, и замки, и пряжу, и рубашки, и шляпы и т. д. А раз этого нет, то не могут во всякое время обмениваться друг на друга все продукты. Но если обмен невозможен, как постоянное всестороннее отношение, то невозможно также и удовлетворение всех потребностей в обществе, невозможен в обществе разнообразный труд, невозможно существование общества. И таким образом, мы опять оказались бы в затруднительном положении и не могли бы разрешить задачу, которую себе поставили, а именно: об'яснить, как могут представлять единый общественный совокупный труд и единое хозяйство раз'единенные и разрозненные производители, которые не связаны между собой никаким общественным планом труда, никакой организацией, никакой связью. Обмен, правда, явился у нас таким средством, которое, хотя и своеобразными путями, может все это регулировать. Но для этого обмен должен вообще сперва развиться до такого состояния, чтобы он мог функционировать как правильный механизм. Однако, вот уже на первом шагу мы наталкиваемся на такие трудности в обмене, что становится совершенно непостижимым, как он вообще может превратиться во всестороннее постоянное явление (wie er überhaupt als ein allseitiges ständiges Geschäft vom Fleck kommen soll).

И вот было найдено средство преодолеть эти трудности и сделать общественный обмен возможным. Правда, не было никакого Колумба, который бы это средство открыл. Но общественный опыт и привычка сами незаметно нашли это средство обмена или, как говорят, «жизнь» сама разрешила задачу, как и вообще общественная жизнь одновременно с трудностями создает и средства к их разрешению. Конечно, невозможно, чтобы всеми всегда, и потому в неограниченном количестве, спрашивались все товары. Но во всякое время и во всяком обществе был какой-либо о д и н товар, который для каждого был важен, необходим и полезен как основа существования и который поэтому для каждого был желанным во всякое время. Очевидно, что таким товаром вряд ли могли быть как раз сапоги, — человечество не так суетно. Но таким продуктом мог быть, например, скот. Одними сапогами нельзя удовольствоваться, — равно как одними платьями, шляпами или зерном. Но скот как основа хозяйства во всяком случае обеспечивает существование общества; он доставляет мясо, молоко, шкуры, рабочую силу и т. д. У многочисленных кочевых народов все богатство вообще даже заключается в стадах скота. Негритянские племена Африки и теперь еще живут или по крайней мере жили до недавнего времени исключительно скотоводством.

Допустим теперь, что в нашей общине скот является весьма желанным видом богатства, хотя и не единственным, но только пользующимся предпочтением сравнительно с многими другими продуктами, которые изготовляются в общине. Скотовод обращает здесь свой частный труд на производство скота, точно так же, как сапожник — на изготовление сапог, ткач — на изготовление ткани и т. д. Согласно нашему допущению, из всех продуктов только продукт скотовода пользуется всеобщей неограниченной симпатией, так как он всем кажется самым необходимым и самым важным. Скот поэтому для каждого является желанным приобретением. Так как мы при этом предполагаем, что в нашем обществе ничего и никем не может быть приобретено

иначе, как посредством обмена, то очевидно, что и весьма желанный скот скотовода нельзя получить иначе, как путем обмена на другой продукт труда. Но, как предположено, каждый охотно желал бы иметь скот. Это означает, что каждый во всякое время охотно отдал бы за скот свой продукт. И таким образом за скот во всякое время можно выменять продукты любого рода. Кто, следовательно, имеет скот, тому нужно только делать выбор, так как все предоставляется к его услугам. И именно поэтому продукт своего специального труда каждый скорее всего готов выменять не на что иное, как на скот; ибо, когда он имеет скот, он имеет все, так как за скот он во всякое время может получить все. Когда с течением времени это оказывается ясным для всех и делается привычным, тогда скот постепенно становится всеобщим товаром и, следовательно, единственным товаром, выменяваемым неограниченно и всеми желанным. И как такой всеобщий товар скот становится теперь посредником в обмене между всеми другими специальными товарами. Сапожник берет теперь за свои сапоги не непосредственно хлеб от пекаря, но скот, так как за скот он может, когда ему угодно, купить хлеб и все, что ему хочется. С своей стороны, и пекарь может теперь за сапоги заплатить скотом, так как от других — от слесаря, скотовода, мясника — он за свой собственный продукт также получил скот. Каждый принимает от других за свой собственный продукт скот и опять-таки платит тем же самым скотом, если он желает иметь продукты других. Таким образом, скот переходит из одних рук в другие, он участвует в качестве посредника в каждом обмене, — он оказывается отвлеченной связью между отдельными товаропроизводителями. (И чем больше, чем чаще скот переходит из одних рук в другие в качестве такого посредника меновых сделок, тем более становится всеобщим и неограниченным желание им обладать, тем более становится он единственным товаром, который во всякое время является желанным и во всякое же время может быть обменен,—следовательно, всеобщим товаром).

Мы видели раньше, что в обществе, состоящем из разрозненных частных производителей, не связанных между собой общим планом труда, всякий продукт труда есть прежде всего продукт частного труда. Был ли этот труд общественно-необходимым, имеет ли, следовательно, его продукт ценность и обеспечивает ли он трудящемуся его долю в общей массе продуктов общества, не было ли это, напротив, выброшенным на ветер, бесполезным трудом, — это показывает единственно и только то обстоятельство, что данный продукт принимается в обмен. Но теперь все продукты обмениваются только на скот. Следовательно, теперь продукт является общественно-необходимым только в случае, если он может быть обменен на скот. Способность продукта быть обмененным на скот, равноценность продукта со скотом представляет теперь для всякого частного продукта только штемпель общественно-необходимого труда. Мы видели, далее, что только посредством товарного обмена и только благодаря ему раз'единенные изолированные частные лица являются членами общества. Теперь мы должны выразиться точнее: только посредством обмена на скот. Отныне скот является воплощением общественного труда, и таким образом, скот является теперь единственной связью между людьми.

Теперь у вас, наверное, создается ощущение, не оказались ли мы нелепо однобокими, допустив, что скот является всеобщим средством обмена, что он воплощает в себе общественный труд, что он является единственной связью между людьми. Пока мы этого допущения не делали, все было еще в достаточной мере понятно и вполне приемлемо. Но скот как всеобщий товар, скот как воплощение общественного труда, скот даже как единственная связь человеческого общества, — это уже сумасбродная фантазия и к тому же для человеческого рода оскорбительная фантазия! Однако,, если бы вы нечто подобное думали, вы чувствовали бы себя оскорбленными, не имея на то оснований. Ибо, как бы вы мало не ценили скот, как бы сверху вниз вы не смотрели на него, — во всяком случае ясно, что к человеку он много ближе и даже в известной степени на него похож; без сомнения, он бесконечно более похож на него, чем, скажем, комок глины, поднятый с земли, кремень или кусочек железа. Вы должны поэтому согласиться, что скот, во всяком случае, более достоин представлять живую общественную связь между людьми, чем мертвый кусок металла. И все же, человечество отдало в этом случае предпочтение именно металлу. Ибо в том значении и в той роли скота в обмене, которые описаны выше, скот является ничем иным, как—деньгами, которые мы привыкли представлять себе в виде металлических монет. Но если вы никак не

можете представить себе денег иначе, чем в виде золотых или серебряных монет или даже в бумажных банкнотах, и если вы при этом находите, что эти металлические или бумажные деньги в качестве всеобщего средства обращения и в качестве общественной силы являются чем-то само собой разумеющимся, и что, напротив, мое изложение, в котором эту роль играл скот, было сумасбродством, — то это только доказывает, что вы с головой погрязли в представлениях современного капиталистического мира. Поэтому-то картина общественных отношений, которые еще выглядят в некоторой степени разумными, кажется вам бредом, а само собой разумеющимся кажется вам то, что является полным безумием. На самом же деле деньги в образе скота выполняют точно те же функции, что и металлические деньги; и ничто иное, как только соображения удобства, привели нас к тому, чтобы сделать деньги из металла. Разумеется, скот не может быть так хорошо разменен, а его ценность не может быть так точно измерена, как это возможно в отношении однородных металлических кружочков; к тому же для сохранения денег в виде скота надо иметь слишком большое портмоне, которое смахивало бы на скотный двор. Но прежде, нежели человечество пришло к идее изготовлять деньги из металла, деньги как необходимый посредник обмена давно уже были налицо. Ибо деньги, этот всеобщий товар, являются тем необходимым средством, без которого не мог бы хоть сколько-нибудь развиться всеобщий обмен и без которого не может существовать бесплановое общественное хозяйство, состоящее из отдельных производителей.

В самом деле, присмотримся теперь к многосторонней роли скота в обмене. Что сделало скот деньгами в рассматриваемом нами обществе? То обстоятельство, что он был всюду и во всякое время желанным продуктом труда. Но почему скот во всякое время и всюду был желанным? Мы сказали: потому что он был чрезвычайно полезным продуктом, который мог обеспечить существование как многостороннее жизненное средство. Да, так это и было вначале. Однако, после, чем больше употреблялся скот в качестве посредника во всеобщем обмене, тем больше отступало на второй план непосредственное потребление его как жизненного средства. Кто получает теперь в обмен за свой продукт скот, тот будет воздерживаться от того, чтобы его убить и с'есть или запрячь в плуг; скот представляет теперь для него более высокую ценность как средство, позволяющее ему купить во всякое время любой другой товар. Кто получает скот, не будет, следовательно, потреблять его в качестве жизненного средства, но будет сохранять его в качестве средства обмена для дальнейших меновых сделок. Вы догадаетесь также, что непосредственное потребление скота при высоко развитом разделении труда, которое мы предполагаем в обществе, не является вполне возможным. Что должен, например, сапожник предпринять со скотом как с таковым? Или слесарь, ткач, шапочник, которые не занимаются сельским хозяйством? Таким образом, непосредственная польза скота как жизненного средства все более оставляется без внимания; и тогда скот становится желанным всеми и во всякое время не потому, что он нужен для убоя на мясо, для молока, для того, чтобы тянуть плуги, но потому, что он дает возможность во всякое время получить в обмен любой товар. Специфической полезностью, назначением скота все более становится обеспечивать возможность обмена, т. е. обеспечивать во всякое время превращение частных продуктов в общественные, частного труда в общественный. Так как, таким образом, скот все больше перестает употребляться для частного потребления в качестве жизненного средства человека, но исключительно посвящается своей функции постоянного посредничества между отдельными членами общества, — то постепенно он перестает быть частным продуктом, подобным всякому другому продукту и превращается в общественный продукт, становясь таковым уже с момента своего рождения, так сказать, еще в хлеве; труд же скотовода, в отличие от всякого другого труда в обществе, становится теперь единственным общественным трудом непосредственно. И тогда скот начинает разводиться не только для потребления в качестве средства жизни, но вместе с тем и прямо для того, чтобы функционировать как общественный продукт, как всеобщий товар, как деньги. Конечно, скот также еще, хотя и в меньшей мере, убивается на мясо и запрягается в плуг. Однако, это, так сказать, частное потребление, частный характер скота все более исчезает перед его официальным характером как денег. И как деньги играет он теперь выдающуюся и многостороннюю роль в жизни общества.

1. Он окончательно становится всеобщим и официально признанным средством обмена. Никто теперь более не меняет сапог на хлеб, рубашки на подковы. Кто это захотел бы сделать, тому отказали бы, пожав плечами. Что-либо получить можно только за скот. Но вследствие этого прежний двухсторонний обмен распадается на две особые сделки: на продажу и куплю. Прежде, когда слесарь и пекарь обменивали свои продукты, каждый из них путем непосредственного перемещения товара из рук одного в руки другого, одновременно и продавал свой товар и покупал товар другого. Купля и продажа заключались в одной и той же сделке. Теперь же, если сапожник продает свои сапоги, то он получает и принимает за них только скот. Он сперва только продает свой собственный продукт. Покупает ли он сам что-нибудь вообще или же если он покупает, то что именно, это — особая вещь, независящая от совершаемой им продажи своего продукта. Достаточно одного того, что сапожник сбыл с рук свой продукт: он превратил теперь свой труд из формы сапог в форму скота; форма же скота — это есть, как мы знаем, официальная общественная форма труда; и сапожник может сохранять в ней свой продукт столько времени, сколько он хочет; ведь, он знает, что в его руках — возможность во всякое время обменять свой продукт труда из формы скота на какую угодно другую форму, т. е. совершить покупку.

2. Но именно благодаря этому скот становится также средством сберегать богатство и накоплять его, он становится средством накопления сокровищ. Пока сапожник непосредственно выменивал свои продукты на жизненные средства, он работал только столько, сколько ему нужно было, чтобы покрывать свои ежедневные потребности. Ибо, что полезного было бы для него в том, чтобы работать и накоплять запасы сапог или же слишком большие запасы хлеба, мяса, рубашек, шляп и т. д. Предметы ежедневного потребления от долгого хранения большей частью только портятся или даже вовсе становятся негодными к употреблению. Но теперь сапожник может сохранять как средство для будущего скот, который он получает за свой продукт труда. Теперь в нашем мастере пробуждается бережливость; он старается возможно больше продать, но остерегается (избегает) растрачивать весь полученный скот; напротив, он старается его накопить; и так как скот во всякое время и для всего пригоден, то он его сберегает и накопляет для будущего и в его форме оставляет плоды своего труда в наследство своим детям.

3. Одновременно скот становится также мерилом всех ценностей и труда. Если сапожник желает знать, что даст ему в обмен пара сапог, какова ценность его продукта, то он рассуждает, примерно, так: я получу половину вола за свою пару сапог, моя пара сапог расценивается в полвола.

4. Наконец, будучи мерилом ценностей, скот служит для выражения богатства. Теперь не говорят: этот или тот богат, так как он имеет много зерна, стад, платьев, украшений, слуг; но говорят, — он имеет много скота. Теперь говорят также: шляпу долой перед этим человеком, он имеет 10.000 волов! Или же говорят: бедный человек, он вовсе не имеет скота!

Как вы видите, с распространением скота как всеобщего средства обмена общество может мыслить только в формах скота. Говорят и мечтают все время о скоте. Создается форменное поклонение скоту и восхищение перед ним: девушка лучше всего выйдет замуж, когда ее прелести увеличиваются благодаря скоту как приданому, — если даже женихом является не свиновод, но профессор, духовное лицо или поэт. Скот является синонимом человеческого счастья. О скоте и его чудесном могуществе сочиняются стихи. Из-за скота совершаются преступления и убийства. И люди, тряся головами, повторяют: «скот правит миром». Если эта поговорка вам кажется незнакомой, то персведите ее на латинский язык: древне-римское слово pecunia — деньги происходят от слова pecus — скот.

(В металлических деньгах завершается скидывание (die Abstreifung) потребительской ценности) [1]).

---

[1]) Прим. перев. Русские переводчики «Введения в политическую экономию» Розы Люксембург, имевшие возможность просмотреть подлинную рукопись Розы Люксембург, замечают, что эта последняя фраза написана на полях рукописи и представляет мысль, которую автор собирался развить.

2. Историческое возникновение и развитие обмена и денег.

Обмен действительно начинается уже в примитивных первобытных условиях, когда еще продолжает существовать коммунизм (Gemeineigentum) и именно в форме меновой торговли (Tauschhande), т. е. непосредственного обмена продукта на продукт. Натуральный обмен (меновую торговлю) мы находим уже на ранних ступенях человеческой культуры. Так как, однако, как указано в предыдущем изложении, обмен предполагает частную собственность обменивающихся сторон, то первая меновая торговля имела место не внутри общины или племени, но вне их, не между членами одного и того же племени, но между различными племенами и общинами, там, где они приходили в соприкосновение между собой. При этом не отдельные члены племени торгуют здесь с отдельными же членами чужого племени, но племена и общины в целом вступают в меновую торговлю между собой, ведя торг через своих вождей. Ходячее представление ученых экономистов о первобытном охотнике и первобытном рыбаке, которые на заре человеческой культуры в первобытных лесах Америки обмениваются друг с другом рыбой и дичью, — это представление, следовательно, вдвойне является исторической мечтой. В первобытные времена не только не существовало никаких изолированных, одиноко (für sich) живущих и работающих индивидов, но и сама меновая торговля между отдельными людьми впервые появилась на целые тысячелетия позднее. Вначале история знает только торговлю между племенами и народами. «Дикие народы, — говорит Лафито [1]), — постоянно ведут взаимные меновые сношения. Торговля их имеет тот общий признак с торговлею древних, что представляет непосредственный обмен одних вещей на другие. У каждого из них имеется нечто такое, чего нет у других, и торговля переносит все эти вещи от одного из них к другому. Таковы зерновой хлеб, гончарные изделия, меха, табак, одеяла, лодки, дикообразы, дикий рогатый скот, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, — словом, все, что только находится в употреблении для поддержания человеческой жизни... Торговля их ведется с главою племени, который представляет весь народ».

Далее, если мы в нашем предыдущем изложении начали с единичного случая обмена, — обмена между сапожником и пекарем и обсуждали это как нечто случайное, то и это строго соответствует исторической правде. Вначале обмен между отдельными дикими племенами и народами представляет нечто чисто случайное и независимое (не связанное с существованием самих этих племен и народов); он зависит только от случайных встреч и соприкосновений их между собой. Поэтому-то мы и видим, что регулярная торговля раньше всего возникает у кочевых народов, так как благодаря частым переменам места именно они наиболее часто вступали в соприкосновение с другими народами. Пока обмен остается случайным, обменивается друг на друга только излишек продуктов, только то, что остается по покрытии собственных потребностей племени или общины. С течением времени, однако, чем чаще повторяется случайный обмен, тем более он делается привычным; затем он становится правилом; и постепенно начинают изготовлять продукты непосредственно для обмена. В целях обмена племена и народы специализируются, таким образом, на какой-нибудь одной или нескольких отраслях производства. Возникает разделение труда между племенами и общинами. При этом торговля еще очень долго остается чисто меновой, т. е. непосредственным обменом продукта на продукт. Во многих местностях Соединенных Штатов меновая торговля была распространена еще в конце XVII столетия. В Мэриленде законодательное собрание устанавливало относительные пропорции для обмена табаку, масла, свинины и хлеба. В Корриентесе еще в 1815 г. мальчики бегали по улицам с криками: «соли за свечи, табаку за хлеб» и т. п. [2]). В русских деревнях еще в XIX столетии, а в некоторой степени еще и теперь [3]), странствующие коробейники, так называемые прасолы, ведут меновую торговлю с крестьянами. Всякого рода мелочи, иголки, наперстки, ленты, пуговицы, трубки, мыло и т. д., они обменивали на щетину,

---

[1]) LAFFITTEAU. «Moeure des sovages americains, comparées aux moeurs des premiers temps», 1724, т. II, стр. 322—3. Цитата заимствована у Н. Зибера, «Давид Рикардо и Карл Маркс», (Изд. 3-е, СПБ, 1897 г. стр. 227—228).

[2]) Н. И. ЗИБЕР. «Давид Рикардо и Карл Маркс», СПБ, 1897, стр. 227.

[3]) Свое «Введение в политическую экономию» Р. Люксембург писала еще до революции 1917 г. и даже до войны. (Прим. переводчика).

пух, заячьи шкурки и т. п. Подобной же торговлей в России занимались странствующие со своими телегами гончары, жестяники и т. д., обменивавшие собственные произведения на зерно, лен, пеньку, холст и т. д. [1]).

По мере того, как случаи обмена учащаются и становятся все более регулярными, уже очень рано в каждой местности и у каждого племени выделяется тот товар, который легче всего может быть им изготовлен, который, следовательно, чаще всего может быть отдан в обмен, или же, наоборот, тот товар, которого больше всего недостает,—следовательно, тот товар, который пользуется всеобщим спросом. Такую роль, например, играют: соль и финики в пустыне Сахаре, сахар в английской Вест-Индии, табак в Виргинии и Мэриленде, кирпичный чай (твердая смесь листьев чая с жиром в форме кирпичиков) в Сибири, слоновая кость у африканских негров, какао в древней Мексике.

Таким образом уже климатические и почвенные особенности различных местностей приводят к выделению «всеобщего товара», которому свойственно служить основой всей торговли и быть посредником всех меновых сделок. Тот же самый результат получается в дальнейшем развитии из особого рода занятий каждого племени. У народов охотничьих дичь, само собой разумеется, является тем «всеобщим товаром», который всеми предлагается за все возможные продукты. В торговле Гудсон-Байской Компании эту роль играли бобровые кожи. У племен рыболовных естественным посредником всех меновых сделок является рыба. По рассказам одного французского путешественника, на Шотландских островах даже при покупке театрального билета сдача дается рыбой.

Необходимость такого всеми излюбленного товара как всеобщего орудия обмена нередко ощущается очень остро. Вот как описывает мену с дикарями племени Оббо известный путешественник по Африке Самуил Бекер (Samuel Baker — «Путешествие к верховьям Нила», 221—22 стр.) [2]).

«Добывать съестные припасы становится все труднее. Туземцы не иначе продают муку, как в обмен на мясо. Поэтому мы приобретаем ее так: в обмен на платье и обувь покупаем у турецких торговцев железные «молоты» (мотыки); на молоты покупаем быка; его ведут в дальнюю деревню, убивают, и мясо разделяют приблизительно кусков на сто; с этим мясом и с тремя большими корзинами мои люди садятся на землю; туземцы приходят и за каждый кусок мяса высыпают в корзину по маленькой корзине муки. Вот образчик томительного средне-африканского торга мукой».

С переходом к скотоводству скот становится всеобщим товаром в меновой торговле и всеобщим мерилом ценности (в немецком тексте — Wertmassstab). Это имело место, судя по описанию Гомера, у древних греков. Точно описывая, например, снаряжение каждого героя и оценивая его, он говорит, что оружие Главка стоило 100 голов рогатого скота, а оружие Диомеда 9 голов. Но на ряду со скотом у греков в то время служили в качестве денег еще некоторые другие продукты. Тот же самый Гомер говорит, что при осаде Трои за вино с Лемноса платили то шкурами, то волами, то медью или железом. У древних римлян понятие «денег», как уже было указано, было тождественно с понятием скота. Точно так же и у древних германцев скот считался всеобщим товаром.

С переходом же к земледелию металлы, железо и медь получают выдающееся значение в хозяйстве отчасти как материал для изготовления оружия, но еще больше как материал для сельскохозяйственных орудий труда. С увеличением добычи и потребления металла, последний становится всеобщим товаром и вытесняет в этой роли скот. Первоначально металл становится всеобщим товаром только потому, что он вообще полезен и пользуется спросом (allgemein nützlich und begehrt) вследствие его естественного употребления как материала для всякого рода орудий. В этой стадии металл обращается в торговле так же, как сырой материал, — в слитках и только по весу. У греков во всеобщем употреблении было железо, у римлян — медь, у китайцев — смесь меди и свинца. Только много позже входят в употребление, а также и в торговый оборот, благородные металлы — серебро и золото. Однако же, благородные металлы еще очень долго принимаются в торговле по весу, в их необделанном спе-

---

[1]) Оба примера о России, равно, как и все другие исторические примеры, приводимые ниже, заимствованы из цитированной уже книги Н. И. Зибера (стр. 227 и сл.).

[2]) Н. И. ЗИБЕР. «Рикардо и К. Маркс», стр. 228.

циально для обращения виде, не в форме монет. Здесь, таким образом, еще заметно происхождение всеобщего товара, денежного товара, от обыкновенного, полезного для какого-нибудь употребления, продукта. Простой кусок серебра, который сегодня отдавался в обмен на муку, завтра еще мог быть обращен на изготовление блестящего рыцарского щита. Исключительное употребление благородного металла в качестве денег, т. е. в качестве денег в форме монет, не было известно ни у древних индусов, ни у египтян, ни у китайцев. И древние иудеи пользовались сперва только металлическими кусками, считаясь с их весом. Так, Авраам, как значится в ветхом завете, покупая у Эффрона гробницу [1]) для Сары, отвесил 400 сиклов торгового серебра. Предполагают, что деньги в форме монет появились только в X или даже VIII столетии до Р. Х. и при этом были введены сперва только греками. От греков употребление монет переняли римляне, которые свои первые серебряные и золотые монеты изготовили в III столетии до Р. Х. С появлением чеканки монет из золота и серебра история развития обмена, насчитывающая долгие тысячелетия, достигает своей самой полной, зрелой и законченной формы.

Мы сказали раньше, что деньги, этот всеобщий товар, уже совершенно образовались прежде, нежели вообще металл стал употребляться на изготовление денег. Действительно, уже в форме скота, например, деньгам присущи совершенно те же функции, что присущи им и в форме монет: как посредника меновых сделок, как мерила ценности, как средства накопления сокровищ, как воплощения богатства. Однако, только в форме металлических денег назначение денег получает выражение и во внешнем своем проявлении. Мы видели, что обмен начинается с простого обмена каждой из двух обменивающихся сторон продукта своего труда на необходимый каждой из сторон продукт труда другого. Он осуществляется потому, что один производитель — одна община или одно племя — не может обойтись без продуктов труда другой общины или другого племени. Обменивая между собой произведения своего труда, они доставляют друг другу необходимые им продукты. По мере того, как такие меновые сделки повторяются все более часто и регулярно, о д и н какой-нибудь продукт выделяется как особенно предпочитаемый и пользующийся всеобщим спросом; этот продукт становится посредником всех меновых сделок, всеобщим товаром. Сам по себе каждый продукт мог бы стать таким товаром, т. е. деньгами: сапоги или шляпы, полотно или шерсть, скот или зерно; и мы, действительно, видим, как самые различные товары время от времени играли эту роль. К а к о й именно товар избирается для этой роли,— зависит только от специфических потребностей или от специфического занятия данного народа. Скот сперва становится общеизлюбленным как полезный продукт, как жизненное средство. Но с течением времени он спрашивается и принимается, главным образом, как деньги. Ибо в качестве таковых скот служит каждому для того, чтобы сохранить плоды своего труда в такой форме, которая в любое время может быть обменена на всякий любой продукт труда в обществе. Скот, как мы сказали, является в отличие от всех других частных продуктов, единственным непосредственно-общественным продуктом, который может быть обменен во всякое время и неограниченно. Но в скоте, как форме денег, еще сильно выражена двойственная природа денежного товара: один взгляд на скот показывает, что скот, будучи всеобщим товаром и общественным продуктом, тем не менее является в то же время и жизненным средством, которое можно убить и потребить, что, следовательно, он — в то же время обыкновенный продукт человеческого труда, труда пастушеского народа. Напротив, в золотой монете всякое воспоминание о происхождении денег от обыкновенного продукта уже исчезло. Чеканенный золотой кружочек сам по себе непригоден ни для чего другого, не годится ни для какого иного употребления, кроме того, чтобы служить в качестве орудия обмена, в качестве всеобщего товара. Вообще он является товаром постольку, поскольку он, подобно всякому другому товару, является продуктом человеческого труда, труда рабочего на золотых приисках и золотых дел мастера. Но он перестал годиться для какого бы то ни было индивидуального употребления в качестве средства жизни. Он только является произведением труда, но лишен какой бы то ни было полезной, годной для индивидуального употребления, формы. Он вовсе не употребляется

[1]) В немецком тексте «Grabstätte («место погребения»). Этот пример также заимствован у Н. Зибера, который говорит о гробнице.

в качестве индивидуального средства жизни, — пищи, одежды или украшения; он служит только для чисто общественного употребления в качестве посредника в обмене других товаров. И именно поэтому в предмете, который сам по себе не имеет смысла и назначения, в золотой монете как раз и получает свое наиболее чистое и наиболее законченное выражение чисто общественный характер денег, характер их как всеобщего товара.

Последствием окончательного развития денег в металлической форме является громадное расширение торговли и распад всех тех общественных отношений, которые до этого ориентировались не на торговлю, а на собственное потребление; ибо торговля содействует развитию имущественного неравенства между членами общины, ускоряет уничтожение общинной собственности и приводит к распаду самой общины. Мелкое крестьянское хозяйство, которое раньше все производило для собственного потребления и продавало только избытки для того, чтобы копить деньги в чулок, вынуждалось, собственно благодаря введению денежных налогов, все более и более продавать всю свою продукцию, чтобы затем покупать не только пищу, одежду, домашнюю утварь, но даже зерно для посева. Пример такого превращения крестьянского хозяйства из хозяйства, производящего для собственного потребления, в хозяйство, производящее для рынка, и благодаря этому совершенно разрушающегося, мы могли еще своими глазами наблюдать в течение последних десятилетий в России. И в древнем рабстве торговля приносит с собой глубокие изменения. Пока рабы используются только для нужд домашнего хозяйства, на сельскохозяйственных или ремесленных работах для нужд господина и его семьи, рабство носит еще патриархальный, мягкий характер. Но как только греки и позже римляне вошли во вкус денег и стали производить для рынка (торговли), началась бесчеловечная эксплоатация (Swinderei) рабов, вынуждавшая их к массовым восстаниям. Будучи, правда, сами по себе совершенно безнадежными, эти восстания являлись, однако, вестниками и явными показателями того, что рабство себя пережило и стало невыносимым. Совершенно то же самое повторяется в средние века с барщинными отношениями. Сначала это были отношения, имевшие под собой основание в той защите, которая оказывалась крестьянству дворянством, за что крестьянство обязано было в пользу своих благородных охранителей вполне определенным натуральным оброком или вполне определенной трудовой повинностью, которые служили только для удовлетворения собственных потребностей господ. Позднее, когда дворянство познало прелести денег, повинности и оброки все более повышаются в целях получения возможно большей массы продуктов для продажи на рынке, барщинные отношения (Fronverhältnisse) превращаются в крепостничество (Leibeigenschaft) и крестьянин обдирается до последних пределов (Маркс, Капитал, т. I, гл. VIII, § 2). В конце концов то же самое развитие торговли и усиление господства денег приводят к замене натуральных повинностей и услуг денежными платежами. Но это означает, что пробил час совершенно переживших себя барщинных отношений. Торговля, наконец, доставляет в средние века свободным народам могущество и богатство, но одновременно приводит благодаря этому также к разложению и распаду старого цехового ремесла. Собственно, благодаря появлению металлических денег уже очень рано развивается мировая торговля. Уже в древности отдельные народы, как, например, финикияне, посвящают себя на роль торговых посредников между народами, дабы таким путем привлечь к себе денежные массы и в денежной форме накопить богатство. В средние века эта роль выпадает на долю городов, по большей части итальянских. После открытия Америки и морского пути в Ост-Индию в конце XV столетия мировая торговля испытывает внезапное огромное расширение: новые страны были источником как новых продуктов для торговли, так и новых золотых рудников и, следовательно, нового золотого материала. После огромного ввоза золота из Америки в XVI столетии наступает — благодаря связанному с ним развитию мировой торговли — рост богатств северо-германских городов, главным образом, ганзейских, — затем Голландии и Англии. Вместе с тем в европейских городах, а также в значительной степени и в сельских местностях (auf dem flachen Lande) товарное хозяйство, т. е. производство для обмена, становится господствующей формой хозяйственной жизни.

Итак, обмен начинается со скромных и незаметных зачатков еще в седой древности на границах коммунистических племен; он подымается и растет на ряду со всеми, последовательно сменяющимися, формами планомерной организации хозяйства,

каковы простое свободное крестьянское хозяйство, восточная деспотия, античное рабство, средневековое крепостничество, городская цеховая система; поглощая и разрушая одну за другой все эти формы, обмен приводит, наконец, к торжеству совершенно анархичного бесплановой хозяйства изолированных частных производителей как единственной и повсюду господствующей хозяйственной формы.

3. Загадка денежной формы и связанные с ней заблуждения.

После того, как товарное хозяйство стало господствующей формой производства в Европе, по крайней мере в городах, в XVIII столетии ученые занялись исследованием вопроса о том, на чем покоится это хозяйство и присущий ему всеобщий обмен. Но обмен совершается посредством денег, ценность каждого товара получает в обмене свое денежное выражение. Что же означает это денежное выражение и от чего зависит ценность каждого товара в торговле? Это были первые вопросы, которые стала исследовать политическая экономия. Во второй половине XVIII и в начале XIX столетия англичанами Адамом Смитом и Давидом Рикардо было уже сделано крупное открытие, что ценность каждого товара есть не что иное, как заключенный в нем человеческий труд и что поэтому при обмене товаров обмениваются между собой одинаковые количества различного труда. Деньги же являются при этом только посредником и выражают в цене только соответствующее количество труда, которое заключается в каждом товаре. Собственно, представляется замечательным, что здесь можно говорить как о крупном открытии, когда на самом деле, как следовало бы полагать, нет ничего более ясного и само собой разумеющегося, чем то, что обмен товаров покоится на заключенном в них труде. Однако, выражение ценности товаров в золоте, которое стало всеобщим и чрезвычайно обыкновенным, скрывало эту естественную сущность. В самом деле: когда я говорю, что сапожник и пекарь взаимно обмениваются своими продуктами, то еще понятно и очевидно, что обмен происходит именно потому, что, несмотря на различное назначение, один продукт стоил труда так же, как и другой, что один равноценен другому, поскольку они потребовали для своего изготовления одинакового времени. Но когда я говорю, что одна пара сапог стоит 10 марок, то это выражение, если на нем ближе остановиться, оказывается первоначально чем-то совершенно загадочным. Что, в самом деле, имеют общего между собой пара сапог и 10 марок? В чем, собственно, они равны между собой, чтобы обмениваться друг на друга? Как вообще можно сравнивать между собой столь различные вещи? И как можно в обмен на полезный продукт, в роде сапог, принимать такой бесполезный и бессмысленный предмет, как чеканенные золотые или серебряные кружки? Почему, наконец, именно эти бесполезные металлические кружочки обладают волшебной силой все на свете получать в обмен? Даже великим творцам политической экономии, Смиту и Рикардо, не удалось ответить на все эти вопросы. Открытие, что в меновой ценности всякого товара, равно как и в деньгах заключается лишь человеческий труд и что таким образом ценность каждого товара тем больше, чем больше труда требуется на его изготовление, и обратно,—это открытие является только половиной правды. Другая половина правды заключается в раз'яснении того, каким образом и почему человеческий труд принимает странную форму меновой ценности и совершенно загадочную денежную форму. Этих последних вопросов английские творцы политической экономии даже ни разу не ставили себе; ибо они считали врожденным, от природы данным, свойством человеческого труда то, что он создает товары для обмена и деньги.

Поэтому-то, другими словами, они полагали, что то, что человек должен производить своими руками именно товары для торговли, также естественно, как и то, что он должен есть и пить и что на голове у него волосы, а на лице нос. В этом они были убеждены так твердо, что, например, Ад. Смит весьма серьезно ставил вопрос, не ведут ли даже звери торговлю друг с другом, и отрицал это только потому, что ни одного подобного случая у зверей не было замечено. Он говорит:

«Оно (разделение труда) есть необходимое, хотя и очень медленно и постепенно развивающееся, последствие известной склонности, коренящейся в человеческой природе, ... склонности вступать во взаимный обмен и выменивать одну вещь на другую. Составляет ли эта склонность одно из тех первоначальных свойств челове-

ческой природы (one of those original principles in human nature), которым не может быть дано никакого дальнейшего об'яснения; или же, что кажется более вероятным, не составляет ли она необходимое последствие разума и дара речи,—это не относится к нашему настоящему предмету исследования. Она присуща всем людям и не обнаружена ни у одного другого рода животных, которым, кажется, неизвестны соглашения ни этого, ни всякого другого рода» [1]).

Но это наивное представление не означает ничего иного, как то, что великие творцы политической экономии жили с твердым убеждением, что современный капиталистический строй общества, при котором все является товаром и все производится только для обмена, есть единственно возможный и вечный строй общества, который будет существовать, пока существует на земле человеческий род. Только Карл Маркс, который, как социалист, считает современный капиталистический строй не вечной и не единственно возможной, но преходящей исторической общественной формой, стал сопоставлять современные отношения с прежними отношениями других эпох. Он показал при этом, что люди тысячелетия жили и трудились, не зная ни денег, ни обмена. Только после того, как прекратился общий и планомерный труд всего общества, и общество превратилось в вольное анархическое скопище совершенно свободных и самостоятельных производителей с частной собственностью,—обмен стал единственным средством об'единения разрозненных индивидов и их труда в связанное воедино общественное хозяйство. Вместо общего хозяйственного плана, предшествующего производству, выступили теперь деньги, которые и явились единственным прямым средством общественной связи. Таким единственным прямым средством общественной связи деньги оказываются как раз потому, что то, что является единственно общим для множества отдельных производителей, а именно известное количество человеческого труда, они представляют без всяких его специфических полезностей, т. е., следовательно, как раз потому, что они являются продуктом, лишенным всякого смысла и негодным ни на какое употребление в человеческой индивидуальной жизни. Это бессмысленное изобретение является, таким образом, необходимостью, так как без него был бы вообще невозможен обмен, а, следовательно, и вся история культуры со времени разложения первобытного коммунизма и до настоящего времени. Буржуазные экономисты, конечно, также считают деньги весьма важной и необходимой вещью; при этом, однако, они смотрят на деньги с точки зрения чисто внешнего удобства товарообмена. В действительности же так говорить о деньгах—значит говорить о них в том же смысле, какой, например, имело бы утверждение, будто человечество изобрело религию ради удобства. На самом же деле и деньги и религия—два могущественных продукта человеческой культуры, которые только коренятся в определенных преходящих отношениях и, однажды возникнув, со временем станут излишними. Огромные ежегодные издержки по добыче золота, равно как и расходы на культ, а также и расходы на тюрьмы, милитаризм и публичную благотворительность, которые ныне сильно обременяют общественное хозяйство, но которые тем не менее являются при существующей форме хозяйства необходимыми издержками,—все они сами собой отпадут с исчезновением товарного хозяйства.

Товарное хозяйство, насколько мы ознакомились с его внутренним механизмом, кажется нам удивительно гармоничным и покоящимся на высших принципах морали хозяйственным порядком. Во-первых, господствует, ведь, полная индивидуальная свобода; каждый работает, как, над чем и сколько он хочет, вполне по собственному усмотрению; каждый сам себе господин и должен считаться только с собственной выгодой. Во-вторых, каждый выменивает свои товары, т. е. продукты своего труда, на продукты труда других; следовательно, каждый обменивает труд на труд и при том в среднем равные количества труда на равные; тут господствует, таким образом, полное равенство и соответствие интересов. В-третьих, при товарном хозяйстве товар дается только за товар, продукт труда за продукт труда; кто, следовательно, не может предложить никакого продукта своего труда, кто не трудится, тот ничего не получит для своего существования; и, таким образом, в товарном хозяй-

---

[1]) Из Адама Смита («The Wealth of nations» («Богатство народов»), книга 1, глава 2. На месте приведенной цитаты в рукописи пропуск, цитированный предполагаемый текст внесен издателем Ад. Смита.

стве осуществляется высшая справедливость. И в самом деле, философы и политики XVIII столетия, боровшиеся за полную победу промышленной свободы и за отмену последних остатков господства старых отношений цеховой регламентации и федерального крепостничества, люди Великой Французской Революции обещали человечеству рай на земле, в котором царили бы свобода, равенство и братство.

Подобного мнения еще держались некоторые видные социалисты первой половины XIX столетия. Когда была создана научная политическая экономия и было сделано великое открытие Смита-Рикардо, что ценность товаров покоится на человеческом труде, отдельные друзья рабочего класса приходили к мысли, что при правильном осуществлении товарообмена в обществе будут господствовать полное равенство и справедливость. Так как всюду обмениваются между собой только одинаковые количества труда, то не может наступить неравенства в богатстве, за исключением вполне заслуженного неравенства между трудолюбивыми и ленивыми, и все общественное богатство должно будет принадлежать тем, кто работает, т. е. рабочему классу. Если мы тем не менее наблюдаем в современном обществе большие различия в положении людей, если мы видим богатство рядом с нищетой и при том богатство у тех, кто не трудится, а нищету у тех кто своим трудом создает все ценности, то это очевидно проистекает от условий обмена (so muss das offenbar aus einer Unredlichkeit bei dem Austausch entstehen) и именно благодаря тому обстоятельству, что при обмене продуктов труда вклиниваются в качестве посредника деньги. Деньги затемняют истинное происхождение всех богатств от труда, допускают (вызывают) постоянные колебания цен и благодаря этому создают возможность произвольных цен, а вместе с этим и возможность обмана и накопления богатств за счет других. Поэтому долой деньги! Этот, направленный на устранение денег, социализм впервые появился в Англии, где его уже в 20 и 30 годах прошлого столетия защищал ряд очень талантливых писателей, как Томпсон, Брей и др. Потом социализм этого же сорта еще раз изобрел в Пруссии консервативный померанский помещик и блестящий экономист-писатель Родбертус. И в третий раз этот же социализм изобретен во Франции в 1849 г. Прудоном. В этом направлении делались даже практические попытки. Под влиянием названного выше Брея в Лондоне и других городах Англии основывались так называемые «базары для справедливого трудового обмена», куда приносились товары для обмена без посредства денег и в строгом соответствии с заключенным в них рабочим временем. С этой же целью предложил основание своего так называемого «народного банка» и Прудон. Эти попытки, равно как и сама теория очень скоро обанкротились. Товарообмен в действительности немыслим без денег; и те колебания цен, которых желали избежать, являются в сущности единственным средством показать товаропроизводителям, мало или много производят они того или иного товара, больше или меньше труда, чем необходимо (erforderich) затратили они на производство своих товаров, производят ли они именно те товары, которые нужны или нет. Если устранить это единственное средство вразумления отдельных изолированных товаропроизводителей в анархическом хозяйстве, то они совершенно потеряются, так как они станут не только глухонемыми, но и слепыми. Тогда производство должно будет остановиться, а капиталистическая вавилонская башня — развалится. Социалистические планы, желающие превратить капиталистическое товарное производство в социалистическое только посредством уничтожения денег, являются, следовательно, чистой утопией.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕНЕГ И ИХ ФУНКЦИИ [1]).

КАРЛ КАУТСКИЙ.

1. Возникновение и развитие денег.

Одновременно с торговлей, которая со времени роста и укрепления (Aufkommen) государства быстро принимает широкие размеры, возникает также потребность в средстве (орудии), которое облегчало бы тяжеловесный обмен одних товаров на другие, обладало бы собственной ценностью и вместе с тем давало бы возможность точнее измерять соотношения ценностей одних товаров к другим. Это вместе с тем должно было быть такое орудие, потребительная и меновая ценность которого мало изменялась бы с течением времени и которое вследствие этого давало бы возможность откладывать прибыли, получаемые от торговли для того, чтобы можно было при помощи накопленных средств добиваться больших результатов (путем ли возведения сооружений или постройки судов, создания ли имений и т. п.), или же для того только, чтобы быть в состоянии в течение длительного периода времени проводить жизнь без труда и в наслаждениях. Такая же потребность в неизменчивой ценности этого орудия возникла для нужд взимания ростовщических процентов.

Орудие (средство), которое удовлетворяло этим требованиям, было особым товаром, ставшим затем деньгами. Оно такое же средство общения (Verkehrsmittel) как речь и письмо; средство, которое возникло так же, как и эти последние из общения людей, а вместе с тем из потребности закрепления за собой приобретенного.

Так же, как и речь и письмо это орудие возникло (образовалось), а отнюдь не было изобретено, хотя в своих высших формах оно подвергалось многообразному и сознательному регулированию государства.

О существе, возникновении и функциях денег Маркс подробно трактовал в своих трудах: «Критика политической экономии» и «Капитал».

Опираясь на Маркса и на его теорию ценности (единственно правильно об'ясняющую существо денег), я неоднократно писал на эту же тему. Я не стану здесь повторяться. Я буду короток. Интересующихся этим вопросом я отсылаю к VII главе моей книги: «Sozialdemokratische Bemerkungen zur Uebergangswirtschaft» — Leipzig, 1918, S.S. 106—156.

Деньги возникли как товар, в котором каждый может нуждаться и который принимается каждым. До тех пор, пока такого товара не существовало, оказывалось необходимым, чтобы приносивший на рынок свой товар находил там на него покупателя, который не только нуждался бы именно в его товаре, но который одновременно с тем, с своей стороны, сам располагал бы товаром, нужным его контрагенту.

Товарные обороты существенно облегчились, когда каждый привык к тому, что его конкретный товар стал обмениваться на товар, который принимается всеми.

Не менее важной функцией денег, как орудия обращения, является их функция, как мерило ценности, а также как средство накопления, аккумуляции богатств.

Неоднократно высказывалось суждение, будто деньги не являются товаром, что они—только свидетельство (Anweisung) на получение такового. Это об'ясняется тем, что денежный товар при высоком уровне развития товарной торговли и при

---

[1]) Karl Kautsky, Die materialistische Geschichtsauffassung Berlin 1927. B II. Kapitel VIII—IX S.S. 185—204.

большой регулярности и устойчивости оборота оказалось возможным заменять для нужд обращения простыми свидетельствами на денежный товар. А так как государство гарантировало своим клеймом (чеканом) подлинность и полноценность определенных единиц денежного товара (благодаря чему он становился монетой)—некоторые и полагали, что именно государство создает деньги и устанавливает их ценность.

И только в течение последних лет, в период инфляции, все мы испытали на собственной шкуре, насколько опасными могут стать подобного рода ошибки.

Указанные ошибочные суждения относятся, однако, лишь к функции денег, как орудия товарного обращения. При этом вовсе забывают, что деньги должны функционировать так же, как мерило ценности.

В качестве такового, деньги должны измерять ценность другого товара собственной ценностью, что оказалось бы невозможным, если бы они не имели никакой самостоятельной ценности и были бы лишь простым бумажным знаком. (»Papierschein).

Всегда в тех случаях, когда два товара взаимно обмениваются один на другой, ценность одного измеряется ценностью другого. Чем больше и чаще какой-либо один товар принимается каждым при обмене, чем в большей мере этот товар начинает этим отличаться от остальных товаров, тем в большей степени становится обычным измерение ценностей всякого товара в определенных количествах этого одного, принимаемого всеми товара. Это количество становится ценой, которую надлежит уплатить за товар.

Чем больше развивается товарооборот, чем в большей степени он перестает быть случайным актом, чем регулярнее он совершается в определенных пунктах, на базарах, чем больше появляется товаров на рынке, и чем многообразнее становятся эти товары,—тем в большей степени один предпочитаемый товар становится всеобщим орудием обмена. Но вместе с тем он развивает одновременно свои функции, как мерило ценности и как средство обращения.

Однако, не всегда он должен осуществлять при одной и той же меновой операции обе функции. На заре товарного оборота часто случается, что денежный товар служит только мерилом ценности, являясь выражением цены товаров, без того, чтобы при этом платили деньгами. И даже имеет место натуральный обмен.

Древние египтяне, например, употребляли уже в III столетии до Рождества Христова медь и золото (но не серебро) в качестве денежного товара и всеобщего мерила ценности; но измеряемые в своей ценности при помощи денег товары обменивались большей частью непосредственно (in natura).

Так, например, в одной из таких меновых сделок обменивался бык. Его ценность устанавливалась равной 119 медных утну (14,4 кгр. меди). За него было дано: 1 мат, который расценивался=25 утну, 5 мер меду стоимостью в 4 утну, 8 мер масла стоимостью в 10 утну и еще различных предметов на остальную сумму.

В данном случае медь осуществляет функцию измерителя ценности. Она функционировала бы также как и средство обращения, если бы владелец быка получила за него в уплату 119 медных утну, а на последние приобрел бы затем мат и проч. предметы.

То обстоятельство, что в древнем Египте медь функционировала в большей степени как мерило ценности, чем как средство обращения, происходило от того, что медь пользовалась большим спросом как предмет потребления. Именно это обстоятельство и делало ее особенно подходящим материалом для денежного товара. Однако, до тех пор пока ее производство еще не получило широкого развития, это препятствовало применению ее, как орудия обращения, так как поскольку она обращалась в качестве этого последнего, она, конечно, не получала применения в промышленности.

Само собой разумеется, что для того, чтобы какой-либо товар стал денежным товаром (товар-деньги=Geldware) еще недостаточно, чтобы он охотно принимался всеми. К этому должны присоединиться еще и другие свойства. К таковым относится устойчивость ценности (Wertbeständigkeit), которая требует не только устойчивости условий производства этого товара, но вместе с тем и устойчивости качеств, определяющих его потребительную ценность. Далее, к числу свойств денег-товара относится возможность делимости на мелкие и мельчайшие частицы, каждая из которых обладает одинаковой потребительной ценностью, такой же, как и крупные части, вследствие

чего эти дробные части отличаются одна от другой исключительно по количеству затраченного на них труда.

Как известно, такого рода предметов, которым были бы свойственны все эти свойства, существует немного. Они отсутствуют, например, у зверей; и именно поэтому не могло утвердиться использование в качестве денег рогатого скота, которое встречалось у некоторых скотоводческих народов. В качестве мерила ценности скот, пожалуй, еще имел известное применение; но в качестве орудия обращения его применение должно было зачастую наталкиваться на трудности. Где им пользовались как деньгами, — там одновременно с этим зачастую должен был иметь место натуральный обмен.

Роза Люксембург говорит об этом следующее:

«С переходом к скотоводству скот становится всеобщим товаром в меновой торговле и всеобщим мерилом ценности. Так оно было, судя по описанию Гомера, у древних греков. Точно описывая, например, снаряжение каждого героя и оценивая его, он говорит, что снаряжение Главка стоило 100 быков, а снаряжение Диомеда—9 быков».

И Р. Люксембург вынуждена добавить к этому следующее:

«На ряду со скотом в то время у греков выполняли функцию денег также некоторые другие предметы. Тот же Гомер говорит, что при осаде Трои за лемносское вино платили то шкурами, то волами, то медью, то железом». (Einführung in die Nationalökonomie, Berlin, 1925, 227, 228).

Весьма сомнительно, можно ли называть деньгами эти «некоторые другие предметы». В данном случае вино обменивалось просто-на-просто в порядке натурального обмена на другие предметы. Стало-быть, приходится поставить вопрос также и над нижеследующими строками Розы Люксембург:

«Деньги, — иначе говоря, всеобщий товар, — уже полностью развились, прежде чем вообще для их изготовления стали применяться металлы. Уже в форме скота, например, деньги фактически выполняли точно такие же функции, какие в настоящее время выполняет золотая монета: функции посредника в меновых сделках, мерила ценности, средства накопления и воплощения богатства» (S. 229).

Мы не станем останавливаться на том, что в данном случае Р. Люксембург говорит об использовании металлов для нужд «изготовления денег» («Geldauffertigen»). Об этом можно говорить только тогда, когда имеют в виду существование денег в форме монет, что имело место впервые в седьмом столетии до нашего летоисчисления. Но уже больше, чем две тысячи лет до этого, металлами пользовались в качестве денег. Производство золота и серебра, само по себе, еще не является «изготовлением» денег. Благородными металлами в течение многих тысячелетий пользовались как материалом для украшений прежде чем они начали функционировать, как деньги. Но об этом я упомянул между прочим.

Больше сомнений вызывает утверждение Р. Люксембург, что деньги уже «совершенно развились» (Ganz ausgebildet) до того, как в качестве таковых, применялись благородные металлы. По моему мнению, только благородные металлы обладают качествами, позволяющими им «совершенно развить» деньги. Все, что функционировало в качестве денег до этого времени, неизменно наталкивалось на границы, препятствовавшие их всеобщему применению, — а стало быть, и полному развитию (оформлению).

Сказанное относится не только к функции денег, как орудия обращения, но также и к их функции, как средства сбережения. Но об этом мы будем говорить подробнее позже, ибо этот момент нас особенно интересует в данном контексте.

Товарищ Роза Люксембург наглядно изображает возникновение и функционирование денег, пользуясь измышленной ею иллюстрацией, которая выражена ею отчасти очень шутливо, но которую она считает очень серьезной.

Она демонстрирует пред нами сапожника в условиях хозяйства, в котором скот функционирует как деньги и как богатство.

Она говорит по этому поводу следующее:

«Форма скота, как мы знаем, — официальная общественная форма труда, и в этом виде сапожник может ее сохранять сколько ему заблагорассудится, ибо он знает, что от него же зависит превращение продукта своего труда в любой момент вновь из формы скота в иную любую форму, а это значит — совершить покупку.

Но именно тем самым скот становится так же средством накопления и сбережения богатств, — он становится средством накопления сокровищ...» «И так как скот во всякое время годится для всего, он сберегает его и накапливает для будущего». (S. 219).

К сожалению однако, такое накопление скота затруднительно. Скот — «пожирающий капитал». Сапожник должен его кормить, дабы он не превратился в «мертвый капитал», и чтобы сокровище не стало нагромождением бесполезных трупов. Пределы запасов корма и площадей пастбищ у обладателя денег при функционировании «денег-скота» являются одновременно пределами для образования его сокровищ, его денежной аккумуляции; но эти границы отпадают, коль скоро в качестве денег начинают функционировать благородные металлы. Сапожник в состоянии накапливать эти последние, насколько только это возможно. Ведь, благородные металлы не нуждаются в корме; равным образом они не принадлежат к сокровищам, которые пожираются ржавчиной или молью, они не изменяются в своих физических свойствах, они лишь в незаметных размерах подвержены изменениям в их ценности, даже тогда, когда они хранятся в течение десятилетий. Равным образом благородные металлы не только могут быть сохраняемы без порчи, но также и легко скрываемы, например, путем закапывания, что тоже часто практиковалось до возникновения банков и капиталистического способа использования денег. Как известно, закапывание сокровищ изображается как излюбленное занятие в сказках старых времен. Точно так же благородные металлы в большинстве случаев более транспортабельны, нежели скот. Правда, этот последний может самостоятельно передвигаться, но эта способность не спасает при необходимости переправляться через море. Напротив, несколько слитков золота можно легко доставить до самых отдаленных морских берегов даже на небольшом судне. Равным образом скот труднее, нежели мешочек золота транспортировать через далекие песчаные степи, или через девственные леса.

И только металлические деньги становятся совершенно развившимися деньгами. Точнее говоря, — не просто металлические деньги, но лишь монета. Дело в том, что о совершенно развившихся деньгах можно говорить только тогда, когда их потребительная ценность сводится исключительно к тому, что они выполняют функции орудия обращения, когда они (деньги) не находят себе никакого иного применения. Это наступает только тогда, когда они принимают форму монеты. Золотая или серебряная монета существует только для того, чтобы за нее можно было покупать (или производить при помощи ее платежи). И если имеют в виду использовать монету иначе, — например, в качестве зубной пломбы, либо как материал для производства украшений, или для посуды, — то для этого необходимо сначала лишить ее формы монеты, необходимо ее расплавить.

О видах денег (Geldsorten), обращающихся до появления металлических денег, безусловно не приходится говорить, что они представляют собой вполне «развившиеся деньги», т. е. деньги, которые, в состоянии осуществлять все функции, выполняемые деньгами в условиях товарной торговли, в которых эта последняя нуждается и которые делают возможным дальнейшее развитие денег.

Из товарного оборота возникают не только деньги, но также и необходимость накопления денежных сокровищ, сначала в качестве торговых оборотных и резервных фондов (Betriebsfonds und Reserwefonds). При всеобщем товарном производстве также и производитель не в состоянии пускать в ход свое дело или поддерживать его на ходу без определенного накопления. Эту функцию деньги могут выполнять в совершенстве лишь как благородный металл.

Но деньги не могут развиваться, если они не становятся (пользуясь термином Рошера) «приятным товаром» так же и для других групп населения, а не только для производителей товаров и для торговцев. Обладатель денег может купить любой товар, появляющийся на рынке, он может покупать человеческие услуги, более того — самих людей. Деньги становятся орудием власти, притом безусловно могучим орудием. Основой самой военной мощи становится денежная власть. В конце концов дело доходит до того, что маршал Frivulzio в XV веке вычеканил изречение, которое в XVII веке повторил граф Montecuccoli, а именно, что для того, чтобы вести войну, необходимы три вещи: деньги, деньги и опять деньги. Правда, во время великой фран-

цузской революции адвокат Дантон перефразировал изречение маршала в том смысле, что признал самым необходимым смелость, смелость и еще раз смелость.

В действительности в наше время для войны необходимо и то, и другое, а кроме того и еще кое-что, — разумение и знание.

Во всяком случае по мере развития товарной торговли и товарного производства государственная власть все в меньшей степени в состоянии утвердиться без денег, — тем усерднее она ищет денег, тем старательнее она стремится превратить в денежные платежи подати и повинности, к которым она обязывает подданных.

Совершенно иное об'яснение процесса исторического развития денег дает новая теория, представленная наиболее талантливо Максом Вебером. В своей «Wirtschaftsgeschichte» он таким образом начинает параграфы, трактующие о деньгах и об истории денег.

«Исторически деньги — творец индивидуальной собственности: этим свойством они обладают с самого же начала, и, наоборот, нет такого об'екта, имеющего характер денег, который не обладал бы вместе с тем индивидуальным характером владения».

«Об'ектами древнейшей индивидуальной собственности являются предметы, которые изготовлялись отдельным индивидом для самого себя, — каковы инструменты и вооружения у мужчин, предметы украшения у мужчин и женщин. Они переходят от одного лица к другому по особому праву наследования; в этой сфере нам приходится прежде всего искать первичные зачатки денег» (S. 208).

Эти рассуждения весьма своеобразны. Вначале говорится о том, что деньги — творец индивидуальной собственности. Это может означать только одно, — что до возникновения денег вообще не существовало индивидуальной собственности. Но непосредственно вслед за этим говорится о том, что древнейшую индивидуальную собственность представляют предметы, которые изготовляются отдельными индивидами для самих себя, что, естественно, имеет место без участия денег, и что мы должны искать возникновения денег именно в сфере этой индивидуальной собственности. Итак: деньги — творец индивидуальной собственности; но эта собственность существовала еще до возникновения своего творца, — она возникла из созданного ею продукта.

Приведенное рассуждение в достаточной степени странно. Однако, не менее странным представляется нам также и другое утверждение М. Вебера.

«В настоящее время деньги выполняют прежде всего две функции: они являются октроированным (установленным) платежным средством и всеобщим орудием обмена. Из этих обоих функций исторически более ранней является функция денег, как октроированного платежного средства (подчеркнуто мной—К.). На этой стадии деньги не являются орудием обмена (Tauschloses Geld) [1]); это их свойство становится возможным потому, что хозяйство, где нет обмена, также знает услуги (Leistung), оказываемые одним хозяйством другому, которые, однако, не основываются на обмене, но которые вместе с тем делают необходимым наличие платежного средства; таковы — дани, подарки вождям, приданое, выкуп невесты, штрафы, пени, вира, — иначе говоря, платежи, которые производятся при помощи типических платежных средств». (S. 209).

Это воззрение покоится на «государственной теории денег» Кнапа. Эту теорию Макс Вебер принимает с небольшой оговоркой и говорит о ней, что в остальном она является совершенно правильной и безусловно блестящей, навсегда фундаментальной» (Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen 1925. 2 Aufl. S. 99).

Мы не имеем возможности заняться здесь разбором теории Кнапа. В данном контексте нас интересует лишь утверждение, что функция денег, как платежного средства возникает якобы до того, как возникает их функция, как «средства обмена» (Tauschmittel), — иначе говоря, как «орудия обращения» (Zirkulationsmittel). Такая постановка вопроса характерна для Макса Вебера.

Сам Кнапп заявляет, что «лишь циркуляторное применение обусловливает свойство платежного средства» (Die Staatliche Theorie des Geldes III Aufl. 1921. S. 5).

Маркс также различает функции денег, как орудия обращения (Zirculationsmittel) и средства платежа (Zahlungsmittel). Правда, он никогда не обозначает

[1]) Подчеркнуто Вебером. К.

деньги, как «средство обмена» (Tauschmittel). Конечно, деньги являются средством (орудием), которые замещают обмен куплей. Но обозначение денег не орудием обращения и не средством купли, а средством обмена, означает замазывание различия существующего между обоими по существу отличными одно от другого явлениями.

Сначала, говорит Маркс, деньги служат орудием обращения. Мы имеем дело, с одной стороны, с владельцем товаров, продающим эти товары, а с другой, — с обладателем денег, отдающим деньги за товар. Но, вот, в процессе развития товарного обращения наступают события, при наличии которых владелец товаров отдает эти последние без того, чтобы немедленно же получить за них деньги. Он довольствуется обещанием, что деньги ему будут уплачены позже. В данный момент покупатель не располагает необходимой суммой. В таком случае следуемые деньги уплачиваются позже, — и они функционируют теперь, как платежное средство; имеет место не приобретение товара, — что произошло уже раньше, — напротив, теперь только оплачивается долг.

«На известном уровне развития и при достаточно широких размерах товарного производства функция денег, как платежного средства, выходит за рамки сферы обращения товаров. Деньги становятся всеобщим товаром всяких контрактов. Ренты, налоги и т. п. превращаются из натуральных поставок в денежные платежи» (Маркс. «Капитал», т. I, глава III, § 3-в «о средстве платежа»).

У Вебера процесс протекает в обратном направлении, чем у Маркса.

Сначала деньги функционируют, как средство оплаты обязательств, и только после этого, как средство для приобретения товаров. По Веберу, деньги функционируют, как платежное средство еще до того, как существует какой бы то ни было товарообмен, т. е. в хозяйстве, где нет обмена.

Для того, чтобы прийти к такому выводу, Вебер, оперирует понятием «октроированного» (oktroyiert) платежного средства. Он говорит, что еще задолго до того, как возникло товарное обращение, государственная власть возлагала на отдельные хозяйства повинности (Leistung) и при том повинности совершенно определенного характера. Благодаря тому, что предметы натуральной повинности (Naturalien), которые должен был доставлять каждый гражданин, были точно фиксированы, создалось якобы такое положение, что эти предметы стали функционировать как платежное средство, т. е. как деньги! Они вносились без соответствующего эквивалента (Gegenleistung) со стороны получателя, и вследствие этого они не были орудием обмена.

И Вебер курьезно причисляет к возложенным на отдельные хозяйства принудительным податям, на ряду с налогами и штрафами, также и «приданое и выкуп за невесту».

В качестве иллюстрации он приводит несколькими страницами позже следующее (S. 212).—

«Об индейцах, живущих на реке Миссури», сообщают, что выкуп за жену у них состоял из следующих предметов: два ножа, пара брюк, одеяло, ружье, лошадь и кожаная палатка. Это означает, что жена была равноценна полному снаряжению индейца-воина и что она продавалась своим племенем за это снаряжение.

Прежде всего необходимо отметить, что приведенная иллюстрация не доказывает применения денег в качестве платежного средства.

То, что признавалось равноценным, взаимно обменивалось: рабочая сила женщины на снаряжение воина. Сам Вебер говорит, что в данном случае речь идет не о платеже, но о купле-продаже. В действительности же описанное явление безусловно не может быть охарактеризовано и таким образом. В данном случае вообще не приходится говорить о деньгах, — пред нами в чистом виде мена самых различных предметов. Какие только вещи уже не были деньгами. Но никогда еще не приходилось слышать о «брючных деньгах» («Hosengeld»)! На ряду с совершенно бессмысленным вовлечением выкупа невесты в круг «октроированных платежей», т. е. односторонних услуг без эквивалента, Вебер причисляет к этим же платежам также штрафы, которые налагались за ущерб, причиненный нарушением права чужой собственности или нанесенный чужой рабочей силе. Эти возмещения (услуги—Leistung) можно рассматривать как предоставление равноценного за равноценное.

Таким образом, «деньгами, лишенными меновых функций («tauschloses Geld»), остается еще назвать дани и налоги, которые должны были платить государям и коро-

лям их подданные. Здесь услуге (действию) безусловно не корреспондирует эквивалентная услуга (действие). Поэтому при желании их можно назвать платежами, во всяком случае октроированными платежами. Но все же несколько смело называть деньгами продукты, которыми производятся эти платежи на том основании, что государство — устанавливает платежи именно этими продуктами.

Но сам Вебер обезвреживает всякую критику собственной теории денег, заявляя следующее.

«Не следует предполагать на этой ступени развития всеобщих денег в современном понимании; напротив, в каждой отдельной хозяйственной области различными видами услуг корреспондируют определенные виды предметов или благ, которые выполняют платежные функции» (S. 209).

Вебер начинает свое исследование следующими словами:

«В настоящее время деньги выполняют прежде всего две функции: они являются октроированным платежным средством и всеобщим орудием обмена», и добавляет к этому, что из этих двух функций современных денег их функция как платежного средства является старейшей. А вот, теперь оказывается, что деньги, которыми пользовались для платежей в период, предшествующий хозяйству без обмена, вовсе не деньги в «современном значении» этого слова.

Конечно, каждый волен пользоваться собственной терминологией по своему усмотрению. Но тот не способствует достижению ясности, кто говорит, что натуральные налоги, предшествовавшие (во времени) денежными налогами, что их платежи октроированы и установлены в принудительном порядке государством в определенных натуральных единицах; но что при этом не следует только мыслить деньги в современном понимании».

Веберовское разграничение понятий октроированных платежных средств и меновых средств некоторым образом напоминает оппенгеймеровское разграничение экономических и политических средств (орудий). Оппенгеймер, как известно, утверждает, что, кроме собственного труда существует еще два способа приобретения благ: «обмен собственного труда на чужой труд (или на продукты этого последнего)» и «безвозмездное присвоение чужого труда». Первое — экономический, а второе — политический способ приобретения благ. Правда, в некоторых местах своего труда Оппенгеймер становится настолько «невежливым», что называет политический способ грабежом, между тем как Вебер предпочитает более мягкое выражение — «октроированный платеж...»

Однако, как бы мы не отнеслись к этой терминологии, допуская даже, что мы приняли бы целиком веберовскую терминологию, мы должны были бы все-таки усомниться в том, будто насильственное возложение податей или даже грабеж, — самая примитивная форма «октроированного платежа», — старше, чем мена. Оба эти явления восходят к древнейшим временам. И при этом оба они — и грабеж и мена — применяются не в качестве средства приобретения чужой «индивидуальной собственности», но чужой родовой собственности. Оба они, — и грабеж и мена, — возникли одновременно в результате разделения труда между отдельными родами. В зависимости от случая и соотношения сил отдавалось предпочтение то одному, то другому методу приобретения благ чужого племени. Нет никаких оснований предполагать, что грабеж старше мены.

Явление, которое имеет в виду Макс Вебер, говоря об октроированных платежных средствах, относится в основном лишь к эксплоатации, производимой из государственных интересов, при которой как количество, так и род продуктов, подлежащих поставке, — иначе говоря, продуктов, в которых надлежит производить платеж, в точности определяется государственной властью.

Но государство и эксплоатация им трудящихся масс, без сомнения, явления несравненно более раннего периода в развитии человечества, чем обмен товаров.

2. Накопление сокровищ и деньги. Социальное значение денег.

Макс Вебер говорит о деньгах следующее:

«Дальнейшей функцией денег, в настоящее время для них менее характерной, но которую они выполняли в продолжение длительных исторических периодов, является их функция, как средства накопления сокровищ. Предводитель, желавший укрепиться

в своем положении, должен был быть в состоянии содержать свою дружину и при особых обстоятельствах награждать ее подарками. Поэтому везде так высоко ценят thesaurus (сокровище), которым обладает каждый индийский раджа и каждый король меровингов, сокровище Нибелунгов — не что иное, как такой же thesaurus. При этом средствами образования сокровищ становятся типичные предметы, которыми князь имел обыкновение одарять свою дружину и которые вместе с тем в большой степени идентичны с такими предметами, которые и без того в условиях обычной жизни почитаются средством для производства платежей. И в данном случае деньги также не являются орудием обмена, но исключительно постоянным об'ектом владения (подчеркнуто Вебером, Каутский). Кто ими обладает, тот делает это только из соображений престижа и для того, чтобы таким образом удовлетворять свое социальное чувство собственного достоинства. Выполняя эту функцию, деньги не нуждаются в одном из важнейших свойств, которого от них требуют в настоящее время, — именно в транспортабельности; но они должны обладать такими качествами, как долговечность. Слоновые клыки, гигантские камни определенного качества, позже (подчеркнуто мной, — К.), золото, серебро, медь, металл всякого рода служат в качестве денег и как средство образования сокровищ». (S.S. 209, 210).

Из всех этих рассуждений безусловно правильно то, что деньги осуществляют еще одну функцию, — именно функцию образования сокровищ. Но и в данном случае Вебер не имеет в виду «денег в современном понимании». В то время, как вначале он называет деньгами все то, что в свое время государство требовало, как платеж (точнее — как дань), потому что деньги могут функционировать как платежное средство,— здесь он рассматривает как деньги все то, что князья кладут в свои сокровищницы,— будь то хотя бы редкостные вещи, — потому, что деньги могут быть накапливаемы (aufschatzen). Все эти предметы накапливаемые князьями, по мнению Макса Вебера, являются также деньгами. Конечно, они не могут быть использованы как орудие обмена, или как платежное средство, но они являются своеобразным видом денег, который вообще не может быть использован ни для какой цели, и который может быть лишь нагромождаем (aufgestapelt) для поддержания престижа и для «удовлетворения социального чувства собственного достоинства».

Для того, чтобы усилить своеобразность этого рода денег, которые, в свою очередь, состоят из сборища самых разнообразных предметов, добавляется еще, что князья начали собирать вначале в своих сокровищницах «слоновые клыки» и исполинские камни, и только позже золото и серебро.

Вебер смешивает в данном случае две совершенно различных по своим экономическим функциям вещи, которые он рассматривает как принадлежащие к одной и той же экономической категории, на том основании, что они хранятся в одной и той же сокровищнице.

С одной стороны, — «сословные об'екты владения», которые знать и князья складывают только из «соображений престижа» и только для того, «чтобы таким образом удовлетворить социальное чувство собственного достоинства». Это прежде всего, на ряду с обращающими на себя внимание курьезными предметами вроде священных реликвий, великолепные украшения, отличающиеся своей красотой или своими размерами, именно — драгоценные камни, которые, конечно, не собираются только для того, чтобы оставлять их лежать в сокровищнице, — их собирают для того, чтобы носить их во время торжеств или вообще как либо иначе выставлять их напоказ, дабы их обладателям уделялось усиленное внимание. Если их помещают в сокровищницу, то вследствие этого они становятся деньгами в такой же малой степени, как и дамская шляпа, от того, что ее запирают в денежный шкаф.

Впрочем, этого рода ценные предметы в самых редких случаях путем «октроированного платежа» попадают во владение их накапливателя. Трибуты и прочие платежи, которые должны производиться в натуре, естественно, налагаются в определенных продуктах, в отношении которых предполагают, что они производятся регулярно каждым хозяйством соответствующей страны, — иначе говоря, в этих случаях речь идет о хлебе, масле, овцах, лошадях. Например, Мидия в персидском государстве должна была «оплачивать», т. е. поставлять в качестве ежегодного налога 100.000 овец и 4.000 лошадей. «Оплата» налогов редкими украшениями не может совершаться

вполне регулярно. Эти украшения, надо полагать, оказались во владении «великих господ» либо путем торговли, либо грабежа. Торговля же предполагает наличие денег,— настоящих денег в обычном, а отнюдь не в «пиквикском» смысле этого слова.

Указанные выше украшения, пускай даже временами они запираются в сокровищницы, представляют собой предметы потребления, — иначе говоря, они не являются деньгами. От них резко отличаются накопления подлинных денег «в современном понимании», которые принимались господствующими в государстве лицами, и в особенности князьями, равно как и купцами не для того, чтобы они служили в качестве «сословных» денег, равным образом и не в качестве постоянного об'екта владения не для того, чтобы оставаться постоянно в их обладании, как предметы потребления, но для того, чтобы их можно было вновь расходовать в качестве орудия (средства) купли. Если при развитой торговле товарами куппы нуждаются в крупных суммах для покупки товаров, то князья нуждаются в них для ведения войн, для оплаты наемных войск.

М. Вебер сам указывает на это применение денег говоря о «предводителях», нуждающихся в казне для того, чтобы удерживать при себе свои дружины, чтобы крепко их к себе привязывать. Для решения этой задачи казна должна состоять из денег в современном понимании этого слова, которые могут быть затрачиваемы как орудие купли. Это должно быть орудие обращения и, стало быть, предполагает циркуляцию товаров при посредстве денег. Более того, указанное назначение королевской казны предполагает уже наличие благородного металла в качестве денежного материала. Вебер полагает, будто в отношении накопленных в сокровищницах денег их транспортабельность, не играет никакой роли. Однако, наемные войска номадов, военные услуги которых покупались за счет королевской казны, хорошо отблагодарили бы, если бы они не смогли с удобством переносить при себе полученную ими уплату за свои услуги, что действительно имело бы место в случае оплаты их «клыками слонов» или же «гигантскими камнями».

Накопление денег в сокровищнице (казне) преследует совершенно иные задачи, нежели собирание украшений или курьозитетов. Смешивать эти различные вещи только потому, что они сохраняются в одном и том же здании, имеет столько смысла, сколько заключается смысла в том, что музей назовут денежным институтом только потому, что в нем будут депонированы ценные предметы, так же, как их депонируют в банке.

Только после возникновения металлических денег возникает тот неизлечимый денежный голод, который не может быть утолен.

Вот, когда впервые дается неограниченная возможность наполнить казну властителей и притоны купцов отличающимися постоянством, транспортабельными, легко сохраняемыми деньгами! А из этой возможности вскоре возникает необходимость в таком накоплении сокровищ.

Вебер говорит о сокровищах радж, меровингов, а также о сокровищах Нибелунгов, но все эти сокровища состояли из «червонного» блестящего золота или серебра, они образовались во времена, когда эти металлы уже стали денежным товаром.

Из разнообразных предметов, которые вносились плательщиками дани своим господам, в качестве «средств платежа», эти последние были в состоянии использовать вместе со своей свитой лишь определенные количества. Тем самым были установлены определенные пределы для требований, которые пред'являлись феодальными господами к их подчиненным. Они были установлены тем, что натуральные повинности были именно не деньгами, и могли быть использованы только in natura.

Напротив, денег, коль скоро они стали неистребимыми металлическими деньгами, которые могли переносить хранение в течение неограниченного времени, никогда не может быть слишком много. Чем большим количеством их владеют, тем в большей степени оказываются в состоянии их расходовать для того, чтобы приобретать за них орудия власти и наслаждения. Однако, тем больше приходится также платить за орудия власти, ибо тем больше врагов, жаждущих сокровищ.

В той же мере, в какой благородные металлы становятся денежным товаром, возрастает также потребность государства в источниках, дающих эти металлы. В древности в средоточиях государственной жизни того времени было гораздо больше золотых и серебряных приисков, нежели в настоящее время. Так как многие из них поступили

в эксплоатацию уже за тысячелетия до начала нашего летоисчисления, большинство из них истощилось уже в средние века. Новые рудники были открыты там, куда древняя цивилизация еще и не проникала, — в Германии, Венгрии, позже в Средней и Южной Америке, наконец, на Полярном круге.

Добыча золота должна все дальше и дальше отходить от центров цивилизации.

В древности существовали богатые прииски благородных металлов в Египте, в Южной Аравии, в Лидии, Греции, Испании. И все они в нашу эпоху оказались истощенными, — они дают лишь небольшую добычу или вовсе прекратили свое существование.

Активным стремлением государств было уже издавна завоевание и удержание за собой таких приисков. Так, например, Heeren цитирует одного арабского географа, по имени Makrizi, который говорит о египетских приисках у Ассуана следующее:

«Там находят серебро, медь, железо и благородные камни. Но поиски одного золота поглощают все внимание. Уже фараоны завоевали страну, так как они не могли обойтись без приисков. Также обстояло дело и с греками, когда они были господами Египта» (Heeren, Ideen u. s. w., II, 2, S. 170).

Величие и могущество Египетских Фив не возвращаются больше на эти прииски.

Наиболее богатыми приисками, особенно серебряными, а также и золотыми, были в древности испанские.

Из-за них финикийские мореплаватели, прибывшие с крайнего Востока Средиземного моря направлялись на его крайний Запад. Принадлежавшая им колония Карфаген, в качестве их преемницы, твердо там укрепилась. Для того, чтобы завоевать и удержать в своих руках Испанию, карфагенцы увеличили свои сухопутные армии. А с другой стороны, Испания была той страной, где золото и серебро позволяло им завербовать многочисленных наемников.

Из-за Испании Карфаген стремился к тому, чтобы быть не только сильнейшей морской державой в бассейне Средиземного моря, но также к тому, чтобы стать там сильнейшей сухопутной силой. Это стремление погубило его так же, как в наше время погибло царство Гогенцоллернов, которые таким же образом стремились превратить Германию одновременно в сильнейшую и сухопутную, и морскую державу.

Первая война между Римом и Карфагеном, первая пуническая война (264—241 до Р. Х.) еще была единоборством за преобладание в Италии, — была борьбой за Сицилию. Она принесла Риму господство над всей Италией. С тем большим рвением Карфаген стремился к захвату всей Испании, в то время, как до этого он владел лишь отдельными полосками земли.

Вторая пуническая война (200—201 до Р. Х.), окончившаяся полным низвержением Карфагена, началась как борьба за Испанию и закончилась уступкой Испании победителю, которому достались богатые прииски, хотя и укрепившие неизмеримо мощь Рима, но в то же время возбудили у его господствующих классов сребролюбие и страсть к наслаждениям, что положило начало их продажности и решительно ускорило их коррупцию. Карфагенское государство, потеряв испанские прииски, вместе с тем лишилось и своего станового хребта. Третья пуническая война (149—146) была лишь проявлением безнадежного отчаяния. Да она заведомо и не могла окончиться иначе, как только полным уничтожением Карфагена.

Притягательная сила, какую имели золотые и серебряные прииски в эпоху простого товарного производства — еще до развития капиталистической индустрии — для господствующих лиц в государстве, и огромная власть, которую они им сообщали, являлась моментом, имеющим значение в истории государств, на что обычно обращается слишком мало внимания.

Мы уже отмечали, насколько велико было влияние на ход греческой истории серебряных приисков в Лаврионских горах и золотых приисков на острове Тазосе.

Не подлежит сомнению, что в эпоху промышленного капитализма в истории государств имеют бо́льшее значение месторождения каменного угля, железа, наконец нефти, нежели месторождения золота, не говоря уже о серебре, ибо оно было совершенно развенчано, как благородный металл.

Естественно, что благородный металл извлекается из рудников не для того, чтобы оставаться в руках лиц, их эксплоатирующих, или же их рабочих. Поскольку

владельцы рудников не отдают его в переработку для собственного употребления, в качестве украшения или орудий, они расходуют его в качестве золота, для того, чтобы купить за него товары или услуги. Таким образом, металлические деньги в конце концов оказываются в руках тех, кто имеет для сбыта излишки товаров, на которые есть спрос, или же тех, кто торгует такими товарами.

Жаждущие золота владыки находят там второй источник, из которого они могут черпать вожделенный металл, персы облагали денежной данью в большинстве случаев приморские города, между тем как от сельскохозяйственных областей они требовали дань в натуре.

С течением времени способность отдельных стран платить денежную дань значительно изменялась сообразно изменению об'ема и рода их торговли. Существует, однако, страна, которая, судя по имеющимся историческим источникам, неизменно вывозила товары в гораздо большем количестве, чем ввозила. Она производит почти все, в чем сама нуждается, при чем она же добывает столь многое из того, на что пред'являют спрос другие страны, так что ее торговый баланс уже издавна стал активным; равным образом активен также и ее платежный баланс, несмотря на то, что она не посылала своих купцов за границу, но вела всю свою внешнюю торговлю при помощи чужеземных купцов, которые присваивали себе торговую прибыль и вознаграждение за фрахты.

Эта страна — Индия; хотя она и производит относительно немного золота и серебра, тем не менее, она невероятно богата благородными металлами, которые ее знатные люди частью носят на себе для показу, частью же накапливают в своих сокровищницах.

В Индии 300 млн. жителей; несмотря на это она произвела в 1924 г. всего только 12.400 килограмм золота. САСШ с их 100-миллионным населением произвели 78.000 кг. Южная Африка с 10-миллионным населением — почти 300.000 кг (см. Woytinsky, die Welt in Zahlen, IV, S. 194).

Индия из года в год ввозит огромное количество благородных металлов. В 1911 г. ввоз составлял около 160 млн. руб. золотом и около 60 млн. руб. серебром (см. К. Каутский, «Изменения в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны» Ergänzungsheft der «Neuen Zeit.» 1913, № 16) [1]. Уже в первом столетии нашего летоисчисления Плиний сообщает в своей «Historia Naturalis», VI, 26 следующее:

«Весьма достопримечательно, что Индия ежегодно извлекает из нашего государства не менее 1.500.000 сестерций [2]) и за это она импортирует к нам товары, которые у нас продаются во сто раз дороже, нежели они стоят у себя на родине».

Благодаря своей прочности, благородные металлы принадлежат к вещам которые, в противоположность большинству продуктов человеческого труда, не потребляются и не изнашиваются в течение года почти в таком же количестве, в каком они производятся, или только замещаются обычно значительно меньше, чем размер их производства в течение одного и того же периода времени; и, таким образом, все больше растет масса благородного металла, растет денежная масса у народов, которые обслуживаются аппаратом денежного обращения; и, таким образом, все больше увеличиваются также сокровища эксплоататоров и порабощителей».

Это справедливо также и в отношении Индии, (а равно и в отношении Мексики и Перу, правда, не потому, что они обладают более богатыми россыпями). В государствах Индии накопились огромные количества благородного металла, которые постоянно привлекали к себе внимание соседних бедных народов, номадов, еще в большей мере, чем привлекали к себе внимание властителей западного побережья Средиземного моря серебряные прииски Испании.

Однако, несмотря на все эти многочисленные вторжения, которым подвергалась Индия, начиная со вторжения иранских арийцев и кончая нашествием монголов (XVI в. нашего летоисчисления), она не потеряла своих сокровищ, т. к. завоеватели остались в стране. Совершенно иначе сложились обстоятельства, когда падкие на золото западно-европейцы со времени великих изобретений так же обрушились на

---

[1]) Переведено в настоящей книге (Ред.)
[2]) Пять сестерций = примерно 46 коп. золотом.

Индию на Востоке, как они обрушились на западе на Мексику и Перу, и тут, и там привлеченные сокровищами благородных металлов, которые в течение тысячелетий накапливались тамошними крупными эксплоататорами; правда, в Перу и в Мексике они накапливались не в качестве денег, но только в качестве предметов потребления, орудий и украшений. Если в Америке действующими лицами были испанцы, то в государствах Индии таковыми были португальцы, нидерландцы, французы и, наконец, англичане, которые в качестве завоевателей пришли не для того, чтобы осесть в этих странах, но для того, чтобы грабить и вывозить их сокровища. В то время в Европу из Индии были вывезены сказочные количества благородного металла в большей части англичанами,—не потому конечно, что португальцы, нидерландцы и французы были якобы настроены менее грабительски, но потому, что британцы оказались в военном отношении выше своих конкуррентов, происходивших из стран высокой цивилизации. Один Clife, который поступил в 1743 г. на должность в Ост-Индскую Кампанию в качестве маленького приказчика, ушел в 1767 г. с состоянием, приносившим, по словам Малькольма, ежегодно 40.000 процентов. При этом он оценивает это состояние очень низко. Таким же образом воровал и грабил всякий, кто находится на службе Кампании, которой английское правительство препоручило эксплоатацию Индии. И, конечно, по настоящему грабила сама Кампания, которая, в сущности, для этого и была учреждена.

Несмотря на постоянное разграбление, которому была подвержена с тех пор Индия,—разграбление, которое, правда, в течение последних десятилетий было поставлено в рамки и регулировалось, — она (Индия) продолжает попрежнему неизменно привлекать к себе благородные металлы, благодаря своему товарному экспорту. Во всяком случае, ее товарный экспорт еще превышает размер ее импорта товаров и благородных металлов. В 1911 году она вывезла товаров круглым счетом на 3.000 млн. золотых марок. Этой цифре противостоит ввоз товаров только на 1.700 млн. марок и благородных металлов кругло на 440 млн. марок, т. е. всего на 2.140 млн. марок. Таким образом, имело место превышение вывоза почти на 900 млн. марок. Эта сумма и составляет дань, которую Индия платила незадолго до войны своей метрополии («Mutterland») в форме содержания английских чиновников и пенсий, а также процентов на британский капитал, инвестированный в железные дороги и заводы. Правда, эта сумма бледнеет перед цифрами, в которые нас посвятила мировая война и ее последствия.

И если на ряду с приисками значительным источником денежных поступлений князей и господ были также доходы от торговли и промышленности, то все же эти источники оказывались все более недостаточными для того, чтобы утолять их денежный голод. Повсеместно рано или поздно совершится превращение натуральных налогов, которые несло крестьянство, всюду составлявшие, вплоть до прошлого (XIX) столетия главную массу населения, в налоги денежные. По Веберу это превращение следовало бы, пожалуй, рассматривать как такое, при котором в отношении октроированных платежей происходит то, что существовавшие до тех пор октроированные платежные средства перестают быть таковыми (дезоктроируются), а орудия обмена (Taushmittel) октроируются, как новые платежные средства.

Какое бы обозначение мы не предпочли для этого явления, оно, само по себе, вначале имело повсеместно смертоносное влияние на крестьян. Ведь, эти последние были бы до сих пор приучены к тому, чтобы производить для собственного потребления и отдавать для нужд потребления своих господ определенное количество своих продуктов, равным образом к тому, чтобы одновременно с этим приносить им в жертву определенное число рабочих дней. Они (крестьяне) очень мало соприкасались с рынком. И вот, теперь они должны не только произвести то, что с них причитается, как налог, но вместе с тем они должны п р о д а т ь на рынке и этот прибавочный продукт еще до того, как они оказались в состоянии внести налог. Но не будучи посвящены в происки рынка, они противостоят купцам, которые очень хорошо знакомы с его западнями. И, таким образом, они ставятся отныне в зависимость не только от того, насколько благоприятна или неблагоприятна погода, но также и от того, насколько благоприятно для них или неблагоприятно состояние рынка. Если прежде для них была губительна засуха, между тем как хороший урожай всегда был благословением, теперь проклятием может стать также и избыточный урожай, если только он вообще

не может быть реализован, или может быть реализован по низким ценам, что легко может иметь место при плохих транспортных условиях, ограничивающих возможности крестьян каким-либо одним единственным рынком.

Задолженность крестьян, эксплоатация их ростовщиками принимает с тех пор широчайшие размеры; они тем в большей степени ускоряют раззорение крестьянства потому, что теперь и ростовщические проценты должны быть уплачиваемы деньгами.

К тому же превращение натуральных налогов в денежные в огромной степени усиливает стремление к повышению налогов. Ведь, увеличение натурального обложения встречает границы в естественных потребностях господ, для удовлетворения которых они и существуют. Между тем, денежные налоги этой границы не знают.

«Стремление к накоплению сокровищ по природе своей безгранично»,—говорит Маркс («Капитал» т. I глава 3 §3а). Не в малой степени оно безгранично потому, что с развитием товарного производства растут притязания, которые могут быть удовлетворяемы при помощи денег. Потребность в образовании сокровищ все более усиливается; к сожалению, однако, не всегда в одинаковой степени растут возможности их удовлетворения. Европейские князья со времени средневековья никогда не выходят больше из нужды в деньгах, потому что они постоянно ведут войны и полны страсти к наслаждениям. Обычно они накапливают при этом не сокровища, но тишь долги, которые, однако, благодаря их могущественному положению, они могут записывать не как свои личные, но как государственные долги. Фридрих Вильгельм I Прусский был в этом отношении белой вороной, ибо ему удалось оставить после себя в наследство Фридриху Великому военную казну в размере 10 млн. талеров, которую этот последний немедленно же растратил.

Оказывали ли свое давление безмерность страсти к накоплению сокровищ, или же при этом имел свое влияние гнет задолженности властелинов,—как бы то ни было после введения в сельском хозяйстве денежных налогов неизменно усиливается тенденция к постоянному их повышению.

Эта тенденция угнетает теперь не такие слои, как купечество, которые могут оказывать в известной мере сопротивления—она угнетает совершенно беспомощные элементы. Так же, как и рабы и прочие подневольные рабочие, занятые на золотых и серебряных приисках, крестьяне после введения денежных налогов в течение длительного периода времени принадлежат к наиболее страдающим и эксплоатируемым существам.

Об этом пишет Маркс в I томе своего «Капитала» в § 2 главе VIII—«Ненасытная жажда прибавочного труда».

Таким образом, деньги, после того, как они приняли форму металла, становятся орудием разжигания противоречий между классами, между государствами и народами, орудием усиливающим стремление к расширению территории, и к усилению степени эксплоатации, и одновременно средством усиливающим власть эксплоататоров и руководителей войн,—орудием, благодаря которому действие войны и эксплоатации становится все более отвратительным.

Неудивительно поэтому, что золоту (а также и серебру) уже с ранних времен инкриминируется, что оно является самой пагубной из всех общественных сил. Доказательства этому Маркс привел также в своем «Капитале» (т. I глава III, § 3а).

Он цитирует там «Антигону» Софокла, как деньгам ставится в вину следующее:

«И, развратив невинные сердца,
Деяниям постыдным учат деньги,
И помыслам коварным, и нечестью».

(Перевод Д. С. Мережковского).

И Тимон Афинский Шекспира обвиняет драгоценное сверкающее червонное золото:

«Наложница всесветная причина
Вражды и войн народов...».

(Перевод П. Вейнберга).

Казалось, что все эксплоатируемые и их защитники пришли к выводу, будто социальное зло не может быть излечено без отмены денег.

В самом деле, уже великий утопист Томас Мор считал необходимым, чтобы в изображенном им социалистическом государстве будущего, золото было деградировано. Из золота, по его мнению, должны изготовляться ночные сосуды и кандалы.

С тех пор, как существует капиталистический способ производства, борьба социалистов направлена прежде всего против капитала. Исходным пунктом капитала, правда, всегда должны быть деньги, но деньги здесь лишь переходящая форма функционирующего капитала. И с другой стороны, для самих же денег их золотая форма (наружность), пожалуй, осталась их исходным пунктом, но она никоим образом не единственная их форма,—и накопление золотых сокровищ даже в подвалах банков во многом относительно потеряло свое значение. Временами она приводит в замешательство американцев, которые, однако, не приходят в радость от одного взгляда на сверкающее золото, как это когда-то имело место у индийских князей и перуанских инков.

И тем не менее, и по сию пору существуют социалисты, которые считают совершенно необходимой отмену денег. Они не умеют установить различие между техникой и экономикой и превращают техническое орудие,—ведь, деньги ничего больше из себя не представляют,—ответственным за зло, которое при известных экономических условиях связано с их применением.

Но они забывают, что в мире классовых противоречий всякий технический прогресс, да, пожалуй, и всякий прогресс вообще, обнаруживает тенденцию стать монополизированным эксплоатирующими и господствующими классами и быть использованным как орудие усиления эксплоатации и закабаления. Однако, зло заключается именно в монополизации прогресса, а отнюдь не в самом прогрессе, как в таковом.

То же самое можно сказать уже о письме и о выросшей из него науке, в наше время также о машине, и в одинаковой мере о деньгах.

Деньги являются необходимым орудием преодоления границ, которые в условиях примитивного родового быта стояли на путях расширения разделения труда и увеличения разнообразия продуктов. Без денег всеобщее разделение труда должно было бы исчезнуть; а государство будущего должно было бы принять форму государства—каторжной тюрьмы или государства—казармы, в котором каждому предназначены одинаковые порции, каждый носит одинаковую форму, живет в одинаковой клетке, и сверх этого не имеет никаких других потребностей,—или же представляло бы собой такую совокупность, где каждый производственный организм являлся бы ни чем иным, как удовлетворяющей самое себя самодовлеющей семьей.

Но этим мы вовсе не говорим, что деньги окажутся неизменно необходимыми также и при гигантски развитом производстве, сопряженном с далеко идущим разделением труда, в качестве средства (орудия), позволяющего каждому отдельному индивиду удовлетворять свои особые индивидуальные потребности.

Можно представить себе такое положение, когда производительность человеческого труда будет настолько высока, а труд станет таким наслаждением, что все продукты будут в изобилии, и каждому может быть предоставлена возможность брать столько этих продуктов, сколько ему заблагорассудится.

К сожалению, мы далеки еще от этой блаженной эпохи. Мы еще не утопаем в изобилии, большинство производительных работ все еще является обременительным занятием, вследствие чего каждый следит за тем, чтобы приобретение продуктов, в которых он нуждается и которые он сам не в состоянии произвести, осуществлялось бы таким образом, чтобы за выполняемую им работу он получал продукты, являющиеся результатом затраты, по крайней мере, такого же количества труда, какое затратил он сам. До тех же пор, пока положение дела именно таково, как мы его изобразили выше, далеко идущее разделение труда и далеко идущая индивидуализация удовлетворения потребностей делают необходимыми деньги как раз тогда, когда приобретает значение то, чтобы никто не был обязан работать безвозмездно на других, чтобы никто не подвергался эксплоатации.

Задача социалистов заключается не в том, чтобы отменить деньги. Она заключается в том, чтобы уничтожить классовые отношения, имеющие своим последствием, что необходимое техническое орудие дальнейшего развития разделения труда в обществе (деньги) действует как орудие эксплоатации и порабощения человека.

ДЕНЬГИ И РАСШИРЕННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО [1])

Н. БУХАРИН.

В предыдущем изложении мы видели, как т. Роза Люксембург, «начав за упокой» деньгам и их роли в анализе совокупного общественного воспроизводства, кончила «здравицей» в их пользу, как-раз тогда, когда не стало хватать аргументов для поддержания здравия собственной концепции тов. Розы Люксембург. Оказывается, что именно здесь-то и зарыта собака, ибо схемы Маркса «действительны» и «доказательны» только потому, что в них мало обращается внимания на денежную форму капитала. Автор «Накопления» издевается над этими схемами, где «мы, чувствуя себя господами положения, при помощи чернил и бумаги выводим один под другим ряды чисел, с которыми можно превосходно производить математические операции, и в которых мы совершенно не принимаем во внимание денежный капитал» [2]).

Посмотрим, однако, насколько обязательна для нас потеря «господства», если мы — правда, тоже при помощи бумаги и чернил — уделим «денежному капиталу» подобающее и приличествующее ему внимание.

В процессе общественного воспроизводства каждый атом индивидуального капитала, каждый индивидуальный капитал и, следовательно, совокупный общественный капитал, должен проходить через денежную фазу своего развития, т. е. периодически принимать форму денежного капитала, которая, несмотря на свой «иллюзорный характер», так же необходима для движения промышленного капитала, как и производительная форма этого последнего, воплощающая «действительное производство».

В связи с этим мы должны поставить и разрешить следующие вопросы:

1. О конечном источнике денег.

2. О количестве обращающихся денег в связи с процессом общественного воспроизводства.

3. О накоплении денежного капитала.

Ad 1. Как и всякий товар, деньги являются продуктом труда, т. е. должны быть произведены. Если для простоты анализа отвлечься от различия между золотыми деньгами в собственном смысле этого слова и золотым денежным материалом, то производство денег будет соответствовать определенной производственной отрасли, а именно золотопромышленности. В том, что деньги не падают с неба, а должны быть произведены на нашей грешной земле, так же мало чего-либо таинственного, как и в том обстоятельстве, что железная руда добывается в горной промышленности, рожь — в сельском хозяйстве, а машины выделываются в машиностроительной индустрии. Следовательно, с этой точки зрения, нет никакой принципиальной разницы между вопросом, откуда у совокупного класса капиталистов есть на руках деньги, и вопросом, откуда у него есть средства производства. Исторически развившиеся общественные свойства денег отнюдь не отрицают того, что деньги суть продукт производства. «Чтобы функционировать в качестве денег, золото должно, конечно, вступить в каком-нибудь пункте на товарный рынок. Этот пункт находится у источника его производства,—там, где оно, как непосредственный продукт труда, обме-

---

[1]) Бухарин Н. И. Империализм и накопление капитала (теоретический этюд) глава II, Гиз. 1925 г.

[2]) Люксембург, Антикритика, стр. 574. Курсив наш *Н. Б.*

нивается на другой продукт труда той же стоимости. Но, начиная с этого момента, оно занимается лишь тем, что непрерывно выражает в себе реализованные цены товаров» [1]).

Таким образом, если мы рассматриваем движение совокупного общественного капитала с точки зрения материальной формы, т. е. вещественных пропорций, которые необходимы для взаимной замены вещественных элементов («обмена веществ» внутри «общественно-производственного организма») и опосредствующих материальных звеньев этой замены, — то мы придем к заключению, что для капиталистического строя существует такая же принудительная общественная необходимость производства денег, как и вещественных элементов производительного капитала. Таким образом, если с чисто-производственной точки зрения воспроизводство денег и не входит, как составной элемент, в процесс «действительного воспроизводства», то оно является необходимым с точки зрения специфическо-исторической формы капитала. При всем том, однако, ни в коем случае не нужно позабывать, что товар, так сказать, предсуществует по отношению к деньгам. «Как мы видели, уже в самом простом выражении стоимости: *x* товара *A*=*y* товара *B*, та вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает, повидимому, своей эквивалентной формой независимо от того отношения, обладает ею, как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как укрепляется эта иллюзия. Она достигает наивысшего развития, когда форма всеобщего эквивалента срастается с натуральной формой определенного товарного вида, или откристаллизовывается в денежную форму. При этом создается впечатление, что не данный товар становится деньгами потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги» [2]). Расщепление чисто-товарной и денежной функции золота находит свое главное и основное выражение в том, что продукт золотопромышленности поступает, с одной стороны, как сырой материал для промышленных целей, с другой — превращается в деньги и функционирует в совершенно особой форме всеобщего товарного эквивалента.

Итак, производство денежного материала входит в состав общественного производства в его целом, а фигура золотопромышленника настолько же таинственна, насколько таинственна фигура металлургического заводчика, фабриканта ваксы или «короля цыплят». На вопрос, «откуда вообще появляются деньги в стране», не может быть другого ответа (мы, как читатели знают, имеем все время в виду абстрактное и изолированное капиталистическое общество), кроме весьма элементарного и простого ответа: из той отрасли промышленности, где происходит добыча золота.

Ad 2. Если деньги, как таковые [3]), являются при капитализме общественно-необходимым элементом процесса воспроизводства, это не значит, что они не играют в этом процессе особой, совершенно специфической роли. Эта специфичность заключается в том, что они не образуют элемента «действительного воспроизводства» и, следовательно, живут все время в сфере обращения. Деньги неустанно бегают из одного кармана в другой и ведут кочевой образ жизни подобно цыганам среди цивилизованных жителей Европы. Поэтому совершенно нелепо представление, по которому любое новое приращение товарной ценности должно, с точки зрения капиталистического воспроизводства, сопровождаться таким же приращением ценности, заключенной в таинственную золотую оболочку. Точно так же, как на спиритических сеансах один и тот же медиум может последовательно «обрабатывать» сотни дураков, медиум в виде золотой единицы может последовательно обслуживать бесчисленное множество товарных сделок, «... поскольку деньги обращаются, как покупательное или платежное средство, безразлично, в какой из двух сфер, и независимо от их функции реализовать доход или капитал, — законы, ранее развитые при исследовании простого товарного обращения (книга I, глава III, 26) сохра-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 76. Курсив наш. *Н. Б.*

[2]) К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 60—61.

[3]) «Золото может быть и не быть деньгами, как бумага может быть и не быть банкнотой»,—цитирует Маркс показания Оверстона. См. «Капитал», т. III[1], стр. 419.

няют свою силу для количества обращающихся денег. Степень быстроты обращения, т. е. число повторений одной и той же монетой в данный промежуток времени одной и той же функции покупательного и платежного средства, количество одновременных покупок и продаж или платежей, сумма цен обращающихся товаров, наконец, платежные балансы, которые в одно и то же время следует покрыть, в обоих случаях определяет массу обращающихся денег, currency. Представляют ли функционирующие таким образом деньги для плательщика или получателя капитал или доход, это безразлично, ровно ничего не изменяет в положении дела. Масса денег просто определяется их функциями как покупательного и платежного средства» [1]).

Ad. 3. От роста массы денег, имеющихся в обращении, — массы, которая растет, но ни в коей мере не пропорционально росту действительного воспроизводства, нужно отличать накопление денежного капитала, как специфической формы капитала, которая обособилась в своей функции и получила свое самостоятельное движение. Если всю массу вновь производимой прибавочной ценности отнюдь нельзя отождествлять с вновь выросшей суммой денег, так как процесс реализации отнюдь не нуждается в такой сумме, то, с другой стороны, нельзя смешивать накопления капитала с накоплением денежного капитала: «Что касается... части прибыли, не предназначенной для потребления в качестве дохода, то она превращается в денежный капитал лишь в том случае, если она не может быть непосредственно употреблена на расширение предприятия в той сфере производства, в которой она создана» [2]).

Во второй части III тома «Капитала» (главы 30, 31, 32: «Денежный капитал и действительный капитал») Маркс дает также и подробный анализ соотношения между накоплением денежного капитала и накоплением действительного капитала. Его общее заключение таково: «Этот процесс (накопления ссудного капитала. Н. Б.) совершенно отличен от действительного превращения в капитал; это только накопление денег в такой форме, в которой они могут быть превращены в капитал. Но накопление это может... служить выражением моментов, весьма отличных от действительного накопления. При постоянном расширении действительного накопления, это расширенное накопление денежного капитала отчасти может быть его результатом, отчасти — результатом моментов, сопровождающих его, но совершенно от него отличных, отчасти, наконец, даже результатом приостановки действительного накопления» [3]).

Итак: добавочные деньги, вновь произведенная прибавочная ценность, подлежащая накоплению, накопление «денежного капитала», — все эти три величины отнюдь и ни в коем случае не покрывают друг-друга.

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к разбору положений т. Розы Люксембург. Однако, здесь мы не будем заранее обрисовывать существа ее позиции, так как аргументирует она до крайности сбивчиво, и подоснова ее ошибок может вырисоваться лишь в ходе анализа ее отдельных критических замечаний. Поэтому мы начнем с контр-атаки по различным направлениям ее разбросанного фронта, и уже потом перейдем к увязке всех основных возражений с нашей стороны.

Полемизируя с т. С. Булгаковым, которого Р. Л. обвиняет в том, что он «рабски» следует Марксу (вот, ведь, грех какой, подумаешь!), автор «Накопления» так формулирует позицию Булгакова:

> «Его» решение вопроса ни на шаг не подвинулось вперед по сравнению с анализом, выполненным Марксом. Оно сводится к следующим трем чрезвычайно простым положениям: 1) Вопрос: сколько нужно денег, чтобы реализовать капитализированную прибавочную стоимость? Ответ: столько, сколько нужно согласно общему закону товарного обращения. 2) Вопрос: откуда у капи-

---

[1]) К. Маркс, Капитал, т. III[1], стр. 431—432.

[2]) К. Маркс, Капитал, т. III[2], стр. 45. Курсив наш. Речь идет здесь не о технической возможности, а о насыщении данной отрасли капиталом или о недостаточной порции, которую представляет прибыль. *Н. Б.*

[3]) К. Маркс, Капитал, III[2], стр. 46.

талистов берутся деньги для реализации капитализированной (?) прибавочной стоимости? Ответ: они должны их иметь. 3) Вопрос: откуда деньги вообще берутся в стране? Ответ: от золотопромышленника [1]).

После этого — саркастическое замечание:

Метод об'яснения, который по своей исключительной простоте скорее подозрителен, чем соблазнителен [2]).

Но так как на одном сарказме не уедешь, то тов. Р. Л. пробует аргументировать, приставляя одобрительные возгласы и восклицательные знаки к цитатам из Булгакова. Центром нападения служит несчастный «золотопромышленник».

«Итак, — цитирует Р. Л. г. Булгакова, — не может ли оказать золотопромышленник услугу, покупая у II в с ю (наш курсив. Н. Б.) накопляемую им приб. стоимость и уплачивая ему за нее золотом, которое II потом и употребит на покупку средств производства у I и на добавочный переменный капитал при расширении производства, т. е. на покупку добавочной рабочей силы. Истинным внешним рынком, таким образом, является золотопромышленник. Но это — совершенно абсурдное предположение. Признать его — значит поставить расширение производства в зависимость от расширения производства золота (браво!). Это предполагает, в свою очередь, такой рост золотого производства, который совершенно не соответствует действительности... все золотое производство должно принять прямо чудовищные размеры (браво!)... достаточно указать на один факт, который сам по себе уже достаточно уничтожает это предположение. Факт этот — развитие кредита, сопровождающее развитие капиталистического хозяйства (браво!)... Таким образом, сделанная гипотеза стоит в прямом и очевидном противоречии с фактами и должна быть отвергнута» [3]).

Далее Роза: «Брависсимо! Очень хорошо! Но этим Булгаков сам отверг свое единственное прежнее решение вопроса, как и через кого реализуется капитализированная прибавочная стоимость. Впрочем, он в этом самоопровержении изложил только несколько подробнее то, что сказал уже одним словом Маркс, когда он назвал «нелепой» гипотезу о золотопромышленнике, поглощающем в с ю (наш курсив. Н. Б.) общественную прибавочную стоимость» [4]).

Итак, что считал «нелепым» Маркс, и что же, в конце концов, «отверг» г. Булгаков («рабски следуя Марксу» и в этом случае?). Гипотезу, что золотопромышленник непосредственно покупает в с ю накопляемую прибавочную ценность II подразделения (как это формулирует точно, не в пример т. Р. Л., Булгаков). Нужно ли отвергнуть эту гипотезу? Конечно, нужно, потому что такого раздувания золотой промышленности предполагать нельзя даже при гипотетическом абстрактном капитализме. Накопляемая прибавочная ценность должна обязательно пройти через денежную фазу своего движения, но она реализуется не сразу, а частями, не сплошной товарной кучей, которая противостоит такой же сплошной денежной куче, а путем громадного количества сделок, в которых одна и та же денежная единица реализует одну за другой множество товарных порций, каждая из которых ценностью равна этой денежной единице.

Е с л и б ы каждая денежная единица делала т о л ь к о один оборот, е с л и б ы не было кредита; е с л и б ы увеличение быстроты оборота было невозможно; е с л и б ы не было погашения взаимных платежей; е с л и б ы производство золота было совершенно идентично с производством денег; е с л и б ы не было денежных сокровищ, исторически возникших; е с л и б ы немыслим был лаж на золотую монету и т. д., и е с л и б ы предполагалось при всем этом чистое золотое обращение, — то тогда р е а л ь н о с т ь ю б ы л а б ы и м е н н о «н е л е п а я» г и п о т е з а, производство и его расширение зависели бы от производства золота, производство золота чудовищно бы росло, и параллельно росту товарной кучи Розы Люксембург вздымалась бы огромная и все увеличивающаяся гора золота.

Нелепость, следовательно, заключается в том, что не учитывают быстроты оборота, что отрицают кредит и т. д.; другими словами, н е л е п о п р е д с т а в л е-

---

[1]) Р. Л ю к с е м б у р г, Накопление, стр. 301.
[2]) Ibidem, 301.
[3]) Б у л г а к о в, О рынках etc., 132; цит. у Р. Л., ibid., стр. 302.
[4]) Р. Люксембург, l. c., 302.

ние о золотой куче, которая эквивалентна куче товарной. Но отнюдь не нелепо предположение, что добавочные деньги идут от золотопромышленника; отнюдь не нелепо, что они опосредствуют добавочные меновые сделки, если только экономия на средствах обращения и увеличение быстроты оборота не компенсируют и не покрывают возросшей потребности в деньгах.

Таким образом тов. Р. Л. отнюдь не удалось отделаться парой поощрительно-иронических восклицаний. В этой стычке истина отнюдь не на ее стороне и неудивительно, что после своего «опровержения» Булгакова, она тотчас меняет постановку вопроса и ставит вместо вопроса о деньгах пресловутую загадку: «Для кого?», — загадку, которую мы решили уже в предыдущей главе.

Однако, в арсенале тов. Р. Л. имеется по поводу этого решения еще один аргумент, который выставляется ею, правда, в другом месте, но примерно в той же логической связи. Тов. Р. Л. пишет:

> Если мы рассматриваем весь общественный продукт (капиталистического хозяйства) просто, как товарную массу определенной стоимости, как Warenbrei («товарную кашу»), и при условиях накопления видим только прирост этой недифференцированной «товарной каши» и массы ее стоимости, — тогда нам придется констатировать, что для обращения этой массы стоимостей требуется соответствующее количество денег, что это количество денег должно расти, когда растет масса стоимости, и если при этом ускорение обращения и его экономизирование не уравновешивает приращения стоимости. И на последний вопрос: откуда же в конце-концов, берутся все деньги? — можно вместе с Марксом ответить: из золотых рудников. Это тоже точка зрения, именно точка зрения простого товарного обращения. Но в таком случае не нужно вводить таких понятий, как постоянный и переменный капитал и прибавочная стоимость, которые относятся не к простому товарному обращению, а к обращению капитала и общественному воспроизводству; в таком случае не нужно ставить вопрос: откуда берутся деньги для реализации общественной прибавочной стоимости, и притом: 1) при простом и 2) при расширенном воспроизводстве? Такие вопросы с точки зрения простого товарного и денежного обращения не имеют никакого смысла и никакого содержания. Но раз эти вопросы поставлены, раз исследование постановлено с точки зрения обращения капитала и общественного воспроизводства, то нечего искать ответа в пределах простого товарного обращения, чтобы, — так как проблемы здесь не существует, и на нее нельзя дать ответа, — потом заявить: на проблему уже давно дан ответ, — ее вообще не существуют» [1]).

В этой тираде, которая должна казаться формально убедительной и, так сказать, методологически проникновенной, на самом деле скрывается одна крупнейшая теоретическая ошибка. А именно тов. Роза Люксембург, которая все время апеллирует к специфически-историческому, особому, своеобразному и т. д., не видит как-раз специфических особенностей денег и их роли.

$$A \ldots c_1 + v_1 + \alpha_1 + \beta_{1c} + \beta_{1v}$$
$$B \ldots c_2 + v_2 + \alpha_2 + \beta_{2c} + \beta_{2v}$$

Какие закономерности выводили мы с точки зрения движения совокупного общественного капитала? Мы имели ряд равенств, которые сводились к равенству:

$$v_1 + \alpha_1 + \beta_{1v} = c_2 + \beta_{2c}.$$

Поскольку речь идет об элементах «действительного воспроизводства», и поскольку предполагается экономическое равновесие, взаимная определенность различных производственных отраслей выражается в противопоставлении одних произведенных товарных (и в то же время ценностных) масс другим. Отсюда и вышеприведенные уравнения.

Положим теперь, что мы имеем третий ряд, который соответствует производству золота, resp. денежного материала, resp денег. Возможны были бы уравнения того же типа здесь? На этот вопрос можно было бы ответить положительно

---

[1]) Р. Л., 1. с., стр. 155 — 156.

только в одном случае: если бы налицо была предпосылка, в силу которой золотая «куча» противопоставляется товарной «куче», и обратно. Но как-раз это-то предпосылки и нет, ибо движение денег не таково, как движение товара; ибо общественный спрос на деньги имеет другую структуру, чем спрос на любой товар; ибо в «обмене веществ» деньги играют совершенно особую роль.

Если в нашей формуле общественного воспроизводства, рассматриваемой с точки зрения «действительного воспроизводства», (v_1+a_1) создает спрос на c_2; c_2 создает, обратно, спрос на (v_1+a_1); если β_{1v} создает спрос на β_{2c}, и обратно; если, следовательно, в целом $(v_1+a_1+\beta_{1v})$ создает спрос на $(c_2+\beta_{2c})$, а $(c_2+\beta_{2c})$, в свою очередь, создает спрос на $(v_1+a_1+\beta_{1v})$, то спрос на деньги будет определяться по другому типу. Это — вздор, что здесь совершается переход на точку зрения простого товарного обращения, которая отлична от точки зрения движения капитала. Здесь принимается во внимание то специфическое, что отличает движение денег в процессе воспроизводства всего общественного капитала от движения любой материально-определенной формы товара. Никто — даже сам Маркс — не может быть ответственным за тот элементарный факт, что общественная необходимость денег и, следовательно, спрос на них определяется не тем, что что-то нужно заместить или увеличить в области производственной, а той функциональной ролью, которую деньги играют в совершенно специфической сфере—сфере обращения[1]). Из этой особой роли денег вытекает и все остальное. Например:

> ...совершенно неправильно превращать различие между обращением, как обращением дохода и как обращением капитала, в различие между обращением и капиталом. Такой оборот речи происходит у Тука потому, что он просто становится на точку зрения банкира, выпускающего собственные банкноты. Сумма его банкнот... ничего ему не стоит..., однако (банкноты. Н. Б.), приносят ему деньги... Но они отличны от его капитала... Отсюда для него вытекает специальное различие между обращением и капиталом, которое, однако, не имеет ничего общего с значением этих понятий самих по себе и всего менее с тем значением, какое они получили у Тука.
>
> Различие назначений денег — функционируют ли они, как денежная форма дохода или капитала — ближайшим образом ничего не изменяет в характере денег, как средства обращения; они сохраняют этот характер, выполняют ли они ту или другую функцию[2]).

Итак, и этот «принципиальный» аргумент тов. Розы Люксембург падает.

Теперь мы переходим к центральной аргументации т. Р. Л., — аргументации, которую она развивает уже не по линии вопроса, для кого производится накопляемая прибавочная ценность, а по совершенно другой линии, каким образом возможно накопление, которое есть, согласно учению т. Р. Л., накопление денежного капитала. Здесь в целях точности и ясности, с одной стороны, в целях предупредить возможные обвинения в том, что мы приписываем тов. Р. Люксембург небылицы — с другой, мы предварительно должны точно процитировать наиболее важные относящиеся к делу места из самой Розы. Да не посетует на нас за эти необходимые длинные выписки читатель.

Вспомним сперва одно место, которое мы уже приводили:

> Если капиталисты, как класс, всегда лишь сами являются покупателями всей своей товарной массы (за исключением той части, которую они постоянно должны уделять рабочему классу на его содержание), если они сами должны собственными деньгами постоянно покупать товары и превращать в золото заключающуюся в них прибавочную стоимость, то накопление при-

---

[1]) Упреки Марксу со стороны Розы Люксембург здесь („зачем, мол, ставить сложные вопросы, когда хочешь притти к довольно простому ответу"), как и в других местах, часто исходят из непонимания характера положений II тома, Маркс, работая для себя, все время „примеривал", делал предварительные наметки, набрасывал ориентирующие вопросы, и т. д. Вот, этого т. Р. Л. совершенно не принимает во внимание, в особенности, когда „играет словами".

[2]) Маркс, Капитал, т. III[1] стр. 431 (Средства обращения и капитал; воззрения Тука и Фуллатона). Курсив наш Н. Б.

были, накопление классом капиталистов, как целым, невозможно[1]).

Эту тему автор «Накопления» развивает особенно подробно и наиболее концентрированно в следующем месте:

Накоплять капитал не значит производить все большие горы товаров, а превращать все больше товаров в денежный капитал. Между накоплением прибавочной стоимости в товарах и применением прибавочной стоимости для расширения производства мы имеем всякий раз решительный скачок, salto mortale товарного производства, как называет его Маркс,—продажу за деньги. Быть может, это имеет значение лишь для отдельного капиталиста, а не для всего класса, не для общества в целом? Отнюдь нет. Таким образом накопление прибыли, как денежного капитала, является именно специфической и весьма существенной чертой капиталистического производства. Сам Маркс при рассмотрении накопления совокупного капитала отмечает образование нового денежного капитала, сопровождающее действительное накопление и обусловливающее его при капиталистическом производстве... (Капитал, т. II, стр. 499—500)...

Капиталист *A*[2]) продает свои товары *B*; он получает, следовательно, от *B* прибавочную стоимость в деньгах. *B* продает свои товары *A* и для превращения в золото собственной прибавочной стоимости получает обратно деньги от *A*. Оба они продают свои товары *C* и, следовательно, получают от того же *C* деньги и за их прибавочную стоимость. Но откуда получает их *C*? От *A* и от *B*.

Ведь, других источников для реализации прибавочной стоимости, т. е. других потребителей товаров, согласно предпосылке, не существует. Но может ли таким образом иметь место обогащение *A*, *B* и *C* в виде образования у них нового денежного капитала?.. Пусть процесс эксплоатации закончен и пусть возможность обогащения, накопления налицо. Но для того, чтобы эта возможность превратилась в действительность, необходим обмен, реализация возросшей новой прибавочной стоимости в возросшем новом денежном капитале. Nota bene, мы не спрашиваем здесь (!), как это многократно делает Маркс во II томе «Капитала», откуда берутся деньги для обращения прибавочной стоимости,— с тем, чтобы, в конце-концов ответить: от золотопромышленника. Напротив (!!), мы спрашиваем: как новый денежный капитал (откуда он? Н. Б.) попадает в карманы капиталистов, раз они (если не считать рабочих) являются единственными покупателями товаров? Ведь, денежный капитал постоянно переходит из одного кармана в другой.

И опять-таки: может быть, мы такими вопросами только сбиваемся с пути? Может-быть, накопление прибыли и заключается в этом процессе постоянного перехода денег из одного капиталистического кармана в другой, в последовательной реализации частных прибылей, при которой общая сумма денежного капитала вовсе не должна возрастать, так как (!?! Н. Б.) нечто такое, как «совокупная прибыль» капиталистов, существует только в «серой» теории?

Но увы! Сделав такое допущение, мы попросту бросили бы в печку третий том «Капитала», ибо в центре его стоит, как одно из важнейших открытий экономической теории Маркса, учение о средней прибыли (курсив автора. Н. Б.)... Совокупная капиталистическая прибыль на деле является гораздо более реальной величиной, чем, например, общая сумма выплаченной за данное время заработной платы...

Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно и притом в денежной

---

[1]) Антикритика, 555. Курсив наш. *Н. Б.*

[2]) В примере Р. Л. капиталист *A* производит уголь, *B* — машины, *C* — средства существования; эти три лица представляют собой совокупность капиталист. предпринимателей (570).

форме — совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?

По крайней мере, совокупная товарная масса, в которой заключена прибыль, может, повидимому, как мы принимали до сих пор, расти, и только доставание денег готовит затруднение, которое, быть-может, является лишь техническим вопросом денежного обращения. Но и это лишь видимость (курсив мой. Н. Б.), получающаяся при поверхностном рассмотрении. Совокупная товарная масса вовсе не будет расти, и расширение производства вовсе не будет иметь места, так как с капиталистической точки зрения (курсив автора. Н. Б.) их предпосылкой с первого же шага является превращение в деньги, всесторонняя реализация прибыли. *A* может продавать возрастающую массу товаров *B*, *B* — *C* и *C* снова *A* и *B*, и все они могут реализовать прибыль только в том случае, если, по крайней мере, один из них, в конце-концов, найдет сбыт вне этого замкнутого круга. Если этого не будет, то карусель после пары поворотов со скрипом остановится[1]).

Такова аргументация т. Р. Л. Эта аргументация, несмотря на свою сбивчивость, все же имеет некоторый твердый логический стержень, а именно: накопление капитала невозможно, ибо оно должно быть накоплением денежного капитала совокупного капиталиста, тогда как схемы Маркса предполагают переход денег из кармана в карман, что отнюдь не может служить основанием для реализации совокупной прибавочной ценности.

Разберем и эту аргументацию тов. Р. Люксембург, идя и здесь шаг за шагом за нею, следя за ее доводами, не пропуская ни одного мало-мальски важного логического звена.

1. Определение накопления. Накопление состоит, по Розе, не в производстве все больших гор товаров, а в превращении все большего количества товаров «в денежный капитал», т. е. в производстве все больших золотых гор. Так как, однако, т. Р. Люксембург нисколько не отрицает того факта, что расширенное воспроизводство означает все увеличивающуюся массу товарных ценностей (и, следовательно, еще большую массу потребительных ценностей, т. е. продуктов in natura), то весь процесс общественного воспроизводства приобретает у нее характер параллельного производства товарной горы и горы золотой, при чем накопление золотой горы и составляет действительную сущность капиталистического производственного процесса. Это представление лежит у нее в основе всех последующих рассуждений и проявляется, между прочим, в определении накопления, как накопления денежного капитала. Накопление капитала никак нельзя смешивать с одной функциональной формой последнего (денежная фаза кругооборота капитала); еще менее, как мы видели выше, можно смешивать накопление капитала с накоплением обособившейся функциональной формы его, т. е. с накоплением денежного капитала в собственном значении этого слова, капитала, приносящего проценты («moneyed capital в английском смысле»). То, что движение совокупного общественного капитала сопровождается накоплением денежного капитала (как правильно отмечает Маркс), вовсе не означает, что накопление капитала равняется накоплению денежного капитала, что оно идентично (тождественно) с этим последним. «Salto mortale» имеет значение для каждого капиталиста, так как каждый капиталист должен так или иначе продать свой товар чтобы превратить вырученные деньги в вещественную форму производительного капитала. Если «salto mortale» существенно важно, даже необходимо, для любого капиталиста, то, следовательно, оно важно и необходимо для всех капиталистов, т. е. для совокупного капиталиста, т. е. для всего капиталистического общества. Но это отнюдь не значит, что совокупный капиталист одним махом реализует

---

[1]) Роза Люксембург, l. c., 571—573. Все курсивы, кроме тех, где есть специальная оговорка, сделаны нами. *Н. Б.*

свою прибавочную ценность, сразу меняя груду товаров на ценностно-эквивалентную груду золота. Такое («розистское») представление абсурдно.

2. Махинации капиталистов *A*, *B* и *C*. Здесь у Розы три отрасли производства, символизирующие совокупное общественное производство, а именно — производство угля (*A*), производство машин (*B*), производство средств потребления (*C*). Предпосылкой является также определенная денежная наличность, которую эти капиталисты попеременно пускают в обращение и затем «вылавливают» из обращения. Как возможно здесь накопление, т. е. «образование у них (у капиталистов) нового денежного капитала?» — формулирует свой вопрос Роза. И отвечает: «Это невозможно». Ergo — невозможно накопление.

Нетрудно, после всего вышесказанного, опровергнуть эту наивную софистику. Если в условиях абстракции (совершенно необходимой) от внешнего рынка, заранее исключить производство золота, то, конечно, добавочное золото с неба не упадет, — это поймет даже ребенок. После оборота капитала останется ровно такое же количество денег, какое было до рассматриваемого оборота. Это золото, эти деньги «помогли» новой вещественной расстановке элементов производительного капитала так, что новый цикл может начаться на новой расширенной основе. Что отсюда вытекает? Отсюда вытекает, что действительное накопление возможно без накопления в «иллюзорной форме» денег, т. е. без «образования нового денежного капитала», как выражается тов. Роза Люксембург. Заметьте: каждый из капиталистов проделал здесь то самое «salto mortale», о котором говорит тов. Роза Люксембург. Следовательно, это «salto mortale», которое есть, действительно, conditio sine qua non капиталистического производства, проделано последовательно всеми капиталистами, а следовательно, и совокупным капиталистом, т. е. капиталистическим классом в его целом.

Но так как Р. Л. этим, очевидно, не удовлетворяется, то приходится сделать отсюда (это вытекает с железной логикой из всей ее аргументации) тот вывод, что под денежным капиталом она разумеет не денежную форму капитала, которую принимает движущийся промышленный капитал, а денежный капитал, как moneyed capital, который, действительно, накапливается как деньги и только как деньги. Но это есть reductio ad absurdum всей позиции тов. Розы Люксембург.

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы количество обращающихся денег оставалось тем же самым. Это последнее возможно лишь, если рост товарной массы с точки зрения ее ценностного определения компенсируется экономией на средствах обращения (быстрота оборота, кредит и т. д.). Поскольку такой компенсации не происходит, добавочные деньги поступают из той самой золотопромышленности, к которой тов. Люксембург питает такую, совершенно несправедливую, ненависть. Тогда нетрудно ответить на вопрос Р. Л.: «Как новый денежный капитал попадает в карманы капиталистов? Он попадает к ним потому, что *c*, *v* и *m* золотопромышленника должны быть обменены на средства производства и рабочую силу (а через посредство рабочих—на средства существования). Впрочем, уже с самого начала, этот «новый денежный капитал» был у них в «совокупном кармане», так как наш золотопромышленник, по всем божеским и человеческим правам, принадлежит к классу капиталистов. (Кстати сказать, золотопромышленник, с точки зрения тов. Люксембург, является существом одновременно и бессмысленным, и противоестественным, ибо он постоянно отторгает от себя золотую форму своего продукта. Не этим ли об'ясняется нелюбовь к нему со стороны тов. Розы Люксембург?). Итак, здесь «новый денежный капитал» поступает, как это ни не нравится автору «Накопления», из золотопромышленности. Если же никакой золотопромышленности нет, то вопрос, который ставит т. Люксембург (не как ставил Маркс, а «напротив»: «напротив, мы спрашиваем: как новый денежный капитал попадает в карманы капиталистов?»), просте бессмыслен, так как никакого «нового» «денежного капитала» нет, а, следовательно, он никуда не может и попадать.

3. Накопление капитала и «средняя прибыль». Тут тов. Люксембург почти подходит к правильному решению проблемы, но тотчас же отскакивает

от этого решения, точно хороший резиновый мяч от каменной стены. Мы видели выше, как она задает себе вопрос о частичных реализациях; но она и ставит его нелепо, и еще более нелепо отвечает на него. В самом деле, посмотрим еще раз на то критическое место, где Роза Люксембург проделывает с в о е логическое salto mortale.

Вопрос: «Может-быть, накопление прибыли и заключается... в последовательной реализации частных прибылей, при которой общая сумма денежного капитала вовсе не должна возрастать, так как нечто такое, как «совокупная прибыль» капиталистов, существует только в «серой» теории?» Ответ: нет, ибо «средняя прибыль» стоит в центре III тома «Капитала»; «учение о «средней прибыли» придает реальный смысл теории стоимости первого тома» и т. д., и т. д.[1]).

Здесь мы имеем целый букет неточностей и ошибок.

Во-первых, Р. Л. спутывает р е а л и з а ц и ю и н а к о п л е н и е. Реализация есть превращение товарной формы в денежную — и только. Реализация есть, таким образом, предварительное у с л о в и е накопления.

Во-вторых, нельзя говорить о реализации п р и б ы л и, потому что прибыль получается в результате реализации; реализации же подлежит прибавочная ценность.

В-третьих, накопление с п у т а н о с увеличением денежного капитала; действительно накопленная прибавочная ценность, находящаяся уже в форме п р о и з в о д и т е л ь н о г о капитала, как бы не считается уже элементом накопления, хотя это есть составная часть действительного накопления.

В-четвертых, неясно поставлен вопрос об «общей сумме денежного капитала». Здесь могут быть следующие случаи: количество денег уменьшается (когда экономия на средствах обращения существеннее, чем прирост товарных ценностей, тогда в о з м о ж е н и этот случай); количество денег остается прежним (увеличение товарной ценностной массы компенсируется экономией в средствах обращения); количество денег увеличивается, но вовсе не настолько, насколько увеличивается ценность совокупной товарной массы («нормальный» случай); количество денег увеличивается ровно настолько, насколько увеличивается ценность товарной массы. Последний случай — это как-раз тот а б с у р д н ы й случай, который лежит в основе «розистской» теории. Если бы Р. Л. т о ч н о формулировала этот пункт, абсурдность ее положений выступила бы с полной очевидностью.

В-пятых, совершенно п р о и з в о л ь н ы м является со стороны т. Розы Люксембург соединение а б с о л ю т н о - п р а в и л ь н о г о взгляда на ступенчатый характер реализации с совершенно в з д о р н ы м взглядом, отрицающим реальность совокупной прибыли капиталистов. Эту связь («так как») тов. Роза Люксембург «примыслила», alias присочинила, чтобы тем легче опровергнуть возможную аргументацию своих возможных противников. Но этим самым она сделала невозможным действительное разрешение проблемы.

«Совокупная прибыль капиталистов» есть величина об'ективно реальная. Но это вовсе не значит, что она мыслится как единовременно существующая золотая куча, — вот этого никак не усвоит себе товарищ Роза Люксембург. Материально она существует в каждый данный момент не только в золоте и н е с т о л ь к о в золоте, так как н а к о п л е н и е как-раз и состоит в присоединении прибыли к капиталу, который должен надеть на себя свою настоящую прозодежду, т. е. принять форму производительного капитала, что только и обеспечивает суть дела, т. е. п р о ц е с с в о з р а с т а н и я ц е н н о с т и. Идеально, т. е. в счетных единицах, она существует как денежная величина. Но ее величина имеет значение д л я о б'е к т и в н ы х з а к о н о в движущегося общества.

Поясним это тем самым примером, который — так неудачно для себя — выбрала тов. Роза Люксембург. В центре «важнейших открытий экономической теории Маркса» стоит, по Розе Люксембург, учение о средней прибыли. Прекрасно. Но всякому экономисту известно, что средняя прибыль сама есть производная величина, ибо она определяется средней н о р м о й п р и б ы л и (кстати: это-то и есть «центр» вышеупомянутых открытий, а вовсе не средняя прибыль; это для характеристики точности экономических формулировок у тов. Р. Л.): «Прибыль, падающая согласно этой общей

---

[1]) Р о з а Л ю к с е м б у р г, 1 с., 572.

норме на капитал данной величины, каков бы ни был его органический состав, называется средней прибылью» [1]). Но норма прибыли есть отвлеченное число, дробь $\frac{m}{c+v}$ где m есть общественная прибавочная ценность (*resp.* сумма прибыли), а $c+v$ — совокупный общественный капитал. В каком смысле эта норма прибыли об'ективна? Она об'ективна, как общественный закон, а не как твердый сундук с деньгами, о косяк которого можно разбить себе лоб. Точно также обстоит дело и с совокупной прибылью. Ей вовсе не нужно находиться в любой момент, так сказать, всеми своими частями, в денежной форме для того, чтобы быть в этой форме представленной, или для того, чтобы играть об'ективную роль в процессе движения капитала. Но и этого совершенно не понимает товарищ Роза Люксембург.

4. Совокупный общественный капитал и совокупная прибыль. После всего вышеразобранного т. Р. Л. подводит итоги: «Итак, мы остаемся при старом: совокупный общественный капитал приносит постоянно — и притом в денежной форме — совокупную прибыль, которая в целях совокупного процесса накопления должна постоянно возрастать. Но как эта сумма может возрастать, если слагаемые только путешествуют из одного кармана в другой?»

Теперь нам также не трудно подвести совокупный итог этому совокупному накоплению ошибок, которые путешествуют у тов. Розы Люксембург с одной страницы на другую и, тем не менее, все увеличивает сумму этих ошибок, подхватывая к себе и присоединяя все новые неточности, промахи, прямые неправильности.

Правильно, что совокупный общественный капитал приносит постоянно совокупную прибыль.

Неправильно, что совокупная прибыль существует только в денежной форме, если речь идет о форме реального бытия в данный хронологический момент.

Правильно, что прибыль притекает к капиталисту в денежной форме, как реализованная прибавочная ценность.

Неправильно то, что реализация эта происходит, как однократный акт, относящийся к совокупной прибавочной ценности.

Правильно, что обычно возрастает количество обращающихся денег.

Неправильно, что накопление капитала обязательно предполагает их увеличение.

Правильно, что накопление проходит через денежную форму капитала.

Неправильно, что накопление капитала есть накопление денежного капитала.

Правильно, что накоплению капитала в общем и целом соответствует накопление денежного капитала.

Неправильно, что накопление капитала равняется или эквивалентно накоплению денежного капитала.

И так далее, и тому подобное.

5. Заключительная карусель тов. Р. Люксембург. В заключение автор «Накопления» прибегает, как и в своей заключительной аргументации относительно того «для кого» происходит расширенное воспроизводство, к пресловутой карусели, которая должна «со скрипом остановиться». Почему? Не только потому, что «доставание денег готовит затруднение», но и потому, что товарная масса не будет расти, ибо рост товарной массы сам предполагает «всестороннюю реализацию прибыли» (нужно сказать: «прибавочной ценности». Н. Б.). Здесь мы должны повторить выписку, так как в ней содержится, на ряду с атакой, и беспорядочное бегство. Тов. Р. Л. пишет:

«А может продавать возрастающую массу товаров В, В—С и С снова А и В, и все они могут реализовать прибыль только в том случае, если, по крайней мере, один из них, в конце-концов, найдет сбыт вне этого замкнутого круга. Если этого не будет, то карусель после пары поворотов со скрипом остановится» (573).

Если бы быстрота оборота или рост кредита ect. увеличивались так же быстро, как и товарная масса, то никакой остановки, как мы видели, не было бы. Нужная реализация происходила бы при помощи того же количества денег, которые бегали бы гораздо быстрее,— только и всего. Но нас интересует здесь другой вопрос. Здесь

[1]) Карл Маркс, Капитал, т. III, кн. I, стр. 135.

Р. Л. полагает, что если один капиталист реализовал свою прибавочную ценность вне «круга», тогда задача может быть решена с ее точки зрения. Каким же образом?

В самом деле. Пусть у нас будут капиталисты A, B, C, D, E, F, и т. д. Пусть подлежащая реализации приб. ценность будет у них соответственно a, b, c, d, e, f и т. д.

Следовательно, мы имеем ряд:

$$\begin{array}{l} A \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots a \\ B \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots b \\ C \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots c \\ D \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots d \\ E \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots e \\ F \ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots\ldots f \\ \hline \text{Совокупная приб. ценность} = a+b+c+d+e+f+\ldots\ldots \end{array}$$

Предположим, что один из капиталистов, скажем, F, выбился из «круга» и реализовал «на стороне» величину f. Сумма же подлежащей реализации прибавочной ценности равна $(a+b+c+d+e+f+\ldots)$. Каким же образом могут капиталисты реализовать эту сумму? (А Роза, ведь, написала, что могут, если хоть один из них выйдет из круга). Если Роза ответит, что это возможно потому, что f будет бегать из кармана в карман, то она тут же сдаст свою основную позицию. Ответить же что-либо другое немыслимо, невозможно, ибо другого ответа не может быть. Это и есть линия бегства, линия отступления. Ибо против такого решения можно сызнова привести всю аргументацию т. Р. Л., что здесь реализует свою приб. ценность отдельный капиталист и не может ее реализовать класс капиталистов, и т. д., и т. д.

Вопрос имеет и другую сторону. Если, действительно, быстрота оборота ect. не компенсирует роста товарной массы, то добавочные деньги вступают в каналы обращения через золотопромышленника, у которого продукт (и прибавочный продукт) носит натуральную форму золота. Это и будет прорывом круга, поскольку, действительно, такой прорыв необходим. Но, как мы видели выше, и как это непосредственно следует из настоящего изложения, — абсурд, абсурд и паки абсурд предполагать, что добавочное количество денег должно равняться добавочному количеству производимых товаров.

Итак, основная ошибка т. Розы Люксембург заключается в том, что она рассматривает собирательного капиталиста, как капиталиста единичного; она гипостазирует этого собирательного капиталиста. Поэтому она не понимает, что процесс реализации есть ступенчатый процесс; поэтому она представляет накопление капитала, как накопление денежного капитала.

Но именно из этой, по нашему мнению, центральной и основной ошибки т. Розы Люксембург вытекает и ее об'яснение империализма. В самом деле, если совокупный капиталист должен рассматриваться по типу одного капиталиста, то, разумеется, он не может продать самому себе; если количество добавочного золота должно быть эквивалентно по ценности добавочной товарной массе, то (так как предположение соответствующего золотого производства бьет в глаза своей нелепостью) это золото можно получить только извне; если все капиталисты должны сразу (без беганья одной и той же суммы из одного кармана в другой, что строго воспрещается) реализовать свою прибавочную ценность, то им нужны «третьи лица». И так далее.

ЧАСТЬ II.

ДОБЫЧА ЗОЛОТА И ДОРОГОВИЗНА.

ЕВГЕНИЙ ВАРГА [1]).

Дороговизна лежит тяжелым бременем на всех слоях пролетариата; она уничтожает завоевания профессиональной борьбы. Рабочие всех стран решительно требуют мер борьбы с нею.

Ученые адвокаты капитализма стараются доказать, что господствующие классы неповинны в дороговизне; они стремятся переложить вину на другие факторы.

Этой цели служат, главным образом, две теории: 1) что дороговизна возникла вследствие повышения заработной платы рабочих; 2) что дороговизна происходит вследствие изменений в условиях производства золота. Первое учение настолько прозрачно, что не требует серьезного опровержения. Второе, наоборот, заслуживает серьезного обсуждения, ибо в определенной формулировке оно приобретает значительную степень вероятности и даже звучит совсем по-марксистски.

В самом «Капитале» мы не находим анализа того, какое действие оказывают изменения в производстве золота на установление цен. Правда, Маркс говорит:

«Мы знаем... что при неизменной ценности товаров цены их изменяются вместе с изменением ценности самого золота (денежного материала)—пропорционально повышаются, если последняя падает и, наоборот, падают, если последняя повышается» [2]).

Или:

«Когда падает... ценность самого мерила ценности, то это, прежде всего, проявляется в изменении цен товаров, которые обмениваются на благородные металлы непосредственно у самого источника их производства» [3]).

Но все же весь «Капитал» построен на молчаливом предположении неизменной ценности золота (кроме главы о первоначальном накоплении), так что непосредственно из него мы не можем почерпнуть раз'яснения, происходит ли нынешняя дороговизна вследствие обесценения денег или нет.

Бауэр высказывается в положительном смысле [4]). Мы же, наоборот, надеемся доказать, что изменения в добыче золота не могут оказывать влияния на дороговизну.

Для этой цели рассмотрим все виды подобного об'яснения рассматриваемого явления. Есть два главных вида:

1. Количество ежегодно добываемого золота чрезвычайно возросло за последнее время; вследствие увеличения его суммы, теперь приходится отдавать в обмен за каждый товар больше золота, чем прежде.

2. Вследствие введения в золотопромышленности новых машин и доставки дешевых рабочих рук, стоимость производства золота упала; поэтому цены должны возрасти.

---

[1]) «Neue Zeit». Wochenschrift der deutschen Sozialdemokratie. XXX-ster Jahrgang. 1-er Band. Nr. 7. Stuttgart — 1912, S.s. 212 — 220.

[2]) К. Маркс, «Капитал», т. I, гл. III. Отдел б (обращение денег). Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова. Госуд. изд. Москва, 1920 г., стр. 87.

[3]) Маркс. «Капитал». Т. I, гл. 3, стр. 88 указанного в предыдущем примечании издания.

[4]) Отто Бауэр. «Дороговизна», стр. 39 (на немецком языке).

Первая версия опирается на «количественную» теорию, вторая—на теорию трудовой ценности или стоимости производства.

Но количественная теория, по которой цены всех товаров определяются количеством находящихся в обороте средств обращения, правильна лишь при чистой непокрытой бумажной валюте или с прекращением свободной чеканки серебра, но не при золотой валюте.

Ведь, деньги, как известно, кроме других своих функций имеют еще и функцию орудий обращения. «Золото в качестве средства обращения отличается от золота в качестве масштаба цен и тем самым перестает быть эквивалентом товаров, цены которых оно олицетворяет». Поэтому возможно... «заменить металлические деньги, как средства обращения, деньгами, сделанными не из металла, а из другого материала, или простыми, не имеющими ценности знаками... Поэтому относительно лишенные ценности вещи, бумажные расписки, могут функционировать вместо металлических денег, как монеты». Но бумажные деньги могут выполнять эту функцию лишь до тех пор, пока выпуск их ограничен тем количеством, в каком представляемое ими золото (или серебро) в действительности должно было бы находиться в обращении. Но когда бумажных денег выпускается больше, чем обращалось бы символически представляемого ими золота, тогда бумажные денежные знаки обесценятся в той мере, в какой количество их превосходит то количество золота, которое необходимо для обращения товаров. Это произошло, например, во времена ассигнатов. В таких случаях наступает, конечно, всеобщая дороговизна. То же самое происходит при закрытии свободной серебряной чеканки,— с той лишь разницей, что ценность или цена серебряной монеты никогда не может упасть ниже ценности или цены заключенного в монете серебра; сильное же возвышение над ценностью серебра вполне возможно, ибо вследствие прекращения свободной чеканки невозможно купить на рынке серебро и дать вычеканивать из него деньги [1]).

Но то, что верно для бумажной валюты и ограниченной серебряной чеканки, неверно для золота. Золотые деньги функционируют не только как мерило ценности, — они представляют собой не просто знак ценностей, но действительную ценность [2]). Золотая монета обычно содержит столько же общественно-необходимого рабочего времени, сколько и обмениваемый на нее товар. Поэтому одно лишь увеличение добычи золота вызвало бы уменьшение ценности денег, а вследствие этого дороговизну, только в том случае, если бы это увеличение было настолько значительно, что золото оказалось бы в абсолютном излишке, и, таким образом, слишком большая часть общественного труда была бы употреблена на производство его. Но этого в действительности нет: погоня за золотом со стороны центральных банков теперь сильнее, чем когда бы то ни было. Поэтому всякое об'яснение дороговизны, построенное на количественной теории, будет неверно.

Но чтобы сделать наше доказательство полнее, предположим на минуту, что количественная теория правильна, и докажем, что даже и при такой предпосылке современная дороговизна не может быть об'яснена ростом добычи золота.

За последние десять лет мировое производство золота составляло [3]):

Годы	Тысячи килограмм	Процент.	Годы	Тысячи килограмм	Процент.
1900	383	100	1906	605	158
1901	393	102	1907	621	162
1902	446	117	1908	666	174
1903	493	139	1909	683	179
1904	523	137	1910	685	179
1905	568	148			

---

[1]) Рудольф Гильфердинг. «Финансовый капитал». Госуд. изд. Москва, 1922 г., стр. 22—23.

[2]) «Мерой ценности золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда, следовательно ценность». Капитал, т. I, гл. I, § 1, стр. 67.

[3]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. 32 Jahrgang. Berlin. 1911 (стр. 31).

Таким образом, те, кто считает ежегодную добычу золота определяющим моментом при установлении цен, легко об'ясняют дороговизну: повышению производства золота на 79 процентов соответствует повышение товарных цен на 79 процентов.

Но сопоставление годового увеличения производства золота с движением товарных цен неправильно даже с точки зрения количественной теории. Ибо в качестве средства менового оборота служит не только вновь производимое в каждом году количество золота, но и общая сумма накопленного в течение веков металла, находящегося в сфере европейского и американского хозяйства. Поэтому правильно будет противопоставить движению товарных цен лишь увеличение общей массы золота.

По достоверным вычислениям количество чеканенного и нечеканенного золота в странах европейско-американской культуры составляло в 1900 г. 12,3 миллиона килограмм [1]).

С 1901 по 1910 г. вновь добыто 5,8 миллионов килограмм. Но не все это количество нового золота пошло на увеличение суммы орудий обмена. По вычислениям американского монетного двора, Гельфериха и Лексиса, третья часть его пошла на промышленные цели. Следовательно, на увеличение того количества золота, которое служит целям товарооборота, пошло лишь около 3,8 миллиона килограмм, что составляло в 1910 г. 32,4 процента наличного количества золота.

Таким образом, если количественная теория правильна, то увеличением имеющегося в наличности количества золота можно об'яснить вздорожание на 30—32 процента, при том лишь в случае, если бы количество обращавшихся товаров осталось неизменным.

Но это совершенно нереальное предположение! Хотя у нас нет статистики мирового производства всех товаров, но мы все же, на основании имеющихся данных можем твердо установить, что мировое производство товаров возросло в том же масштабе, что и золотые запасы, служащие целям товарооборота.

Мировое производство составляло в тысячах тонн [2]):

	1900 г.	1910 г.	Увеличение на:
Железная руда	91.888	136.500	48%
Сырое железо	40.726	61.000	50%
Каменный уголь	725.000	980.000	35%
Медь	529	853	61%
Керосин	191.659	361.400	88%
Пшеница	175.710 [3])	99.130	31%
Хлопчатая бумага	15.513	22.467	55%

Так как производство и обращение других товаров за последние годы—как видно из этой статистики важнейших видов товаров—увеличивается, по крайней мере, в той же степени, в какой увеличивается и количество золота, служащее целям обращения, то дороговизна прошлых лет (1900—1910) не может быть об'яснена ростом производства золота, даже с ложной точки зрения количественной теории.

Излишне будет прибавлять к этому, что увеличение золотых средств обращения могло бы вызвать вздорожание лишь в том случае, если бы весь товарообмен совершался посредством золота. Но всякий знает, что большинство товарных сделок совершается не при посредстве золота, а с помощью чеков, банковых билетов, расчетных палат,— отчасти вследствие большого удобства, отчасти (как это ясно обнаруживается во время кризисов) вследствие абсолютного недостатка в золоте, — что, кстати сказать, наблюдается и сейчас. Таким образом, увеличение мирового запаса привело бы не к росту товарных цен, а к вытеснению реальным золотом соответствующей части денежных знаков.

Теперь обратимся к вопросу, могло ли удешевление стоимости производства золота вызвать нынешнюю дороговизну.

---

[1]) Эту цифру дает В. Лексис.

[2]) Kompass. Finanzielles Jahrbuch für Oesterreich-Ungarn. См. также Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1910 г.

[3]) Средняя цифра для 1898 — 1902 г.г.

Предположим, что добыча одного килограмма золота, благодаря новым машинам, обходится теперь дешевле, что в весовой единице его заключается теперь меньше общественно-необходимого рабочего времени, чем раньше. Тогда уменьшение ценности золота должно немедленно перенестись на служащие мерилом цен золотые монеты, так как все эмиссионные банки принимают золото по определенной цене, т. е. за определенное количество золотых монет, и так как английские, американские и австралийские монетные дворы обязаны принимать у каждого золото в чеканку даром или за минимальную плату. «Цена золота, измеряемая тем же металлом, не может меняться» [1]).

Если ценность золота уменьшается, то это уменьшение немедленно передается золотым монетам, а так как последние служат мерилом ценности, то уменьшение их ценности должно выразиться в общем повышении цен всех товаров. Это правило распространяется не только на товары, покупаемые с уплатой золотом, но и на все прочие товары, ибо золотая монета служит «идеальными счетными деньгами» при всех сделках.

Из многих отчетов за последние годы явствует, что в золотопромышленности, действительно, вводятся новые машины и достигается уменьшение стоимости производства. Дороговизна, следовательно, отчасти вызвана этими обстоятельствами.

Так гласит теория, истинность которой до сих пор никем не ставилась под сомнение. Так, например, Отто Бауэр говорит:

«Понижение стоимости производства золота в южноафриканской золотопромышленности, вероятно, является одной из причин современной дороговизны. За каждый товар мы должны теперь отдавать больше денег, больше золота, так как теперь в каждом слитке золота заключается меньше золота, чем прежде» [2]).

Как ни правдоподобно все это звучит, как ни общепризнано это мнение, мы не можем согласиться с ним по следующим причинам.

Всем известно, что цены товаров определяются заключенным в них общественно-необходимым рабочим временем лишь в том случае, когда количество этих товаров может быть увеличено соответственно потребности в них без увеличения стоимости производства. Цены же тех товаров, которые могут быть произведены в большем количестве лишь при увеличенной стоимости производства, определяются стоимостью тех единиц, которые производятся в наихудших условиях, но еще необходимы для удовлетворения спроса. Таково положение с продуктами сельского хозяйства. «Цена производства на наихудшем участке, не дающем никакой ренты, всегда служит определяющей ценой на рынке» [3]).

Введение сберегающей труд машины, технического улучшения всегда понижает рыночную цену продукта первого рода: новый способ производства делается общественным, определяющим цену. Но когда подобное новшество вводится в такую область, где рыночная цена определяется стоимостью производства того необходимого еще количества товаров, которое производится при наихудших условиях, тогда рыночная цена упадет лишь в том случае, если, благодаря этому нововведению, упадет и определяющая цена, — а именно, издержки производства в наихудших условиях. Если этого нет, то рыночная цена остается прежняя. И результатом нововведения будет лишь повышение дополнительной прибыли предприятий, производящих в более благоприятных условиях.

Те, которые утверждают, что вновь введенные машины понизили цену золота, молчаливо предполагают, что золото является товаром, стоимость производства которого просто определяется общественно-необходимым рабочим временем. Мы же утверждаем: 1) что в золотопромышленности, как и в земледелии, цены определяются золотом, производимым в наихудших условиях, при чем лучшие прииски дают диференциальную ренту; 2) что сберегающие труд нововведения не пони-

---

[1]) Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». Гос. изд. Москва, 1922 г. стр. 36.
[2]) Otto Bauer. Die Teuerung, S. 39.
[3]) Маркс. «Капитал». Т. III, часть II. гл. 39. Перевод В. А. Базарова и И. И. Степанова. Гос. изд. Москва, 1923 г., стр. 198.

зили стоимости производства золота, добываемого в наихудших условиях, и, следовательно, приводят лишь к повышению дифференциальной ренты в золотопромышленности.

Анализ производства золота доказывает верность нашего утверждения.

Когда кто-либо хочет заняться разработкой приисков, то максимум стоимости производства ему дан наперед с полной точностью: стоимость производства одного килограмма зелота не должна достигать одного килограмма чеканного золота. Если добыча килограмма сырого золота стоит дороже, прииск не может разрабатываться, ибо разработка его даст убыток [1]).

Но отчего зависит стоимость производства на золотых приисках? Не только от способа производства, но прежде всего также от богатства данного рудника золотом.

Дело в том, что стоимость производства золота зависит не от добычи золота, а от количества переработанной руды и от глубины рудников. Для золота вообще нет единой стоимости производства, ибо есть рудники, которые дают в пять раз больше золота, чем дают его более бедные рудники при добыче и переработке того же количества руды.

Предположим, что изобретены и введены новые сберегающие труд способы добычи и переработки золотой руды. Понизится ли вследствие этого цена золотого товара по сравнению с другими товарами?

Ни в каком случае!

Это нововведение имело бы лишь тот результат, что отныне могли бы быть использованы и те прииски, которые раньше не разрабатывались; ибо, благодаря удешевленной переработке руды, один килограмм золота может быть добыт с затратой меньшего количества чеканного золота. Стоимость производства золота, определяющего цену, т. е. золота, добытого при наихудших условиях, осталась бы та же, что и прежде: результат будет лишь тот, что прииски, бывшие раньше наихудшими, не дававшие дифференциальной ренты, теперь дадут ренту, а рудники, уже раньше приносившие дифференциальную ренту, дадут ее в соответственно повышенном размере!

Понижение рыночной цены наступило бы лишь в том случае, если бы, благодаря сберегающим труд нововведениям, на рынке появилось бы такое количество нового золота, что часть его оказалась бы излишней. Тогда цена упала бы, и часть рудников, находящихся в худших условиях, приостановила бы добычу.

Но в действительности этого не бывает. Эмиссионные банки всех стран жадно берут сырое золото, предлагаемое по прежней (т. е. установившейся до увеличения предложения) цене; об излишке, а, следовательно, и о понижении цен не может быть никакой речи. Если за последнее десятилетие применялись сберегающие труд нововведения, то они повысили ренту, даваемую рудниками, но не понизили ценности золота.

Этими чисто теоретическими соображениями мы спокойно могли бы закончить свое исследование. Но чтобы сделать нашу точку зрения более приемлемой, прибавим еще следующее.

Судьба приисковых предприятий доказывает, что условия в золотопромышленности именно таковы, как мы их изложили. Около половины приисков должны закрыться спустя короткое время, так как стоимость производства превышает продажную цену [2]); а в то же время прииски с богатою рудою дают невероятную прибыль, без сомнения представляющую собой дифференциальную ренту.

---

[1]) «Золото находит свою меновую ценность по отношению к другим товарам готовою, поскольку эта его ценность выражается в ценах мировой торговли». W., Lexis Lehrbuch der Volkswirtschaft, S. 101.

[2]) Подробности см. у Max'a Epstein'a: «Die englische Goldminenindustrie». Dresden 1909 г., O. Böhmert.

Для иллюстрации того, насколько неравномерна доходность приисков, приведем статистику дивидендов некоторых южно-африканских рудников [1]).

	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1607	1908	1909	1910
Struglo French Exploration	8	27½	17½	—	20	—	—	—	10	12½
Consolited Gold	—	25	—	12½	15	—	12½	20	35	35
East Rand	—	—	25	20	20	—	45	42½	40	40
Ferreira	—	100	187½	250	262½	300	300	300	600	300
General Mining	—	10	10	—	20	—	—	—	5	15
Globe and Phoenix	50	35	—	—	22½	27½	15	22½	35	125
Premier Deffered	—	—	—	—	400	400	400	—	200	200
South African Gold Trust	50	50	—	12½	15	—	—	10	25	25
Rand Mines	—	80	—	100	100	180	130	190	350	220

Таким образом, мы видим, что дивиденды приисковых предприятий изменяются от 0 до 600 процентов; есть прииски, которые за десять лет уплатили 70 процентов дивидендов: есть и такие, которые дали 2.600 процентов. Такое положение возможно лишь в такой отрасли производства, где есть устойчивая продажная цена, но сильно колеблется стоимость производства, и где такая устойчивая продажная цена определяется товаром, производимым в наихудших условиях.

Те, кто утверждают, что дороговизна последних лет является следствием удешевления производства золота, должны показать нам тот хозяйственный механизм, посредством которого уменьшенная стоимость производства передается ценам.

Для таких товаров, количество которых можно безгранично увеличивать, уменьшенная стоимость производства вызывает уменьшение цен посредством конкурренции тех предприятий, которые ввели у себя первыми новые методы. Конкурренция заставляет другие предприятия либо понизить свои цены, либо потерять своих клиентов, так как конкуррирующие предприятия могут обеспечить товаром весь рынок.

При производстве золотого товара нет конкурренции. Килограмм нового д е ш е в л е п р о и з в е д е н н о г о сырого золота покупается эмиссионными банками за то же количество золотых монет, или за соответствующее этим монетам количество товаров, что и прежде. Громадная, веками накопленная масса золота, стоящая в прочных меновых отношениях со всеми товарами, не зависит в своей цене от уменьшения стоимости производства золота [2]). Более дешевое производство увеличивает дифференциальную ренту рудников; конкурренции здесь нет: польза, извлекаемая от уменьшения стоимости производства, течет в качестве дополнительной прибыли в карманы приисковых капиталистов.

Повидимому, О. Бауэр сознавал нечто подобное, ибо параллельно с приведенными им рассуждениями мы находим еще соображения, приводимые им для об'яснения того, как, по его мнению, удешевление производства золота вызывает дороговизну.

«Владельцы золотых рудников поставляют добытое золото на монетные дворы и в банки. За это они получают монеты или векселя, денежные переводы. Все это служит прежде всего для оплаты производства золота. Избыток добытого золота над стоимостью добычи его остается у них. Он тем больше, чем меньше стоимость производства» [3]).

Мы видим, что здесь Бауэр предполагает твердую, независимую от стоимости производства, цену золота и этим вступает в противоречие со своими дальнейшими рассуждениями, по которым понижение стоимости производства автоматически приво-

---

[1]) Deutscher Börsenkalender 1911 г. Приложение к «Frankfurter Zeitung».

[2]) Само собою разумеется, что чем старше возраст капиталистического производства, тем больше накопленное количество золота, тем, следовательно, меньше та степень в какой ежегодная добыча золота увеличивает эту массу, хотя увеличение это по своей абсолютной величине может быть значительно. («Капитал». Том II, гл. 20. Конец XII отдела).

[3]) «Die Teuerung», стр. 39.

дит к понижению покупательной силы золота. Он продолжает свои рассуждения следующим образом:

«На этот избыток они затем покупают товары. Производители золота не увеличивают запаса товаров, так как они производят не товары, а золото: но они увеличивают спрос на товары. Они повышают его тем сильнее, чем больше избыток производства над стоимостью его,— чем, следовательно, ниже стоимость. Увеличенный спрос на товары при неизменном запасе их увеличивает товарные цены. Таким образом, вследствие понижения стоимости добычи золота цены на товары растут».

Мы видим: не на падение цены денежного товара, а на рост спроса на товары при неизменной цене золота указывается здесь как на причину дороговизны.

Мы все же думаем, что и это об'яснение неудовлетворительно.

Во-первых, увеличенный спрос со стороны срывающих более высокую прибыль приисковых капиталистов вызовет увеличенный спрос лишь на определенные товары, главным образом, на предметы роскоши; если же произойдет накопление капитала, то увеличится спрос также и на средства производства, но не на жизненные припасы, платье, квартиры и т. п., все цены на которые за последнее десятилетие так сильно возросли.

Во-вторых, добавочная прибыль, срываемая золотопромышленниками, даже в лучшем случае совершенно незначительна по сравнению с количеством товаров, обращающихся на мировом рынке, и, следовательно, не может вызвать общего повышения цен, что доказывается следующими соображениями.

Общая ценность добытого в 1909 г. золота равнялась 1.881 милл. марок.

Возьмем крайний случай: допустим, что прибыль золотопромышленников в этом году превышала прибыль за предыдущие годы на полные 25% общей ценности. В этом случае дополнительная сумма, на которую приисковые капиталисты увеличили бы спрос на товары, составила бы 470 миллионов марок.

Но в общей сумме спроса на мировом рынке эта величина до такой степени незначительна, что она никоим образом не может вызвать повышения товарных цен. Мы не можем, следовательно, принять и об'яснения Бауэра—единственного теоретически, казалось бы, удовлетворительного. И мы должны остаться при том убеждении, что изменения в добыче золота не могут быт причиной дороговизны!

Когда защитники буржуазных интересов стоят на том, что дороговизну вызвали изменения в добыче золота, то для них это имеет большой смысл: они хотят переложить ответственность за дороговизну на не поддающийся произвольному воздействию технический фактор. Но если мои соображения правильны, то для сторонников пролетарских интересов этот довод не имеет смысла.

Если же они неправильны, то я рад буду поучиться истине!

ДОБЫЧА ЗОЛОТА И ДВИЖЕНИЕ ЦЕН.

J. v. G [1]).

В своей статье о «добыче золота и дороговизне» Е. Варга пытался теоретически доказать, что современная дороговизна, охватившая почти весь мировой рынок, не может быть об'яснена изменениями в производстве золота [2]).

Если бы Варга это только утверждал, то я не делал бы попыток оспаривать его выводы, ибо, я думаю, что в этой области еще не может быть сказано последнее решительное слово. Но он думает, что ему удалось доказать отсутствие связи между производством золота и всеобщим движением цен.

По-моему мнению, если бы он был прав в своих доводах, то были бы опорочены как вообще основания современного учения о деньгах, так и одно из основных положений марксизма. Именно поэтому мне кажется небесполезным остановиться на тех логических ошибках, которые кроются в его статье.

По мнению Е. Варги, издержки производства или экономия труда не оказывают давления на ценность золота,— и именно потому, что золото не принадлежит к тем товарам, в отношении которых действует закон минимальных издержек производства. По его мнению, золото является одним из тех товаров, которые могут быть увеличиваемы количественно лишь при увеличении издержек производства,— подобно тому, как это имеет место в отношении продукции сельского хозяйства.

На основании этого Варга делает такой вывод: «сберегающие труд нововведения не понизили стоимости производства золота, добываемого в наихудших условиях, и, следовательно, приводят лишь к повышению диференциальной ренты в золотопромышленности».

Я не могу присоединиться к этим рассуждениям. Они совершенно игнорируют закон цен благ, которые не могут быть увеличиваемы ad libidum (безгранично).

Нигде и никогда не утверждалось, что повышенная производительность сельскохозяйственного труда при наличии конкурренции не вызывает падения цен. Как и в обрабатывающей промышленности, также и здесь каждый производитель все время стремится к тому, чтобы понизить собственные издержки производства (сравнительно с издержками общественными, т. е. средними); и если это ему удается, он оказывается в состоянии снабдить рынок бо́льшим количеством своего продукта, нежели это было раньше. Вследствие этого ceteris paribus [3]) цена должна падать. И те, кто до этого падения цены производили при наиболее неблагоприятных условиях, теперь вынуждены будут прекратить производство, если они не намерены получать более низкую, чем средняя, прибыль.

Кстати, еще одно замечание. Диференциальная рента для поставленных в более благоприятные условия производителей увеличится (и соответственно там, где производители получают одну только среднюю прибыль, возникнет вновь) вследствие повышающегося спроса и, следовательно, вследствие роста цен лишь тогда, когда расширение производства возможно только при условии увеличения издержек производства. Ведь, ренту увеличивает не возрастающая, но падающая производительность.

---

[1]) «Die Neue Zeit». «Wochenschrift der deutschen Sozialdemokratie. XXX-ster Jahrgang. 1-er Band. Nr. 19. Stuttgart — 1912 г. S.s. 660 — 664.

[2]) «Die Neue Zeit». XXX, 1. Nr. 7. S.s. 212 — 220.

[3]) Безусловно правильно — даже необходимо — все прочие обстоятельства, обусловливающие описываемый процесс, считать неизменными.

Варга считает необходимым особо отметить, что издержки производства золотых приисков зависят «в первую очередь не от свойственного им способа производства, но от богатства золотых жил».

Но разве он не замечает, что с точки зрения обсуждаемой здесь темы действие в обоих случаях должно быть одно и то же. В теории ценности богатство золотых россыпей выявляется как количество золота, добываемое при помощи определенного количества общественного труда. Об этом говорит К. Маркс в первой главе первого тома своего «Капитала», где он обсуждает вопрос об образовании ценности сельскохозяйственного продукта [1]).

Варга по этому поводу пишет:

«Издержки производства одного килограмма золота не должны достигать расхода в размере одного килограмма чеканного золота. Если добыча килограмма сырого золота стоит дороже, то прииск не может разрабатываться, ибо его эксплоатация даст убыток»

Я не думаю, чтобы в данном случае производитель золота находился в особых условиях сравнительно с производителями других продуктов. Единственное обстоятельство, которое может ввести тут в заблуждение, это следующее: если производится золото, то в процессе Д—Т.... П.... Т'—Д', как указывал уже Маркс, Т' одновременно является Д'. Другими словами: для того, чтобы производитель золота мог вновь получить свой капитал в той самой экономической форме, какую этот капитал имел в начале мысленно изолированной стадии процесса воспроизводства,— для этого нет необходимости еще раз изменять форму капитала, уже превратившегося в результате производственного процесса в продукт—золото. Однако, на процесс образования ценности эта формальная особенность не оказывает никакого влияния.

Е. Варга, цитирует известного теоретика денег В. Лексиса: «золото всегда находит свою меновую ценность в отношении к другим товарам готовою, поскольку эта его ценность выражается в ценах мировой торговли».

Но это положение говорит о совершенно ином, чем то, что хочет усмотреть из него Варга. Оно касается только отмеченного выше обстоятельства, а именно,— что производитель золота не может установить меновой ценности своего продукта, непосредственно исходя из рыночной котировки его (unmittelbar aus der Marktnotierung), как это имеет место с производителями других товаров, что он может установить ее лишь посредственно на основании общего уровня цен. Для более четкого освещения этого положения я укажу на то, что говорит по данному вопросу Евг. Филиппович в своих известных «Основаниях политической экономии», ибо в формулировке Евг. Филипповича ошибка выступает с особой ясностью. Мы читаем у него:

«Если, напр., производство и доставка одного фунта золота стоит больше 1395 марок, то оно (производство) теряет свой смысл и невыгодно, ибо это количество золота в любое время может быть получено путем из'ятия из запасов золотого обращения любой из стран. В конечном счете поэтому внутреннее достоинство монеты всегда является максимальным пределом для цен благородных металлов» [2]).

Но последнее положение, как мы видим, вовсе не продумано. Достоинство (проба) монеты, т. е. установленное законом количество золотых монет, которое чеканится из определенного весового количества золота, должно определять ценность золота! Как будто в круглых чеканных кружках золото оказывается чем-то иным (даже более тонким, драгоценным), нежели в грубых и неуклюжих слитках? С тем же правом можно было бы сказать, что 10 децилитров воды определяют максимум веса литра.

В то же самое заблуждение, в которое впал Филиппович, впадает и Е. Варга. И это, несмотря на то, что он цитирует положение Маркса, гласящее

---

[1]) К. Маркс «Капитал». Т. I, гл. I. Отд. гл. 1. Гос. изд. М. 1920 г. Стр. 7. См. также: «Капитал», т. III, ч. 2.

[2]) Евг. Филиппович. Основания политической экономии.

о том, что «цена золота, исчисленная в монете из того же металла, не может отличаться от нее». Варга пишет:

«При производстве золотого товара нет конкурренции. Килограмм нового более дешево произведенного сырого золота покупается эмиссионными банками за то же количество золотых монет или за соответствующее этим золотым монетам количество товаров, что и прежде». (Курсив мой. *J. v. G.*).

Для доказательства одного и того же положения Варга сразу ссылается тут на два совершенно отличных друг от друга обстоятельства.

1) Как бы ни колебалась ценность золота,—за один килограмм золота всегда дадут одно и то же количество монет. Именно этот паритет (оставляя в стороне стоимость чеканки) является звеном, связующим выраженные в определенной денежной валюте товарные цены с товаром-золотом (как мерилом ценности) [1]).

2) И совершенное иное означает выражение Варги: «или за соответствующее этим золотым монетам количество товаров». Только этим последним способом и познается изменение ценности золота.

Я хочу высказать и другие сомнения по поводу выводов Евг. Варги.

Действительно ли золото целиком принадлежит к тем товарам, которые, подобно продуктам сельского хозяйства, могут быть производимы в большем количестве лишь при условии непропорционально увеличивающихся издержек производства? И да, и нет.

Да — поскольку при сохранении прежнего обычного способа разработки приходится все глубже и глубже опускаться в недра, в виду того, что истощены уже эксплоатируемые жилы.

Нет — поскольку техника разработки сама находится во власти человека и потому поддается усовершенствованиям, ибо в данном случае техника производства и приложенный капитал являются единственными определяющими издержки факторами.

Сам Варга касается случая, когда увеличение добычи золота понижает его ценность. Он говорит:

«Понижение рыночной цены наступило бы только в том случаее, если бы, благодаря достигнутым нововведениям, на рынке появилось такое количество вновь добытого золота, что часть его оказалась бы излишней.

Но в действительности этого не бывает. Эмиссионные банки всех стран жадно берут сырое золото, предлагаемое по прежней цене».

В данном случае Варга смешал золото, как мерило ценности (т. е. как товар, обладающий ценностью) с золотом, как с всеобщей формой товарного богатства, как с материалом для чеканки монет.

Золото приобретается центральными эмиссионными банками потому именно, что оно, на ряду с применением его для промышленных надобностей, всегда является основой денежного товарного оборота. В качестве «предприятий, коим поручена публичная функция», банки всегда должны стремиться к тому, чтобы не допускать потрясений национального денежного и кредитного обращения. Благодаря имеющимся у них металлическим запасам, они оказываются в состоянии: 1) разменивать на металл свои банкноты, 2) осуществлять по мере надобности экспорт золота за границу, когда вексельные курсы достигают высшей золотой точки или же переходят за ее пределы.

Как бы ни устанавливалась ценность золота, иначе говоря, как бы ни был высок всеобщий уровень цен, — до тех пор, пока золото является материалом для валюты, оно сохраняет за собой свое (большое) значение для эмиссионных банков.

Еще менее удачны, по моему мнению, доводы Варги на стр. 9, где он приводит таблицу дивидендов рудников. Если правильно его утверждение, что наиболее непроизводительные рудники в кратчайший срок должны прекратить свое производство, то из этого следует лишь один вывод, а именно — вследствие дороговизны все более понижается ценность продукции для производителей золота; наиболее слабые соперники оказываются сраженными в борьбе.

---

[1]) Мы можем вполне отвлечься от незначительных колебаний курса «золота», которые проявляются в колеблющихся котировках золота в различных монетных системах.

В остальном же указанная таблица мало о чем говорит. Ибо для выводов о значении приводимых в ней цифр необходимо было-бы хорошо ознакомиться со многими прочими обстоятельствами. Необходимо было-бы, например, знать: в какой мере дивидендная политика является своего рода спекуляцией на курсе? погашают-ли предприятия, платящие небольшие дивиденды, большие займы? употребляют-ли они свою прибыль на расширение производства? и, наконец, идет-ли речь в отношении наиболее прибыльных предприятий о законных или иных монополиях?..

Я хотел бы еще кратко коснуться одного из пунктов, а именно — утверждения Варги, будто бы признание взаимной зависимости между производством золота и дороговизной освобождает теоретиков буржуазии от тяжелых обвинений. Никоим образом! Только тот — социал-демократ, кто выступает не только против той или иной группы капиталистов, занимающихся ростовщичеством, но кто вообще выступает против всей современной хозяйственной системы. Именно освещение проблемы дороговизны ярче всего показывает, насколько рабочие несут на себе тяжкие испытания от необузданных изменений в общественных условиях производства.

Я оставляю в стороне вопрос, вызвана ли современная дороговизна изменениями в условиях производства золота; скажу лишь, что возможность такого влияния изменений в условиях производства золота, по-моему, не подлежит никакому сомнению.

ДЕНЬГИ И ТОВАР.

РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ [1]).

В интересной статье «Добыча золота и дороговизна» Е. Варга защищает тезис: «изменение в производстве золота не могло быть причиной дороговизны» [2]).

Я держусь того же мнения. Однако, думаю, что доказательства Е. Варги для своей законченности нуждаются в значительном дополнении.

Сначала Варга отвергает количественную теорию, подлинный смысл которой недавно метко и остроумно выразил Simplicissimus таким образом: «вследствие колоссального увеличения добычи золота в обращение попало так много денег, что цены настолько поднялись, что не хватило денег для оплаты товаров».

Количественная теория столь же примитивна, упрощенна и ложна, как и теория народонаселения Мальтуса, а потому она так же долговечна, как и эта последняя. Разница лишь в том, что количественная теория, благодаря опытам с ограниченным денежным обращением, приобрела некоторую видимость оправдания, по крайней мере, в глазах поверхностных людей, не видящих самого существенного, — между тем как мальтузианство не имеет даже и этого видимого оправдания.

Явления ограниченного металлического обращения или обращения чисто бумажного становятся понятны *только в том случае*, если об'ективно определена *ценность* находящейся в обращении товарной массы, — иначе говоря, они могут быть об'яснены только теорией трудовой ценности. Ибо ценность (Geltung), курс неразменных бумажных денег определяется ценностью находящейся в обращении суммы товаров, являясь рефлексом (отражением) этой ценности. Эта же последняя должна быть об'ективно дана, дабы вообще мы имели мерку для сравнения суммы товаров, находящихся в обращении, с количеством денежных знаков, ибо сумма товаров может быть лишь суммой их ценностей, так как различные товары можно складывать друг с другом только как ценности.

Если, таким образом, количественная теория неудовлетворительна в отношении ограниченного металлического обращения и обращения чисто бумажного в виду своей поверхностности и примитивности, — то она совершенно бессмысленна в отношении свободного золотого обращения. «Иллюзия», — говорит Маркс — «будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала, коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без ценности, а затем в этом процессе известная часть товарной «мешанины» обменивается на соответствующую часть металлической «горы» (массы)» [3]). Но так как не всякому ясны теоретические доводы, то заслуга Варги заключается в том, что он вновь доказал бессмысленность количественной теории *статистическим* путем.

Равным образом Отто Бауер в своей книге «Дороговизна» доказал, что истинные причины мирового хозяйственного масштаба, которые создали дороговизну, коренятся в *товарах*, а отнюдь не в производстве золота. Описанные в этом произведении причины дороговизны, вне сомнения, вполне исчерпывающи.

---

[1]) «Neue Zeit» Wochenschrift der deutschen Socialdemokratie. XXX-ster Jahgrang. 1-er Band. № 22. Stuttgart — 1912. S.s. 773 — 782.

[2]) «Neue Zeit» XXX-ster Jahrgang. 1-er Band. № 7. Ss. 212 — 222.

[3]) Маркс. «Капитал», т. I, гл. 3. Гос. изд. Перевод под ред. В. Базарова и И.в Степанова. Москва — 1920 г. Стр. 94 — 95.

Варга исследует вопрос, — находит ли понижение издержек производства золота свое выражение в цене золота.

При этом, конечно, речь идет не о номинальной цене. Так как из одного фунта чистого золота, согласно предписания закона, должно быть отчеканено 1.395 марок, то «цена золота» является не чем иным, как выражением определенного количества золота, а марка лишь иным выражением $^1/_{1395}$ фунта золота. Стало быть, «цена золота» есть прежде всего весовое обозначение, а отнюдь не обозначение его цены. Эта последняя может быть для меня установлена только после того, как я прочитаю в обратном порядке каталог, содержащий в себе цены большинства товаров, и после того, как я выясню на основании этого каталога, что 10 марок золота равны *а* метрам полотна, *б* киллограммам соли, в парам перчаток и т. д.

Варга утверждает, что, каковы бы ни были издержки производства десяти марок золота, эти последние всегда будут обмениваться на *а* метров полотна, *б* килограммов соли и т. д., если условия производства полотна, соли и т. д. останутся неизменными.

Этот тезис с первого взгляда кажется противоречащим всякой теории ценности, и *J. v. G.* в своей статье о «производстве золота и изменении цен» выражает по поводу него сомнения [1]).

Между тем, Варга утверждает, что изменения в издержках производства золота не имеют влияния на его меновую ценность потому, что золото принадлежит к категории тех товаров, на образование цен которых решающее влияние оказывают законы земельной ренты. Для таких товаров определяющим моментом является цена производства для того количества товаров, которое произведено при наименее благоприятных условиях, — предполагая, что спрос существует и на это количество товаров. Удешевление производства таких товаров, — удешевление, не затрагивающее производства, которое ведется при наихудших условиях, — могло бы иметь своим последствием, в крайнем случае, увеличение ренты, но не падение цены. И возникает вопрос: не наступит ли удешевление, если количество товаров, необходимое для удовлетворения спроса, возможно будет произвести при более благоприятных условиях (производства)? Применяя этот вопрос к интересующей нас проблеме, следует спросить — не произошло ли с золотом после улучшения техники и открытия южноафриканских россыпей то же, что произошло с пшеницей после улучшения транспортных условий и возникшей вследствие этого американской конкурренции, или же то, что произошло с серебром во времена открытия американских россыпей (ведь, в этом последнем случае вряд ли можно сомневаться, что дороговизна имела место, действительно, вследствие обесценения денег).

Поставив этот вопрос, Варга обратил внимание на решающий момент. Но он не развил этого момента подробнее, вследствие чего его совершенно уже проглядел *J. v. G.* Говоря о «решающем моменте», я имею в виду «неограниченный спрос» на золото и своеобразное регулирование денежного обращения государственными эмиссионными банками.

В своем «Финансовом Капитале» я достаточно отчетливо отметил, что при ограниченном металлическом обращении и обращении чисто-бумажном ценность денег определяется «общественной ценностью обращения». Иначе говоря, мы имеем дело с уравнением: «ценность денежной массы равняется сумме товарных ценностей, деленной на быстроту оборотов денег, плюс сумма подлежащих погашению платежей, минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых один и тот же денежный знак (Geldstück) попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство» [2]).

Как же обстоит дело при современном свободном золотом обращении?

Золото обладает определенной собственной ценностью (Eigenwert). Тем не менее для количества денег, фактически находящегося в обращении, вместе с тем должно быть в силе вышеприведенное уравнение.

[1]) J. v. G. «Добыча золота и движение цен». («Neue Zeit» XXX-ster Jahrgang. 1-er Band. Nr. 19 S. s. 660–664).

[2]) Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». Перевод И. Степанова. Гос. изд. Москва—1922 г Стр. 29 (по следующему изданию Гос. изд-ва за тот же год стр. 30.

При ограниченном металлическом обращении и при обращении чистом бумажном вся масса денежных знаков находится в обращении, ибо низкопробная металлическая, равно как и бумажная валюта для других целей, кроме цели быть средствами обращения, непригодны,— по крайней мере, при современных условиях. Подобного рода деньги приобретают свой курс лишь от общественной ценности обращения.

Иначе обстоит дело при свободном золотом обращении. Допустим, что общество обладает суммой золота в количестве равном 2.000; если ценность обращения равна 1.000, то золотых монет будет в обращении на 1.000, а остальная 1.000 будет сберегаться как сокровище (запасы) [1]). В данном случае ценность обращения (Zirkulationswert) определяет собой то количество из всего запаса золотых денег, которое находится в обращении, ибо золотые деньги имеют свою собственную внутреннюю ценность (Eigenwert).

При ограниченном металлическом обращении и при обращении чисто бумажном количество денег есть величина данная — независимая от ценности обращения; ценность же этого количества определяется суммой товарных ценностей, находящихся в обращении. Напротив, при золотом обращении данной, независимой от ценности обращения, величиной является собственно внутренняя ценность золота, а количество определяется ценностью обращения.

Но когда возникают могущественные центральные эмиссионные банки, тогда создается механизм, необходимый для вливания в обращение нужного золота или выбрасывания из него золота ненужного. Эмиссионные банки принимают все предлагаемое золото. Стало быть, спрос неограничен.

Изменение цен происходит лишь вследствие изменений в соотношении спроса и предложения.

Спрос, как мы видели, неограничен. Это означает прежде всего лишь следующее: за один килограмм золота дают всегда один килограмм в золотых монетах. Эти новые килограммы сначала исчезают в кладовых банков и хранятся там как сокровище (запасы).

Предположим, что ценность обращения выросла с 1.000 до 1.500. Если бы не было запасов золота, то меновая ценность золотой монеты изменилась бы, и ценность марки поднялась бы в 1½ раза. То же самое, только в обратном направлении, случилось бы с ценностью марки, если бы ценность обращения не увеличилась, а понизилась. Но банк принимает и излишнее для обращения золото и присоединяет его к своим запасам. Вследствие этого вовсе не может иметь места изменение величины ценности золота.

Для того, чтобы могло произойти изменение в ценности золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средство обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых ценностей (Den nur dann, wenn sich Ware und Zirkulationsmittel unmittelbar gegenüberstehen, können sie sich in ihrem Werte gegenseitig bestimmen). Деньги вне обращения — как сокровище в банковских кладовых — не имеют никакого отношения к находящейся в обращении сумме товаров.

Стало быть, фактически дело обстоит таким образом. Производитель золота получает за 1 килограмм золота 1 килограмм золотых монет. Новое золото лежит в кладовых банка. Как только начинает увеличиваться потребность обращения, золото тотчас же начинает течь из кладовых в обращение. Таким образом, меновое соотношение золотых монет к товарам постоянно остается таким же, каким оно было в начале процесса.

Пока действует этот механизм, изменения в производстве золота не имеют никакого влияния на указанное соотношение.

Но стоит только механизму исчезнуть, как положение вещей изменится.

---

[1]) Золото может осуществлять функции сокровища, всеобщего орудия накопления общественного богатства лишь потому, что оно, в противоположность бумажным деньгам, обладает собственной ценностью.

Предположим, что производство золота растет так быстро, что банки решают, что наличного золотого запаса вполне достаточно для всех потребностей. Поэтому с известного момента банки перестают принимать золото. Но так как они регулируют самое обращение и теперь так же, как они регулировали его до сих пор, и так как, далее, они принимают все золотые монеты, выпадающие из сферы обращения, и, наоборот, выбрасывают в обращение, по мере надобности, необходимое ему количество монет, то меновая ценность (Tauschverhältniss) золотой монеты не изменится.

Таково положение золота в монете. Иное будет положение золота как товара. Неограниченный спрос исчез. При таких условиях золото будет спрашиваться преимущественно для промышленных целей и целей роскоши. Размер имевшего место до сих пор предложения, по сравнению с сузившимся спросом, окажется преувеличенным. Тогда между производителями золота начнется конкурренция, цена начнет падать; рудники, работающие при наименее благоприятных условиях, должны будут закрыться; общая сумма ренты, приносимой золотыми рудниками, сильно сократится.

В аналогичной форме описанные явления имели место в действительности при демонетизации серебра.

При очерченных обстоятельствах (т. е. при отказе банков принимать все предлагаемое им золото) золотое денежное обращение в действительности превратится в ограниченное. Меновая ценность золота в монете будет отличаться от таковой же золота в слитках: она не изменится, несмотря на падение цены золота как товара. Словом, это будут все те же явления, которые уже наблюдались при ограниченном серебряном обращении.

Но если даже останется неизменной меновая ценность (Austauschverhältniss) золотой монеты, все же будет нарушена другая функция, выполняемая золотыми запасами банков.

Еще Маркс отметил, что золотым запасам свойственны совершенно разнообразные функции, регулируемые совершенно различными, особыми для каждой из них, законами. Золотой запас—не только резерв для обращения, не только гарантия,—хотя и не осуществляющаяся на самом деле, а лишь возможная,—в том, что денежные обязательства (банкноты, чеки, векселя), могут быть превращены в золото. Он также — и фонд для уравновешивания международного баланса и средство сохранения богатства в его всегда реализуемой (stets austauschbar) форме.

Государственный штемпель, превращающий золото в монету, действителен, однако, лишь в пределах данных государственных границ. Для уравновешивания же международных балансов золото ценится лишь по ценности металла. Как только эта последняя начинает расходиться с ценностью монеты (что имеет место при ограниченном обращении), тотчас же могут оказаться обесцененными запасы банков, поскольку они предназначаются для покрытия разницы в международных платежах. Этого можно было бы избежать лишь путем такого международного регулирования денежного обращения, которое создало бы для денежного оборота всего мирового хозяйства единую нераздельную хозяйственную область. Однако, такому международному регулированию противостоят национально государственные противоречия; если не до войны, то, во всяком случае, во время ее подобное международное соглашение было бы расторгнуто.

Именно поэтому на нарушения неограниченности спроса на золото следует смотреть как на исключение.

Напротив, первые две функции золотого запаса—именно функции резерва для обращения и фонда гарантии в превратимости денежных обязательств (банкнот) в золото, или вернее, в золотые монеты,—эти две функции могут быть вполне осуществляемы также и при ограниченном золотом обращении — если только золотой запас достаточно велик.

Что непосредственное действие закона ценности не распространяется на золото как деньги, что этот закон определяет курс денег не прямо, а лишь через посредство общественной ценности обращения, — в этом обстоятельстве—как бы ни казалось оно на первый взгляд парадоксальным — в сущности нет ничего удивительного.

Для осуществления закона ценности необходима полная хозяйственная свобода: но она модифицируется деятельностью центральных эмиссионных банков для менового соотношения между деньгами и товаром.

Специфическая природа денег затрудняет приведение раз'ясняющего примера. Однако, можно оперировать и с нижеследующим примером. В какой-либо хозяйственно совершенно изолированной и самодовлеющей области государства, власть вводит торговую монополию на керосин. Она имеет постоянный запас, скажем, в 100 миллионов литров. Она продает керосин по цене 30 марок за 100 литров и покупает весь предлагаемый ей керосин по цене в 29½ марок. В результате, естественно, постоянная цена керосина была бы равна 30 маркам. Эта цена определяет, какие из месторождений еще могут быть эксплоатируемы, какие и в каких размерах будут давать ренты. Если потребность в керосине увеличится, то спрос будет удовлетворен из наличных запасов, при чем «керосиновая банковская политика» позаботится о том, чтобы эти запасы были всегда достаточны. Если спрос сократится или если добыча будет особенно обильна, то запас еще более увеличится, что будет рассматриваться руководителями банка, как особо благоприятное обстоятельство.

Совершенно аналогично положение с золотом.

Здесь только неизменное меновое соотношение может быть безусловно доказано лишь теоретически.

Если развитые в предыдущем соображения правильны, то из них надлежит сделать дальнейшие выводы.

Если регулирование эмиссионных банков делает неизменным меновое соотношение (Austauschverhältniss) между золотом и товарной массой, то подобное регулирование, естественно, должно было бы действовать таким же образом и при серебре. А раз мы имели бы дело с такими двумя величинами, каждая из которых неизменна, то оставалось бы неизменным и соотношение между ними, т. е. в данном случае между золотом и серебром. И, таким образом, вполне может быть теоретически доказана возможность биметаллизма.

Я спешу добавить, что ни на минуту не думаю о практических выводах. Еще менее вероятно полагать, как это станет очевидно из дальнейшего изложения, что это соотношение может произвольно изменяться в пользу серебра. Но рассуждая чисто теоретически, следует сказать, что биметаллизм возможен, если центральные эмиссионные банки будут принимать серебро в международном масштабе столь же неограниченно, как неограниченно они принимают золото, и если так же, как золото, они будут в случае нужды извлекать его из обращения.

Чтобы покончить еще с одним «докторским вопросом», обсудим, как поступал бы трест, добывающий золото.

Такой трест мог бы возникнуть только в том случае, если бы банки опасались, что имеющегося у них наличного запаса золота не хватит для покрытия их международных обязательств. В этом случае они были бы вынуждены за 1 фунт золота платить больше, чем 1 фунт монетой, т. е. больше, скажем, нежели 1.395 марок. Если бы при этом они не внесли никаких изменений в механизм удовлетворения потребностей обращения, то в пределах произведенных ими закупок золота они потерпели бы убытки, — и это было бы единственным последствием произведенных ими закупок. Но, по всей вероятности, банки повысили бы учетный процент, дабы обезопасить себя от отлива золота. Но само по себе повышение учетного процента не имеет никакого влияния на высоту товарных цен, — по крайней мере, никакого непосредственного влияния, вопреки вульгарной экономии, причисляющей учетный процент к издержкам производства и потому считающей непосредственное влияние изменения высоты учетного процента на уровень цен самоочевидным.

Единственное средство, которое имели бы в своем распоряжении эмиссионные банки для того, чтобы привести курс золота в соответствие с монопольной ценой, заключалось бы в отказе от удовлетворения ими потребностей обращения в прежних размерах — в отказе, осуществляющемся практически в форме ограничения чеканки, т. е. путем изменения всего механизма. Фактически же золотой трест (еще в самом начале своей политики монопольных цен) разбился бы о могущество центральных банков, за спинами которых стоят государства.

Спрашивается: пребывает ли меновое соотношение между золотыми деньгами и товарной массой постоянным и неизменным в течение всего периода неограниченного приема банкамим всей продукции золота? остается ли величина этого менового

соотношения постоянной и неизменной в течение всего указанного времени, с тех пор, как она вообще установилась? Ответ может быть лишь следующий: эта величина установилась исторически в те времена, когда золото еще вступало в обращение непосредственно, когда вообще не было никакого общественного регулирования обращения. При этом следует отметить, что для нашей проблемы решающее значение имела не чеканка монет государством, но фиксирование монеты, как определенного весового выражения (количества) золота, и прием всего золота по этой «цене золота» (Goldpreis) центральным банком.

Против сказанного можно было бы выдвинуть лишь одно возражение, которое на первый взгляд кажется имеющим большой вес: еще до организации центральных эмиссионных банков или, говоря более общо, — еще до государственного регулирования неограниченного приема всего золота, имевшегося на рынке, — золото текло в обращение, превращаясь из сокровища в орудие обращения и платежное средство, и вновь уплывало из обращения, вновь превращаясь из средства обращения и платежа в сокровище; возникает поэтому вопрос — не имело ли подобное накопление сокровищ того же значения для фиксирования менового соотношения золота и товарной массы, какое имеет ныне государственное регулирование обращения.

Но при подобной аргументации не замечают одного чрезвычайно существенного обстоятельства, — а именно, что накопление сокровищ частными лицами подчиняется совершенно иным законам, нежели накопления сокровищ эмиссионными банками.

Банковские запасы предназначены непосредственно для выполнения функций резерва обращения; эмиссионному банку приходится немедленно удовлетворять потребность обращения, где бы таковая ни обнаруживала себя. Поступать так — это не только обязанность эмиссионного банка; иначе поступать эмиссионный банк и не может по самому существу своих (эмиссионных) операций.

Совершенно иначе обстоит дело при отсутствии подобного регулирования.

Возникновение потребности обращения, повышение ценности золота при обмене его на товары не служит основанием для частных лиц выбрасывать деньги в обращение.

Сокровища монастырей и богатых купцов, военные запасы государств и т. д. уменьшались в XV, XVI и XVII столетиях не потому, что золота нехватило в обращении. Да и теперь богатства отдельных лиц, поскольку они еще сохранились, являются резервом не для обращения, но лишь для их собственных платежей. Кроме того, в настоящее время вообще не имеет места подобное накопление частными лицами богатств в форме золота в сколько-нибудь заслуживающих внимания размерах; накопление богатств, образование сокровищ осуществляется ныне в форме титулов на владение будущим производством. А если оно и имеет место, то в виде исключения, как следствие критических затруднений обращения. Накопление наличных (золотых) денег в частных руках наблюдается только в моменты денежных кризисов, которые могут быть связаны с неожиданным повышением цен на золото; а подобное накопление еще больше обостряет недостаток в деньгах; и, наоборот, — именно банковские запасы предназначены для вливания в обращение необходимого золота. Прежде — до образования эмиссионных банков — вступление золота в обращение и отлив его оттуда не были таким механическим процессом, как теперь. Золото тогда не имело неограниченного спроса. Оно обменивалось на товары, т. е. вступало непосредственно в обращение, и оставалось в нем до тех пор, пока не превращалось в сокровища частных лиц. Это последнее также зависело не от потребностей обращения, но лишь от состоятельности отдельных лиц и от их способности к накоплению сокровищ.

Накопление сокровищ государством для военных нужд играло весьма крупную роль: эти накопленные сокровища периодически вливались в обращение при оплатах всякого рода военных расходов, а затем в большей своей части так и оставались в обращении.

Сказанное о роли сокровищ в период до возникновения эмиссионных банков прежде всего означает, что меновая ценность золота все заново и заново устанавливалась тогда при помощи действительного непосредственного противопоставления золота и товара в обращении. Оно означает, далее, что ценность золота действительно подвергалась тогда колебаниям, проистекавшим, с одной стороны, от постоянных

изменений в области самого обращения, а с другой, вследствие изменений в издержках производства золота.

В чрезвычайно богатой экономической литературе о взаимоотношениях золота и товаров никем не оспаривается влияние, которое оказал на повышение цен переворот в способах добычи денежного металла, имевший место в XVI столетии.

Совершенно иные об'яснения даются для последующего времени.

«Несмотря на все изменения в способах добычи благородных металлов, несмотря на то, что в новое время часто большие, обладающие золотом государства обменивали свои металлические деньги на бумажные и выбрасывали на мировой рынок много сотен миллионов марок в течение немногих лет, несмотря на все колебания потребностей в золоте для нужд обращения, — несмотря на все это между учеными идет спор, имели ли место изменения ценности денег в центрах мирового рынка в период с середины XVII и до средины XIX в.» [1]).

Сторонники количественной теории, а также и другие экономисты неоднократно пытались свести изменение цен к изменениям количества производимого золота или к изменениям его издержек производства. Но эти попытки неизменно не удавались.

Относительно ранней эпохи указанного периода еще Тук доказал обратное. Падение цен в период кризиса 1873 до конца восьмидесятых годов, которое совпало, с одной стороны, с сокращением добычи золота, а с другой, с увеличением потребности в золоте для целей обращения вследствие перехода Германии к золотой валюте и прекращения чеканки серебра в других государствах, дало толчок к новому изучению вопроса.

В 1886 г. в Англии для освещения этого вопроса был собран богатейший материал, так наз., «Золотой и Серебряной Комиссией».

В цитированной выше статье Нассе приводит убедительные доказательства того, что причины изменения цен следует искать в товарах, а не в золоте.

Такого же взгляда в основных чертах держится и В. Лексис [2]).

С другой стороны, в этих исследованиях содержится материал, доказывающий, насколько устойчиво меновое соотношение золота и товарной массы и что изменения в нем могут наступить не ранее, чем металл (в качестве монеты) действительно будет непосредственно противостоять в обращении товарам.

В то время на европейских рынках цена серебра по сравнению с золотом уже значительно пала. Однако, в Индии серебро еще долго после своего падения в Европе удерживало свою прежнюю меновую ценность в отношении товаров. В цитированной выше статье Лексис говорит по этому поводу следующее:

«Особенно интересны были сообщения Комиссии о том влиянии, какое имело обесценение серебра на обмен благ между Англией и Восточной Азией. Теперь не может быть более оспариваемо положение (казавшееся мне долгое время сомнительным), что покупательная сила серебра в Индии в отношении продуктов сельского хозяйства и обыкновенной рабочей силы не уменьшалась до сих пор сколько-нибудь значительно, несмотря на падение уже в течение многих лет золотой цены серебра; она, вероятно, удержится на той же высоте также и в ближайшее время».

Лексис дает этому явлению удачное раз'яснение:

«При более внимательном рассмотрении явлений эта устойчивость ценности серебра, во всяком случае, поражает менее, чем она поражает с первого взгляда. Падения ценности серебра в отношении индийских товаров можно было бы ожидать лишь вследствие значительного увеличения массы находящихся в обращении серебряных денег. Но этому самым решительным образом препятствует укоренившийся в Индии обычай накопления сокровищ».

Стало быть, в этом особом случае собирание сокровищ частными лицами в специфической обстановке Индии имело влияние, подобное влиянию центральных

---

[1]) E. Nasse. Das Sinken der Warenpreise während der letzten 15 Jahre. Conrad's Jahrbücher für Nat. Oekon. 1883. Neue Folge, XVII, стр. 156.

[2]) Lexis. Die Währungsfrage und die englische Untersuchungskommission. Conrad's Jahrbücher, Neue Folge, XVI.

банков: оно предотвращало вливание серебра в обращение; а так как потребность обращения оставалась неизменной, то — в противоположность серебру в слитках — не изменялась также ценность серебряной монеты, ныне определяемая в своей ценности общественной ценностью обращения. Когда цена серебра продолжала падать, стало бессмысленным сохранять его,—и тогда в Индии в качестве сбережений (сокровищ) все больше и больше стали копить золото; серебро выполняло при таких условиях лишь функцию орудия обращения, оно вливалось в обращение, а вследствие этого цены на товары стали расти также и в Индии. Прекращение свободной чеканки серебра положило предел обесценению серебряной монеты.

Мы приходим к выводам.

Государственное регулирование денежного обращения означает собой принципиальное изменение во взаимоотношениях золота и товаров. Благодаря государственному вмешательству, фиксируется меновое отношение между золотой монетой и товарной массой; но это меновое отношение фиксируется государством отнюдь не произвольно; государство воспринимает лишь исторически-естественно сложившееся меновое соотношение; до тех пор, пока не изменяется механизм, оно не может в нем ничего изменить. Изменения в издержках производства золота не оказывают влияния на меновое отношение золотой монеты к товарам, они определяют лишь то, какие золотые россыпи могут разрабатываться в надежде получить прибыль.

Вследствие использования в качестве металла для чеканки монет, золото не только приобретает большую цену, нежели та цена, которую оно имело бы при отсутствии такого использования. В этом нет ничего поразительного, ибо использование золота в качестве денег означает расширение спроса на него. Вследствие использования в качестве денежного материала золото приобретает также фиксированную цену. И эта фиксированная цена золота теоретически может превосходить цену производства золота, добываемого при наиболее неблагоприятных условиях. В таком случае возникла бы особая форма абсолютной ренты,—повидимому, единственная форма абсолютной ренты, существующая в действительности.

Необходимо предупредить одно недоразумение, которое может возникнуть по поводу только что формулированного вывода. Фиксирование цены заключается не в том, что фунт золота приравнивается 1.395 маркам. Как сказано было выше, выражение золота в марках есть денежное выражение не цены, но веса денежного материала (золота). Цена же золота будет фиксироваться только тем, что из достаточного запаса золота, по мере надобности, будет поступать в обращение ровно столько золота, сколько его требует общественная ценность обращения.

Существе современного денежного обращения, быть может, лучше всего выяснуется, если мы сравним его с чистым бумажным обращением.

«Рассуждая абстрактно, состояние чистой бумажно-денежной системы можно было бы констатировать следующим образом. Представим себе замкнутое торговое государство, которое выпускает государственные бумажные деньги с принудительным курсом в количестве, достаточном для средних потребностей обращения. Сумма выпущенных бумажных денег не увеличивается. Кроме этих бумажных денег, банкноты и т. п. тоже обслуживают потребность обращения совершенно так же, как при металлической валюте.

По аналогии с обычным для настоящего времени законодательством об эмиссионных банках, бумажные деньги служат покрытием банкнот, которые вообще покрываются обычными в банковой практике способами. Создаваемая такими правилами невозможность произвольного увеличения количества бумажных денег, находящихся в обращении, обеспечивает эти деньги от обесценения. Бумажные деньги, подобно золоту в настоящее время, в зависимости от кон'юнктуры обращения притекали бы в банк или накапливались бы в качестве сокровищ у частных лиц, если бы размеры обращения сокращались, и опять притекали бы в обращение, если бы размеры его расширялись.

В обращении во всякий данный момент оставался бы лишь необходимый для него минимум средств обращения; колебаниям же размеров потребности обращения удовлетворяло бы увеличение или уменьшение количества банковых билетов. Следовательно,

стоимость таких государственных бумажных денег представляла бы величину постоянную» [1]).

Точно так же имеет ныне устойчивую ценность золотая монета. Разница лишь в том, что золото, в противоположность бумажным деньгам, обладает собственной ценностью. Однако, эта ценность была бы иной, если бы золото не применялось в качестве денег, — она была бы м е н ь ш е и неизменно колебалась бы в зависимости от величины издержек производства. Устойчивость его ценности имеет место благодаря тому же государственному механизму, благодаря которому это могло бы иметь место при чистом бумажно-денежном обращении. Разница — лишь в том, что при введении бумажного обращения общественная ценность обращения может непосредственно определять меновую величину бумажных денег. При золотом же обращении эта величина уже дана и с т о р и ч е с к и, и общественная ценность обращения при этой данной

---

[1]) Р. Гильфердинг. «Финансовый капитал». Перевод И. Степанова. Гос. изд. Москва. 1922 г. Стр. 41 — 42 (по следующему изданию Госуд. изд. стр. 42 — 43). Изложенное в настоящей статье представляет собой лишь выводы из законов, развитых в этой книге.

При чтении «Allgemeine Volkswirtschaftslehre» В. Лексиса (Teubner, 1910) я с удовлетворением констатировал, что даже этот выдающийся защитник «металлической» (по выражению Кнапа, или «золотой-фетишистской» по моему выражению) теории денег под влиянием позднейшего опыта, повидимому, сильно поколеблен в своих прежних взглядах.

На стр. 113 своей книги Лексис допускает теоретическую возможность чистобумажного денежного обращения, конструируемую совершенно так же, как я это сделал в своем «Финансовом Капитале». И это утверждает тот самый Лексис, который еще несколько лет тому назад рассматривал даже незначительное понижение металлического покрытия банкнот чуть ли не как начало порчи денег.

А немного выше указанной страницы Лексис замечает: «господствовавшее ранее воззрение, что бумажные деньги, имеющие обязательное хождение, всегда зависимы от металлической ценности, которую они первоначально представляют, опровергнуто опытом. Эти бумажные деньги совершенно освобождаются от своего первоначального металлического базиса и могут не только падать ниже его, но также подниматься над ним. В Австрии в 1892 г. курс бумажного гульдена по отношению к марке равнялся 168 — 170 пфеннигам, в то время как ценность серебра, содержавшегося в одном серебряном гульдене, составляла 130 — 140 пфеннигов. Во внутреннем обращении, серебряный гульден как монета, равнялся бумажному гульдену, ибо он мог его заменять при всех платежах. Стало быть, он опирался, с своей стороны, на ставший основными деньгами (Hauptgeld) бумажный гульден, между тем как, согласно прежним учениям, должно было иметь место обратное. Точно так же и в России во время перехода к золотому обращению рубль стоял значительно выше по курсу, нежели это соответствовало ценности содержавшегося в серебряном рубле серебра».

Но вслед за этим Лексис пытается приписать бумажным деньгам характер самостоятельного мерила ценности, и оставляет, таким образом, совершенно не разъясненным основное, а именно — вопрос о том, каким же образом совершенно бесценный предмет приобретает ценность. Ведь постановление государственной власти о том, чтобы долги погашались бумажными деньгами, в крайнем случае могло бы сделать возможным прием бумажных денег по какому-либо установленному властью курсу лишь при погашении ранее заключенных обязательств. Но подобное постановление никогда и нигде не сможет быть достаточным для того, чтобы во всякое время обеспечить за бумажными деньгами определенную, часто длительно-устойчивую, меновую ценность в отношении товаров. В действительности бумажные деньги, а при ограниченной чеканке и деньги металлические, никогда не являются самостоятельным мерилом ценности, но курс их определяется общественной ценностью обращения. Для понимания сказанного, во всяком случае, необходима объективная теория ценности, именно — Марксова теория.

Для того, чтобы избежать недоразумений, необходимо отметить, что исторически бумажно-денежному обращению должно предшествовать металлическое. Сначала в процессе непосредственного товарообмена какой-либо товар должен стать денежным товаром, дабы затем — либо путем общественного соглашения, либо в силу государственного закона — из денежного товара возникла монета. Кроме того, сами потребности обращения должны выявить вместе с металлическими деньгами возможный оборот денежных знаков, дабы государство имело возможность заменить металлические деньги государственными денежными знаками и по мере надобности декретировать для них принудительный курс. Точно так же государственное регулирование металлического денежного обращения требует о с о б о й м о д и ф и к а ц и и д е й с т в и я з а к о н а ц е н н о с т и, — м о д и ф и к а ц и и, к о т о р а я п р и в о д и т к о с о б о м у з а к о н у ц е н на золото в качестве металлических денег. Подобно цене производства этот особый закон цен никоим образом не означает отказа от закона ценности. Напротив, он может быть понят и развит лишь на основе этого последнего.

и остающейся неизменной величине определяет количество фактически находящегося постоянно в обращении действительного золота,— предполагая неизменными пределы применения кредитных билетов и других суррогатов денег.

Таково влияние «неограниченного спроса» на золото. Он обусловливает существующую в действительности стабилизацию меновой ценности золотой монеты, а, стало быть, и золота в слитках, поскольку превращение золота в монету гарантировано законом. Вследствие этого, со времени повсеместного введения золотой валюты, мы имеем в действительности устойчивое мерило ценности, которое долго искали экономисты и которого они до сих пор не познали несмотря на то, что оно давно уже является фактом действительности.

ЗОЛОТО, БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И ТОВАР.

КАРЛ КАУТСКИЙ [1]).

1. Добыча золота и дороговизна.

Дороговизна стала настолько знаменательным и обращающим на себя внимание явлением, что изучение ее причин все больше и больше занимает экономистов различных школ и направлений. Среди прочих обстоятельств одной из причин дороговизны признавалось революционизирование способов выдачи золота. Этот взгляд был воспринят Отто Бауэром в его книге о дороговизне («Die Teuerung»); я (правда, условно) также держался той же точки зрения.

Но, насколько мне известно, ни я, ни Бауэр, да и вообще никто из социалистов-теоретиков не пытались рассматривать понижение издержек производства золота как единственную или даже как одну из существеннейших причин дороговизны.

В своей статье «Die Aktion der Masse» причинами дороговизны я признавал следующее:

«Влияние на рост товарных цен частной земельной собственности в Америке усугубляется последствиями хищнического способа обработки земли в России и Америке, ростом об'единений предпринимателей и торговцев, быть может, также и революционизированием способов производства золота».

Вполне возможно, что «технические усовершенствования и обнаружение новых месторождений золота понижали издержки производства, а вместе с тем и ценность золота быстрее, нежели понижались издержки производства и ценность предметов первой необходимости (продовольствия). Ибо производительность сельского хозяйства повышается медленно, вследствие ограничений, которые ставит приложению капитала к земле частная собственность на нее, вследствие сохранения технически отсталого мелкого хозяйства и вследствие бегства из деревни рабочих».

Если учесть к тому же возрастающие таможенные пошлины и усиление налогового бремени в течение последних лет, то причины дороговизны будут, кажется, перечислены достаточно полно. Все они длительны по своей природе. Господствующие классы не откажутся добровольно от сельскохозяйственных пошлин. Равным образом не откажутся они и от повышенных налоговых ставок, ибо эти последние являются необходимым следствием империалистического колониального зуда и лихорадочных вооружений, овладевших капитализмом.

Против развитого взгляда, — что ценность золота пала вследствие сокращения издержек его производства, — возражает Варга в статье о производстве золота и дороговизне [1]).

Он утверждает не только то, что ценность золота фактически не пала, — что, быть может, соответствует действительности, — но и то, что она вообще не может упасть.

Стало быть, заключает он, условия добычи золота никогда не могут быть признаны причиной дороговизны.

Гильфердинг присоединился к этому утверждению и пытался дать ему более глубокое обоснование в статье «Золото и товар» [2]).

---

[1]) «Die Neue Zeit». Wochenschrift der deutschen Socialdemokratie. XXX-ster Jahrgang. I Band. Stuttgart 1912. S.s. 837 847 (№ 24) и 886 — 893 (№ 25).

[1]) «Neue Zeit», XXX, 1, № 7, стр. 212 — 220.

[2]) «Neue Zeit», XXX, 1, № 22, стр. 773 — 782.

Его теория смела и внешне логически обоснована, но в то же время столь парадоксальна, что анализ ее безусловно необходим.

Этот анализ прежде всего должен затронуть теорию бумажных денег, развитую Гильфердингом в его «Финансовом Капитале», которую он теперь кладет в основание своих построений о неизменной ценности золота.

Еще в своей рецензии «Финансового Капитала» («Neue Zeit», I, стр. 771) я отмечал, что развитая им теория бумажных денег кажется мне несостоятельной. Я ограничился констатированием этого факта и воздержался от подробной критики прежде всего потому, что моя рецензия и без того оказалась столь пространной, что далеко выходила за рамки журнальной статьи, а кроме того и потому, что я должен был бы заняться таким тонким разграничением понятий, которое могло бы показаться большинству читателей простой «болтовней» и о котором без особой нужды не говорят в популярном журнале. Я же не находил серьезного повода к подобным рассуждениям, потому что вопрос о бумажных деньгах не играет роли в книге Гильфердинга, вследствие чего она никоим образом не теряет своих крупных достоинств. Да и сам он считал эти положения практически неосуществимыми.

Вот почему я считал себя в праве рассматривать их как «академические причуды».

Но последняя статья Гильфердинга убеждает меня, что предпосылки его теории бумажно-денежного обращения могут приобрести большое значение. Он кладет их в основу своих суждений, могущих приобрести решающее значение при разрешении важнейшего из вопросов современной экономики,— именно вопроса о дороговизне.

В дальнейшем мы постараемся исследовать, насколько все это правильно.

2. Бумажно-денежное обращение.

Прежде всего выслушаем самого Гильфердинга.

В своем «Финансовом Капитале» он говорит:

«Представим себе прежде всего чистое бумажное обращение (при этом всегда подразумевается государственный принудительный курс). Предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота. Тогда все обращение приняло бы у нас такое выражение: 5 миллионов марок в Т — 5 миллионов марок в Д — 5 миллионов марок в Т. Если золото заместили бумажными знаками, то, чтобы ни было напечатано на этих знаках, сумма их, во всяком случае, должна представлять сумму товарных ценностей, следовательно, в нашем примере — 5 миллионов марок. Если отпечатано 5.000 знаков равного достоинства, каждый будет равен 1.000 марок; если же напечатано 100.000 знаков, каждый будет представлять 50 марок. Если при прежней быстроте оборотов сумма товарных цен удвоится, а количество знаков не увеличится, то они будут равнозначущи 10 миллионам марок; если же сумма цен упадет на половину, то они будут равноценны всего $2\frac{1}{2}$ миллионам марок. Иными словами: при чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом, при неизменности времени оборотов ценность бумажных денег определяется суммой цен тех товаров, которые должны пройти через сферу обращения; бумажные деньги здесь приобретают полную независимость от ценности золота и непосредственно отражают ценность товаров согласно закону, что их общее количество представляет ценность, определяемую формулой: $\frac{\text{сумма товарных цен}}{\text{число оборотов одноименных монет}}$. Из этого тотчас же видно, что возможно не только обесценение, но и повышение цены денег по сравнению с их первоначальной ценой»[1]).

Затем Гильфердинг останавливается на опыте различных стран, в которых при прекращении свободной чеканки монет, их ценность превысила их металлическую ценность (что должно, по его мнению, подтвердить его взгляды), и приходит к следующим выводам:

---

1) Р. Гильфердинг. «Финансовый Капитал». Перевод И. Степанова. Госуд. изд. Москва, 1922 г. Стр. 19 — 20 (по следующему изданию Гос. изд. в том же 1922 г. стр. 20).

«Как и раньше, деньги представляют собой мерило ценности. Но влияние ценности самого этого «мерила ценности» определяется уже не ценностью того товара, из которого оно образовано, не ценностью золота или серебра, или бумаги. Напротив, эта «ценность» в действительности определяется совокупной ценностью товаров, находящихся в сфере обращения (при чем предполагается неизменная быстрота обращения). Действительное мерило ценности — не деньги: «курс» самих этих денег определяется тем, что я назвал бы общественно-необходимой ценностью обращения... И если мы примем во внимание функции денег как платежного средства, то этот курс выразится в формуле: $\frac{\text{сумма товарных ценностей}}{\text{быстрота оборотов денег}}$ плюс сумма подлежащих погашению платежей минус взаимно покрывающиеся платежи и, наконец, минус те обороты, в которых одна и та же монета попеременно функционирует то как средство обращения, то как платежное средство» [1]).

Вдумаемся в эти рассуждения.

Уже первое положение содержит зародыш недоразумений.

Гильфердинг говорит: «предположим, что в определенный момент обращение требует 5 миллионов марок, для чего необходимо приблизительно 3.600 фунтов золота».

Из этого рассуждения можно было бы заключить, что 5 миллионов марок и 3.600 фунтов золота — две различные вещи. Золото якобы является средством приведения в движение 5 миллионов марок. В действительности же 5 миллионов марок — не что иное, как те же 3.600 фунтов золота, — они тождественны им, да и не могут не быть тождественны. Чего требует обращение, так это 3.600 фунтов золота. И совершенно не имеет значения, что $^1/_{1395}$ фунта золота называют маркой, а 3.600 — 5 миллионами марок.

Этот тезис Гильфердинга, хотя и не совершенно ложен, однако, уже содержит в себе зародыши недоразумений.

Сомнительнее второй тезис: «тогда все обращение приняло бы такой вид: 5 миллионов марок в Т — 5 миллионов марок в Д — 5 миллионов марок в Т».

Формулой Т — Д — Т Маркс пользуется для характеристики обращения товара. Товаропроизводитель является на рынок с товаром Т, представляющим собою определенную ценностную величину. Он продает этот товар (ценностную величину), обменивает его на определенное количество золота — Д, которое имеет ценность, равную ценности товара Т, и на эти деньги покупает снова другой товар, равный по ценности первому товару, вследствие чего Маркс обозначает этот товар также «Т», несмотря на то, что в своем качестве потребительной ценности он представляет собой нечто совершенно иное, чем первый товар. Отсюда явствует, что «Т» означает при этом не определенное количество денег, но товара. Когда Маркс хочет «Т» обозначить конкретно, то он называет определенные товары в их весовом или поштучном выражении — например, 20 аршин холста, 1 сюртук, 40 фунтов кофе, ½ тонны железа. Ему никогда и в голову не приходило сказать: «5 миллионов марок в Т». 5 миллионов марок означает, как мы знаем, лишь определенное по своему весу, исчисленное количество определенного товара — золота. И было бы бессмысленно выражать обмен при обращении товара следующим образом: 1.360 фунтов золота в кофе в обмен на 1.360 фунтов золота в золоте, в обмен на 1.360 фунтов золота в железе.

Но еще более сомнительным должно быть признано нижеследующее —

Т — Д — Т есть формула обращения отдельного товара. То же, что хочет демонстрировать Гильфердинг, есть обращение не какого-либо отдельного товара, но общественный оборот всей совокупности (массы) золота и товаров. А этот последний является результатом многочисленных разрозненных процессов обращения, которые самыми разнообразными способами взаимно переплетаются, и совокупность которых не может быть выражена формулой Т — Д — Т, ибо в этой формуле Т по своей ценности всегда должен быть равен Д. Напротив того, совокупная ценность находящихся в обращении денег почти никогда не равна сумме ценностей обращающихся товаров.

Все это Гильфердинг, конечно, понимает не хуже меня. Несколькими строками ниже он сам цитирует формулу Маркса, определяющую количество находящихся

---

[1]) Р. Гильфердинг, цитиров. сочин., стр. 29.

в обращении денег. Если, тем не менее, он пользуется формулой — 5 миллионов в Т — 5 миллионов в Д — 5 миллионов в Т — то, очевидно, делает лишь промах, на котором не следовало бы останавливаться, если бы этот промах не явился в дальнейшем источником ошибок.

Гильфердинг продолжает:

«Если золото заменяется бумажными знаками, то, что бы ни было напечатано на этих знаках, их сумма всегда должна представлять собой сумму ценностей товаров, т. е. в разбираемом нами случае она должна быть равна 5 миллионам марок».

Именно здесь кроется первое грехопадение Гильфердинга, которое порождается неточностью выражений. Поразителен при этом несвойственный Гильфердингу запутанный способ изложения.

«Что бы ни было напечатано на этих знаках».

Почему же он не выражается яснее?

Что, собственно, может быть напечатано на этих знаках? Не цитаты же из немецких классиков, как это делается на модной клозетной бумаге!

На них может быть напечатано одно — что и имеет для нас значение — какое количество золота они представляют. На каждом денежном знаке напечатано, какое количество золота по весу он представляет. Не забудем же этого!

Подобно выражению «что бы ни было на них напечатано», неясно также и второе выражение: «их сумма должна всегда представлять сумму ценностей товаров». Сумма денежных знаков (Zettel)? Но, ведь, она не может представлять никакой ценности. Очевидно, речь идет не о сумме бумажных знаков, но о сумме того количества золота, которое они представляют. Гильфердинг буквально подыскивает туманные, неясные выражения, лишь бы только порвать связь бумажных денег с золотом. А когда это сделано, тогда уже легко сделать решительный шаг и заявить с полнейшим спокойствием как нечто само собой разумеющееся: «их сумма должна всегда представлять сумму ценности товаров, т. е. она должна равняться в разбираемом нами случае 5 миллионам марок».

«Если золото заменят бумажными знаками», то эти последние будут представителями золота,— определенного количества золота, а отнюдь не товаров. Стало быть, сумма ценностей, представляемых совокупностью бумажных знаков, всегда должна равняться сумме золота, взамен которого она выступает в обороте. Эта сумма в приводимом Гильфердингом примере равна сумме ценности циркулирующих товаров, но этим вовсе не сказано, что их сумма представляет сумму ценностей товаров также тогда, когда эта последняя отклоняется от суммы ценности золота, которое было необходимо для циркуляции товаров,— не совпадает с этой суммой.

Если золото замещено бумажными знаками, то эти последние означают собой определенное количество золота, но не товарных ценностей. Они означают собой Д, но не Т.

И какое бы количество золота они не представляли минимально, в действительности они не могут представить больше золота, нежели того требуют потребности обращения.

На это Гильфердинг, пожалуй, возразит мне: ведь, это чистейший педантизм; количество золота, необходимое для потребностей товарного оборота, зависит от суммы ценностей товаров, подлежащих обращению; и чем больше эта сумма, тем значительнее необходимое количество золота; при всех же прочих условиях их взаимоотношения будут постоянны.

Маркс сам говорит об этом в «Капитале»: «при таких предпосылках масса средств обращения определяется суммой цен товаров, подлежащих реализации».

Не говорит ли Гильфердинг о том же самом?

Никоим образом. Ибо Маркс говорит, что это положение правильно лишь при наличии определенных предпосылок, аргументация же Гильфердинга настойчиво стремится устранить с дороги как раз эти предпосылки.

«Эти предпосылки» Маркс формулирует в следующих выражениях: в дальнейшем ценность золота предположена данной — неизменно такой, какой она была в действительности в момент определения цены (Preisschätzung) [1]».

[1]) См. «Капитал», т. I, 1 отдел 3 главы, стр. 68 (Гос. изд. Москва — 1920 г.).

Напротив, Гильфердинг хочет нам доказать, что бумажные деньги не зависят от ценности золота, что сумма ценностей, которую они представляют, определяется прямо и непосредственно ценностью противостоящей им товарной массы (при одинаковой скорости обращения).

Согласно учению Маркса, ценность бумажных денег безусловно определяется ценностью противостоящей им массы товаров, но этот процесс у него протекает при посредстве золота, которое хотя и устраняется из него в своем вещном выражении при бумажно-денежной системе, но, как и прежде, продолжает осуществлять функции мерила ценности, будучи воображаемым золотом.

Противоречие обоих воззрений ясно выступает в следующей цитате из «Финансового Капитала».

«Мне кажется, что Маркс правильнее всего формулировал законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: «не имеющие ценности марки суть знаки ценности лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото; а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процесс обращения: величина, определяемая собственной ценностью золота, если даны меновые ценности товаров и быстрота их метаморфоз». («Zur Kritik der Politischen Oekonomie», стр. 113) [2]). «Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала ценность необходимого количества монет, и лишь через нее—ценность бумажных денег. Чисто общественный характер этого определения выступает много яснее, если ценность бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежная система исторически возникла из металлических систем,— это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Ценность бумажных денег следует выводить, не прибегая к металлическим деньгам» [3]).

Разногласие между Марксом и Гильфердингом формулировано здесь ясно. Гильфердинг полагает, что ценность бумажных денег мы должны суметь вывести вне зависимости от металлических денег. «Muss ist eine harte Nuss». Но в науке не существует «sic volo, sic jubeo» («так хочу, так приказываю»). В ней решает ratio («разум»). И поэтому описанная выше попытка Гильфердинга отделаться от золота не очень убедительна.

Он хочет при определении ценности бумажных денег устранить из поля зрения золото. Он хочет эту ценность определить непосредственно товарной ценностью. Но это ему удается лишь потому, что, сам того не замечая, он молчаливо предполагает, что ценность товаров измеряется золотом. Иначе говоря, он отождествляет цену и ценность. Все это построение зиждется на предпосылке, что данное количество марок есть выражение не цены, а ценности.

Маркс никогда не оспаривал, что сумма цен товаров определяет ценность находящихся в обращении бумажных денег. Но путь от ценности к цене, который предлагается Марксом,— поистине «окольный путь».

Гильфердинг же избегает этого «излишнего» окольного пути, отождествляя понятия «цена» и «ценность». Он совершает грехопадение, трактуя как нечто различное 5 миллионов марок и 3.600 фунтов золота, и заменяет формулу Т—Д—Т другой формулой: 5 миллионов марок в Т—5 миллионов марок в Д—5 миллионов марок в Т.

Маркс говорит: при предположении, что дана ценность золота, т. е. дана, как постоянная величина, масса средств обращения определяется суммой цен товаров, подлежащих реализации [1]).

---

[2]) К. Маркс. «К критике политической экономии». 3 издание русского перевода. Петроград. 1922 г., стр. 100.

[3]) Р. Гильфердинг. Цитированное сочинение. Стр. 43, примечание.

[1]) Маркс. «К критике политической экономии». 3 издание. Петроград. 1922 г. Стр. 90. В точности здесь говорится:

«При определении цен самих товаров ценность того количества золота, которое служит единицей меры, или ценность золота предполагается данной. При этом условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой цен товаров, которые должны быть реализованы».

Гильфердинг же, наоборот, заявляет, что сумма денежных знаков всегда должна представлять сумму ценностей товаров,— иначе говоря, в указанном выше случае она должна быть равна 5 миллионам марок. Эти пять миллионов марок не являются суммой ценностей—они сумма цен. Ценность определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени. И если в массе товаров содержится общественно-необходимого рабочего времени 5 миллионов рабочих часов, то таковой и будет величина их ценности. Если же в течение одного рабочего часа будет обыто $^1/_{1395}$ фунта золота и если, далее, мы обозначим это количество золотой маркой, то сможем сказать, что сумма ценностей товарной массы исчисляется в 5 миллионов марок. В сущности, это не сумма ценностей, но сумма цен, т. е. определенная ценностная величина, выраженная в определенном количестве золота, на которую она выменивается.

Понятия «цена» и «ценность» не покрывают друг друга, но, простоты ради, в теории можно приравнять одно из них к другому. При этом, однако, не следует ни на минуту забывать, что выражение ценности в деньгах предполагает данной ценность последних и что без этого предположения оно бессмысленно.

Правильнее же всего такое выражение (ценность в деньгах) обозначать как «цена».

Почему же Гильфердинг говорит о сумме ценностей, вместо того, чтобы говорить о сумме цен? Сумма ценностей товаров дана сама по себе, она не зависит от ценности золота. Сумма же цен товаров предполагает не только определенную ценность денег. Отождествляя сумму ценностей с суммой цен, он логически приходит к утверждению, что цена так же, как и ценность товаров, не зависит от определенной ценности денег.

Подобным отождествлением ценности и цены он уже создал необходимые предпосылки своей теории. Он продолжает:

«Если напечатать 5.000 одинаковых денежных знаков, то каждый из них будет равен 1.000 марок; если же будет напечатано 100.000, то каждый из них будет равен 50 маркам. Если сумма цен товаров при неизменной быстроте обращения и при неизменном количестве знаков удвоится, то эти знаки будут стоить 10 миллионов марок; если же сумма цен упадет вдвое, то при тех же условиях они будут стоить всего лишь 2½ миллиона».

Здесь, как мы видим, исчезла всякая связь между деньгами и золотом. Мы имеем дело, с одной стороны, с товарной массой, с другой же стороны, с общим количеством денежных знаков. От ценности этой товарной массы и от количества знаков зависит, какой величиной выражается меновая ценность каждого из них. (Von dem Werte jener Warenmasse und der Menge der Zettel hängt es ab, wie gross der Wert jedes derselben ist). Золото совершенно исчезает из поля зрения.

И все же, несмотря на это, этот назойливый металл все время пролезает также и в это прекрасное бумажное хозяйство!..

С чем мы имеем дело по предположениям Гильфердинга?

С массой ценностей, с грудой товаров, представляющих собой, может быть, 5 миллионов рабочих часов, и с суммой «однотипных» знаков («eine Menge» gleichbedrückter «Zettel»). Эти последние, сами по себе взятые, не имеют ценности. Каждый из них приобретает качества ценности вследствие дарованной ему государством монополии приводить в обращение товары. Ценность каждого из них определяется ценностью товаров, которые он обращает. Если имеется всего 5.000 знаков, то на долю каждого из них падает ценность 1.000 часов рабочего времени. Если на лицо 100.000—то 50 часов рабочего времени.

В такой форме бумажное обращение было бы лишь плохим повторением утопии рабочих денег.

Об этой последней Маркс говорит следующее:

«Вопрос, почему деньги не представляют непосредственного самого рабочего времени,— почему, например, ассигнация не представляет и рабочих часов, сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже представляет необходимость раздвоения их на товары вообще и денежный товар. Таков же по своему

характеру вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность»[1]).

Гильфердинг уклоняется от неприятной необходимости ответа на эти вопросы, выражая величину ценности не в рабочих часах, но в марках. Он может, конечно, вертеться и изворачиваться (sich drehen und wenden), как он хочет,— но от этого марка не перестанет означать собой определенное количество золота.

А как только мы введем в круг разбираемых вопросов золото, вся проблема вновь приобретает точно определенный смысл.

Гильфердинг исходит из ценности товаров в 5 миллионов марок. Это—определенная величина воображаемого золота, если только мы будем под маркой разуметь $^1/_{1395}$ фунта золота. В таком случае мы имеем товаров круглым счетом на 3.600 фунтов золота. Если же он предполагает, что для обращения этого количества товаров необходимо равное количество золота, то опять-таки мы будем иметь дело с 3.600 фунтами золота, но на этот раз уже в их материальном воплощении.

Если же эти 3.600 фунтов золота будут замещены представляющими их денежными знаками, то и в этом случае их сумма равна также 3.600 фунтов золота, как бы ни было велико количество этих знаков. Каждый из них отпечатан с указанием, что он равен определенному количеству золота, — что он стоит 50, 100 или 1.000 марок. Иного смысла это не имеет, да и не может иметь. Если подобного рода ассигнаций будет выпущено в оборот больше, чем это требуется, если на рынок будет выброшено больше «представителей» золота, нежели в том случае, если бы вместо них обращалось самое золото, — то все-таки сумма денежных знаков будет равна только ценности количества золота, потребного для обращения.

Если оборот требует 5 миллионов марок в золоте и в то же время на рынок будет выброшено количество бумажных денег, представляющее собой в золоте 10 миллионов марок, то каждая двадцатимарковая ассигнация будет стоить всего лишь одну золотую крону, и за нее не удастся купить больше товаров, чем на эту последнюю.

Иначе, ведь, не истолкуешь тезиса: «если напечатано 5.000 одинаковых денежных знаков, то каждый из них будет равен 1.000 марок; если же их будет напечатано 100.000, то ценность каждого из них будет равна 50 маркам».

О каких же марках может идти здесь речь, как не о золотых марках?

На ряду с маркой бумажной существует только золотая марка, или, во всяком случае, марка, выраженная в воображаемом золоте. Одна же бумажная марка всегда равноценна одной бумажной марке. И, значит, в заявлении, что 100 бумажных марок равноценны лишь 50 маркам, под этим последним нельзя понимать ничего иного, как только 50 золотых марок.

Где в обращение бросается бумажных денег больше того количества, какое соответствует потребностям оборота в золотых деньгах, там — при принудительном курсе бумажных денег — товарные цены раздваиваются — на золотые цены и цены в бумажных деньгах.

Именно это отрицает Гильфердинг.

Он приходит к формулировке следующего закона:

«При чистом бумажно-денежном обращении с принудительным курсом при неизменной быстроте обращения ценность бумажных денег определяется суммой товарных цен, долженствующих быть реализованными в обороте; в этом случае бумажные деньги совершенно независимы от ценности золота и непосредственно отражают ценность товаров».

Стало быть, ценность денег по Гильфердингу определяется суммой товарных цен.

Но как же определяется сама эта сумма товарных цен? Очевидно, ценностью денег. Немыслимо говорить о том, что товар стоит 10 марок, прежде чем не установлено, какую ценность представляют 10 марок. По Гильфердингу же ценность денег при бумажно-денежном обращении определяется ценностью товаров, установлен-

---

[1]) К. Маркс. «Капитал». Т. I, гл. 3, примечание 55. Перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова, переработанный И. Степановым. Москва. Госуд. изд. 1922 г., стр. 63.

ной по сравнению с ценностью денег. (Der Wert des Geldes bei Papierwährung wird bestimmt durch den mit demWerte dem Geldes verglichenen Wert der Waren). В этот безусловно порочный круг (circulus vitiosus) Гильфердинг мог попасть, однако, только смешав понятия ценности и цены. Таким образом, могла возникнуть видимость, будто, прежде чем столкнуться с деньгами, товары уже обладают не только определенной ценностью, но и определенной ценой, — что означает, будто они находятся в определенном меновом соотношении с деньгами, ценность которых еще вовсе не известна. Если бы это было правильно, то естественно из ценности товара могла бы быть выведена ценность денег, и эти последние «непосредственно отражали бы ценность товаров».

Каким образом товары приобретают цену прежде, чем установлена ценность денег — этого секрета Гильфердинг не выдает.

Но именно этот момент решает весь вопрос.

Не ответив на него, он приходит к выводу, что при ограниченном денежном обращении (т. е. при металлическом денежном обращении с закрытой чеканкой), ценность денег, как мерила ценности определяется не ценностью товара, который их образует; она определяется, по его мнению, тем, что называется «общественно-необходимой ценностью обращения» (Gesellschaftlich notwendige Circulationswert), которая выражается формулой $\frac{\text{сумма ценностей товаров}}{\text{быстрота обращения денег}} =$ ценности суммы денег (мы оставляем в стороне платежи и не рассматриваем их, дабы без нужды не усложнять вопрос).

Эта формула создана в подражание Марксовой формуле — $\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных денежных знаков}} =$ массе функционирующих как средство обращения денег.

Обе формулы с виду говорят как будто об одном и том же. Но по существу они совершенно отличаются друг от друга.

Маркс исходит из суммы цен товаров, т. е. из суммы их ценности, выраженной в определенном количестве денег (скажем, марок). Для примера допустим, что сумма цен товаров, реализуемых в течение дня на рынке, равна 5 миллионам марок. Эту цифру следует разделить на среднее число оборотов одноименных денежных знаков в течение того же дня. Так как цена товаров выражается в марках, то и здесь пришлось бы иметь дело с маркой, причем не имеет значения, сколько одномарочных, двадцатимарочных и т. п. денежных знаков находится в обращении. Если мы предположим, что каждый из денежных знаков в течение дня, участвуя в сделках купли-продажи, обращается пять раз, то потребуется миллион денежных знаков для осуществления указанных сделок купли-продажи.

При этом мы исходим из предположения, что ценность денег, ценность одной марки неизменна.

Сумма цен товаров и быстрота обращения денег изменяют не ценность отдельного денежного знака, но число находящихся одновременно в обороте денежных знаков.

Все это просто и ясно.

Напротив, как уже говорилось выше, при формулировке Гильфердинга, сумма ценностей товаров должна превратиться в сумму их цен прежде, чем установлена ценность денег.

Но для того, чтобы определить ценность суммы денег, а затем отдельного денежного знака, необходимо принять в расчет быстроту их обращения, которая определяется числом сделок, осуществляемых в определенный промежуток времени. Это означает, что, согласно Гильфердинговской формулы, деньги должны выступить сначала как мерило ценности (Wertmesser) и затем как орудие обращения (Circulationsmittel) еще до того, как установлена их ценность, которая только и делает их способными быть мерилом ценности и орудием обращения.

В самом деле. Сначала продавец определяет цену своего товара. После этого товар продается за установленное им количество денег. И только после этого, т. е. в результате всей этой операции, устанавливается по Гильфердингу, какова ценность каждого в отдельности денежного знака! Ценность денег, подлежащая устано-

влению до начала циркуляции товаров и обмена товара на деньги, оказывается, таким образом, по теории Гильфердинга результатом обмена!

Если я правильно понял Гильфердинга, — а я не знаю, как могла бы быть понята его теория иначе, — то, должен сказать, она изумительна по своей природе.

Но исторически она не совсем непонятна. Она не просто взята с потолка; она является попыткой об'яснить определенные явления, над которыми теоретики денежного обращения трудятся в поте лица в течение десятилетий и которые особенно живо интересуют Гильфердинга — ибо опыт, проделанный с денежным обращением на его родине, играет весьма крупную роль среди указанных явлений. Его теория определения ценности денег общественно-необходимой ценностью обращения, теория полной независимости ценности денег от ценности золота является поистине австрийской теорией.

Уже с 70-х годов прошлого столетия ценность серебра начала быстро падать. Это внесло большое замешательство в денежное обращение всех тех государств, которые к тому времени еще не ввели золотой валюты.

Среди стран, в которых в то время господствовала серебряная валюта, были Австрия и Индия. Обе эти страны пытались найти выход из положения путем прекращения свободной чеканки серебряной монеты. Число серебряных монет, циркулировавших в этих странах, было ограничено известными пределами. В обеих странах в результате этих мероприятий цена серебряной монеты освободилась от ценности содержащегося в ней металла и превысила ее.

Эти явления об'ясняются Гильфердингом тем, что наличное количество серебряных денег при данной ценности металла не удовлетворяло потребности товарного обращения. Он думает при этом, что если сумма товаров требует 700 миллионов серебряных гульденов, а в обороте их имеется всего лишь 600 миллионов, то каждый из этих серебряных гульденов будет стоить семь шестых ценности серебра, содержащегося в серебряном гульдене.

Это, по мнению Гильфердинга, доказывает, что при ограниченном денежном обращении ценность денег определяется не собственной ценностью денег (Eigenwert des Geldes, но общественно-необходимой ценностью обращения.

Факты, на которые он ссылается, не могут быть оспариваемы. Путем прекращения свободной чеканки серебряной монеты действительно удалось увеличить ее курс сверх ценности содержащегося в ней серебра.

Но при каких обстоятельствах это произошло?

Это произошло в то время, когда введение золотого обращения было неизбежно. Экономические отношения (Verkehr) стран с серебряной валютой со странами, имевшими золотую валюту, по мере хозяйственного развития все более суживались. На ряду с серебром золото приобретало все большее значение также и в указанных выше странах с серебряной валютой. При таких обстоятельствах для золота оказывалось совершенно невыносимым положение, при котором было совершенно нарушено прежнее достаточно устойчивое соотношение между ценностью золота и серебра, вследствие непрерывного падения ценности последнего. Противостоять этому оказывалось невозможным, вследствие чего была прекращена свободная чеканка серебряных монет.

Вот, что говорит Гильфердинг по поводу прекращения свободной чеканки серебряной монеты в Индии в 1893 году. —

«Целью прекращения свободной чеканки серебра было повысить курс рупии до 16 пенсов. При свободной чеканке этот курс соответствовал бы цене серебра почти в 43,05 пенса. Другими словами, при такой цене серебро, содержащееся в одной рупии, будучи превращено в слиток и продано на лондонском (мировом) рынке, доставило бы 16 пенсов» [1]).

К моменту прекращения свободной чеканки для частных лиц, цена серебра составляла 38 пенсов, а курс рупии $14^7/_8$ пенса. После того как в 1893 году была прекращена свободная чеканка, в конце концов, в 1897 году цену рупии удалось поднять до 16 пенсов, в то время как содержавшееся в ней серебро стоило всего 8,87 пенса.

Ну, а пенс — английская монета, золотая монета! Курс индийской рупии является, следовательно, ее ценой, **выраженной в золоте**! О серебряных

[1]) Р. Гильфердинг. Цитиров. сочин., стр. 27.

деньгах в данном случае так же, как и о деньгах бумажных, никоим образом недопустимо утверждение, что они «совершенно не зависят от ценности золота и непосредственно отражают (reflektiert) ценность товаров». Эти деньги не зависимы от ценности собственного металла, и потому именно, что серебро, как мерило ценности, дезавуировано другим благородным металлом. Вопрос сводился просто к тому, чтобы фиксировать соотношение между серебряными деньгами и английским золотом, чем пытались добиться того, чтобы количество находящихся в обращении в Индии серебряных монет было ограничено определенными рамками. Но эта мера никому не приходила бы в голову и была бы просто невозможна, если бы единственными деньгами в Индии были серебряные деньги. Она стала возможна,—более того, желательна, потому, что золото все более и более вытесняло серебро прежде всего как мерило ценности и все сильнее ограничивало его функции в качестве простого средства обращения, т. е. в сущности сводило его к роли разменной монеты.

Разменная же монета функционирует лишь как средство обращения, но не как мерило ценности. Ценность серебряной разменной монеты выше ценности содержащегося в ней металла; однако, никто не станет утверждать, что вследствие этого деньги вообще не имеют собственной ценности, что не эта собственная их ценность определяет товарные цены и, вместе с тем, количество необходимых для товарного оборота денежных знаков. Во всяком же случае, серебряные деньги — и с ограничением свободной чеканки — не превратились вполне в разменную монету. Это ограничение чеканки являлось лишь переходным периодом для введения в Австрии и в Индии золотого обращения. Как здесь, так и там золото является законным мерилом ценности.

Стало быть, опыты ограничения серебряной валюты никоим образом не доказывают, что ценность денег, как мерила ценности, определяется общественно-необходимой ценностью обращения, а не собственной их ценностью, которой они обладают в качестве металла наподобие прочих товаров. Доказать это подобными опытами можно было бы только в том случае, если бы таковые были более длительны и не вызывали значительных нарушений в обращении тех стран, в которых ограниченная металлическая валюта была бы единственным мерилом ценности. До тех же пор, пока не было и нет ни одного примера длительно-ограниченного золотого обращения, я не считаю себя обязанным пересматривать воззрения на деньги как на мерило ценности, которые развиты Марксом в «Капитале», где говорится:

«Хотя для отправления своей функции как меры ценностей деньги служат, будучи лишь мысленно представляемыми, тем не менее цены товаров всецело зависят от реального денежного материала» [1]).

Маркс смеется над сторонниками «бестолковой» количественной теории, которые полагают, что «товары попадают в оборот без цены, а деньги без ценности, а после этого некая часть «товарной каши» обменивается на некую часть «металлической горы».

Гильфердинг повторяет это суждение Маркса. Но разве оно не подходит к его собственной теории общественно-необходимой ценности обращения? Ведь, у него деньги тоже выступают в оборот без ценности, и хотя, по его мнению, товары вступают в оборот с ценами, но это происходит только потому, что он попросту (ohne weiteres) обозначает их ценность как цену. В конце концов Гильфердинг сам начинает сомневаться в своей теории. Он замечает:

«Подобная чисто бумажная валюта не может на долгое время соответствовать тем требованиям, которые пред'являются к ней как к средству обращения. Так как ее ценность определяется суммой ценностей товаров, находящихся в данное время в обращении, а эта последняя подвержена непрерывным колебаниям, то ценность денег также будет неизменно колебаться. Деньги уже не были бы больше мерой товарных ценностей, а наоборот, их собственная ценность измерялась бы изменчивой потребностью обращения, — следовательно, — при одинаковой быстроте обращения — ценностью товаров. Стало быть, чисто бумажные деньги невозможны для длительного

[1]) К. Маркс. «Капитал». Т. I, глава 3. Цит. изд., стр. 65.

периода времени, ибо вследствие этого оборот был бы подвержен непрерывным перетурбациям» [1]).

Другими словами: общественно-необходимая ценность обращения есть не что иное, как общественно-вредное, притом постоянное нарушение обращения.

Поэтому лучше пойдем по «окольному пути» Маркса.

3. Ценность золота и банки.

В своей статье о «деньгах и товаре» Гильфердинг применяет формулированный им закон общественно-необходимой ценности обращения к свободному золотому обращению, — после того как в своем «Финансовом Капитале» он применял его лишь к ограниченному металлическому обращению и обращению бумажному.

Он утверждает, что при свободном золотом обращений этот закон определяет ценность используемой для нужд обращения суммы денег.

Эта сумма денег ныне регулируется эмиссионными банками. Они принимают все золото, им предлагаемое. «Стало быть, спрос не ограничен». Золото исчезает в кладовых банка и выбрасывается оттуда лишь в той мере, в какой этого требуют изменения ценности обращения.

«Допустим» — говорит Гильфердинг, — «что ценность обращения повысилась с 1.000 до 5.000. Если бы не было никаких запасов золота, то меновая ценность (Tauschverhältniss) золотой монеты изменилась бы — одна марка стоила бы 1½ марки, и наоборот».

Но благодаря наличию золотых запасов, неизменно будет выбрасываться столько золота, сколько его соответствует ценности обращения. Избыток вновь будет впитан, а недостаток — восполнен банком.

«Стало быть, вообще не может возникнуть изменения в соотношении ценностей между деньгами и товарами, ибо для того, чтобы могло произойти изменение в ценности золота, деньги должны были бы оставаться в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средство обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять свою меновую ценность. Деньги вне обращения, — как сокровище в банковских подвалах, — не имеют никакого отношения к находящейся в обращении сумме товаров.

Стало быть, фактически дело обстоит таким образом. — Производитель золота получает за 1 килограмм золота 1 килограмм золотых монет. Новое золото лежит в кладовых банка. Как только начинает увеличиваться потребность обращения, золото тотчас же начинает течь из кладовых в обращение. Таким образом, меновое соотношение золотых монет к товарам постоянно остается таким же, каким оно было в начале процесса».

Говоря иными словами, это означает, что отменяется закон ценности для золота, когда оно подвизается в качестве денег. С первого взгляда подобное утверждение может поразить, но Гильфердинг не считает его удивительным.

«Для осуществления закона ценности необходима полная хозяйственная свобода. Но она модифицируется деятельностью центральных эмиссионных банков для менового соотношения между деньгами и товарной массой. Специфическая природа денег затрудняет приведение разъясняющего примера. Однако, можно оперировать и с нижеследующим примером.

В какой-либо совершенно изолированной хозяйственно самодовлеющей области государства власть вводит торговую монополию на керосин. Она имеет постоянный запас, скажем, в 100 миллионов литров. Она продает керосин по цене 30 марок за 100 литров и покупает весь предлагаемый ей керосин по цене в 29½ марок. В результате, естественно, постоянная цена керосина была бы равна 30 маркам. Эта цена определяет, какие из месторождений еще могут быть эксплоатируемы, какие и в каких размерах будут давать ренту. Если протребность в керосине увеличится, то спрос будет удовлетворен из наличных запасов, причем «керосиновая банковская политика» позаботится о том, чтобы эти запасы были всегда достаточны. Если спрос сократится или если добыча будет особенно обильна, то запас еще более увеличится,

---

[1]) Р. Гильфердинг. Цит. соч. Стр. 41.

что будет рассматриваться руководителями банка как особо благоприятное обстоятельство.

«Совершенно аналогично положение с золотом, но с той только разницей, что здесь неизменное меновое соотношение между золотом и товарной массой может быть безусловно доказано лишь теоретически».

Ныне эмиссионные банки осуществляют подобного рода золотую монополию. Когда-то золото не имело «неограниченного спроса»; напротив, теперь эмиссионные банки забирают все золото, при том по определенной цене. «Решающим является фиксирование монеты, как определенного веса золота, и прием всего золота центральными банками по этой фиксированной «золотой цене».

С другой стороны, эмиссионному банку приходится немедленно же удовлетворять всякую новую потребность обращения, — где бы таковая ни возникала». Поступать так есть не только обязанность эмиссионного банка; иначе поступать, он и не может по самой сути своих эмиссионных операций.

Таким образом, эмиссионными банками проводится «общественное регулирование обращения», которого не было до тех пор, пока золото, притекавшее из рудников, принималось частными лицами и золотые сокровища накапливались у этих последних. Тогда ценность золота, во всяком случае, определялась издержками производства. Теперь же она определяется соотношением между циркулирующей золотой массой и общественно-необходимой ценностью обращения. А так как это соотношение всегда удерживается банками на одинаковой высоте, то ценность золота неизменно остается одной и той же. Условия производства золота могут изменяться как им угодно — ценность золота неизменно остается одной и той же!

Торжествуя, Гильфердинг приходит к таким выводам. —

«Таково влияние неограниченного спроса» на золото. Оно ведет в действительности к стабилизации меновой ценности золотой монеты, а, следовательно, и золота в слитках, пока законом гарантируется постоянное превращение золота в монету».

«Вследствие этого со времени повсеместного введения золотой валюты мы имеем в действительности устойчивое мерило ценности, которого так долго искали экономисты и которое они все еще не познали, несмотря на то, что оно уже давно существует!».

К сожалению, согласно этого пояснения, я должен почитать себя и поныне пребывающим в рядах этих экономистов.

Прежде всего устраним пример с керосиновой монополией. Если бы государство, по образцу Гильфердинга, ввело торговую монополию на керосин, то в результате имело бы место не удержание цен на керосин на постоянном уровне, но банкротство государства, — независимо от того, являлось ли оно изолированным торговым государством или нет.

Предположим, по аналогии с современным производством золота, что условия добычи керосина изменились, — отчасти вследствие обнаружения новых богатых источников, отчасти вследствие технического улучшения добычи. Допустим, что добыто громадное количество керосина. Потребление его, однако, не растет. Продажная цена остается той же,—и вообще не изменяется ничего, что могло бы усилить потребление. Государство продает не более, чем раньше, но обязано закупать по старой цене весь вновь предлагаемый керосин.

Гильфердинг убежден, будто бы при таких условиях запас будет увеличиваться и будто бы руководители банков «сочтут это за весьма благоприятную кон'юктуру». Почему? Этой тайны он не раскрывает.

Но, ведь, ясно, что в конце концов государство израсходует весь запас денег для закупки нового керосина, если оно все время будет покупать больше, чем продавать.

Керосиновая монополия может быть проведена при неизменных ценах лишь при условии обладания самим государством всеми месторождениями и если оно окажется в состоянии держать добычу всегда на одном и том же уровне. Если же монополия будет только торгового характера, чего требует аналогия с добычей золота, то государство должно иметь возможность понижать цену, когда производство, а вместе с тем и предложение превосходят определенные границы.

Гильфердинг полагает:

«Совершенно аналогично положение с золотом. Только здесь неизменное меновое соотношение может быть безусловно доказано лишь теоретически».

А между тем, при «совершенно аналогичном положении» с керосиновой монополией обнаруживается «безусловная» невозможность доказать неизменность меновых соотношений».

Быть может, Гильфердинг на это возразит, что его замечания следует принимать cum grano salis. Аналогия между золотом и керосином имела бы место только в том случае, если бы был налицо безусловно неограниченный спрос на керосин. При таком условии цену можно бы держать неизменно на одном и том же уровне. Между тем, именно банки пред'являют неограниченный спрос на золото.

Откуда же проистекает этот неограниченный спрос на золото? При разрешении этого вопроса Гильфердинг не хочет понять простого факта, что каждый нуждается в деньгах и никто не имеет их в избытке. «Но, это старая история, хотя она и вечно нова».

По Гильфердингу же неограниченный спрос возник лишь «со времени организации центральных банков, принимающих золото в неограниченных количествах, сколько бы его ни было на рынке».

Как же это происходит?

Сначала это означает лишь, что за один килограмм золота в слитках дают один килограмм золотых монет. Эти новые килограммы сначала исчезают в кладовых банка и сохраняются там, как сокровище.

Если бы Гильфердинг получил золотую крону и отдал бы за нее десятимарковую бумажку, то он не подумал бы, что приобрел «новое золото», которое он может хранить, как «сокровище». Его «сокровище» остается таким же, каким оно было ранее,—изменяется лишь его форма.

Совершенно то же самое происходит с банком, когда он принимает золото. Он дает за один килограмм золота в слитках один килограмм золота в монете, и после этого превращения не приобретает ни на один пфенниг больше золота, нежели его «исчезло» в его кладовых. Он может отдать слитки в чеканку, вновь обменять монету на слитки и продолжать подобный обмен до бесконечности.

Но с каких это пор существует «неограниченный спрос на золото»?

Этот «спрос» означает собою не что иное, как неограниченную готовность банка обменивать все предлагаемое ему золото на другую денежную форму. И никто не осмелится утверждать, что производящие подобный денежный размен пред'являют «неограниченный спрос» на деньги, которые они разменивают.

Да, кроме того, не все золото выменивается на монету.

В действительности золото может увеличивать запасы банка, исчезать в его кладовых, если оно обменивается не на монету, но на банкноты — эти ассигновки на настоящие деньги (Geldanweisung).

В этом случае к старому золоту прибавляется новое золото. И в этом случае может быть принято все предлагаемое на рынке золото?

Но разве это означает собою неограниченный спрос на золото?

Новое золото попадает в кладовые банка. Но оно не принадлежит ему. Фактически оно принадлежит тому, кто обладает ассигновкой (мандатом) на него; когда обладатель представляет свою ассигновку, то таковой должно быть заплачено золотом полностью. Стало быть, это золото не приобретено банком; оно лишь депонировано обладателем указанной ассигновки, т. е. обладателем банкноты.

Стало быть, «неограниченный спрос на золото» есть не что иное, как готовность банка принять на хранение все золото, находящееся в предложении. Золотые запасы центрального эмиссионного банка являются не чем иным, как собранием золотых сокровищ отдельных обладателей денежных средств в государстве, которые до этого хранились в разрозненном виде в отдельных кассах и кладовых, а теперь централизуются. Подобная централизация имеет свои преимущества; но она осуществима только тогда, когда банк принимает любой запас золота, пред'являемый к депонированию.

Вот и вся тайна «неограниченного спроса на золото», якобы пред'являемого эмиссионными банками. Ничего не меняя по существу, она изменяет несколько самый механизм накопления запасов ценностей, — накопления, которое имело место еще до образования в период развитого товарного производства эмиссионных банков.

То же самое остается сказать об «общественном регулировании обращения», которое якобы осуществляется эмиссионными банками в противоположность прежнему господству анархии обращения.

Гильфердинг утверждает:

«Начальный процесс обращения денег (ранее) не был таким механическим, как теперь. Золото ранее не имело неограниченного спроса. Оно обменивалось на товары, т. е. вступало непосредственно в обращение и оставалось в нем до тех пор, пока не превращалось в сокровище частных лиц. Но это последнее также зависело не от потребностей обращения, но лишь от состоятельности отдельных лиц и их способностей к накоплению ценностей».

На основании сказанного трудно уяснить, почему в то время золото тотчас же после добычи должно было обмениваться его обладателем на товары. С другой же стороны, и теперь добывающий золото не имеет никаких оснований не обменивать тотчас же своего золота на товары.

Гильфердинг полагает, что банк принимает золото и выпускает его в оборот только тогда, когда этого требуют нужды самого обращения. Но мы, ведь, знаем, что золото, обмениваемое на монету, не представляет собой новых сокровищ. Мы знаем, далее, что производитель золота меняет его на монету, чтобы пустить ее в оборот и купить на нее что-либо,—предметы личного потребления или орудия производства.

Равным образом он затрачивает свои деньги, когда выменивает банкноты или иные бумажные знаки за свое золото. Если он капиталист, то он не позволит своим деньгам лежать без дела. Он покупает, например, акции, а на вырученные за эти акции деньги покупаются рельсы и локомотивы для Китайских железных дорог—во всяком случае, он стремится к тому, чтобы пустить свои деньги в оборот.

Организация эмиссионного банка ничего не меняет в этой картине.

Остается ли вновь добытое золото в обращении или же оно временно принимает форму сокровища, — это зависит, во всяком случае, не от добрых пожеланий банка, но от потребностей и состоятельности частных обладателей денежной массы. Так обстоит дело теперь, так было и раньше.

То же самое следует сказать по поводу «регулирования обращения» путем внедрения в него золота.

Гильфердинг делает по этому поводу следующие выводы:

«Банковские сокровища (запасы) являются непосредственно резервом обращения; эмиссионному банку приходится немедленно удовлетворять всякую новую потребность обращения, — где бы таковая ни возникла. Поступать так — не только обязанность эмиссионного банка; иначе поступать он и не может по самой сути своих эмиссионных операций. Совершенно иначе обстоит дело в том случае, когда этого регулирования нет. Обнаружившаяся потребность обращения и повышения золота в своей ценности при обмене на товары, — это для частных лиц вовсе не основание бросать свои деньги «в обращение».

Как же «бросаются деньги в обращение?»

Только путем покупки товаров. Я оставляю в данном случае (как и во всей этой работе) в стороне вопрос о функции денег, как платежного средства, дабы не осложнять без нужды изложения. Обращение есть не что иное, как товарное обращение, — покупка и продажа товаров. Покупка отдельным индивидом определяется его потребностями как потребителя и производителя. В этом порядке вещей эмиссионный банк ровно ничего не меняет. Он не увеличивает суммы потребностей. Но дело в том, что покупка товаров зависит не только от потребности в них, но (как мы все это достаточно болезненно ощущаем) от той суммы денежных средств, коей обладают, как запасом. Если этих средств не хватает для производства покупок, необходимых для домашнего обихода, предприятия или же для какой-либо иной цели, то приходится обращаться к кредиту и делать попытку одолжить деньги у других, обла-

дающих запасами. Таким образом, обращение обусловливается (wird bewirkt) именно этими деньгами отдельных индивидов.

Что же изменяет возникновение эмиссионных банков? Разве они дарят деньги для покупки товаров?

К сожалению, подобный способ общественного регулирования еще никому не взбрел на ум. Как прежде, отдельные индивиды — и только они — создают оборот путем закупок либо за свои собственные, либо за одолженные деньги. Изменение заключается только в том, что часть их собственных денег лежит депонированной (в качестве вклада) в банке, который только должен их выдавать; с другой же стороны, различие заключается также и в том, что для удовлетворения потребности в кредите на первом плане стоит банк, который выбрасывает деньги в обращение исключительно путем кредитования отдельных лиц (физических и юридических). Фактически банк непосредственно не бросает денег в обращение, поскольку он не покупает товаров.

Итак, деньги бросаются в оборот частными лицами (кредитующимися в банке) в зависимости от их потребностей и их состоятельности.

Стало быть, современный метод внедрения денег в обращение отличается от добанковского периода только своим с п о с о б о м, н о н е п о с у щ е с т в у.

Как и прежде, отсутствует общественное регулирование товарного обращения, стало быть, и денежного обращения, обусловливаемого первым. Как и прежде, определяющим моментом являются потребности и состоятельность отдельных лиц.

Правда, обладая грандиозным механизмом и лучшим знакомством с имущественным и коммерческим положением отдельных лиц, банки могут легче преодолевать заторы в обращении, более целесообразно и быстро предоставлять кредит, нежели это было возможно многочисленным разрозненным капиталистам. Но это ничего не меняет в существе дела: процесс обращения товаров есть лишь часть общего процесса производства, он определяется его потребностями и достижениями, и до тех пор, пока в отношении всего процесса в целом остается в силе частная собственность на средства производства, не может быть и речи об общественном регулировании части этого процесса, даже в переносном смысле этого слова.

И, конечно, своих слов об «общественном регулировании» Г и л ь ф е р д и н г не понимал б у к в а л ь н о. Но что бы он ни понимал под ними, сущность товарооборота и денежного обращения не изменяется деятельностью эмиссионных банков в такой степени, как он предполагает.

Неограниченная способность восприятия обществом золота — «неограниченный спрос на золото» — не есть изобретение банков; этот спрос имеет длительную историю; он существует с тех самых пор, с каких существует товарное производство и с каких золото стало товаром, превратившимся в общественное воплощение богатства и завоевавшим себе форму непосредственной и всеобщей способности обмена. Вследствие этого оно и превратилось в деньги. Ибо товар, который неохотно берут в любом количестве и в любое время, не может стать деньгами.

Равным образом не может быть приписано изобретательности банков также накопление золота в качестве сокровищ. Когда читаешь доводы Гильфердинга, то приходишь к заключению, будто бы денежные запасы начали регулярно накапливаться лишь со времени возникновения банков, будто бы до этого времени подобное накопление было делом чистого случая и простой прихоти отдельных лиц — делом, которого с равной вероятностью могло и не быть. А между тем, в действительности, непрерывное, планомерное товарное производство вообще невозможно без накопления в различных местах денежных запасов, образующих резервуар, из которого деньги выбрасываются в обращение, когда этого требует потребности обладателя денежных знаков. Отсутствие подобного резервуара «не изменяло бы меновой ценности золотой монеты», как это полагает Гильфердинг на основании закона ценности обращения, — оно попросту сделало бы невозможным развитие товарного обращения и товарного производства. Гильфердинг пишет:

«Банк принимает все избыточное для обращения золото и присоединяет его к своим запасам: изменение в соотношении ценностей вовсе не может иметь места». Если бы не было золотых запасов, то положение было бы совершенно иным.

«Предположим, что ценность обращения поднялась с 1.000 до 1.500. Если бы не было запасов золота, то меновая ценность золотой монеты изменилась бы, и ценность марки поднялась бы в 1½ раза. То же самое, только в обратном направлении, случилось бы с ценностью марки, если бы ценность обращения не увеличилась, а понизилась».

Иначе говоря, если ценность обращения падает с 1.000 до 500, то, при отсутствии банка, собирающего все избыточное для обращения золото, каждая марка стоила бы всего 50 пфеннигов. Очевидно, таков именно смысл заключительной фразы Гильфердинга. Такое положение, однако, совершенно немыслимо. Оно немыслимо уже потому, что если двадцатимарковая монета, содержащая $^{20}/_{1395}$ фунта золота, стоит всего лишь столько, сколько $^{10}/_{1395}$ фунта золота, то каждому выгодно переплавить и превратить низкоценную монету в полноценное золото. Кроме того, возможно ли вообще такое положение, когда в обращении находится больше золота, нежели это необходимо для обращения? Разве кто-либо будет вынужден вследствие отсутствия банка выбросить в обращение все золото, которым он обладает?

Ведь, все то, что ему не нужно для покупки товаров, т. е. для товарного обращения, он будет спокойно хранить у себя в кармане, если нет только банка, в кладовых которого он может свои деньги депонировать.

Как мы уже видели, Гильфердинговский закон ценности обращения построен по типу закона, который установил Маркс для определения количества золота, находящегося в обращении.

Этот закон гласит —

$$\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{число оборотов одноименных золотых монет}}$$ — массе находящихся в обороте в качестве орудий обращения денег.

«Этот закон имеет всеобщее применение» — говорит Маркс [1]). Это — не только идеал, осуществляющийся лишь при посредстве эмиссионных банков. Но для Гильфердинга этот закон приложим лишь там, где имеются эмиссионные банки; а где он приложим, там — по его мнению — не может иметь места изменение ценности золота. «Ибо для того, чтобы могло произойти изменение в ценности золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средство обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых ценностей».

Что же может означать сказанное, как не повторение «гипотезы, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги — без ценности, причем известная часть товарной «каши» (Warenbrei) обменивается на известную часть металлической «горы»?

Отличие вульгарной количественной теории от Гильфердинговской теории ценности обращения заключается лишь в том, что первая разумеет под «металлической горой» (массой) все наличное в данный момент золото (или серебро), в то время как Гильфердинг имеет в виду лишь часть золота, находящегося в обращении — часть, которая, согласно его воззрений, всегда может быть поставлена банками в определенное отношение к товарной «каше» (массе). Если банки будут следить за тем, чтобы она увеличивалась и уменьшалась в соответствии с товарной массой, чтобы она увеличивалась и уменьшалась одновременно с ней, то определенная часть товарной массы неизменно будет обмениваться на определенную часть металлической массы.

Это рассуждение находит свое выражение в следующих словах Гильфердинга —

«Как только начинает увеличиваться потребность обращения, золото тотчас же начинает течь из кладовых в обращение. Таким образом, меновое соотношение между золотыми монетами и товарами всегда остается таким же, каким оно было в начале процесса».

Гильфердинг доказывает, таким образом, больше того, что он хотел доказать. Он хочет убедить, что при указанных обстоятельствах ценность золота не изменяется. Но меновое отношение золотых монет к товарам является не ценностью товаров, но

[1]) К. Маркс. «Капитал». Т. I, глава 3. Гос. изд. Москва. 1920 г. Перевод В. Базарова и И. Степанова. Стр. 90.

их ценой. Если бы Гильфердинг был прав, то товарные цены были бы неизменны.

И здесь-то мы вскрываем основную ошибку всей его теории ценности обращения. Эта теория совершенно не учитывает того обстоятельства, что товары имеют цены, что они, стало быть, измеряют свою ценность ценностью золота, до того, как попадают в обращение. Для того, чтобы золото осуществляло эту функцию мерила ценности, оно может быть лишь мысленно представляемо золотом, но обязательно должно уже иметь определенную ценность.

Циркулирует ли реально золото, лежит ли оно в кладовых банка, покоится-ли в чулке крестьянки, — это не имеет ровно никакого значения для выполняемой им функции мерила ценности.

Товары поступают на рынок, уже обладая определенными ценами. Следовательно, они поступают на рынок, как представители определенных количеств золота. Сколько необходимо золота, чтобы их купить, — это зависит как от суммы их цен, так и от быстроты, с которой следуют друг за другом отдельные сделки купли-продажи, — иначе говоря, от быстроты, с которой деньги меняют своих обладателей. Не количество денег, выбрасываемое в обращение, определяет сумму цен товаров, т. е. «меновое отношение золотой монеты к товарам», — наоборот, количество денег, выбрасываемое в обращение, определяется суммой цен товаров, — суммой, которая предполагает уже данные ценности товаров и денег [1]).

Гильфердинг полагает, что если бы в обращении всегда было столько золота, сколько его требуют потребности оборота, то меновое соотношение золотых монет и товаров было бы неизменно одинаково. Но, ведь, к факторам, определяющим потребность обращения, принадлежит как раз меновое соотношение между золотом и товаром.

Статья Гильфердинга о «деньгах и товаре», — так же, как и выводы его в его «Финансовом Капитале», — не дает мне никаких поводов к пересмотру положений Маркса, развитых им в «Капитале», — а именно, что золото вступает в обращение с собственной ценностью (Eigenwert) определяемой в конечном счете количеством общественно-необходимого рабочего времени, а товары с определенными ценами, — суммой которых они и определяют количество денег, необходимое для осуществления операций по их продаже.

Равным образом я не вижу решительно никаких оснований утверждать, будто из описанного только что порядка вещей что-либо изменяется вследствие централизации банками функций накопления запасов ценностей и выпуска денег из своих касс.

Теоретические выводы Гильфердинга, несмотря на их остроумие ошибочны, ибо в положениях, из которых они исходят, недостаточно разграничены понятия «ценность» и «цены». А ведь и при строго логичных выводах, равно как и при математических исчислениях, достаточно бывает допустить в самом начале одну незаметную ошибку, чтобы все дальнейшие выводы и расчеты оказались ложными и чтобы по мере своего развертывания они все более вступали в противоречие с истинными выводами, как бы они ни были в дальнейшем правильны и безупречны. Остроумие мыслителя служит тут лишь для того, чтобы труднее было открыть ошибку.

В конце концов, из теории Гильфердинга вытекает вывод (если его логически правильно сделать), будто со времени существования эмиссионных банков должна была иметь место неподвижность товарных цен. Однако, мы окажемся не в меньшем противоречии с действительностью, если даже вместе с Гильфердингом будем трактовать «соотношение ценности» или «меновое соотношение (меновую способность) золота» не как товарную цену, но как ценность золота. Ибо не подлежит сомнению, что ценность денежного металла — золота, — а тем паче серебра — в процессе развития товарного обращения изменялась многократно. Великая революция в способах производства и денежного рынка имела место не только в семнадцатом столетии. Всего лишь несколько десятилетий тому назад она началась с серебра, и естественным последствием ее было решительное падение ценности серебра не только в странах с золотой валютой, но также и в странах с валютой серебряной. А между тем в этих последних странах уже существовали банки, обладавшие большими запасами металлов, принимавшие в свои кладовые любой серебряный гульден, выходивший из обращения.

---

[1]) К. Маркс, «Капитал», т. I, глава 3. Гос. изд. Москва, 1920 г. стр. 92.

Опыт истории, равно как и теоретические соображения не дают никаких сколько-нибудь убедительных доводов для признания теории Гильфердинга, согласно которой ценность денег определяется общественным процессом обращения. Не дают они никаких доводов и для того, чтобы полагать, будто появление банков сделало недействительным закон определения ценности общественно-необходимым трудом как раз для того товара, натуральная форма которого одновременно является непосредственной общественной формой выявления (Verwirklichungsform) человеческого труда in abstracto (Маркс, «Капитал», т. I, глава 2). Напротив, в том, что даже такой тонкий мыслитель и глубокий знаток современного (капиталистического) способа производства, как Гильфердинг, терпит фиаско, коль скоро он отклоняется от Марксовой теории ценности, — я еще раз усматриваю новое доказательство правильности этой теории ценности для золота в такой же мере, как и для всякого другого товара.

ДОБЫЧА ЗОЛОТА И ДОРОГОВИЗНА.

ОТТО БАУЭР [1]).

1. Предварительные замечания.

Когда ценность золота понижается, цены на товары растут.

Т.т. Варга и Гильфердинг оспаривают правильность приведенного положения.

Если-бы их возражения оказались верными, то пришлось бы пересмотреть наши взгляды по существенным вопросам теории денег, цены и заработной платы.

Но теоретическую основу аргументации Гильфердинга опроверг уже Каутский с исчерпывающей основательностью; однако, он оставил нам еще одну задачу: а именно осветить тот общественный механизм, при помощи которого закон цен воплощается в жизнь, т. е. нам нужно показать, каким образом и вследствие чего понижение ценности золота вызывает рост товарных цен.

Мы рассмотрим влияние добычи золота на товарные цены в развитом капиталистическом хозяйстве.

В капиталистическом хозяйстве конкуренция находится под господством тенденции к выравниванию норм прибыли.

Закон ценности действует здесь не прямо, но через посредство цены производства (Produktionspeis). Подобно товарам, которые обмениваются друг на друга не в соответствии с их ценностью, но соответственно цене производства, золото обменивается на товар не соответственно ценности, а по цене производства; это значит, что в золотопромышленности, как и во всякой иной отрасли товарного производства, на равновеликие капиталы приходится одинаковая доля общественной прибавочной ценности.

Мы покажем, как этот закон проявляет свое действие.

Для этой цели мы отвлечемся сперва от золотопромышленности и припомним, как вообще происходит приспособление цен к изменяющимся издержкам производства при товарном производстве.

Мы знаем, что сапоги становятся дешевле, если удается понизить их издержки производства.

Но как это осуществляется?

Какие изменения происходят во всем народно-хозяйственном организме вследствие уменьшения издержек производства в какой-нибудь одной отрасли промышленности? Если мы вначале уясним, какие народно-хозяйственные явления имеют место вследствие уменьшения издержек производства в какой-либо отрасли товарного производства, то затем мы сможем быстрее и легче уяснить себе, какие явления возникли бы в золотопромышленности в связи с изменением в способе добычи золота.

2. Издержки производства и цены при товарном производстве.

Мы противопоставляем индустрию сельскому хозяйству.

Предположим, что пред нами капиталистическое сельское хозяйство, — притом в наиболее развитой его форме — именно на началах аренды.

Допустим, что норма прибыли как в обрабатывающей промышленности, так и в сельском хозяйстве, равняется 15%. Земельная же рента достается землевладельцам в виде арендной платы.

---

[1]) Neue Zeit. Wochenschrift der deutschen Socialdemokratie. XXX-ster. Jahrgang. I Band. Stuttgart. 1912. №№ 27 — 28.

Предположим, что благодаря введению новых машин издержки производства в обрабатывающей промышленности сократились на 10%. Если бы при этом рыночные цены на продукты оставались неизменными, то норма прибыли в промышленности поднялась бы с 15% до 27,7% [1]). Напротив, в сельском хозяйстве, допустим, издержки производства не изменились, следовательно, норма прибыли в с. хоз. остается равной 15%. И вот, немедленно вступает в силу конкуренция, чтобы уравнять нормы прибыли. В этом направлении действуют:

1) конкуренция в пределах обрабатывающей промышленности в целом и

2) конкуренция между обрабатывающей промышленностью в целом и сельским хозяйством в целом — конкурируют вновь накопленные и ищущие приложения капиталы.

Сперва разберемся в конкуренции в пределах обрабатывающей промышленности.

Фабриканты, применившие прежде других новые машины, начинают продавать свои товары более сходно, чтобы побить своих конкурентов. Вследствие этого цены на продукты промышленности будут понижены. Мы предполагаем, что это падение цен, сокращая норму прибыли в обрабатывающей промышленности [2]), низведет ее с 27,7% до 21%. Но и в этом случае норма прибыли в промышленности на 6% выше, чем в сельском хозяйстве.

Это несоответствие предопределяет конкуренцию обрабатывающей промышленности в целом с сельским хозяйством, которую осуществляют вновь накопленные капиталы.

Из всей массы прибавочной ценности, достающейся ежегодно капиталистам, потребляется только часть; другая же часть накопляется. Капитал, вновь созданный при таком накоплении, распределяется между различными отраслями производства. Какая же часть этого вновь образовавшегося капитала падает на долю обрабатывающей промышленности и какая на долю сельского хозяйства?

Мы предполагаем, что до сих пор сельское хозяйство располагало 30% общественного капитала, промышленность же — 40%; остальной же капитал (т. е. 30%) направляется в другие отрасли — торговлю и т. д.

В виду того, что теперь норма прибыли в обрабатывающей промышленности значительно выше, чем в сельском хозяйстве, вновь накопленный капитал будет привлекаться промышленностью с большей силой, чем сельским хозяйством. Некоторые из арендаторов не возобновят своих арендных договоров и поместят принадлежащие им капиталы в обрабатывающей промышленности; другие, вместо улучшений с.-хоз. производства, станут приобретать акции промышленных предприятий.

Банки будут помещать свои капиталы в обрабатывающей промышленности охотнее, чем в с. х-ве. На рынке промышленные акции станут более ходкими, чем закладные листы. Все это приведет к более интенсивному росту обрабатывающей промышленности по сравнению с сельским хозяйством. Доля участия промышленности во всем общественном капитале возрастет с 40% до 45%, — доля же сельского хозяйства уменьшится с 30 до 25%.

Стало быть, уменьшение издержек производства приведет к перераспределению капитала между отдельными отраслями производства.

Производительные силы промышленности теперь значительно возросли. Предложение продуктов обрабатывающей промышленности растет быстрее спроса на них. Цена продуктов падает. Норма прибыли понижается с 21% до 16%.

Быстрое расширение промышленности тормозит развитие сельского хозяйства, ибо промышленность притягивает к себе вновь накопленные капиталы и прирост рабочего населения. Сельское хозяйство может развиваться значительно медленнее, чем это было бы, если бы повысившаяся норма прибыли в промышленности не лишала его рабочих рук и капитала.

---

[1]) 100 единиц затр. капитала приносили 100 плюс 15 единиц ценности.
90 » » » приносят теперь 100 плюс 15 единиц ценности.
25 един. ценн. составляет 27,7% по отнош. к 90 единицам.

[2]) В той области обрабатывающей промышленности, где введены новые машины.

Предложение с.-хоз. продуктов растет слабее, чем спрос на них. Цены с.-хоз. продуктов поднимаются. Нормы прибыли с 15% возвращаются до 16%.

Сокращение издержек производства понизило цены на продукты промышленности еще сильнее, чем их ценность: цена же сельскохозяйственных продуктов повышается, несмотря на то, что ценность их остается без перемен.

Только таким образом могло произойти выравнивание нормы прибыли. Закон ценности, конечно, устанавливает предел повышению и понижению цен: несмотря на повышение цен в одном случае и понижение их в другом — сумма цен всего народного хозяйства остается равной сумме ценностей.

Теперь вновь восстанавливается равенство норм прибыли; эта последняя равняется как в промышленности, так и в сельском хозяйстве 16%.

Допустим, что в конце описанного процесса норма прибыли будет на один процент выше, чем в начале его.

Произойдет ли это уравнивание нормы прибыли на возросшем, пониженном или повышенном уровне — в действительности это зависит от целого ряда обстоятельств.

Благодаря введению новых машин в промышленности освобождается часть рабочих сил, последние увеличивают собой промышленную резервную армию; это, в свою очередь, оказывает давление на уровень заработной платы, понижая его.

Понижение заработной платы указывает на то, что ценность рабочей силы уменьшилась вследствие удешевления продуктов промышленности, необходимых для воспроизводства рабочей силы. Технический переворот в обрабатывающей промышленности означает собой в данном случае образование относительной прибавочной ценности.

Норма прибавочной ценности возрастает, — вследствие чего увеличивается также норма прибыли.

Однако, может случиться, что организации рабочих оказываются достаточно сильными, чтобы помешать понижению заработной платы.

Тогда заработная плата остается неизменной, несмотря на понижение издержек воспроизводства рабочей силы. Образовавшаяся относительная прибавочная ценность достанется не классу капиталистов, но рабочим. Заработная плата перерастает ценность рабочей силы. В этом случае норма прибыли не возрастает.

С другой стороны, отлив капиталов от сельского хозяйства в обрабатывающую промышленность знаменует собой переход к более высокому органическому строению всего общественного капитала. Постоянный капитал общества возрастает быстрее переменного. Поэтому понижается норма прибыли, разве только норма прибавочной ценности возрастает так быстро, что, несмотря на повышение органического строения общественного капитала, может быть достигнута повышенная норма прибыли.

Наконец сельское хозяйство доставляет обрабатывающей промышленности основное сырье; удорожание же сырья означает увеличение постоянного капитала, следовательно, новое движение к более высокому органическому строению капитала, новое давление на норму прибыли. Выше или ниже норма прибыли к концу процесса производства, нежели в начале его, зависит от того, понижается ли и в какой мере заработная плата, выше ли и в какой степени органическое строение капитала в обрабатывающей промышленности, чем в сельском хозяйстве, дорожает ли и в какой степени сырье, необходимое промышленности из-за отсталости с.-хоз. Но в каждом отдельном случае выравнивание норм прибыли является результатом всего процесса (производства).

Теперь мы можем сделать наглядным весь описанный процесс при помощи следующей таблицы —

Обрабатывающая промышленность.	Сельское хозяйство.
40% всего общественного капитала.	30% всего общественного капитала.
Норма прибыли 15%.	Норма прибыли 15%.
Уменьшение издержек производства.	Неизменные издержки производства.
Норма прибыли 27%.	Норма прибыли 15%.
Обостренная конкуренция.	Ослабленная конкуренция.
Цены падают.	Цены без перемен.
Норма прибыли 21%.	Норма прибыли 15%.

Увеличение доли промышленного капитала во всем общественном капитале до 45%.	Уменьшение доли во всем общественном капитале до 25%.
Ускоренный рост предложения.	Замедленный рост предложения.
Цены падают.	Цены растут.
Норма прибыли 16%.	Норма прибыли 16%.

Процесс, схематически изображенный приведенной таблицей, действительно имел место в течение последнего десятилетия. Нет никакого сомнения в том, что одна из важнейших причин дороговизны заключается в том, что рост мирового с.-хоз. производства в масштабе мирового хозяйства отстал от роста обрабатывающей промышленности [1]).

Быстрый технический прогресс обрабатывающей промышленности не только понизил цены на ее продукты, но одновременно отвлек от сельского хозяйства капитал и рабочие руки, которые при иных условиях устремились бы в него, а это в конечном счете привело к повышению цен на с.-хоз. продукты.

Правда, вздорожали также многие продукты промышленности, т. е. понижение их издержек производства покрывалось с избытком (überkompensierend) вздорожанием сырья, доставляемого обрабатывающей промышленности сельским хозяйством. Так, наприм., вздорожали ткани, несмотря на улучшение машинной техники прядильных и ткацких отраслей промышленности, ибо производство шерсти и хлопчатой бумаги не поспевало за развитием обрабатывающей промышленности, и т. д., цены на шерсть и хлопок повысились. Ценность продуктов обрабатывающей промышленности в данном случае повысилась, хотя создаваемая в ней ценность продукта уменьшилась (Der Produktionswert der Industrie ist gestiegen, obwohl ihr Wertprodukt gesunken ist [1]).

Для нас важно лишь установить здесь, что уменьшение издержек производства в какой-либо отрасли промышленности не только понижает цены на ее собственные продукты, но одновременно повышает цены на произведения всех остальных отраслей производства.

Что это имеет место при определенных условиях, установлено уже Рикардо и Марксом [2]).

Для нашего изучения влияния добычи золота на товарные цены — признание этого имеет большое значение.

Итак, наше исследование привело нас к следующим выводам:

1) Сокращение издержек производства в какой-либо одной отрасли общественного производства изменяет распределение капитала между отдельными отраслями производства.

2) Перераспределением капитала изменяется соотношение между спросом и предложением на товарном рынке. Все более усиливается рост предложения продуктов той отрасли промышленности, издержки производства которой сокращаются; во всех же остальных отраслях промышленности он замедляется.

3) Вследствие этого падает цена товара, издержки производства которого сократились.

Но одновременно повышаются цены всех прочих товаров. Эти законы действительны для всех товаров. Подчиняется ли этому закону также золото—этот вопрос предстоит исследовать.

При исследовании этого вопроса следует установить, что сведение рыночных цен (Marktpreise) к ценам производства (Produktionspreise) никогда не окажется возможным иначе, как только через посредство нового распределения обще-

---

[1]) См. Bauer, Die Teuerung, Wien. 1910. Стр. 13 — 18.
[2]) См. Bauer, Die Teuerung, Wien. Стр. 36—37.
[3]) См. Bauer, Die Teuerung, Wien. I часть. Стр. 38 — 40.

ственного капитала, которое изменяет соотношение между спросом и предложением на рынках[1]).

Уже дойдя до этой цели наших рассуждений, мы могли бы исправить ошибку т. Варга. По мнению т. Варга, мое утверждение о том, что уменьшение издержек производства золота удорожает товары, опирается на две различные, друг от друга независимые мысли, а именно:

1) на учение, что издержки производства «автоматически» определяют цену;

2) на предположение, что увеличение добычи золота, усиливает спрос на товары и этим вызывает рост товарных цен.

Варга упускает из виду, что влияние сократившихся издержек производства на товарные цены никогда не проявляется иначе, как только посредством изменений в соотношении спроса и предложения, обусловленных перераспределением общественного капитала.

Я не признаю «автоматического» установления товарных цен. Когда я хочу доказать, что понижение издержек добычи золота повышает цены товаров, то мой способ доказательства может сводиться лишь к тому, что я устанавливаю изменения между спросом и предложением на товарном рынке, которые вызваны изменениями в издержках производства золотопромышленности и которые оказывают влияние на изменение товарных цен.

Варга, повидимому, принял на веру, как догму, закон об определении цен издержками производства и ему, повидимому, неизвестны промежуточные звенья между изменением рыночных цен и понижением издержек производства, через посредство которых передается влияние последних на первые.

3. Добыча золота и товарные цены.

Допустим, что в каком-либо золотопромышленном предприятии сумма издержек производства составляет 1.000.000 марок.

При такой затрате добывается золото, обмениваемое банками на 1.150.000 марок в золотых монетах, банковых билетах или векселях. Индивидуальная норма прибыли в этом предприятии равна, следовательно, 15%. Допустим, что средняя общественная норма прибыли также равна 15%.

На ряду с указанными золотыми рудниками существуют другие с большей добычей. Допустим также, что на них при затрате в 1.000.000 марок добывается прибавочного продукта больше, чем на 150.000 марок. Эти горные предприятия получают дифференциальную ренту.

Там, где предприниматель не обладает одновременно правом на прииски, дифференциальная рента достается не ему, но собственнику этих последних. Предприниматель получает лишь обычную норму прибыли в размере 15%.

Рудники с меньшей рентабельностью, чем в первом примере, не могут разрабатываться, ибо капитал не станет довольствоваться меньшей прибылью, раз он может получить 15% прибыли в любой иной отрасли промышленности.

Но вот в золотопромышленности вводятся новые машины. При неизменных затратах теперь удается получить большее количество золота: при затрате в 1.000.000 марок добывается такое количество золота, за которое банки уплачивают 1.300.000 марок в монете, банковых билетах или векселях. Норма прибыли в золотопромышленности поднимается с 15 до 30%. Она стала вдвое выше, чем норма прибыли во всех других отраслях промышленности. Золотопромышленники начинают получать сверхприбыль (Extraprofit).

---

[1]) «Капитал уходит из областей народного хозяйства с низкой нормой прибыли и устремляется в другие области хоз. жизни, где прибыль более высока. Путем этого постоянного прилива и отлива, одним словом, посредством своего распределения между различными областями хоз. жизни в зависимости от того, где норма прибыли повышается и где она понижается, осуществляется (bewirkt) такое отношение между спросом и предложением, что создается одинаковая средняя норма прибыли в различных отраслях производства и в силу этого ценности превращаются в цены производства»...

Маркс. «Капитал», III том, I часть. Конец десятой главы. Гос. изд. 1923 г. Стр. 175.

Эта сверхприбыль становится приманкой для привлечения на рудники новых капиталов. До этого времени расширение добычи золота вообще не имело места, так как все месторождения золота, обещавшие 15% прибыли, уже эксплоатировались, рудники же с меньшей рентабельностью не могли эксплоатироваться. Из ежегодно накапливавшейся массы прибавочной ценности ни одна частица не вкладывалась в золотопромышленность; она целиком уходила на другие отрасли промышленности. Теперь же золотопромышленность привлекает к себе вновь образовавшиеся капиталы.

Банки предоставляют капиталы в ее распоряжение, биржа проявляет повышенный спрос на акции золотых рудников. Теперь вновь накапливающиеся капиталы, которые при иных условиях были бы вложены в производство товаров, устремляются в золотопромышленность. Если раньше в золотопромышленность был вложен 1% всего общественного капитала, то теперь эта доля возросла, скажем, до 2%.

Следовательно, происходит изменение в распределении общественного капитала между отдельными отраслями промышленности.

Какое же действие производит это изменение распределения общественного капитала на товарный рынок?

Спрос на товары растет. В стране с возросшей добычей золота увеличивается потребность в средствах производства для разработки рудников и в предметах первой необходимости для занятых в горном деле рабочих.

Такая страна выступает на мировом рынке, как более сильный покупатель. Но и акционеры золотопромышленных компаний, живущие обыкновенно не в стране, где добывается золото, но в крупных центрах капиталистических стран, покупают больше товаров, так как они получают больше дивидендов.

Равным образом и акционеры банков Европы и Америки покупают больше товаров, так как они обогатились за счет учредительской прибыли, реализуемой при организации золотопромышленных товариществ, а равно и увеличения их акционерного капитала. Наконец и биржевые спекулянты также покупают больше товаров, так как при спекуляциях с золотопромышленными акциями они получили крупные барыши на разнице.

Как же обстоит дело с предложением товаров?

Предложение товаров, естественно, также возросло. Ежегодно часть прибавочной ценности, накопляясь, вкладывалась в производство, стало быть, затрачивалась на его расширение, на увеличение товарного богатства общества. Но предложение товаров возрастает относительно медленнее, чем оно возрастало бы тогда, когда в золотопромышленность не вводились бы новые машины. Ибо, если бы не имел место технический прогресс добычи золота, золотопромышленность не привлекала бы к себе ни одной частички вновь накопленной прибавочной ценности, и тогда, стало быть, все 100% этой последней были бы затрачены на увеличение производства товаров. Но так как технические усовершенствования в золотопромышленности уже осуществились, то после этого на добычу золота направляется, быть может, 5% капиталов, вновь накопленных в мировом хозяйстве, а 95% идет на организацию и расширение предприятий в других отраслях промышленности.

Стало быть, предложение товаров росло медленнее, чем оно могло бы возрастать в иных условиях, без технических усовершенствований в добыче золота.

Итак, в первой фазе процесса (выравнивания норм прибыли) технический прогресс в золотопромышленности, с одной стороны, ускоряет рост спроса на товарном рынке, а с другой — замедляет рост предложения. Поэтому начинается под'ем товарных цен, а вместе с тем и увеличение нормы прибыли.

Мы уже видели ранее, что уменьшение издержек производства в обрабатывающей промышленности понижает цены на ее изделия, но одновременно с этим вызывает рост цен на с.-хоз. продукты.

В данном случае мы наблюдаем сходное явление,— но с одним существенным различием: там цены понижались в одних из отраслей производства, в других же они возрастали. Здесь же растут товарные цены в целом. Ибо если в нашем первом примере изменилось только распределение капитала между отдельными отраслями товарного производства, то в данном случае

уменьшается доля участия товарного производства в целом в общей массе общественного капитала, так как значительную часть этого капитала урвала золотопромышленность.

Рост спроса на товары, под'ем товарных цен и нормы прибыли приводят к дальнейшим последствиям.

Сбыт товаров не встречает никаких затруднений и капиталисты используют эту выгодную для них кон'юнктуру. Прежде всего, они имеют возможность лучше использовать свои капиталы. Так как масса произведенных товаров быстро находит покупателя, то сокращается время оборота капитала.

Время обращения капитала сокращается, но доля времени производства во времени оборота капитала увеличивается (Die Umlaufzeit sinkt, der Anteil der Produktionszeit an der ganzen Umschlagszeit des Kapitals steigt), предприниматели имеют возможность расширять производство при неизменном капитале: они могут увеличивать количество рабочих и перерабатывать большее количество сырья. Увеличить число рабочих—значит увеличить спрос на рынке труда, сократить размер промышленной резервной армии, увеличить спрос на средства существования рабочих, а вместе с этим—и цены этих последних. Переработать больше сырья значит увеличить спрос на промышленное сырье, а вместе с этим—и цены на него.

Все это улучшает кон'юнктуру в тех отраслях промышленности, которые производят указанные средства существования и соответствующее сырье. Расширение же производства в этих отраслях, в свою очередь, приводит к увеличению спроса на сырье и на средства существования, в коих они нуждаются, что расширяет также действие тенденции к под'ему всех цен.

Однако, капиталисты стремятся не только к наилучшему использованию их наличных капиталов, но также к привлечению нового капитала в целях более быстрого расширения их производства. Последнее достигается без труда: во-первых, потому, что увеличение добычи золота само облегчает расширение (Expansion) кредита, а, во-вторых, потому еще, что масса накопленной прибавочной ценности стала больше.

Расширение кредита означает, что вновь добытое золото притекает в банки; золотой запас банков растет, в силу этого (ceteris paribus) размер процента становится более низким. Понизившийся процент оживляет некоторые отрасли промышленности. Особенно сильно развивается при этом строительная промышленность. Рост этой промышленности, в свою очередь, усиливает спрос на строительные материалы и на средства существования для занятых в ней рабочих. При низком проценте и государство, и органы местного самоуправления (общины) получают большую возможность к расширению их предприятий. Отсюда усиленный спрос на железнодорожный материал и т. п.

Новое усиление тенденции повышения товарных цен.

Увеличение массы накопленной прибавочной ценности означает, что возрастет прибыль как в золотопромышленности, так и в других отраслях производства. Следовательно, растет и та часть прибавочной ценности, которая не потребляется, а накапливается. Весь общественный капитал возрастает быстрее, что приводит к расширению производственного аппарата всех отраслей производства. А это, в свою очередь, означает, что, с одной стороны, увеличивается спрос на средства производства, с другой же стороны, увеличивается нужда в рабочих руках, сокращается промышленная резервная армия, растет спрос на средства существования рабочих. Следовательно, имеет место новое повышение товарных цен.

Если цены на товары возросли, между тем как заработная плата осталась на прежнем уровне, то уровень жизни рабочего класса ухудшается. Стоимость воспроизводства рабочей силы повысилась, и заработная плата опустилась таким образом ниже ценности рабочей силы. Рабочие пред'являют требования повышения заработной платы. Часть рабочего класса добивается удовлетворения своих требований. Это облегчается тем, что кон'юнктура на рабочем рынке становится для рабочего класса более благоприятной—в виду вызванного расширением производства сокращения промышленной резервной армии. Напряженной борьбой с предпринимателями рабочие добиваются повышения заработной платы.

Повышение заработной платы дается с трудом для отраслей промышленности с более низким органическим строением капитала. Поэтому из вновь образованного капитала все более возрастающая доля его притекает в отрасли промышленности с более высоким строением, а в отрасли с низким органическим строением капитала — все более уменьшающаяся доля. Предложение товаров первых растет быстрее, чем последних. Стало быть, если наступает общее повышение цен, то еще быстрее растут цены продуктов отраслей промышленности, органическое строение которых ниже среднего общественного уровня. Одновременно с этим повышается также органическое строение всего общественного капитала вследствие указанного перераспределения капитала в пределах товарного производства.

Общий рост товарных цен повысил общественную норму прибыли, но в то же самое время вызвал к жизни противодействующие этому повышению явления: цены на сырье поднялись скорее заработной платы; в отрасли промышленности с более высоким органическим строением капитала наблюдается приток большей части вновь накопленной прибавочной ценности; органическое строение общественного капитала тем самым повышается, а норма прибыли в силу этого становится меньше.

Указанные явления, в конце концов, определяют предел повышения нормы прибыли.

Между тем, норма прибыли в золотопромышленности также понижается. Прежде всего возрастают издержки производства, так как вследствие общего роста товарных цен средства производства и рабочая сила должны оплачиваться золотопромышленностью дороже. Но одновременно растет самая добыча золота. Начинают, стало быть, эксплоатироваться и те рудники, естественные условия производства которых менее благоприятны, руда которых меньше содержит в себе золота. При таких условиях, в то время как в других отраслях промышленности норма прибыли возросла вследствие роста товарных цен, в золотопромышленности вследствие повышения издержек производства она упала.

Этот процесс достигает предела, при котором капитал в золотопромышленности (за вычетом дифференциальной ренты в пользу владельца участка) уже не приносит прибыли, более высокой, чем одинаковый по размерам капитал в любой иной отрасли производства. Этим процесс выравнивания норм прибыли завершается. Равновесие, нарушенное переворотом в области техники золотопромышленности, вновь восстанавливается. Расширение золотопромышленности не имеет более места.

Технический прогресс в золотопромышленности поднял ее норму прибыли выше средней общественной. Но подобного неравенства не выносит конкуренция между капиталистами. При помощи перераспределения капитала она снова приводит различные нормы прибыли к одному уровню; повышая, с одной стороны, товарные цены, она тем самым повышает норму прибыли в товарном производстве и одновременно понижает норму прибыли в золотопромышленности. В итоге этого процесса золото снова обменивается на товары в соответствии с ценами производства в золотопромышленности, стало быть, так же, как и во всех остальных отраслях производства, на одинаковые затраты капитала приходится равная доля общественной прибавочной ценности. Это выравнивание норм прибыли вызывается ростом товарных цен.

Но общая норма прибыли в конце процесса не будет стоять на том же уровне, на каком она была в начале его. Обычная средняя общественная норма прибыли повышается вследствие уменьшения издержек производства в золотопромышленности.

Как мы видим, в начале описанного процесса норма прибыли в золотопромышленности возросла. Вследствие этого увеличилась также средняя общественная норма прибыли, ибо общественному капиталу в целом соответствует уже большая масса общественной прибавочной ценности. Однако, этот прирост первоначально присваивается одними золотопромышленниками. Но вследствие роста товарных цен норма прибыли в товарном производстве повышается, а в золотопромышленности падает, что и приводит, в конце концов, к равномерному распределению указанного прироста прибавочной ценности между всеми активными капиталами.

Повышение товарных цен означает, что полученная в золотопромышленности сверхприбыль распределяется между всеми капиталами таким образом, что равный

капитал, где бы он ни проявил свою деятельность, получает одинаковую долю этой сверхприбыли.

Таким образом, происходит общее для всех капиталов повышение нормы прибыли.

Каким же образом общество в состоянии обеспечить каждому капиталисту эту большую прибавочную ценность?

Оно может это сделать потому, что увеличилась не только общая масса, но и норма прибавочной ценности.

Так как все товарные цены возросли, то товары, которые рабочий класс может купить на свою (неизменившуюся) заработную плату, воплощают в себе уже меньшее количество общественного труда, чем прежде, до повышения товарных цен.

Доля прибавочного труда в рабочем дне и доля прибавочной ценности в ценности созданного продукта увеличились. Но с увеличением нормы прибавочной ценности соответственно растет и норма прибыли.

Часть рабочего класса, конечно, добьется повышения заработной платы. Поскольку это так, возрастанию нормы прибыли (как мы уже отмечали) будет установлен определенный предел.

Но рабочему классу в целом никогда не удается добиться полной компенсации за каждое повышение цен путем повышения заработной платы. Большая часть рабочего класса всегда принуждена довольствоваться обычной заработной платой, несмотря на повышение товарных цен. Таким образом, доля всего рабочего класса в ценности созданного им продукта, во всяком случае, понижается. Последнее обстоятельство и вызывает возрастание нормы прибыли.

Между тем, норма прибыли определяется не одной только нормой прибавочной ценности, но также и органическим строением капитала. А это последнее повышается в течение процесса производства. Если органическое строение капитала повышается быстрее, чем растет норма прибавочной ценности, то к концу указанного процесса норма прибыли будет меньше, чем в начале его, несмотря на рост товарных цен. Для каждого отдельного капиталиста указанная зависимость находит свое выражение в том, что цены на средства производства растут быстрее, чем цены его товаров.

Происходит ли выравнивание норм прибыли на повышенном, неизменном или пониженном уровне, во всяком случае, в результате норма прибыли в золотопромышленности выравнивается с нормой прибыли прочих отраслей промышленности, и все они приравниваются к средней общественной норме прибыли.

Читатель, конечно, понимает, в чем заключается ошибка Варги.

Варга полагает, что технический прогресс в золотопромышленности «создает возможность разработки впредь таких месторождений, которые до этого не эксплоатировались». На таких участках будто бы стоимость производства выше обычного уровня. Следовательно, при переходе к разработке этих участков цена единицы золота якобы определяется, как и раньше, ценой издержек производства при наихудших условиях, которая равнялась бы первоначальной цене издержек производства.

Совершенно правильно. Но Е. Варга в своем излишнем усердии разыскать конечный результат хозяйственного процесса погрешил лишь в одном—он перескочил через все промежуточные звенья этого процесса. Технические усовершенствования, конечно, ведут к расширению добычи золота до тех пор, пока разработка не дойдет до участков, приносящих норму прибыли, не превышающую обычной средней.

Но, во-первых, это расширение добычи может произойти только при том условии, что в золотопромышленность притекает капитал, который в противном случае направился бы на производство прочих товаров и который, притекая, повышает долю участия золотопромышленности во всем общественном капитале и изменяет таким образом распределение всего общественного капитала. Именно благодаря этому обстоятельству изменяется отношение между спросом и предложением на товарном рынке; начинается рост цен, вследствие чего происходит выравнивание норм прибыли.

Во-вторых, норма прибыли изменяется сама по себе. Общественная норма прибыли, которая определяет, какие рудники еще выгодны для эксплоатации, в конце хозяйственного процесса изменяется. Вот, все эти явления ускользнули от проницательного взгляда Е. Варги.

Варга пишет: «при добыче товара—золота не существует конкуренции». Это положение об'ясняет ошибку Варги.

В действительности следует различать два рода конкуренции:

1) конкуренцию в пределах данной отрасли производства;

2) конкуренцию между различными отраслями производства,— другими словами, конкуренцию капиталов, ищущих приложения в наиболее выгодной из различных отраслей производства.

Конкуренция в пределах данной отрасли производства приводит к тому, что все товары этой отрасли продаются по одной и той же рыночной цене (Marktwert), несмотря на различия в стоимости их производства. Напротив, конкуренция между отдельными отраслями производства приравнивает различные нормы прибыли отдельных отраслей производства к средней норме прибыли, и тем самым сводит рыночные цены к ценам производства [1]).

Между отдельными предприятиями золотопромышленности не существует конкуренции. Но золотопромышленность в целом принимает участие в конкуренции всех отраслей производства. Эта конкуренция является силой, которая проводит в жизнь закон средней нормы прибыли также в отношении золотопромышленности; а это приводит к тому, что при понижении издержек производства золота изменения в меновом отношении золота к товарам имеют место до тех пор, пока нормы прибыли вновь не будут уравнены.

4. Обращение денег.

Против изложенного учения Гильфердинг возражает следующим образом.—

Золото поступает в банки: оно хранится в банковских кладовых; оно не вступает в обращение, поэтому оно не может определять товарные цены.

«Для того, чтобы могло произойти изменение в ценности золота, это последнее должно было бы постоянно пребывать в обращении. Ибо только тогда, когда товар и средство обращения непосредственно противостоят друг другу, они могут взаимно определять величины своих меновых ценностей».

Золото предварительно стекается в банковские кладовые—это правильно. Но в течение описанного процесса часть золота снова уйдет из банков. Ведь, расширение добычи золота ведет, как мы видели, в последующих стадиях указанного процесса к быстрому расширению производства товаров, к сбыту большого количества товаров при повышенных ценах,— следовательно, к увеличению потребности в деньгах. Поэтому часть вновь добытого золота всегда очень скоро выкачивается из банковских кладовых и поступает в сферу денежного обращения. Но даже и этот факт не имеет значения при новом строении цен (Preisgestaltung).

Мы надеемся доказать, что меновые отношения между золотом и товарами могут совершенно не зависеть от того, вступает ли в обращение золото, добытое с меньшими издержками, или не вступает.

Поэтому мы предполагаем, что вновь добытое золото все, без остатка, хранится в кладовых банков и что ни одна его частичка не попадает в денежное обращение. Эта предпосылка предполагает:

1) что золотопромышленники получают от банков за сданное в слитках золото в качестве эквивалента (Gegenwert), не звонкую монету, а векселя;

2) что путем сокращения времени обращения и более совершенной организации кредита становится возможным реализовать быстро растущие в дальнейшей стадии процесса массы товаров без увеличения звонкой монеты в обращении.

Как же протекает этот процесс? Ведь, золотопромышленники не дарят банкам свое золото. Они должны получить эквивалент. Они и получают его в форме векселей или банкнот.

Полученными векселями и банкнотами золотопромышленники оплачивают средства производства и рабочую силу.

---

[1]) Маркс. Теории прибавочной ценности. Т. II. Часть I. Петроград. 1923 г. Отдел 1, часть 2, стр. 49.
Маркс. Капитал. Т. III, ч. 1, глава 10.

Векселя и банкноты, остающиеся у них после покрытия издержек производства, представляют собой их прибыль. При сокращении издержек производства эта прибыль возрастает. Сверхприбыль, которую они получают, также воплощается в этих векселях и банкнотах.

Факт получения золотопромышленниками сверхприбыли привлекает в эту отрасль промышленности новые капиталы. Последнее обстоятельство вызывает изменения в отношениях между спросом и предложением на товарном рынке. В первой фазе процесса спрос на товары обгоняет предложение, так как накопленная прибавочная ценность затрачивается не на производство товаров, а на добычу золота. То обстоятельство, что вновь добытое золото поступает в банки и там хранится, в данном случае решительно ничего не меняет. От этого размеры спроса на товары нисколько не изменяются, так как золотопромышленники имеют возможность приобретать за находящиеся у них векселя и банкноты столько же товаров, сколько и за звонкую монету, вместо которой выступают векселя и банкноты. Нисколько не изменяются от этого и размеры предложения, так как размеры предложения товаров определяются только размерами производимой массы товаров, которые теперь относительно уменьшаются, так как банки и биржа охотнее вкладывают свои капиталы в золотопромышленные предприятия, чем на расширение прочих отраслей производства. В силу изменения соотношения между спросом и предложением растут товарные цены, а вместе с тем увеличивается и норма прибыли в производстве товаров. Повышение же нормы прибыли, как мы уже показали, приводит к быстрому расширению всего товарного производства, а, следовательно, и к увеличению спроса на средства производства и рабочую силу. Это, в свою очередь, дает новый толчок росту цен. В этом случае не имеет решительно никакого значения, увеличивается или нет масса находящихся в обращении денег. Возросший спрос на средства производства и рабочую силу гонит вверх цены на эти товары даже и в том случае, когда (вследствие развития кредитной системы) возросшая масса товаров может быть реализована без увеличения количества обращающихся денег.

В конце концов издержки производства в золотопромышленности повышаются, вследствие чего норма прибыли в этой отрасли понижается до тех пора, пока она не выравнивается с нормой прибыли прочих отраслей промышленности.

Это последнее явление имеет место совершенно независимо от того, чем оплачивают предприниматели вздорожавшие средства производства и рабочую силу—наличными деньгами или векселями, полученными от банков, взамен золота, или банкнотами, на которые обменены эти векселя. Весь процесс выравнивания, следовательно, совершенно не зависит от того, совершается ли он при возрастающем или при сокращающемся количестве обращающихся денег.

Каким же образом Гильфердинг приходит к предположению, что уменьшение издержек производства при добыче золота только тогда могло бы повысить товарные цены, если бы вновь добытое золото влилось в денежное обращение?

Заблуждение Гильфердинга можно об'яснить его отношением к количественной теории денег.

Эта теория противопоставляет общую массу товаров денежной массе, находящейся в обращении. Так как при покупке определенное количество денег приравнивается к определенному количеству товаров, то ценность обращающихся денег должна находиться в определенном количественном отношении к ценности товарной массы, предназначенной к реализации.

Однако, вместо того, чтобы из признания этого заключить, что излишние, ненужные для реализации данного количества товаров, деньги выпадают из процесса обращения и поступают в кладовые банков, количественная теория предполагает, что цена товаров определяется количеством находящихся в обращении денег и что она приспособляется к этому количеству.

Эта теория, разумеется, ошибочна в самых своих основах и давно опровергнута. Но она-то и склоняет Гильфердинга к признанию, что влияние денег на товарные цены не может заключаться ни в чем ином, как только в том, что увеличение или уменьшение количества находящихся в обращении денег повышает или понижает

цену товаров. Если же вновь добытое золото не попадает в обращение, то оно, по признанию Тильфердинга, не может определять цену товаров.

Наши взгляды коренным образом отличаются от количественной теории денег. Мы исходим не из процесса обращения, но из процесса производства. Наша теория об'ясняет под'ем товарных цен, исходя не из отношения между количеством обращающихся денег и количеством предлагающихся к продаже товаров, но из распределения капиталов между производством золота и производством прочих товаров. Наше понимание опирается не на количественную теорию денег, но на закон выравнивания норм прибыли. Следовательно, она сама по себе не предполагает увеличения денег в обращении.

Закон выравнивания норм прибыли неразрывно связан с изложенным нами пониманием проблемы. В виду того, что Гильфердинг не хочет признать зависимости роста цен от уменьшения издержек производства золота, он совершенно последовательно приходит к заключению, что закон выравнивания норм прибыли не распространяется на золотопромышленность и что, следовательно, в ней образуется абсолютная рента.

Это—правильный вывод из ложной посылки.

В действительности конкуренция капиталов, ищущих для своего приложения наиболее выгодных отраслей промышленности, не мирится с различием в нормах прибыли.

Абсолютная рента может возникнуть только в той отрасли промышленности, размеры которой не могут быть расширены даже при повышении в ней нормы прибыли,— иначе выражаясь, прилив нового капитала в которую невозможен даже при таком повышении. Этих особых условий нет в золотопромышленности.

Поскольку норма прибыли в золотопромышленности поднимается над средней общественной нормой прибыли, постольку вновь накопленная прибавочная ценность используется не для производства товаров, но для золотопромышленности; весь общественный капитал распределяется между золотопромышленностью и другими отраслями иначе, чем это было раньше; вместе с этим начинается процесс выравнивания норм прибылей, в течение которого товарные цены поднимаются; в силу же их под'ема норма прибыли в золотопромышленности вновь приводится к средней норме прибыли.

Гильфердинг совершенно правильно установил, что при неизменной ценности денежной единицы количество обращающихся денег, а, стало быть, и ценность их, определяется величиной общественной ценности обращения.

Для изображения некоторых явлений бумажного денежного обращения приведенная формулировка необходима. Но самый закон имеет силу лишь при неизменной ценности золота. Если ценность золота понижается, то для реализации неизменного количества товаров ceteris paribus понадобится большее количество золота [1]).

И если даже путем усовершенствования кредитной системы и сокращения времени обращения удается при помощи того же количества денег, что и раньше, реализовать больше товаров, то, несмотря на это, цены все же поднимаются. Сказанное является иллюстрацией того факта, что цена отнюдь не является простым отображением ценности товара, но является отражением ценности товара в ценности золота. Вместе с зеркалом меняется и отражение в нем.

5. Борьба с дороговизной.

Мы не можем установить, какое влияние оказали изменения в добыче золота на движение товарных цен в течение последних лет. Путь к разрешению этого вопроса, предложенный Варгой, не приводит к цели. Если бы нам предстояло исследовать это явление, нам пришлось бы сделать попытку определить размеры капиталов, вложенных вновь за последние два десятилетия в нижеследующие отрасли: а) в золотопромышленность, б) в отрасли промышленности по обработке золота, в) в отрасли промы-

[1]) Закон, что при данной быстроте обращения денег и данной сумме цен товаров определено количество обращающихся денег, можно выразить еще и таким образом: если даны меновые ценности товаров и средняя быстрота их обращения, то количество обращающихся денег зависит от их собственной ценности.

шленности, доставляющие средства производства для добычи и обработки золота. Равным образом нам нужно было бы определить и размеры капиталов, вложенных за то же время в пути сообщения, обслуживающие золотопромышленность. Все это—капиталы, вложенные в золотопромышленность вследствие сокращения в ней издержек производства (и, следовательно, вследствие того, что норма прибыли в ней поднялась выше общей нормы прибыли в промышленности). Все они представляют поэтому капиталы, отвлеченные от прочих отраслей промышленности, производящих товары. То обстоятельство, что мировое хозяйство затрачивает столь значительную часть общественного труда не на производство потребительных ценностей, а на создание мерила меновой ценности, относится faux frais, к непроизводительным затратам (Unkosten) капиталистического способа производства. Эти затраты капитализма мы должны оплачивать, покупая товары по более дорогой цене. Чем больше общественного труда затрачивается на добычу золота, тем тягостнее дороговизна.

Сказанное, конечно, не может слаблять нашей борьбы против защитительных пошлин. Пошлины на сельскохозяйственные продукты были введены в свое время в качестве средств защиты против падения цен на мировом рынке. Если они имели прежде оправдание для своего существования, то в настоящее время они его утратили, ибо цены на мировом рынке сами значительно поднялись вследствие перераспределения всего капитала мирового хозяйства—именно в силу роста золотопромышленности за счет производства прочих товаров, а в пределах всего общественного производства—в силу роста промышленности за счет сельского хозяйства; поэтому наше сельское хозяйство совершенно не нуждается в этих средствах защиты.

Признание всего сказанного должно усилить наши атаки на империализм. Жажда все новых и новых золотых сокровищ является одним из движущих мотивов империалистической политики. Самая значительная колониальная война последнего времени [1]) ставила своею целью устранение всех препятствий для расширения золотопромышленности.

В настоящее время британский рабочий класс ведет грандиозную борьбу с дороговизной, возникновению которой он косвенно содействовал, не выступив в свое время против войны с бурами.

Наконец познание причин дороговизны должно нас укрепить в борьбе с ней не только как сторонников свободной торговли и приверженцев земельной реформы, не только как противников империалистической завоевательной политики, но прежде всего, как социалистов.

Наша главнейшая задача заключается в том, чтобы при помощи освещения проблемы дороговизны внедрить в народные массы сознание, что они останутся рабами золота до тех пор, пока они не сумеют вырвать самые корни власти денег.

Неотъемлемым свойством капитализма является алчное стремление к усилению эксплоатации. Прежние способы достигнуть этой цели терпят поражение, наталкиваясь на все растущее сопротивление рабочего класса. Капиталисты уже не могут так легко, как раньше, удлинять рабочее время и сокращать заработную плату. Но то, чего они не могут достигнуть прямым путем, они достигают обходным—при помощи дороговизны. Если цены на товары растут быстрее, чем заработная плата, то изменяется распределение общественного продукта к невыгоде рабочего класса.

Образование относительной прибавочной ценности происходит теперь уже не путем сокращения денежной заработной платы, но вследствие повышения товарных цен. Одним из многочисленных путей к этой цели и является расширение (экспансия) добычи золота. Рабочий класс не имеет в своем распоряжении средств для борьбы с этим расширением. Но он может освободить себя от его последствий, уничтожая само товарное производство, лишая золото его денежной формы и превращая распределение общественного труда и трудового дохода общества в непосредственную задачу самого организованного общества. Между тем как теперь это осуществляется при посредстве денег.

---

[1]) Статья напечатана 12 апреля 1912 г. Речь идет о войне Англии с бурами. (Редакция).

ДОБЫЧА ЗОЛОТА И ДОРОГОВИЗНА.

ЕВГ. ВАРГА [1]).

В своей статье о «дороговизне и добыче золота» [2]) Отто Бауэр стремится доказать, каким образом понижение издержек производства золота оказывает влияние на понижение товарных цен.

Он решает эту задачу, делая совершенно правильный вывод, именно—что в самой сфере производства золота конкуренция не имеет места и что она существует между всеми отраслями производства, следовательно, также и со стороны золотопромышленности из-за привлечения к себе ищущих рентабельного приложения вновь накопленных капиталов.

Удешевление производства золота при временно остающейся на прежнем уровне цене золота, а также при прежней покупательной силе денег означает собой дополнительную прибыль на вложенные в золотопромышленность капиталы. Поэтому именно ищущий себе применения капитал обращается охотнее всего к золотопромышленности, в то время как прочие отрасли промышленности остаются без этого нового капитала: производство товаров отстает от растущего на них спроса, и цены, естественно, повышаются.

Это об'яснение, как я уже признал в своей первой статье, теоретически является единственно правильным; только таким образом мыслимо вообще повышение товарных цен вследствие уменьшения издержек производства денежного «материала».

Однако, я должен настаивать на том, что повышение цен, возможное в виду указанной неравномерности распределения вновь накопленных капиталов и их притока в золотопромышленность,— явление весьма неустойчивое.

Вслед за вышеизложенными доводами О. Бауэр делает вывод, что происходящее по тем же причинам повышение цен товаров должно наступить и в том случае, когда произойдет сокращение издержек производства в любой из областей товарного производства.

Предположим, что новое техническое изобретение дает возможность добиться уменьшения издержек производства шелковых тканей; спрос на шелковые ткани некоторое время держит цену на прежнем уровне. Вследствие этого прибыль в шелковой промышленности поднимается выше среднего уровня. Вновь накопленные капиталы устремляются преимущественно в область производства шелков. Прочие отрасли производства поэтому лишаются притока новых капиталов. При неизменяющемся предложении возникает повышенный спрос со стороны занятых в шелковой промышленности рабочих и капиталистов. Вследствие этого имеет место общий рост цен совершенно так же, как и при увеличении добычи золота. Поэтому временное общее повышение цен на товары вследствие притока вновь накопленных капиталов в ту отрасль промышленности, которая обеспечивает прибыль выше средней нормы,, не является следствием исключительно только сокращения издержек производства денежного «материала»,— оно имеет место (во всяком случае, теоретически), всегда, когда в какой-либо отрасли промышленности норма прибыли реально превышает среднюю норму.

И тем не менее никому, в том числе и Отто Бауэру, не приходило в голову рассматривать эти изменения как основание для временного или длительного усиления дороговизны, несмотря на то, что в отдельных отраслях товарного производства

[1]) Neue Zeit. XXXI Jahrgang, 1913, № 16. S. 557.
[2]) О. Бауэр. «Добыча золота и дороговизна».

за последние 10—15 лет имели место очень крупные сбережения издержек производства вследствие новых технических изобретений, благодаря которым обеспечивалась временно прибыль выше средней нормы и имели место значительные изменения в распределении капиталов.

Указанный момент ясно выявляет различие в действиях конкуренции в области производства товаров и в области добычи золота.

Притекающие, скажем, в шелковую текстильную промышленность капиталы вступают в конкуренцию с уже существующими предприятиями; вследствие этого возникает избыточное предложение шелковых товаров, цены падают (предполагая неизменность ценности денежного материала и денег), сверхприбыль исчезает, поскольку ставшая более дешевой цена производства становится общественной ценой производства.

Тенденция к выравниванию нормы прибыли осуществляется здесь в двух направлениях: 1) путем всеобщего повышения всех прочих товарных цен, в виду уменьшения притока новых капиталов и сокращения в связи с этим предложения; 2) путем конкуренции вновь вложенных капиталов в пределах соответственных отраслей производства.

В отношении золотопромышленности возможен только первый путь выравнивания нормы прибыли. Второй путь невозможен, ибо цена золота—товара, выраженная в золотых монетах, не понижается вследствие удешевления издержек производства; сверх-прибыль остается, и приток новых капиталов продолжается до тех пор, пока имеются налицо промыслы, обещающие при уменьшенных издержках производства лишь прибыль, равную средней прибыли во всех прочих отраслях промышленности. Раз все эти прииски поступили в эксплоатацию, дальнейший приток капиталов становится невозможным, и не имеет более места дальнейшее выравнивание норм прибыли посредством притока капитала в золотопромышленность, а, следовательно, и возникающее в силу этого выравнивания повышение товарных цен.

Важнейшим достижением происходившей дискуссии я считаю выяснение того факта, что конкуренция в области производства золота действует не в качестве внутренней конкуренции, что, напротив, среди золотопромышленников конкуренция не имеет места, что издержки производства на худших из еще разрабатываемых приисков установлены наперед и что уменьшение меновой ценности золота по отношению к другим товарам возможно лишь кружным путем изменений в размещении капитала.

Выяснение этого положения было тем более желательно, что даже такие товарищи, как J. v. G., который писал в «Neue Zeit» [1]), неясно представляют себе положение вещей и продолжают настаивать на существовании внутренней конкуренции в пределах золотопромышленности.

Причина, по которой в этой области господствует такая неясность, думается мне, заключается в том, что Маркс рассматривал вопрос о ценности золота лишь в отношении стадии простого воспроизводства. Точно так же поступали и многочисленные популяризаторы учения Маркса.

Процитируем, например, Каутского.

«Рассмотрим золото, как мерило ценности. Допустим, что платье равноценно 10 граммам золота. Но вот ценность золота изменяется; с определенного момента за то же самое общественно-необходимое рабочее время будет добыто вдвое больше золота, чем до сих пор. Однако, производительность труда портного не изменилась. Что же происходит? Цена платья составляет теперь уже 20 граммов золота. Стало быть, изменение ценности золота выявляется ощутимым образом в его функциях мерила ценности» (К. Каутский. «Экономическое учение К. Маркса»).

Так как никем не было дано специального об'яснения того, каким образом осуществляется уменьшение ценности золота, то вполне естественно, что этот процесс представляли себе, по аналогии с изменениями ценности других товаров, происходящим вследствие внутренней конкуренции. Но именно такое об'яснение неправильно для золота при существующих ныне отношениях капиталистического способа производства. Внутренняя конкуренция могла бы иметь место лишь в том случае, если бы при сохранении повышенной (сравнительно с прежним) производительности труда можно

[1]) См. статью J. v. G. в настоящем сборнике.

было добыть любое количество золота. Но так как этого нет, то цена золота остается неизменной, и имеет место повышение ренты с рудников.

Предположим, что в течение какого-либо периода времени золото (в форме монет), железо и шелк выменяваются друг на друга в соответствии с овеществленным в каждом из них общественно-необходимым рабочим временем; это возможно, если органическое строение капитала во всех трех областях промышленности совпадает со средним строением, а спрос и предложение настолько уравновешены, что все три товара выменяваются по их ценам производства.

Предположим, далее, что ценность 1 грамма золота=100 кг железа=2 аршинам шелка.

Допустим, что с известного момента наступает уменьшение издержек производства и общественно-необходимого рабочего времени, потребного для изготовления шелка, на 50%. В таком случае, поскольку произойдет выравнивание норм прибыли, вследствие конкуренции в области шелково-ткацкой промышленности, обмен будет осуществлен в таком соотношении: 1 грамм золота = 100 кг железа = 4 арш. шелка.

Спрашивается, как сложились бы меновые отношения, если бы уменьшились на 50% издержки производства золота? В виду того, что здесь не имеет места внутренняя конкуренция, и потому уменьшение цены вновь добытого золота, выраженной в находящихся в обращении золотых монетах, невозможно, меновое соотношение останется прежним: 1 грамм. золота будет равен = 100 △ килограмм железа = = 2 △ аршин шелка. Я подразумеваю под знаком △ теоретическое, возникающее вследствие притока капиталов в золотопромышленность, повышение цен всех прочих фабрикатов и утверждаю, что при нынешних условиях это реально ничтожные величины, что вследствие этого не могут возникать изменения в меновом соотношении между золотом (деньгами) и товарами, а, стало быть, не может быть об'яснена этим и современная дороговизна.

***

Таким образом, существо вопроса заключается в следующем: достаточно ли вызванного увеличением притока капиталов в золотопромышленность сужения производства прочих товаров для того, чтобы вызвать заметное повышение товарных цен вследствие изменения соотношения между спросом и предложением? Ибо если оно не в состоянии этого произвести, то не может иметь места выравнивание норм прибыли, а, стало быть, также и общее повышение средней нормы прибыли, так как изменения в данном случае также ничтожны. Отто Бауэр утверждает, что путь, на который я вступил, не ведет к цели. Он говорит:

«Если мы хотим исследовать это (т. е. влияние перемещения капитала), то мы должны попытаться определить, как велики капиталы, которые были помещены за последние десятилетия в золотопромышленность, в прочие отрасли промышленности, изготовляющие средства производства для золотопромышленности, а также в отрасли, изготовляющие средства сообщения, обслуживающие золотопромышленность. Все это капиталы, которые, вследствие уменьшения издержек производства в золотопромышленности, были отвлечены от производства товаров для того, чтобы найти себе применение в области производства золота».

Но здесь, естественно, не представляется возможным провести точную оценку. Тем не менее возможно приведение доказательств.

Если мы, приводя свои соображения, a priori будем предполагать, что всякие неопределенности должны толковаться в смысле, невыгодном для нас, а выводы, несмотря на это, подтвердят наши утверждения, то наши доказательства, несмотря на их неточность, выдержат испытание.

Попробуем прежде всего установить, сколько было вложено нового капитала в течение последних лет.

Чтобы установить это, мы могли бы просто попытаться выяснить размер новой эмиссии и кредитного капитала золотопромышленности за последние годы. Этот путь, однако, даст мало шансов на успех, в виду того, что как раз в золотопромышленности обращается очень много фиктивного капитала. Весьма значительная часть капитала, вложенного в эксплоатацию золотопромышленных предприятий, является учредитель-

ской прибылью, капитализированной рентой с рудников,—временный владелец прииска уступает его лишь за хорошие деньги золотопромышленному товариществу [1]); капитал, который он получает, не вложен, собственно говоря, как полагает О. Бауэр, в производство золота, но возвращается обратно в область товарного производства.

Попробуем сначала пойти окольным путем.

Добыча золота является отраслью производства, органическое строение капитала которой ниже среднего; с этим должен согласиться всякий, кто читал когда-либо хотя бы простое описание золотопромышленного предприятия. В этом отношении ничего не изменили и все те новшества, которые имели место за последнее десятилетие в области производства золота.

Основным достижением здесь является введение цианистой обработки, которая дает возможность употреблять в обработку остатки толчеи и отнюдь не требует больших затрат капитала.

Предположим, однако, что добыча золота осуществляется при среднем органическом строении капитала. В производстве золота во всем мире в настоящее время (в 1912 г.) не занято даже миллиона рабочих. В пределах же всего мирового капиталистического оборота занято в настоящее время производительным трудом по меньшей мере 200 миллионов рабочих. Предположим, что 40 лет тому назад в производстве золота было занято всего 500.000 рабочих. В таком случае имело место перемещение капитала в пропорции 0,5 млн. к 200 млн., т. е. ¼%.

Очевидно, однако, что такое незначительное изменение не может иметь заметного влияния на товарное производство в целом.

Мы придем к тем же выводам, если сравним ценность продукции золота с ценностью продукции всего мирового производства (мы пользуемся здесь выражением «ценность», хотя, собственно говоря, речь идет о ценах).

Ценность всей продукции горной промышленности составляла в 1897 г. 4.118 млн. марок, а в 1906 г. — 8.051 млн. марок. Из этой совокупной ценности на уголь приходилось 81,9 проц., на железную руду — 9,5 проц., на золотую и серебряную руду — 1,3 проц.

Ценность добычи рудников составляла в 1906 г. 7.114 млн. марок. Из этой ценности приходилось на чугун 59,1%, на медь 13,6% и на золото 12,0%.

Таким образом, стоит сравнить величину ценности продукции золота только с ценностью продукции горной промышленности и рудников, чтобы заметить, что она составляет не более 6—8% и что в виду этого даже значительное расширение его производства может отвлечь лишь незаметно малый капитал от остальных отраслей горной и рудничной промышленности.

Возьмем теперь для сравнения сумму всего мирового производства —

			Милл. мар.	Милл. мар.
Ценность Горнопром. продукции в 1911 г.			10.000	
Ценность рудничного производства за вычетом вложенных в горную промышлен. ценностей [1])			3.000	
Мировой урожай составлял в 1910/11 гг. (в милл. двойных центнеров).				
Пшеница	961			
Рожь	454			
Гречиха	236	3.116 по 14 мар.	43.624	
Овес	569			
Маис	902			
Картофель	1.470	à 2 »	2.940	
Вино	142	à 20 »	2.840	
			Милл. мар.	Милл. мар.
Хлопок	19 миллионов тюк.	à 100	1.900	
Кофе	12 »	двойн. цент. à 120	1.440	
Табак	10 »	» » à 100	1.000	
				66.744

[1]) См. Max Epstein. Die englische Goldminenindustrie.

[1]) Оценка дана венгерским министерством земледелия и Эрастом Фридрихом — Geographie des Welthandels. Jena 1912, Gustav Fischer.

	Милл. мар.	Милл. мар.
К этому следует добавить:		
ценность названных выше с.-х. продуктов (сахарная свекла, овощи, кормовые травы) по преуменьшенной оценке	4.000	
продукты скотоводства (мясо, кожи, молоко, шерсть)	20.000	
» лесного хозяйства	5.000	
» речного и морского рыболовства	3.000	
Общая ценность сырья		98.744

К этому следует добавить повышение ценности, которое приобретает сырье, производимое горнопромышленностью, рудниками и сельским хозяйством вследствие их промышленной обработки. Но это повышение очень трудно установить. Если мы сравним число лиц, занятых в обрабатывающей промышленности, с числом лиц, занятых в горной промышленности и сельском хозяйстве в капиталистических странах, то получим приблизительное соотношение 1 : 2.

Однако, большая часть сельско-хозяйственных продуктов, изменяясь от первоначальных форм до форм, в которых она потребляется, испытывает лишь весьма незначительное повышение своей ценности. С другой стороны, ценность годовой продукции промышленного рабочего гораздо больше таковой сельско-хозяйственного рабочего. Поэтому мы не сделаем очень большой ошибки, если определим ценность годовой продукции мировой обрабатывающей промышленности в размере 25.000 млн. марок. И тогда ценность годовой продукции всего капиталистического мира выразится в размере примерно 124.000 миллионов марок. Как бы ни были неточны вышеприведенные цифры, во всяком случае, они скорее слишком низки, чем слишком преувеличены; цифры эти, во всяком случае, математически допустимы.

Ценность же продукции золота составляла в 1910 г. 1.910 миллионов марок=1,5% ценности мирового производства. И если в настоящее время ценность годовой продукции золота составляет самое большое 1,5% ценности всего мирового производства, то изменение этого соотношения за последние десятилетия не могло иметь сколько-нибудь заметного влияния на цены (если только подобные изменения вообще имели место и если рост товарного производства не превысил в процентном отношении роста добычи золота).

**
*

Наконец, мы можем также сделать попытку установить долю продукции золотопромышленности во вновь накопленном капитале. Ценность мировой продукции золота составляла [1]) в 1901 г. 1.096 млн. марок, в 1910 — 1.910 млн. марок, т. е. повышение равно 814 млн. марок. Следовательно, ежегодное повышение составляло примерно 90 млн. марок. Если мы предположим, что норма прибыли в золотопромышленности равна средней норме прибыли и что средства производства амортизируются темпом, равным темпу притока новых капиталов, то повышение ценности продукции ежегодно на 90 млн. марок будет соответствовать новому вложению капитала также в размере 90 млн. марок.

Мы приходим к такому же выводу, рассматривая новую эмиссию английского рынка капиталов.

Как известно, в золотопромышленность вложен по преимуществу английский капитал.

Всего было помещено в фунтах стерлингов [1]):

	1910 г.	1911 г.
Австралийские рудники (не только золото)	562.400	511.100
Южно-африканские рудники	2.595.700	3 984.300
	3.158.100	4.495.400

Округлено это составит в млн. марок: для 1910 — 64, для 1911 г. — 90.

Австралия и Южная Африка поставляют значительно больше половины всего мирового производства золота; в приведенных выше цифрах капиталы, помещенные

[1]) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich 1911.
[1]) «The Economist», 12 февраля 1912 г.

во все отрасли горного дела указанных областей, приняты за капиталы, помещенные в золотопромышленность. Если мы, независимо от этого, удвоим цифру, то сумма капиталов, вновь помещенных в золотопромышленность, выразится приблизительно в размере 150 млн. марок ежегодно. «Economist», со своей стороны, оценивает общую сумму вложенных в 1908 году капиталов в 848.000.000 фунтов стерлингов=16.960 млн. марок. [2]).

Стало быть, вложенный в золотопромышленность капитал не составляет, согласно этим исчислениям, даже 1% общей суммы вновь вложенных капиталов. Правда, мы знаем, что в общей сумме всех вновь помещенных капиталов имеется много фиктивного капитала,— но и в капитале, вложенном в золотопромышленные акции, также имеется много фиктивных паев (будущая капитализированная рента от горнопромышленных предприятий), так что соотношение может быть, примерно, такое, какое приведено выше.

Таким образом, будем ли мы исходить из числа занятых рабочих или из ценности продукции, или же из эмиссии капиталов, мы неизменно придем к выводу, что как действующий, так и ежегодно вновь вкладываемый в золотопромышленность капитал составляет не более 1—1,5% общей суммы всех капиталов Изменение этого соотношения,— скажем, повышение с 1 до 1,5%,— является настолько незначительным, что влияние этого перемещения капитала на цены совершенно незаметно.

Стало быть, причины современной дороговизны следует искать не на стороне золота, но исключительно на стороне товаров.

---

[2]) Mulhalt, The new Dictionary of Statistics, 1911. Статья «Капитал».

ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОИЗВОДСТВА ЗОЛОТА И МЕНЯЮЩИЙСЯ ХАРАКТЕР ДОРОГОВИЗНЫ.

КАРЛ КАУТСКИЙ [1]).

1. Простое товарное производство.

Один из наиболее спорных вопросов современной экономической науки состоит в том, являются ли колебания в добыче золота одной из причин современной дороговизны или нет. Вопрос этот—не чисто-академический, ибо соображения о длительности этого состояния дороговизны и о действительности мер, предпринимаемых или предполагаемых против нее, теснейшим образом связаны с взглядами на причины роста цен.

И в наших собственных рядах вопрос этот живо обсуждается. В виду злободневного значения вопроса это обсуждение было бы, вероято, еще живее, если бы популярное изложение предмета не наталкивалось на серьезные препятствия. Я, однако, надеюсь, что на следующих страницах мне удастся изложить спорные пункты достаточно популярно. Если читатель все же встретит трудные места, то это будет, пожалуй, лишь в начале работы. Заключительная глава понятна и без знакомства с предшествующим изложением.

Больше года тому назад E. Варга поместил в «Neue Zeit» статью о «добыче золота и дороговизне» [2]), в которой он высказывает мнение, что изменения в добыче золота совершенно неповинны в современной дороговизне; более того, такие изменения, будто бы, никогда не могут вызвать понижения ценности золота, а только вызывают повышение земельной ренты на золотых приисках.

Недавно еще раз попытался обосновать этот взгляд [1]), против которого выступил Отто Бауэр, J. v. G и я [2]). Как ни относиться к взглядам Варги,— во всяком случае, он выдвинул важный вопрос, который до него не подымался. А в науке формулировка новых вопросов также является заслугой, когда они, как в данном случае, ставятся не наобум, а с полным знанием дела.

В своей первой статье Варга говорит:

«В самом «Капитале» мы не находим анализа того, как влияли бы изменения в добыче золота на установление уровня цен».

Отто Бауэр сделал попытку исследовать этот вопрос, принимая во внимание весь современный процесс производства. Но этот вопрос встает, в сущности, и перед простым, докапиталистическим, товарным производством, и на его основе эта проблема, очевидно, уже должна быть решена.

Причиной того, что изменения в условиях добычи золота не могут вызвать изменений в ценности золота, Варга считает систему банков.

Так как,— говорит он,— центральные банки стягивают к себе все золото, появляющееся на мировом рынке, то перепроизводство золота и, следовательно, уменьшение его ценности не могут иметь места.

---

[1]) K. Kautsky. «Die Wandlungen der Goldproduktion und der wechselnde Charakter der Teuerung». Ergänzungshefte zur «Neuen Zeit». XXX-ster (1912 — 1913) Jahrgang. 1 Band, № 16. Январь 1913 г.

[2]) «Neue Zeit», XXX. I.

[1]) «Neue Zeit», XXXI, 1, № 16.

[2]) Указанные в тексте статьи J. v. G., К. Каутского и О. Бауэра напечатаны выше. (Редакция).

Поэтому могло бы показаться, что для современного капиталистического производства проблема эта будет не та, что для простого товарного производства. В действительности же в рассматриваемой области банки ничего не меняют в экономической роли золота, как я это показал уже в особой статье [3]).

И при простом товарном производстве, без банков, стремление накопить золото, серебро и вообще денежный металл безгранично; и происходит это именно потому, что деньги представляют собой товар,— притом единственный товар, которого никогда не бывает слишком много. Маркс говорит, что уже при простом товарном производстве «стремление к накоплению сокровищ по самой природе своей неограничено». («Капитал», т. I, глава 3, п. 3).

Не требуется создания банков, чтобы появилась эта ненасытность. И капиталистический способ использования сокровищ ничего не изменяет в безграничном стремлении к накоплению.

Уже в самом понятии денег заключается тот признак, которым они отличаются от всех остальных товаров: деньги являются таким товаром, который может использовать так или иначе всякий в любых условиях и в любом количестве и который, следовательно, никогда не бывает ненужен. Именно благодаря этому денежный товар становится деньгами.

Если из безграничного стремления к накоплению золота Варга заключает, что изменения в условиях добычи золота никогда не смогут вызвать изменений в товарных ценах, то его аргумент бьет дальше цели. Ибо такие изменения многократно происходили на протяжении мировой истории, и самое значительное из них последовало за открытием Америки в шестнадцатом веке.

Этот факт нужно считать твердо установленным. Задача состоит лишь в том, чтобы найти, каким образом изменение ценности золота проявляется на рынке и как оно выражается в ценах.

На стадии простого, случайного обмена, когда денег еще нет, каждый из двух обмениваемых товаров, например, стол и сюртук, олицетворяет собой и спрос и предложение. Владелец стола предлагает его к обмену с целью приобрести сюртук. Обмен совершается лишь тогда, когда на рынке появляется портной, который предлагает сюртук и хочет приобрести стол.

Как только какой-нибудь товар превращается в денежный товар, обмен меняет свой характер. Стол, как товар, олицетворяет теперь уже только предложение. Он уже не представляет собой спроса. На противоположном полюсе товарного мира выступают теперь деньги, олицетворяющие собой уже не предложение, а только спрос.

Размер спроса на данный товар определяется, во-первых, числом лиц, обладающих деньгами и желающих приобрести этот товар за определенную цену, и, во-вторых, количеством имеющихся у них денег. Количество денег, имеющихся в данный момент на рынке, определяет максимум возможного в данный момент спроса на товары (мы рассматриваем пока только простейшие отношения и, следовательно, оставляем в стороне кредит). Чем больше денег имеется в наличности, тем выше—при прочих равных условиях—спрос на товары. Чем выше этот спрос, тем выше, при прочих равных условиях, товарные цены.

Конечно, не следует представлять себе дело так: будто на одной стороне находится вся имеющаяся налицо масса денег, а на другой—вся существующая товарная масса; будто цены определяются соотношением между обеими массами; или будто владельцы денег и владельцы товаров представляют собой два различных, постоянно друг другу противостоящих, класса.

Наоборот, кто был обладателем товара, делается обладателем денег, как только он продал свой товар. И его спрос на товары будет теперь тем больше, чем больше товаров он прежде продал, т. е. чем крупнее было раньше его предложение. В кругу товаропроизводителей никто не может купить, не продав, и никто не может предъявить спроса, если раньше он не делал предложения. С другой стороны, никто, продав товар, не обязан сейчас же истратить вырученные деньги на покупку нового товара. Можно

---

[3]) K. Kautsky «Gold, Papier, und Ware», «Neue Zeit» XXX, 1; стр. 837 и след.

сохранить их как сокровище. Наконец обладая таким сокровищем, можно купить товар, непосредственно перед тем ничего не продав.

Таким образом, соотношение между спросом и предложением уже при зачатках товарного производства может быть чрезвычайно изменчивым и зависит от разнообразных условий.

Определенный уровень товарного производства требует наличности определенного количества денег—золота или серебра—для того, чтобы обращение товаров, купля и продажа, могли совершаться. Дальнейшее расширение товарного производства идет рука об руку с соответствующей добычей благородного металла, увеличивающей наличные запасы его.

В каждый данный момент устанавливается некоторое соотношение между денежной массой, представляющей собой спрос, и товарной массой, представляющей собой предложение. Но это соотношение, а вместе с тем и высота товарных цен зависят не от количества имеющегося запаса благородного металла, а от тех разнообразных обстоятельств, которые обусловливают появление *на рынке* то большей, то меньшей части этой денежной массы, представляющей собой спрос.

Однако, в сфере товарного производства есть один пункт, который может оказаться совершенно вне всякой зависимости от этих условий, а именно—добыча золота. Для простоты я говорю о добыче золота. Где господствует серебряная валюта, все здесь сказанное относится также и к серебру.

Если золотоискатель не продает своего продукта для употребления его в качестве сырого материала в промышленности, а превращает его в деньги, то по всей сфере товарного производства он является единственным производителем, который на товарном рынке никогда не выступает с предложением, а всегда лишь со спросом. Его спрос независим от условий товарооборота, поскольку он—единственный производитель, которому не приходится продавать свой продукт, чтобы иметь возможность покупать товары.

Расширение его производства всегда означает увеличение спроса на товарном рынке. И это увеличение ни в коем случае не ограничивается размерами его производства. Когда золотоискатель покупает за свой продукт товары, то, благодаря этому, владельцы товаров получают деньги, чтобы, в свою очередь, купить, и так далее. Таким образом, добавочное золото делается исходной точкой и побудительной причиной для дополнительного обращения товаров, в котором постоянно возникает новый спрос. Это дополнительное обращение сплетается с обращением, имевшим место до того, влияет на него, а также, в свою очередь, подвергается его влиянию. Быстрота нового обращения в значительной степени определяется теми же условиями, от которых зависит прежнее обращение. Но, во всяком случае, величина спроса, вызываемого дополнительным золотом, во много раз превосходит ценность самого золота.

Если, например, ежегодная добыча золота составляет 100.000 фунтов, т. е. 140 миллионов марок, то эта сумма, превращенная в деньги, вызовет ежегодно увеличенный спрос на товары на 700 миллионов марок, если в товарном обороте каждая золотая монета ежегодно служит посредником в среднем при пяти сделках. Если же оборот приобретает такую быстроту, что каждая монета будет способствовать совершению десяти сделок, то дополнительный спрос составит ценность в 1.400 млн. марок. Он, во всяком случае, будет значительно выше ценности добытого золота.

После всего сказанного уже нетрудно будет определить, как должны влиять изменения в условиях добычи золота.

Возьмем сначала общество с простым, т. е. докапиталистическим, товарным производством, каким является, например, ремесленное. Каждый рабочий сам владеет своими средствами производства. Но он производит не предметы собственного потребления, а товары на рынок. Нет ни машин, ни резервной промышленной армии,— все рабочие силы заняты и связаны с отдельными отраслями производства, так что данная отрасль может разрастаться быстрее других только в том случае, если рабочие силы переходят в нее, оставляя другие профессии.

Из этого не следует, что из года в год размеры производства должны оставаться неизменными (простое воспроизводство) и что в данном году не может быть произведено больше, чем в предыдущем (расширенное воспроизводство). И при простом товар-

ном производстве расширение производства возможно, и обычно даже необходимо уже в силу одного только роста населения. Но при простом товарном производстве внезапное расширение его невозможно. Оно может разрастаться из года в год лишь постоянным, равномерным темпом.

Обращение товаров совершается по закону ценности. Продукт одного рабочего часа покупается за такое количество золота, на добычу которого требуется затрата тоже одного рабочего часа.

Теперь предположим, что в описанном (т. е. в простом товарном) обществе производительность труда при добыче золота внезапно меняется. Допустим, например, что благодаря новому изобретению можно получить на старых месторождениях, при том же количестве затраченного труда, вдвое больше золота, чем прежде. Скажем, вместо 100.000 фунтов (140 млн. марок)—200.000 фунтов в год.

Производительность труда в других отраслях промышленности остается та же, что и раньше, и, следовательно, количество доставляемых ими на рынок товаров не возрастает в таком же размере, как добыча золота. Поэтому спрос на товары будет возрастать значительно быстрее, чем их предложение. Это должно вызвать повышение товарных цен даже в том случае, когда в распределении рабочих сил общества не наступило никаких изменений.

До какой высоты поднимутся цены—это определяется не только размером ежегодной дополнительной добычи золота. Мы видели, что дополнительный спрос на товары, вызываемый дополнительной добычей золота, зависит от разнообразных и изменчивых условий обращения товаров.

В предположенном нами крайнем случае (когда производительность добычи золота внезапно удвоилась) должен возникнуть новый бурный спрос на товары, который не может быть удовлетворен, если останутся старые цены. Каждый появляющийся на рынке товар тотчас же находит себе покупателя. Вследствие этого ускоряется товарооборот, а вместе с этим спрос на товары возрастет в еще большей мере, чем это соответствовало бы дополнительному количеству золота.

Но все же в конечном счете необязательно наступит удвоение цен. Если оно не наступило, то добыча золота должна приобрести особую притягательную силу для рабочих сил данного общества. Золотоискатель сможет за продукт своего одного рабочего часа купить больше, чем продукт рабочего часа вообще. Ему придется работать меньше, чем работникам других отраслей производства, чтобы жить так же хорошо, как они. А при той же затрате труда он сможет жить лучше. Это побудит многих работников других отраслей оставить последние и перейти на золотые прииски. Но при данных условиях это означает, что производство товаров сократится, а добыча золота увеличится еще больше. Вследствие этого спрос на товары еще больше повысится, но вместе с тем предложение товаров понизится; и цены будут расти до тех пор, пока работники на золотых приисках не станут жить так же, как живут работники в тех, других отраслях промышленности, для которых они пригодны, пока прииски не потеряют своей притягательной силы, т. е. пока за продукт одного рабочего часа опять нельзя будет купить больше, чем продукт одного только рабочего часа, пока, следовательно, закон ценности опять не вступит в свои права.

Сужение промышленности и сельского хозяйства, вследствие чрезмерного отлива рабочих сил на добычу благородных металлов, в простом товарном хозяйстве,— это не просто теоретическое построение, а факт, многократно наблюдавшийся в истории.

В шестнадцатом веке, после открытия богатых золотых и серебряных рудников Америки, значительное количество рабочих перекочевало туда из Испании. На рынок Испании была выброшена масса благородных металлов, и одновременно промышленность ее начала падать.

Старый Андерсон в своей истории торговли приводит испанскую статистику, согласно которой в 1588 г. в Испании было немногим более одного миллиона взрослых мужчин, так что все население составляло менее пяти миллионов человек. Причинами уменьшения населения и экономического упадка он считает изгнание евреев и мавров, многочисленные европейские войны Карла V и Филиппа II и наконец сильную эмиграцию многих элементов в Америку.

Когда одного возрастания спроса на товары само по себе недостаточно для того, чтобы восстановить нарушенное изменением ценности золота равновесие в обмене одинаковых ценностей, тогда при простом товарном производстве происходит еще и сокращение предложения.

Может показаться правильным, — и мне, действительно, могут возразить, — что всякое увеличение количества золота должно вызвать рост спроса на товары и, следовательно, повышение цен, и что это должно произойти также и в том случае, когда ценность золота не уменьшилась.

Выше я предположил, что ежегодная добыча золота удвоилась благодаря техническому улучшению, позволяющему в течение половины рабочего часа добывать столько же золота, сколько раньше добывалось в один рабочий час. Но можно представить себе случай, когда открыты такие новые прииски, которые не богаче и не беднее старых и которые при одинаковой затрате труда дают столько же золота, сколько и старые. В этом случае количество ежегодно добываемого золота также удвоится, и, следовательно, спрос на товары и цены их сильно возрастут, несмотря на то, что ценность золота осталась неизменной.

Это было бы верно, если бы для добычи золота необходимы были только прииски. Но на деле необходимы также и люди. В нашем первом случае золотопромышленность не нуждается ни в одной добавочной рабочей силе, чтобы произвести двойное количество золота. В рассматриваемом теперь случае для той же цели потребовалось бы двойное количество золота. В рассматриваемом теперь случае для той же цели потребовалось бы двойное число людей. Откуда они могут взяться? Простое товарное производство не обладает резервной промышленной армией. Эти люди должны быть оторваны от других занятий. Но что может привлечь их в золотопромышленность? Своей новой профессией они могли бы заработать не больше, чем прежней. Более того, так как увеличение количества денег вызовет рост товарных цен, между тем, как количество золота, добываемое каждым работающим на приисках, остается неизменным, то производители товаров окажутся в лучшем положении, чем золотоискатели. Таким образом, здесь не может быть никаких оснований для притока новых рабочих сил в золотопромышленность и для расширения ее.

И все-таки открытие новых приисков приведет к увеличению количества добываемого золота. Условия производства остались бы неизменными лишь в том случае, если бы все прииски давали одинаковую добычу. Как известно, это не так. Прииски бывают очень различны: есть прииски очень богатые, дающие с малой затратой труда много золота; есть и такие, дохода от которых едва хватает на содержание золотоискателя. Подобные различия будут встречаться как в числе старых, так и в числе вновь открытых приисков. Богатейшие из них, конечно, привлекут к себе значительные рабочие силы. Возрастая, добыча золота вызовет рост товарных цен, а вместе с этим исчезнет возможность эксплоатации беднейших из старых приисков. Работавшие на них уже не смогут покупать столько же товаров, сколько они покупали раньше, т. е. не смогут поддержать свое существование. В результате получится не удвоение числа рабочих на приисках, а перемещение оставшегося неизменным числа рабочих внутри золотопромышленности. Разрабатываться будут только богатейшие месторождения. И, таким образом, прежнее число рабочих будет добывать большее количество золота, совокупная ценность которого будет, однако, равна совокупной ценности золота, добывавшегося прежде. Следовательно, ценность данного количества золота, например, фунта, или данной золотой монеты, упадет.

И тут мы вновь находим соответствие между ценностью золота и товарными ценами, хотя путь к установлению этого соответствия тут иной. Оба элемента постоянно воздействуют один на другой. Они не могут оставаться независимыми один от другого в течение продолжительного времени.

Это еще не значит, что товарные цены всегда в точности отражают отношение между ценностью товара и ценностью золота. Этого соответствия нет, конечно, в отдельных рыночных сделках. Но его нет и в общей совокупности сделок за тот или иной промежуток времени и притом даже в нашем случае, когда, говоря о докапиталистическом товарном производстве, мы не касаемся модификации закона ценности посредством выравнивания норм прибыли. Именно о золоте Маркс замечает —

«Якоб сомневается, оплатило ли когда-либо золото свою полную ценность. Еще вернее это можно сказать о бриллиантах». («Капитал», т. I, гл. 1).

Другими словами, действительные товарные цены, выраженные в золоте, всегда выше тех гипотетических цен, которые имели бы место (при прочих равных условиях) в том случае, если бы они соответствовали полной ценности золота. Отчего это происходит, Маркс, к сожалению, не об'яснил.

Я вижу причину неполноценности золота прежде всего в том, что оно не только в малом об'еме заключает высокую ценность, но что и самое нахождение и производство столь высокой ценности происходит незакономерно и зависит от многих случайностей.

В месторождениях бриллиантов и золота рабочий после недолгих поисков может подчас найти огромный бриллиант или золотой самородок, который затем торжественно преподносится противникам теории ценности Маркса, как решительнейшее опровержение ее. Эти господа забывают многих других искателей золота и бриллиантов, которые тщетно или с незначительным успехом ищут желанных сокровищ и большая работа которых не вознаграждается вовсе или вознаграждается незначительно. Но золотоискателей постигает участь вульгарных экономистов: они видят только большой самородок одного и не замечают неудач многих. Они теснятся поэтому вокруг приисков, в которые они все, в совокупности, вкладывают гораздо больше труда, чем добывают из них ценности. Это значит, что они довольствуются худшими условиями жизни, чем те, которые они могли бы иметь, занимаясь другими профессиями. Мы говорим не о заработной плате. Не следует забывать, что мы имеем дело с периодом простого товарного производства, когда рабочий работает еще при помощи собственных орудий производства и является хозяином своего продукта, когда, следовательно, он еще не наемный рабочий. Как раз в золотопромышленности этот период продолжался особенно долго. Еще в середине прошлого века золотоискатели в Калифорнии и Австралии были самостоятельными производителями. В Клондайке они в значительной части самостоятельны еще и теперь. Это обстоятельство было отчасти причиной, отчасти следствием продолжительной технической отсталости золотопромышленности.

Всем известны лишения, на которые обрекают себя золотоискатели. Привлекает же их надежда на баснословный самородок.

Аналогичное положение и с производством серебра.

В своем «Богатстве народов» (книга первая, глава одиннадцатая) Адам Смит говорит:

«Доходы эксплоататоров серебряных рудников в Перу обычно невелики. Два уважаемых и осведомленных автора—Фрезье и Уллоа—сообщают нам, что в Перу тот, кто берется за эксплоатацию рудников, считается вступившим на путь банкротства и разорения и всеми избегается. В горной промышленности там, повидимому, видят лотерею, в которой выигрыши не покрывают потерь, хотя величина некоторых выигрышей соблазняет иных искателей приключений бросить все свое состояние в такое малонадежное предприятие».

Беспроцентные лотереи находят широкий сбыт. Это не опровергает, однако, того закона, что все денежные капиталы стремятся к одинаковой доходности. Точно так же не опровергает закона ценности то обстоятельство, что золото в процессе обмена на товары не достигает своей полной ценности.

Этот закон не только гласит, что в данное время все товары обмениваются друг на друга соответственно заключенному в них общественно-необходимому труду, но он, кроме того, указывает, что ценность данного товара и, следовательно, меновое отношение его к другим товарам изменится, если изменится количество труда, общественно-необходимое для его производства. Соответственно изменениям количества труда ценность растет и падает.

В этом смысле закон ценности распространяется также и на товары, которые по той или другой причине при обмене обычно стоят ниже своей ценности или выше ее.

Варга полагает, что улучшения в условиях добычи золота приводят лишь к тому, что в золотопромышленности возрастает диференциальная рента. Если теперь в позднейших из разрабатываемых приисков два фунта золота могут быть добыты такой же затратой труда,— скажем, трудом одного мужчины в рабочую неделю,— какой раньше

добывался один фунт, то тогда,— говорт он,— начнется разработка таких приисков, которые до сих пор считались невыгодными. Россыпи, дававшие прежде при затрате недельного труда полфунта золота, будут теперь давать фунт и, следовательно, могут быть разрабатываемы. А те россыпи, которые до сих пор давали по фунту на человека в неделю и при этом не приносили вовсе диференциальной ренты, будут теперь, давая два фунта, приносит ренту в размере одного фунта золота на человека в неделю. Но ценность золота определяется наименее доходными рудниками, рудниками с наибольшими издержками производства. Таким образом, ценность золота не упадет, ибо наименее доходные россыпи будут давать теперь, как и прежде, по фунту золота на человека в неделю. Общественно-необходимая затрата труда на добывание золота и, следовательно, ценность его останутся неизменны.

Это доказательство было бы неопровержимым, если бы оно уже не исходило из того, что оно, собственно, стремится доказать,—а именно, что, несмотря на рост добычи золота, цены не поднимутся. Варга говорит:

«Благодаря более дешевой обработке, килограмм золота теперь может быть добыт с затратою меньшего количества чеканного золота».

Золото добывается не золотом, а человеческим трудом. Когда, вследствие повышенного спроса на товары, соответствующего повышенной добыче золота, цены товаров растут, то растут и цены на жизненные припасы и на средства производства, необходимые золотоискателю. Именно эти товары раньше и сильнее других возрастут в цене, ибо рост золотопромышленности прежде всего увеличивает спрос как раз на них. Чем выше возрастут цены этих товаров, тем более парализуется действие сбережений в затрате труда в золотопромышленности и тем менее возможно будет начинать разработку новых россыпей на ряду с уже существующими.

Если бы предположение Варги было верно, то земельная рента в производстве благородных металлов с течением времени должна была бы стать выше, чем во всех других отраслях обработки земли и ее недр. Адам Смит, наоборот, придерживается того взгляда, что ни в каких других отраслях земельная рента так не низка, как в золотопромышленности. Маркс стоит на той же точке зрения. В своей «Теории прибавочной стоимости» (т. II, ч. 2) он цитирует следующее место из «Богатства народов» Смита и соглашается с ним:

«Цены неблагородных и тем более благородных металлов с а м ы х д о х о д н ы х рудников мира необходимо должны оказать влияние на цены всех других рудников мира»...

«Таким образом, цена каждого металла в каждом руднике до известной степени определяется ценой его в руднике, наиболее доходном из всех разрабатываемых в данное время в мире. Вследствие этого большинство рудников доставляет доход, лишь немногим превышающий издержки производства, и редко дает собственнику очень высокую ренту. Поэтому в большинстве рудников земельная рента, повидимому, составляет небольшую долю цены неблагородных металлов и еще меньшую долю цены металлов благородных. Труд и прибыль составляют наибольшую часть цены и тех и других»...

«Так как цена благородных металлов и благородных камней определяется для всего мира их ценой на доходнейших приисках, то величина ренты, которую может давать такой прииск собственнику, находится в зависимости не от его абсолютной, а, можно сказать, от его относительной доходности или от его превосходства над другими такими же приисками. Если бы были открыты новые рудники, на столько же превосходящие потосские, насколько последние превосходят европейские, то ценность серебра могла бы пасть так низко, что даже эксплоатация потосских рудников стала бы невыгодной» [1]).

Рикардо возражает против этой точки зрения А. Смита, а Маркс соглашается с ней и только прибавляет —

«А. Смит ошибается в том, что он возводит в нормальное то исключительное состояние, когда над рынком господствуют богатейшие рудники и земельные участки.

---

[1]) К. М а р к с, «Theorien über den Mehrwert», II Band. Ricardo. 2. Theil. Vierte Auflage. Stuttgart 1921 г. Стр. 153 — 155. Вследствие недосмотра в предыдущем цитированном абзаце сказано «дохода», вместо «цены».

Но при такой предпосылке он рассуждает правильно, а Рикардо — неправильно». (Там же, стр. 119—120).

«Исключительное состояние», при котором предположение Смита верно, состоит в том, что при разработке рудников переходят не от богатейших к беднейшим, а наоборот, т. е. именно то состояние, которое нас интересует.

Таким образом, по мнению Смита и Маркса, благодаря открытию новых, более богатых, золотых и серебряных рудников, произойдет не повышение диференциальной ренты, а ликвидация менее богатых приисков.

И это не простое теоретическое построение. В шестнадцатом веке, когда в Европу полился широкий поток благородных металлов (золота и серебра) из Америки, альпийские прииски были закрыты. Можно ли предположить, что они все одновременно иссякли? Разве не вернее будет сказать что дороговизна, вызванная появлением американских благородных металлов, была общей причиной, сразу сделавшей эксплоатацию всех этих приисков убыточным предприятием!

В то время земельная рента на золотых россыпях в австрийских Альпах не только не поднялась, но совершенно исчезла.

О серебряных рудниках Смит говорит в цитированной Марксом главе —

«После открытия перуанских рудников большая часть серебряных рудников Европы была оставлена. Ценность серебра пала так низко, что продукт их уже не мог ни покрыть необходимых при их разработке расходов производства, ни оплатить с прибылью расходов на пищу, одежду и жилье. То же самое случилось и с рудниками Кубы и Сан-Доминго и даже со старыми рудниками в Перу после открытия рудников в Потози».

И еще кое-что исчезло вместе с серебряными и золотыми приисками из Европы,— по крайней мере из Германии. Там, в Саксонии, в Богемии и в Альпах они составляли центры значительной протестантской силы. Падение добычи серебра ослабило Саксонию, колыбель лютеранства, и Богемию, где за гусситами последовали кальвинисты. Точно так же и в Альпах протестантизм потерял почву вследствие прекращения золотопромышленности.

«Упадок горной промышленности, вследствие конкурренции американских благородных металлов, сломил сопротивление рудокопов. В альпийских странах, в Тироле, Зальцбурге, Штайермарке и т. д., горная промышленность почти совершенно прекратилась, и вместе с нею из этих стран исчез единственный прогрессивно-настроенный элемент. Области, в которых восстание 1525 г. против князей и попов было наиболее победоносно, стали оплотом церкви и абсолютизма; единственные местности нынешней Австрии, которые приняли действительное участие в революции 1525 г., стали австрийской Вандеей; этим переменам больше всего способствовало исчезновение горной промышленности». (Каутский. «Горнорабочие и крестьянская война», «Neue Zeit», 1889, стр. 515).

От золота тогда зависела и религиозная реформа.

Таким образом, изменения в условиях добычи золота вызывают также изменения в ценах, в условиях производства товаров и наконец даже в соотношении сил различных классов.

Однако, все сказанное относится только к простому товарному производству. Как же обстоит дело в условиях капитализма?

2. Капиталистический способ производства.

Чтобы притти к определенным выводам в науке, надо явления действительности представить и исследовать в возможно простейшей форме. Познав связь между явлениями в такой форме, становится легче понять более сложные явления, совершающиеся на самой поверхности жизни. Если же начать исследование с более сложных явлений, можно потеряться в лабиринте «если» и «но» и, в конце концов, попасть в тупик вопросительных знаков.

Поэтому в данном случае мы сначала должны, как и раньше, представить явления в возможно простой форме. С одной стороны, мы принимаем, что золото — единственный денежный металл, и оставляем, следовательно, серебро в стороне. Далее, мы

предполагаем, что все добытое золото превращается в деньги. Наконец в предыдущей главе мы предположили, что золото добывается в условиях простого товарного производства. Теперь мы переходим к исследованию влияния, которое оказывают на цены изменения в добыче золота в условиях капиталистического производства.

В действительности существует множество промежуточных ступеней. Так, например, в только что упомянутых альпийских золотых приисках золото добывалось капиталистическими предприятиями посредством наемных рабочих в обществе, в котором господствовало еще простое товарное производство; при чем это товарное производство существовало рядом с производством для собственного потребления. Наоборот, в испанской Америке на золотых и серебряных рудниках работали обращенные в рабство индейцы.

В Калифорнии и Австралии еще полвека назад золотопромышленность находилась в условиях простого товарного производства и была в руках самостоятельных производителей с собственными орудиями производства на собственных участках. Но эта промышленность составляла очень существенную составную часть высокоразвитой капиталистической системы производства.

Эти промежуточные ступены мы должны будем оставить без внимания.

Итак, мы займемся теперь исследованием капиталистической золотопромышленности в капиталистическом обществе. Какое влияние окажет здесь изменение в условиях добычи золота,— увеличение или уменьшение количества труда, общественно-необходимого для добычи данного количества золота? Так как нас интересует дороговизна, то нам придется остановиться только на случаях у м е н ь ш е н и я количества труда, а случаи увеличения массы труда, необходимого для добычи золота, равно как и случаи уменьшения продуктивности россыпей мы можем оставить без внимания.

Россыпи принадлежат капиталистам точно так же, как и строения, и машины для добычи и обработки золота. Рабочие здесь—наемные рабочие. Они и оплачиваются, как остальные наемные рабочие. Для них, следовательно, вопрос о производительности труда безразличен. Если производство одного фунта золота требовало прежде двух недель труда одного человека, а теперь только одной недели, то это еще ни в коем случае не означает удвоения денежного заработка рабочего. Заработок остается неизменным до тех пор, пока увеличенное производство золота не повысит цен на жизненные припасы. Согласно нашему предположению дополнительный фунт золота, добываемый в течение второй рабочей недели, не вызывает новых расходов на производство; в качестве чистой прибыли он делается достоянием капиталиста, владеющего рудниками и разрабатывающего их.

Такое состояние будет, однако, непродолжительным. Ведь, теперь к существующему золотому фонду прибавляется ежегодно вдвое больше золота, чем прежде; а при неизменившихся ценах это означает усиленный спрос на товары.

Влияние этих условий на товарный рынок будет теперь, по крайней мере, в начале, то же, что и при простом товарном производстве. Дополнительное золото будет израсходовано теперь, правда, не рабочим, а его эксплоататором. Последний может использовать его различным образом. Он может купить предметы потребления или средства производства для расширения своего предприятия. Но он может также отдать их взаймы прямо или в форме записи в государственную долговую книгу или же в форме покупки блигаций. Или наконец он может принять участие в чужих предприятиях, т. е. приобрести акции.

Чем дальше развивается капитализм, тем больше применяются эти последние формы использования вновь произведенного золота. И главным образом, в этой форме золото выходит из рук золотопромышленника и распространяется по всему миру.

Этим об'ясняется замечательное явление, на которое указал директор монетного двора Соединенных Штатов в своем отчете за 1911 г. [1]), заключающем много важного материала по вопросу о золоте. Явление это состоит в том, что большинство золотых рудников мира принадлежит англичанам, а между тем лишь незначительная часть вновь добытого золота доставляется в Англию. С декабря 1899 г. до декабря 1910 г. в большие европейские банки притекло золота на 836 млн. долларов (около 3½ миллиардов марок); из них в английские банки попало менее 10 миллионов долларов,

[1]) Annual Report of the Director of the Mint, Washington, 1912.

в Австрию—53½ млн., в Италию—162 млн., в Россию—195 млн., в балканские государства—более 48 млн. и т. д. Конечно, богатство этих стран не так сильно возросло, как богатство Англии. Наплыв столь большого количества золота в южные страны Европы об'ясняется прежде всего переходом этих стран на золотую валюту. Переход этот совершался преимущественно путем займов.

А между тем, как бы обладатель золота ни употреблял дополнительное количество его, оно служит, как и все прочее золото, для покупки товаров,— предметов потребления, средства производства, средства уничтожения. Этим путем увеличивается спрос на товары, и цены возрастают.

Если этот дополнительный спрос вовсе не вызовет повышения цен или же вызовет несоответствующее повышение, то, благодаря продуктивности золотопромышленности, вложенные в нее капиталы дадут прибыль, превышающую норму ее в капиталистическом мире; это вызовет перемещение, сходное с тем, которое мы наблюдали в подобном же случае при простом товарном производстве. Но прежде (при простом товарном производстве) более высокая продуктивность золотопромышленности непосредственно привлекала к себе новые рабочие силы; теперь же этого нет, ибо возросшая прибыль уже не достается рабочему. Но эта прибыль создает усиленный приток капиталов в золотопромышленность, которая дает доход, превышающий средний уровень его по всей промышленности в целом. Увеличенный капитал влечет к себе новые рабочие силы, которые необходимы для го приложения.

Итак, если, несмотря на увеличенный спрос, товарные цены возрастут недостаточно для того, чтобы выровнять разницу прибылей, то в золотопромышленность притекут новые капиталы и новые рабочие силы. Эти дополнительные капиталы и рабочие силы произведут новое, дополнительное количество золота, которое, в свою очередь, вызовет усиленный спрос на товары и еще выше взвинтит цены на них.

Приток капиталов в золотопромышленность будет продолжаться до тех пор, пока повышение товарных цен не достигнет такой высоты, что исчезнут дополнительные доходы в золотопромышленности, и норма прибыли в ней не станет равна общей норме прибыли в других отраслях производства. Дороговизна может даже дойти до того, что она опустит средний уровень прибыли золотопромышленности ниже общего уровня прибыли. Это может произойти по той же причине, по которой покупательная сила золота стоит ниже его меновой ценности. Характер лотереи, свойственный золотопромышленности, и при капиталистическом способе эксплоатации привлекает в нее многочисленные капиталы, которые вкладываются в разработку рудников с чрезвычайно незначительною доходностью. Варга дает в своей статье несколько ярких примеров этого. Достаточно сравнить дивиденды следующих двух южно-американских золотопромышленных предприятий (в %) —

	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
Ferreira	—	100	287½	250	262½	300	300	300	600	300
General Mining	—	10	10	—	20	—	—	—	5	15

Таким образом, доходы колеблются между 0 и 600 процентами.

Ясно, что это настоящая лотерея.

В специальном отчете о горной промышленности, изданном Бюро американского цензуса 1900 года (Special Report of Mines and Quarries 1902, Вашингтон, 1905), доктор И. Гуревич поместил статью о «золоте и серебре» (стр. 509—589).

Он дает следующие данные о 1.079 обществах, эксплоатировавших в Соединенных Штатах золотые и серебряные рудники —

	Дающих дивиденд	Не дающих дивиденда	
		В полном ходу	Находящихся в процессе развития
Число обществ	136	614	329
Расходы на рабочие силы в долларах	13.200.000	19.400.000	3.600.000
Другие производственные расходы в долларах	7.500.000	10.000.000	1.600.000
Ценность продукта в долларах	35.300.000	31.600.000	1.100.000

Итак, в 1902 г. лишь небольшое число обществ вообще давало дивиденд. Давали его, конечно, крупнейшие общества. Они составляли более половины всего продукта. Между тем как на рудниках обществ, не платящих дивиденда, работало гораздо больше рабочих, чем на рудниках обществ платящих. Такое соотношение вряд ли может иметь место в какой-либо другой отрасли производства.

Как и всегда в лотереях, так и здесь, учредители лотереи (грюндеры) выжимают деньги из малосостоятельных людей. Это имеется в виду уже в самом начале, и с этой целью выпускаются по возможности мелкие акции. Согласно упомянутому отчету, общества платящие дивиденд выпустили не менее 94.700.000 акций ценою в среднем по 2 доллара (8 марок). Какая демократизация капитала! Каждый рабочий может стать капиталистом, собственником золотых приисков.

Сумма выплаченных на эти акции дивидендов составила 10½ миллионов долларов,, немногим более 5 процентов на вложенный капитал.

Но, с другой стороны, мы имеем огромную сумму в 516.600.000 акций тех обществ, которые дивидендов не платили! Тут демократизация капитала пошла еще дальше. Средняя номинальная ценность акции составляла лишь 1 доллар 60 центов, т. е. 6½ марок. Ослепительному блеску золота, за которым все устремляется, удалось выманить из пустых карманов постоянно нуждающихся людей громадную сумму в 834 миллиона долларов, т. е. 3.400 миллионов марок, на приобретение этих, не дающих никакого дивиденда, бумаг, ставших тем не менее богатыми золотыми россыпями для учредителей и их агентов.

Всего в 1902 г. было вложено более 4 миллиардов марок в американские акции золотых и серебряных рудников, давших вместе около 50 миллионов марок дивиденда, т. е. немногим более 1 процента!

Всего в горную промышленность Соединенных Штатов Северной Америки вложен акционерный капитал в 2.900 миллионов долларов (около 12 миллиардов марок), дивиденды, на которые в 1902 г. составляли 72½ миллиона долларов (около 300 млн. марок).

Итак, мы видим следующую картину —

	Серебро- и золотопромышленность	Остальные виды горной промышленности
Акционерный капитал в долларах .	1017 млн.	1886 млн.
Сумма дивидендов в долларах .	10½ »	62 »
Средний размер процента дивидендов .	1% »	3⅓% »

Отсюда видно, что норма прибыли в серебро- и золотопромышленности значительно ниже средней.

Мы рассмотрели, таким образом, какое влияние оказывают изменения в условиях добычи золота при капиталистическом производстве.

Оно оказалось вполне аналогичным влиянию таких же изменений при простом товарном производстве. Но совершенно иначе влияет в капиталистических условиях увеличение добычи золота на промышленное производство.

Одной из отличительных черт простого товарного производства является его стабильность. Оно функционирует в повторяющихся из года в год условиях, не нарушаемое затруднениями в сбыте, но и не способное в то же время к быстрому расширению. Каждое ремесло требует своих специальных работников, воспитанных долголетним учением; эти работники неспособны переходить от одной профессии к другой. Иногда же при этой форме производства встречается многочисленный безработный пролетариат, но это лишь низы пролетариата, которые при свойственной этой форме производства технике не могут быть вовлечены в процесс производства. Их привлечению препятствует не только необходимость серьезного обучения отдельных рабочих, но также и отсутствие дополнительных средств производства для занятия дополнительных рабочих сил.

Иначе обстоит дело при капиталистическом производстве. Маркс в своем «Капитале» подробно указал те методы, посредством которых капитализм, с одной стороны, создает промышленную резервную армию, а с другой—сообщает капиталу огромную способность быстрого расширения. Соединяя оба момента, капитализм обладает способностью к чрезвычайно быстрым временным расширениям производства, постоянный

рост которого посредством процесса накопления делается жизненною необходимостью капиталистического производства.

Подробности, характеризующие указанную мобильность капиталистического производства, я здесь могу предположить известными.

В виду указанных условий капиталистического производства увеличение добычи золота влияет здесь совершенно иначе, чем при простом товарном производстве.

В последнем случае увеличение добычи золота вызывает дороговизну на товарном рынке, не оживляя в то же время производства товаров, иногда даже оттягивая рабочие силы от промышленности, и тем сокращая ее.

При капиталистическом же производстве всякое увеличение спроса на товары вызывает стремление расширить производство,— стремление, которому производственный процесс тотчас же охотно подчиняется.

Увеличенное количество золота, которое появляется на товарном рынке и вызывает на нем увеличенный спрос на товары, повышает цены, а с ними и прибыль, получаемую от производства. Теперь новые капиталы, а вместе с ними и новые рабочие силы вольются не только в золотопромышленность, но также и в оживленные ею другие отрасли производства. И капиталов, и рабочих сил у капитализма достаточно, расширение золотопромышленности ни в коем случае не исчерпывает резервуара промышленной резервной армии.

Могло бы, конечно, показаться, что этим путем будет вскоре достигнуто соответствие между усиленным спросом золота и усиленным предложением товаров, и что таким образом восстановится прежний уровень цен. Но это означало бы не что иное, как установление повышенной нормы прибыли в золотопромышленности. Вследствие этого к ней опять должны были бы притечь новые капиталы, золотопромышленность должна бы вновь расшириться, спрос на товары возрос бы за прежние (уже расширившиеся до этого нового притока) пределы, а вместе с тем возросли бы и цены, что послужило бы новым толчком к расширению производства товаров, и т. д. Если увеличение добычи золота не временное, а длительное, то оно должно глубочайшим образом отразиться на процессе производства.

Предположим, что увеличенное количество золота сперва вызовет повышенный спрос лишь на машины (для новых приисков), на дворцы для золотых «королей», на вино, пиво и продукты текстильной промышленности для господ, слуг и наемных рабочих золотопромышленности. Это, в свою очередь, означает повышенный спрос на железо, уголь, на шерсть и хлопчатую бумагу, на кирпичи и камни, на прядильные и ткацкие машины, на солод и хмель, на хлеб, мясо и т. д. Во всех этих отраслях производства прибыль и сумма заработка также возрастут. Этот рост вновь вызовет повышенный спрос на предметы потребления и средства производства всякого рода; если этот процесс будет продолжаться в течение некоторого времени, — а мы предполагаем, что он все время будет стимулироваться непрерывным поступлением на рынок нового золота,— тогда мы будем иметь перед собой период настоящего расцвета, который всегда отличается общим ростом цен.

Если этот рост цен принимает общий характер, то он, повидимому, противодействует росту нормы прибыли в промышленности, ибо расходы на сырые материалы и заработную плату увеличиваются. Поскольку прибыль зависит от цен, она определяется р а з н и ц е й между ценой закупки и ценой продажи. Когда цена фабриката растет, но в то же время растут и цены на сырые продукты, машины и рабочую силу, то прибыль не увеличится, а может даже упасть, если цены последних факторов растут быстрее, чем цена готового продукта. Тем самым в золотопромышленности как будто восстанавливается повышенная норма прибыли, господствовавшая в ней сейчас же по введении улучшенных условий производства и до наступления всеобщего повышения цен.

Однако, норма прибыли зависит не только от разницы в ценах. Она исчисляется за каждый год по той сумме прибыли, которая приходится в течение года на данный капитал. Эта сумма зависит не только от высоты прибыли, которую капиталист получает на каждой сделке, но также и от количества сделок, заключенных им в течение года, — другими словами, от числа оборотов его капитала. Когда капиталисту не приходится долго держать свои товары на складе, а удается сейчас же продать их и получить деньги, то он быстро оборачивает свой капитал, и, следова-

тельно, норма его прибыли в данном году растет. Она растет даже и в том случае, если прибыль, полученная им при каждом обороте, остается неизменной. Более того — она может возрастать даже при падении прибыли с каждой отдельной сделки.

Предположим, что капиталист при каждом обороте своего капитала зарабатывает 10 процентов и что его капитал оборачивается два раза в год; тогда норма его ежегодной прибыли составит 20 процентов. Но предположим, что повышенные цены на сырой материал и возросшая заработная плата понизили его прибыль с каждого оборота до 5 процентов, но что, благодаря оживленному состоянию рынка, ему удается обернуть капитал шесть раз в год; норма его прибыли за год возрастет тогда до 30 процентов.

Повышение спроса на товары приводит к этому оживлению; к этой быстроте оборота капитала и таким образом повышает прибыль, несмотря на всеобщий рост цен.

В золотопромышленности невозможно повысить норму прибыли посредством ускоренного оборота капиталов, поскольку этот оборот зависит от условий рынка, а не от техники. Для золота не существует превращения на рынке денег в товары и товаров в деньги, поскольку золото функционирует в качестве денег. Норма прибыли в золотопромышленности зависит поэтому исключительно от условий производства, а не от темпа обращения товаров. Лишь только золото произведено, т. е. доставлено на рынок, оно уже есть деньги; чтобы превратиться в деньги, оно не должно искать себе покупателя.

Таким образом, повышение нормы прибыли посредством ускорения обращения товаров идет на пользу исключительно товаропроизводящему капиталу. Это обстоятельство сдерживает в известных пределах приток капиталов в золотопромышленность с того момента, как производство добавочного количества золота начинает оживлять спрос на товары, а также их производство и обращение.

Именно это оживление, это ускорение производства товаров идет рука об руку с ростом цен; это обнаруживается в каждый период расцвета. Создание подобной эпохи расцвета и вместе с тем рост товарных цен — вот тот метод, посредством которого закон ценности осуществляется при капиталистических условиях в золотопромышленности, когда в ней сокращается рабочее время, общественно-необходимое для добычи определенного количества золота. И только если этот метод оказывается недостаточным, к нему на помощь приходит переселение капитала в золотопромышленность для уравнения нормы прибыли.

Варга указывает на то, что мировое производство товаров в течение последнего десятилетия с 1900 г. по 1909 г. чрезвычайно сильно возросло; например, производство железа — на 50 процентов, угля — на 35 процентов, меди — на 61 процент, пшеницы на — 31 и хлопчатой бумаги на — 45 процентов. Этому он противопоставляет тот факт, что количество золота, превращенного в деньги за тот же промежуток времени, возросло лишь на 33 процента. Но все это ничего не доказывает против утверждения, что изменения в условиях производства золота оказали влияние на нынешнюю дороговизну. Это, пожалуй, сильный аргумент против количественной теории, которая пытается об'яснить высоту цен простым сравнением массы товаров с грудой золота. Но этот аргумент ничего не говорит против моего утверждения, что при капиталистическом производстве расцвет, вызываемый растущим спросом, образует тот механизм, который приводит цены и нормы прибыли в соответствие с улучшенными условиями производства золота и который этим осуществляет для самого золота закон ценности.

Варга должен бы доказать, что период расцвета, в котором мы пребываем уже скоро два десятилетия, не имеет ничего общего с изменениями в добыче золота и об'ясняется совершенно другими причинами.

Если он хочет доказать, что к денежному товару закон ценности неприменим, то он должен также доказать, что усиленный спрос, вызванный увеличенным производством золота, остается без влияния на товарные цены, товарный оборот и на производство товаров. Доказать это было бы ему не легко.

Я думаю, что я показал теоретически, какое влияние должно оказать в этом отношении увеличенное производство золота. Цифры статистики подкрепляют выводы моего теоретического исследования.

Для определения влияния добычи благородных металлов на экономическую жизнь следовало бы кроме золота принять еще во внимание и добычу серебра. Однако, от этого мы должны отказаться, чтобы не усложнять изложения. Скажем по этому поводу лишь следующее.

В течение всего девятнадцатого столетия, вплоть до середины семидесятых годов, отношение между ценностью золота и серебра почти совершенно не менялось. Оно не изменилось даже в пятидесятых годах, когда добыча золота быстро возрастала. Золото все указанное время было приблизительно в пятнадцать раз ценнее серебра.

С семидесятых годов это положение начало быстро изменяться вследствие переворота в условиях добычи серебра. В 1870 г. отношение ценности серебра к ценности золота составляло еще 15,57 к 1, в 1879 г. — уже 18, 39 к 1, в 1889 г. — 22,10, в 1898 г. — даже 35,03, в 1909 г. — 39,74, в 1910 г. — 38,22 и наконец в 1911 г. — 38,33 к 1.

При таких условиях оказалось невозможным удержать серебро наряду с золотом в качестве мерила ценности. Все государства, тесно связанные с мировою торговлею и имевшие серебряную или двойную валюту, оказались вынуждены в последней четверти прошлого века фактически, хотя и не всегда формально, перейти к золотой валюте.

При этом серебряные деньги не были совершенно изъяты; они были лишь низведены на роль разменной монеты. Серебряная монета теперь служит представительницей не своей ценности как серебра, а определенной, законом установленной, ценности золота. Как бумажные, так и серебряные деньги могут выполнять эту функцию только в том случае, если выпуск их поставлен в определенные границы. Но границы эти очень широки. Так называемая, демонетизация серебра, прекращение его роли полноценных денег не положили конца чеканке серебряной монеты. В результате серебряные деньги были лишь освобождены от действия падающей ценности их металла, и с тех пор они стали рассматриваться как представители определенного количества золота. Покупательная сила каждой серебряной монеты и спрос, который она могла вызвать, таким образом, уменьшался не в той мере, в какой продолжалось обесценение серебра, а лишь в меру обесценения золота.

Потребность же в разменной монете быстро растет с развитием капитализма, хотя бы в силу распространения системы наемного труда, вследствие чего, с одной стороны, возрастает число лиц, получающих заработную плату, а с другой — натуральная оплата уступает место денежной. Благодаря обеим причинам, сильно возрастают суммы денежных заработных плат, которые выплачиваются преимущественно разменной монетой.

Так, например, в Соединенных Штатах Сев.-Америки число наемных рабочих в одной лишь промышленности возросло с 1880 г. до 1910 г. с 2.700.000 до 6.600.000, сумма их ежегодного заработка — с 950 млн. до 3.400 млн. долларов, т. е. с 4 до 14 миллиардов марок.

Уже одно это увеличение сумм выплачиваемой заработной платы приводит к тому, что количество серебряной монеты, несмотря на ее демонетизацию, не уменьшается, а увеличивается.

Какое количество серебряной монеты вновь чеканится со времени ее демонетизации показывает обзор директора монетного двора Соединенных Штатов Сев. Америки в его упомянутом выше отчете. По его словам, в течение последних тридцати лет (с 1880 г. до 1910 г.) во всем капиталистическом мире было вычеканено: золотой монеты на сумму около 35 миллиардов марок (8,77 миллиардов долларов) и серебряной монеты на сумму обозначенной на ней ценности (Münzwert) в 22 миллиарда марок (5,4 миллиарда долларов). В том числе, конечно, много перечеканки старых монет и чеканки из старого материала. Количество наличных запасов металлических денег оценивается значительно ниже: тот же отчет предполагает, что в главных странах мира в 1910 г. в банках лежало золота на сумму около 5 миллиардов, а в обращении его находилось на 2 миллиарда долларов; весь наличный запас золотых монет составлял т. о. около 30 миллиардов марок; количество же серебряной монеты составляло 2,6 миллиарда долларов, т. е. более 10 миллиардов марок.

Во всяком случае, вследствие демонетизации серебра, олицетворяемая им денежная масса не потеряла своей покупательной способности, своего экономического значения. Поэтому не следует думать, что эта демонетизация уничтожала или же только смягчала экономическое влияние возрастающей добычи золота.

Обозревая цифры добычи золота, мы замечаем быстрый под'ем вскоре после 1850 г., вызванный открытиями золотых россыпей в Калифорнии (1848 г.) и Австралии (1851 г.). Эти открытия начали влиять на рабочий мир Англии тотчас же после разочарований 1848 г. Они быстро оттянули множество наиболее энергичных и недовольных элементов, переселившихся на золотые прииски. Это, кстати сказать, сильно ослабило чартизм, подобно тому, как реформация потеряла свою главную опору в Германии благодаря золоту и серебру испанской Америки. Оба раза золото укрепило контрреволюцию. В то же время изменения в добыче золота оказали свое экономическое влияние на производство товаров.

Маркс и Энгельс первые указали на значение золотых россыпей Калифорнии. Уже в 1850 г. они об'явили, что открытие этих россыпей «важнее, чем февральская революция». Оно создало в Англии тот «опьяняющий рост богатства и мощи», о котором Гладстон говорил в 1863 г. в бюджетной речи, цитированной Марксом год спустя в его обращении по случаю открытия Интернационала.

Это же время было периодом блеска Французской Империи. И там тоже как будто золотой дождь полился на «избранное общество». Там тоже это было время блестящих дел, учредительской и спекулятивной горячки. Это же время наконец заложило краеугольный камень расцвета германской крупной промышленности, которая с этого момента стала быстро развиваться.

С 1860 г. увеличение добычи золота прекращается, но влияние его сказывается еще в течение некоторого дальнейшего времени. Наоборот, с 1870 до 1874 г. наблюдается решительный упадок золотопромышленности, сопровождаемый значительным падением цен, а затем, при неизменяющейся величине подвоза золота, последовал с конца 80-х годов период низких цен и длительного застоя, который многие из нас, — сознаюсь, что и я в том числе, — приняли за симптом того, что капитализм вступил уже в состояние хронического перепроизводства.

Но вдруг начался такой расцвет золотопромышленности, какого мир еще не видал. В 1886 г. в Южной Африке открывается первый золотой рудник. В 1890 г. там вводится цианистый процесс добычи золота. И наконец в 1897 г. открываются золотые россыпи в Юконе на Аляске.

По мере того, как это развитие золотопромышленности начинает давать себя чувствовать, происходит сдвиг, цены начинают расти и капитализм, полный сил, вступает в блестящую фазу своего развития. Связь между всеми этими явлениями совершенно очевидна.

Зауэрбек вычислил цены целого ряда биржевых товаров на лондонском рынке с 1818 г. Если цены десятилетия 1891 — 1900 гг. мы примем за 100, то получится следующая таблица:

1818 . . **214**	1837 . . 142	1856 . . 152	1875 . . 145	1894 . . 95
1819 . . 183	1838 . . 149	1857 . . 158	1876 . . 143	1895 . . 94
1820 . . 169	1839 . . 155	1858 . . 137	1877 . . 142	**1896** . . **92**
1821 . . 160	1840 . . 155	1859 . . 142	1878 . . 131	1897 . . 93
1822 . . 152	1841 . . 151	1860 . . 149	1879 . . 125	1898 . . 97
1823 . . 155	1842 . . 137	**1861** . . **168**	1880 . . 132	1899 . . 102
1824 . . 160	1843 . . 125	1862 . . 152	1881 . . 127	1900 . . 113
1825 . . 177	1844 . . 127	1863 . . 155	1882 . . 126	1901 . . 106
1826 . . 151	1845 . . 131	1864 . . 158	1883 . . 124	1902 . . 105
1827 . . 146	1846 . . 134	1865 . . 152	1884 . . 114	1903 . . 105
1828 . . 146	1847 . . 143	1866 . . 154	1885 . . 108	1904 . . 106
1829 . . 140	1848 . . 118	1867 . . 151	1886 . . 104	1905 . . 109
1830 . . 137	**1849** . . **112**	1868 . . 149	1887 . . 103	1906 . . 116
1831 . . 139	1850 . . 116	1869 . . 148	1888 . . 106	**1907** . . **120**
1832 . . 134	1851 . . 113	1870 . . 145	1889 . . 109	1908 . . 110
1833 . . 137	1852 . . 118	1871 . . 151	1890 . . 108	1909 . . 112
1834 . . 136	1853 . . 143	1872 . . 164	1891 . . 108	1910 . . 117
1835 . . 139	1854 . . 154	**1873** . . **167**	1892 . . 103	
1836 . . 154	1855 . . 152	1874 . . 154	1893 . . 103	

Отсюда видно, что до 1849 г. при неизменном производстве золота цены в общем падают, — однако, с перерывами во времена под'ема. С 1849 г. цены начинают расти, — сначала незаметно, затем с 1853 до 1861 г. быстро. На этом приблизительно уровне они остаются до 1873 г., падая во время кризиса и повышаясь во время промышленного под'ема с 1871 до 1873 г. Затем опять до 1896 г. — при неизменной и по временам падающей добыче золота — имеет место падение цен. С тех пор начинается рост цен, который теперь охватил весь мир.

Следует, конечно, остерегаться и не смешивать смен под'ема и упадка, связанных с изменениями в добыче золота, с подобными же явлениями, проистекающими из десятилетнего, приблизительно, промышленного цикла. Этот цикл есть необходимая форма расширения капиталистического процесса производства; отдельные фазы этого круговорота должны повторяться через правильные промежутки времени. Смены же первого рода зависят от ряда случайностей и не образуют круговорота, а отдельные фазы их не должны необходимо повторяться.

Оба движения по своему происхождению независимы один от другого. Но они перекрещиваются, сплетаются и влияют друг на друга разнообразнейшим способом. Особенно сильно влияет производство золота на цикл кризисов. Когда производство золота перестает расти или даже падает, то период под'ема может сократиться и самый под'ем становится слабее. Периоды же кризисов, наоборот, удлиняются и приобретают тенденцию сделаться хроническими. Так было в течение двух десятилетий после 1873 г. Иначе обстоит дело в моменты усиления добычи золота.

Правда, вызываемый им под'ем не может совершенно устранить кризисы, но он удлиняет периоды расцвета, оживляет их; а периоды кризиса и упадка он сокращает и содействует их преодолению.

Такова картина промышленного цикла в течение последних двух десятилетий.

3. Обращение денег.

Необходимо раз'яснить еще одно сомнение: каким образом изменения в условиях добычи золота вызывают глубокие изменения во всей хозяйственной жизни, несмотря на то, что производство золота составляет ничтожную долю в общей сумме мирового производства?

Ежегодная добыча золота во всем мире составляет в настоящее время ценность приблизительно в 2 миллиарда марок. Этой сумме Варга противопоставляет общую ценность мирового производства, которое он оценивает в 124 миллиарда. Таким образом, золото составляет лишь 1½ процента в общей сумме производства, т. е. совершенно незначительную частицу его.

Отсюда может показаться, будто добыча золота имеет лишь небольшое значение. Но разве осуществление закона ценности по отношению к данному товару зависит от той доли, какую этот товар составляет в общей массе продуктов общественного производства? Почему именно золото должно составить исключение? Потому ли, что оно является товаром особого рода? Но, ведь как раз, благодаря этим особенностям, изменения в условиях добычи золота оказывают гораздо большее влияние на хозяйственную жизнь, чем можно было бы ожидать, если сравнивать количество золота с общей массой продуктов общественного производства.

Мы уже познакомились с одной из особенностей денежного товара. Она состоит в том, что денежный товар является таким товаром, который всегда, при всех условиях и для каждого имеет потребительную ценность; Варга выражает это таким образом, что центральные банки «покупают» в любой момент любое количество золота.

Но денежный товар не только этим отличается от других товаров. Он обладает еще одним существенным отличием. Если отвлечься от посреднической торговли, которая с точки зрения целей нашего исследования лишь покрывает явления вуалью, но не изменяет их, то можно сказать, что товар совершает на товарном рынке лишь одно движение: он один раз меняет своего хозяина, после чего он перестает быть товаром, исчезает с рынка и более или менее быстро потребляется. Итак производитель продает свой товар потребителю; после этого товар уже не играет никакой роли в товарном мире.

Иначе обстоит дело с деньгами. Раз появившись на рынке, они уже больше не покидают его. Движение их в условиях капиталистического способа производства

бывает при этом двоякого рода. Одна часть денег представляет д о х о д капиталистов и наемных рабочих и расходуется ими на удовлетворение их личных потребностей. Израсходованные таким образом деньги никогда не возвращаются к своей точке отправления. Другая часть денег расходуется в качестве к а п и т а л а и потребляется капиталистом либо в собственном предприятии, либо отдается в виде займа другому предпринимателю. Эти деньги обладают приятным свойством: они возвращаются к исходной точке и при этом еще возрастают на сумму прибавочной ценности. Но как ни различны указанные виды движения денег — каждый из них заставляет деньги вечно и неутомимо обращаться на рынке. Деньги вечно живут на рынке — кроме случаев порчи их, — между тем как другие товары, будь то предметы потребления или средства производства, раз они куплены потребителем, навсегда исчезают с рынка.

Нельзя поэтому противопоставлять годовую добычу золота годовому производству товаров и измерять значение первого сравнением его с количеством последних.

Каждое из них относится к явлениям особого рода. Во-первых, годовая добыча золота вызывает спрос на товары в гораздо большем (по ценности) количестве чем то, которое она сама составляет. Во-вторых, годовое производство товаров исчезает с рынка в течение года, чтобы освободить место новым продуктам, между тем как денежная масса, приводившая в обращение произведенную в течение года массу товаров, остается на рынке и увеличивается на сумму годовой добычи золота.

Возьмем случай простого воспроизводства, когда ежегодно производится одинаковое количество товаров. Добыча нового золота здесь не нужна, если не считать того небольшого количества его, которое необходимо на замену стертых монет и которое идет на промышленные цели, на украшения, посуду, часы и т. п.; все это мы можем пока оставить в стороне. Ежегодное производство товаров может быть колоссально, а количество ежегодно добываемого золота, идущего на производство новых золотых денег, незначительно; и все же новое золото должно будет при неизменном предложении товаров вызывать увеличенный спрос, а, следовательно, и вздорожание товаров, которое вскоре положит конец добыче золота (К. Маркс. «Капитал». Т. II, гл. 17, параграф о простом воспроизводстве. Гос. изд. 1920. Стр. 296 и сл.).

Добыча нового золота при неизменных условиях производства и при неизменной ценности золота может быть длительной лишь при воспроизводстве в расширяющемся из года в год растущем, масштабе (как уже сказано выше, промышленное потребление золота мы оставляем в стороне).

Для сравнения годовой добычи золота с годовым производством товаров нельзя противопоставлять количество добытого в данном году золота всему количеству произведенных в течение того же года товаров; вместо этого надо сравнить количество нового золота, — поскольку оно не идет на замену стертого золота и для промышленных целей, — с дополнительным производством товаров в данном году по сравнению с предыдущим годом.

Тогда ежегодно добываемая сумма золота уже не будет казаться незначительной величиной в мире производства.

При современном состоянии статистики все еще невозможно вычислить, насколько возрастает производимая ежегодно общая сумма товаров во всем мире. Но так как мы имеем в виду здесь лишь иллюстрацию, то мы можем взять цифры мировой торговли, которые собираются ежегодно с большой точностью и которые, можно полагать, возрастают приблизительно в той же мере, в какой возрастают и цифры мирового производства. В 1910 г. общая сумма внешней торговли во всем мире составляла 146 миллиардов марок. Так как каждая цифра здесь приводится дважды (в одной стране в качестве ввоза, в другой — в качестве вывоза), то всю сумму придется разделить на два. Следовательно, в 1910 г. в мировой торговле обернулось ценностей на сумму в 73 миллиарда. В 1902 г. сумма внешней торговли равнялась 96 миллиардам марок, и, следовательно, в этом году в мировой торговле обернулось ценностей на сумму в 48 миллиардов марок. Увеличение с 1902 г. до 1910 г. составило 25 миллиардов, т. е. в среднем по 3 миллиарда в год. Варга оценивает мировое производство в 1910 г. в 124 миллиарда. Эта цифра менее чем в два раза превосходит сумму ценностей, обернувшихся за тот же год в мировой торговле (73 миллиарда). Если мы примем, что сумма годовой продукции товаров в два раза больше суммы

ценностей, обернувшихся в течение года в мировой торговле, то мы определим эту цифру очень высоко. Следовательно, годовое увеличение мирового производства мы должны оценить не выше, чем в 6 миллиардов. По сравнению с этой цифрой сумма в 2 миллиарда ежегодно добываемого золота — уже не незначительная величина: она составляет одну треть.

Как уже сказано выше, здесь речь идет не о точном вычислении действительных величин, а лишь об иллюстрации их соотношений; для этой цели приведенные числа вполне достаточны.

Значение ежегодной добычи золота будет совершенно другое, если мы будем сравнивать ее с ежегодным увеличением производства, а не с общей суммой всего годового производства; это ясно и не требует доказательства. Но не всякий согласится наперед признать относительное значение добычи золота при этом сравнении столь высоким, как это показывают приведенные цифры при всей их неопределенности.

Но мы не должны удовлетвориться тем, что будем сравнивать ежегодный рост мировой торговли или мирового производства с ежегодной добычей золота. Мы уже знаем, что дело обстоит не так просто, как это изображает количественная теория,— будто бы на одной стороне находится груда золота, на другой — вся масса остальных товаров, а цена будто бы есть результат сопоставления обоих.

Спрос, существующий на рынке, зависит не только от количества имеющегося на нем золота, но и от быстроты, с которой золото меняет свое место. Действие одного и того же количества золота будет совершенно иное тогда, когда оно выступает посредником при десяти сделках купли-продажи, чем тогда, когда оно выступает посредником при двух сделках. Сто марок вызовут в первом случае спрос в тысячу марок, во втором — лишь в двести.

Рост спроса на товары, вызванный увеличенной добычей золота, является очень важным фактором конструирования всего спроса и всего процесса производства; но этот фактор ни в коем случае не единственный.

Возникали ли в течение последних двадцати лет какие-либо явления, которые могли бы уничтожить или ослабить влияние увеличенного производства золота?

Мы уже знаем, что сила этого влияния зависит от быстроты товарного обращения, — быстроты, которая, в свою очередь, определяется отчасти техническими, отчасти экономическими причинами. Важную роль играет при этом транспорт. Нечего говорить о том, насколько он в последнее время усовершенствовался.

Дальнейшей причиной, ускоряющей обращение товаров, является применение денег в качестве платежного средства. Мы до сих пор исходили из предположения, что товар всегда обменивается на деньги, т. е. покупается на наличные. Но на определенной высоте обращения товаров появляются новые средства, позволяющие мне купить чужой товар прежде, чем я продал свой товар и получил за него деньги. Я обмениваю чужой товар на простое обязательство уплатить, исполнение которого наступает спустя некоторое время, например, через три или шесть месяцев. Ясно, что таким путем оборот товаров может быть значительно ускорен.

Правда, когда я в конце-концов должен произвести уплату, то мне все же нужны деньги. Но концентрация множества платежей в отдельных пунктах сферы денежного обращения вскоре приводит к тому, что многие обязательства взаимно погашают друг друга, так что исполнение их происходит без участия настоящих денег. При этом невозможно, однако, удаляться от металлического обращения, которое всегда остается основой платежей, уже по одному тому, что не все платежные обязательства являются встречными. Кому приходится только платить, а получать нечего, или больше платить, чем получать, тому приходится расплачиваться (полностью или частью) наличными. Но помимо этого весь механизм обязательств и встречных платежей очень чувствителен ко всякого рода замешательствам, и при таких замешательствах грозит привести к полной остановке товарооборота; это наступает тем легче, чем менее достаточны для оплаты наступивших платежей существующие запасы денег. Для преодоления заторов всегда должны быть налицо достаточные денежные запасы.

Таким образом, сделки с обязательствами уплаты и взаимное покрытие таких обязательств никогда не могут сделать излишними наличные деньги и исключить

их из оборота. Если до сих пор мы видели, что расширение производства и обращения товаров при прочих равных условиях требует соответственного увеличения находящейся в обращении денежной массы, теперь перед нами противоположное явление. Чем более многочисленны и сконцентрированы платежные обязательства тем больше встречных требований взаимно уничтожается, тем меньше настоящих денег требуется для того, чтобы обращение товаров совершалось беспрепятственно, тем меньше может быть наличная сумма денег сравнительно с размером товарооборота. Денежная масса уменьшается не абсолютно, а относительно, и товарооборот может расти, и действительно растет, быстрее, чем количество настоящих денег. Экономическое влияние уже существующей массы денег растет, а вместе с тем усиливается толчек, который всегда сообщается производству и обращению товаров дополнительно поступающей суммой денег.

Известно, какое распространение получил в течение последних десятилетий весь механизм кредита. В качестве условий, от которых зависит степень влияния денежной массы на товарный спрос, столь же существенно, как и кредит, и само состояние рынка. А это состояние было очень благоприятно в течение последних двух десятилетий. Мы видели, как с возрастанием количества денег и благодаря ему наступил период расцвета, когда товарооборот чрезвычайно ускорился и вследствие этого влияние увеличенной массы золота на спрос должно было возрасти еще более: быстрота товарооборота не противодействовала последствиям увеличенной добычи золота; она действовала в том же направлении, что и производство нового золота; она усиливала его действие.

То же самое наблюдалось и по отношению к другим обстоятельствам, оказывающим свое действие на степень влияния производства золота.

Не весь продукт золотых приисков превращается в деньги. Часть его поступает в промышленность в качестве сырого материала и становится не деньгами, а товаром. Эта часть не вызывает спроса на товары, а сама делается товаром, который предлагает себя на рынке и стремится превратиться в деньги. Чем больше та часть годового производства золота, которая обрабатывается промышленностью, тем меньше другая часть, которая превращается в деньги, и тем меньше при прочих равных условиях влияние производства золота на оживление рынка и на повышение цен.

Но решительно ничто не указывает на то, что в этом отношении в течение последних двадцати лет наступило какое-либо изменение, которое сократило бы долю в годовой добыче золота, какая идет на изготовление денег. Случилось прямо противоположное.

До появления товарного производства все золото и вообще денежный металл, конечно, шли исключительно на производство предметов потребления. Таким же образом бо́льшая часть золота употреблялась и в начале товарного производства. Функционирование золота в качестве денег об'ясняется именно тем, что золото обладает потребительною ценностью для всякого и не изменяется при употреблении. Накопление золотых и серебряных украшений и предметов домашнего обихода при простом товарном производстве является не только роскошью, но и одной из форм накопления сокровищ. Лишь капиталистический способ производства превращает золото в капитал, приносящий доход, и создает то, что каждый слиток золота, не употребляемый в качестве денег, считается источником убытка. Этим самым промышленное потребление золота значительно ограничивается.

Еще и теперь капитализм завоевывает обширные и богатые страны с докапиталистическим производством, особенно в Азии. Это значит, что еще и теперь идет процесс сокращения промышленного потребления золота в целях превращения его в форму денег.

Но этому явлению, конечно, противодействует противоположная тенденция: усиление эксплоатации пролетариата, рост суммы прибавочной ценности и вместе с нею увеличение потребительного фонда и прибыли капиталистов, вследствие чего увеличивается их спрос на предметы роскоши. Но капиталисту все же не нравится способствовать своей роскошью уменьшению именно денежного товара, живой крови капиталистического тела.

Наконец нужно иметь в виду еще одно обстоятельство: в качестве денег золото обладает способностью к неограниченному употреблению и распространению; наоборот, промышленно-обработанное золото есть товар, сбыт которого зависит от потребностей, которые вырабатываются привычкой и изменяются медленно. Поэтому внезапный рост добычи золота увеличит промышленное потребление золота в меньшей степени, чем потребление его в качестве денег. Но, конечно, и наоборот: сокращение добычи золота сократит его промышленное потребление меньше, чем употребление его в качестве денег.

Все эти соображения заставляют предположить, что употребление золота в качестве денег возросло за последние двадцать лет быстрее, чем сама добыча золота.

Дать статистическое доказательство этого, конечно, не легко, ибо для этого надо было бы иметь данные о различных видах употребления золота во всем мире за ряд лет.. Таких данных нет, и приходится оперировать с приблизительными вычислениями. Но и эти приблизительные вычисления подтверждают теоретически выведенные нами предположения.

Нейман-Шпалларт исчисляет добычу золота для 1881 — 1885 гг. в 746.000 килограммов, причем большая часть этого золота — 424.000 килограммов — пошла, по его подсчетам, на промышленное потребление в странах капиталистической цивилизации. К аналогичному результату пришел Зетбер. Начиная с 1890 г., цифры промышленно потребленного за каждый год золота даются в упомянутом выше отчете Директора монетного двора Соединенных Штатов Сев. Америки. На основании его данных я вычислил, какой процент ежегодной добычи золота идет на промышленные цели. Вот результат этого вычисления: —

Годы	Ценность добычи золота в миллионах долл.	Промышлен. потребление золота в миллионах долл.	Из всего производства золота идет на промышлен. цели
			В процентах
1890	119	50	42,0
1891	131	50	38,4
1892	147	50	34,0
1893	157	51	32,5
1894	181	53	29,2
1895	199	59	29,6
1896	202	60	29,7
1897	236	60	25,4
1898	287	66	22,9
1899	307	73	23,8
1900	255	76	29,7
1901	261	79	30,2
1902	297	76	25,6
1903	328	75	22,9
1904	347	78	22,5
1905	380	81	24,4
1906	403	93	23,0
1907	413	97	23,4
1908	442	89	20,1
1909	454	101	22,2
1910	455	112	24,6

Таким образом, промышленное потребление золота абсолютно возрастает,—но не так быстро, как растет его производство. В начале восьмидесятых годов промышленное потребление золота составляло больше половины добычи, в 1890 г. — более двух пятых, а в 1908 г. — уже только одну пятую. С тех пор она несколько возросла — до одной четверти. С 1890 по 1910 гг. производство золота учетверилось, промышленное же потребление его только удвоилось. Но мы видим также, что размеры промышленного потребления золота более устойчивы, чем размеры его добычи. Промышленное потребление увеличивалось в 1900 и 1901 гг. так же, как и раньше, несмотря на то, что бурская война значительно сократила добычу золота. В последние годы темп добычи золота замедляется, промышленная же обработка его, наоборот, не меняет своего темпа, так что после 1908 г. доля ее во всем производстве также увеличивается, хотя и не столь быстро, как в 1900 г.

Степень экономического влияния ежегодной добычи золота зависит не только от относительного распределения ее на сокровища и на циркулирующую монету, но и от распределения золотой добычи между чеканкой денег и промышленным потреблением.

От самого обладателя денег до известной степени зависит, израсходовать ли деньги и тем вызвать спрос или же оставить их у себя и накоплять их в качестве сокровища. Чем больше он будет накоплять, тем меньше наличная сумма денег повысит спрос на товары и тем меньше поэтому он поднимет цены на них.

Однако, обладатель денег не вполне волен свободно решать, израсходовать ли ему свои деньги или нет. Он является орудием экономической необходимости. Когда рабочий получает свою заработную плату, он должен израсходовать ее, чтобы не умереть с голоду, как бы буржуазные экономисты ни убеждали его сберегать свои деньги. Также и предприниматель не может свободно решать, израсходовать ли деньги, которые он сегодня выручил за товар, или сохранить их как сокровище. Часть денег он должен истратить, как и рабочий, на покупку средств существования. Другая часть должна пойти на оплату сырого материала, орудий труда и заработной платы, ибо, если он хочет жить, он должен продолжать производство, должен и впредь доставлять товары на рынок.

Необходимость быстро истратить собранные деньги в общем гораздо менее настоятельна при простом товарном производстве, чем при капиталистическом, уже по одному тому, что там, где господствует простое товарное производство, оно служит не общей формой всего общественного производства, а лишь привходящим явлением в преобладающем натуральном хозяйстве. Если крестьянин здесь сам производит большинство потребляемых им продуктов, то и ремесленник часто занимается также и сельским хозяйством. Оброки крупным эксплоататорам также состоят преимущественно из естественных продуктов. Необходимость истратить деньги, золото или серебро, полученные каким бы то ни было образом, на нужды потребления или ради продолжения производства — эта необходимость здесь не так сильна. А возможностей прибыльно вложить деньги мало. С другой стороны, уже само обладание металлическими деньгами дает большую мощь. Отсюда проистекает в таких примитивных условиях стремление накоплять сокровища золотого металла, в форме ли монет или в форме домашней утвари и украшений, которые всегда могут быть превращены в монеты.

Есть два средства приобрести такие сокровища: либо мирным путем, посредством обмена товаров на деньги, которые дальше не расходуются, либо насильственным путем, путем грабежа. Первый способ при простом товарном производстве — очень медленный, ибо избыток, даваемый работой одного человека, не велик: не только рабочий, но и его эксплоататор получает здесь небольшие суммы, которые он может сберечь. Другое дело — грабеж. Кто выступает с вооруженной силой, тот может сконцентрировать в своих руках сокровища многих эксплоататоров, может накопить большие богатства.

В капиталистических условиях происходит обратное. Здесь производительность труда возрастает настолько, что избыток, доставляемый отдельным рабочим сверх стоимости его содержания, получается значительный. Вместе с тем для отдельного эксплоататора увеличиваются возможности одновременно эксплоатировать все большие и большие кадры рабочих. Мирным путем покупки рабочей силы в настоящее время можно достигнуть дохода в сто и больше миллионов.

Но по мере того, как растет капитализм, укрепляется и государственная власть, возрастает неприкосновенность собственности и исчезает возможность приобрести сокровище путем грабежа. Вместе с тем изменяется и нравственная оценка обоих способов накопления.

При простом товарном производстве мирный собиратель сокровищ, как скупец, не пользуется большим уважением, а военный герой, берущий добычу, восхваляется. Теперь же этот последний считается преступником, если он действует на собственный страх, а возвеличивается капиталист, который извлекает миллиарды из чрезмерного труда и недоедания многих тысяч рабочих.

Маркс в одном месте справедливо замечает, что грабеж не есть способ (форма) общественного производства. Однако, грабеж в течение продолжительного времени был сильным экономическим фактором, в особенности там, где им занимались не

отдельные странствующие рыцари, а войска целых наций. Посредством войны и грабежа громадные количества денег могли переходить от одной нации к другой. Когда в шестнадцатом и семнадцатом веках большое количество благородных металлов переполнило Европу и вызвало революцию цен, то открытие богатых американских рудников, о которых мы уже говорили, было лишь одной из причин этого. Другой по временам еще более сильной причиной было разграбление значительных золотых и серебряных сокровищ, которые были собраны многовековым трудом в отдельных областях вновь открытых земель.

Золотая и серебряная промышленность в испанской Америке вызвала тогда, как мы уже указывали, уменьшение населения и сокращение промышленных рабочих сил в Испании. Отход испанцев на горные работы в Америке был, однако, лишь одной из незначительных причин этого: рабочие в рудниках испанских колоний вербовались не из жителей метрополии, а из американских туземцев. Но завоевание и удержание за собой колоний, ограбление их и защита добычи потребовали такой затраты людского материала, что приобретенный таким путем богатый поток благородных металлов натолкнулся на сокращение промышленности и не оплодотворил, а истощил ее.

Аналогичные явления встречаются часто при простом товарном производстве. Наилучший пример этого дает древний Рим, куда стекались золотые и серебряные богатства всего древнего мира. Даже эти богатства не смогли создать в Италии широкой промышленности и вернулись обратно в страны высокоразвитой индустрии, которые в конечном счете ими и обогатились. Римское хищническое хозяйство лишило Галлию и Испанию их золота не для того, чтобы сохранить его, а для того чтобы купить в Азии предметы роскоши, поскольку это золото не было необходимо на оплату наемных германских солдат.

Когда военная сила Рима и его способность к грабительским походам ослабла, он скоро стал беден благородными металлами.

Другое дело, когда сокровища, накопленные при докапиталистическом производстве, попадают при помощи грабежа в государства с капиталистической промышленностью. Здесь они способствуют развитию промышленности еще быстрее, чем этого могло бы достигнуть простое увеличение добычи золота. Добытые Испанией в Америке благородные металлы потекли благодаря торговле во Францию, Голландию и Англию, поскольку они не попали туда же благодаря пиратам. Вместе с тем ограбление Восточной Индии также было средством привлечения в Англию неизмеримых богатств. Со времени римского императорского периода предметы роскоши индийского производства непрерывно обменивались на европейское золото и серебро, и в результате постоянного притока золота в течение полутора тысяч лет индийские властители накопили необ'ятные сокровища, которые теперь сразу возвратились назад в Европу.

Когда в 1757 г. Кляйв в битве под Плэсси положил основу британскому могуществу в Ост-Индии, то, по выражению Маколея, «сокровища Бенгалии лежали открытыми у его ног».

«Здесь по обычаю индийских князей были собраны неизмеримые груды серебряной монеты, и среди них нередко можно было найти золотые гульдены и византийские монеты, которые венецианцы отдавали в обмен за восточные материи и коренья еще задолго до того, как первый европейский корабль обогнул мыс Доброй Надежды. Кляйв шел среди гор золота и серебра, увенчанных рубинами и алмазами». (Избранные сочинения. Т. I. Лорд Кляйв, стр. 196).

Реформация и французская революция сопровождавшиеся ограблением церквей и монастырей, также превратили в деньги значительные золотые и серебряные сокровища.

Способ получать массу циркулирующих денег из награбленных сокровищ и тем самым способствовать порывистому развитию как спроса на товары, так и всего процесса капиталистического производства, — этот способ применяется в девятнадцатом веке все реже. Не потому, что усилилось чувство уважения к собственности соседа, которому об'явлена война, а потому, что уже разграблены почти все сокровища, находящиеся вне пределов капиталистического производства. То, что встречается теперь (например, пекинская добыча во время боксерского восстания) — это

дела сравнительно мелкие, даже когда они доставляют господам грабителям кое-какие суммы на карманные расходы.

Значительные перемещения денег из одной страны в другую встречаются и теперь. Крупнейшее из них—контрибуция, которую Франция должна была уплатить в 1871 г. Германии. Для германской промышленности полученная от Франции контрибуция в пять миллиардов была огромным толчком вперед. Но сумма денег, циркулировавшая на мировом рынке, вряд ли тогда значительно возросла. Правда, французский заем, очевидно, вызвал особенно сильную циркуляцию наличных металлических богатств.

Во всяком случае, старая система превращения в циркулирующие деньги запасов благородных металлов, система хищений этих запасов, имеет в настоящее время лишь небольшое и притом все сокращающееся применение.

Но чем больше эта ситема отмирает, тем больше развиваются капитализмом новые, мирные способы для того, чтобы извлекать запрятанные денежные богатства и бросать их в поток обращения.

Если простое товарное производство развивает стремление к безграничному накоплению золота и серебра, то капиталистический способ производства заменяет золотой голод жаждой наживы. Накопление «мертвых» денежных богатств считается грехом против святого духа капитала; первой обязанностью обладателя денег считается израсходование их, — но израсходование только на производительные цели, а в качестве таковых капиталист признает лишь те, которые приносят прибыль.

Но даже капиталист не может бросать все имеющиеся в его распоряжении деньги в процесс обращения товаров. Самый процесс производства заставляет его беречь часть денег. Вместо старой страсти к накоплению золота и серебра капиталист создает новые условия и новые цели образования сокровищ.

Возьмем, например, фабриканта. Машины, которыми он обладает, стоят 100.000 марок. Опыт заставляет его предполагать, что через десять лет они износятся и должны будут быть заменены новыми. Чтобы иметь возможность купить их, он должен ежегодно откладывать, накоплять из своего дохода по 10.000 марок.

Или возьмем крупное сельско-хозяйственное предприятие. Осенью оно продает свой урожай. Но оно не может тотчас же израсходовать всю выручку. На эту выручку оно должно вести хозяйство, платить заработную плату и т. п. до следующего урожая. Оно должно, следовательно, сохранить свою осеннюю выручку, чтобы расходовать ее в течение года.

С другой строны, накопление необходимо и с целью потребления,—правда, в меньших размерах. Рабочий, который хочет осенью купить зимнее пальто за 50 марок, должен откладывать из своего недельного заработка каждый раз по 2 марки. Если он платит за квартиру по четвертям года, то и для этого он должен собрать «сокровище». При необеспеченности его положения для него чрезвычайно желательно сберечь несколько сот марок, чтобы в случае болезни или безработицы не впасть тотчас же в горькую нужду, поскольку его не охраняют от этого профессиональный союз и больничная касса.

Чем больше капиталистический способ производства развивается и заменяет собой натуральное хозяйство, тем больше количество предприятий и домашних хозяйств, которые нуждаются в большей или меньшей мере в такого рода накоплении. Этим путем значительные суммы денег опять извлекаются из оборота и не могут вызвать на рынке спроса на товары.

Но эта новая тенденция скоро переодолевается и устраняется другой, более сильной.

Вернемся опять к примеру фабриканта, скажем, прядильщика, которому, по его расчетам, нужно будет купить новых машин на 100.000 марок и который с этой целью откладывает ежегодно 10.000 марок. Предположим, что он делает сбережения уже в течение пяти лет и что его сосед, пивовар, нуждается в деньгах, чтобы немедленно расширить свою пивоварню. Он занимает 50.000 марок у прядильщика, у которого эта сумма лежит в денежном ящике и который охотно одалживает ее за проценты, если пивовар обязуется возвратить ее через пять лет. До тех пор деньги ему не нужны. Таким образом, все участники остаются довольны: пивовар увеличивает свое предприятие, зарабатывает ежегодно на занятые 50.000 марок по 20 про-

центов, а платит из них прядильщику 5 процентов; прядильщик зарабатывает ежегодно 5 процентов, а через десять лет будет иметь сверх процентов весь капитал, необходимый для обновления машин. А в то же время накопленная прядильщиком сумма, по крайней мере, частично и временно, была пущена в оборот и увеличила спрос на товары.

Употребление денежных запасов отдельных капиталистов-предпринимателей таким образом, что владелец запаса и нуждающийся в нем предприниматель имеют дело друг с другом непосредственно, может быть, конечно, только случайным: не у каждого промышленного капиталиста есть время и охота заниматься такими побочными для него делами; при небольших суммах это вообще невозможно.

Поэтому с течением времени возникают особые предприятия, банки, со специальной целью собирать денежные запасы отдельных предпринимателей и одалживать их другим предпринимателям для продолжения и расширения их предприятий. Вместе с тем банки начинают помогать государству в его кредитных операциях; однако, это мы здесь оставим в стороне. Накопление различных, больших и малых, денежных запасов банками и капиталистическое употребление их распространяется еще больше с тех пор, как рядом с кредитом получают развитие и акции.

Теперь в капиталистических государствах даже минимальные денежные суммы в целях получения процентов помещаются в банки или обращаются на покупку акций—вспомним об акциях золотых рудников по 2 доллара. Таким образом, денежные запасы отдельных лиц превращаются в циркулирующие деньги.

За последние двадцать лет развитие в этом направлении шло быстрым шагом; тем самым сильно возвысилось влияние на рынок возросшей добычи золота. В том же направлении действует улучшение транспорта, позволяющее сократить запасы, которые каждый предприниматель должен сделать, и, следовательно, дающее возможность уменьшить необходимые для этого денежные суммы.

Сами банки, конечно, не могут обойтись совершенно без денежных запасов. Если бы размеры платежей, производимых банками, никогда не превышали размеров средств, помещенных в то же время в эти банки отдельными лицами, то банки (поскольку они занимаются собиранием денежных запасов отдельных лиц и оказанием кредита) могли бы существовать без всякого капитала.

Обычно на практике имеет место некоторый избыток получений над выплатами, если не всегда в отдельных банках, то во всем банковом деле, ибо накопление капитала и новых, дополнительных, денежных сумм продолжается непрерывно.

Но бывают и такие периоды, когда движение денег приобретает противоположное направление. При наступлении кризисов, связанных с большой безработицей, рабочие бывают принуждены вынимать свои вклады из сберегательных касс, а не увеличивать их. В то же самое время промышленники не могут сбыть запасы своих товаров. Чтобы жить и продолжать производство, им приходится вынимать свои вклады из банков или продавать акции. И горе тому банку, капитал которого в такой момент оказывается в акциях, а не в наличных деньгах, не приносящих, конечно, никаких процентов.

Но и в периоды благоприятной деловой кон'юнктуры бывают моменты, когда платежи учащаются и тогда требуется чрезвычайно много денег. И на этот случай банк должен держать наготове порядочную сумму наличных денег.

Но как ни значительны денежные запасы, которые принадлежат самим банкам, все они, по своим размерам, значительно меньше суммы тех частных средств, которые банки стягивают к себе и превращают в циркулирующие деньги.

Не следует думать, будто вся сумма золота, накопленная банком, остается в качестве сокровища.

Большие эмиссионные банки накапливают громадные суммы золота. Так, например, согласно отчету Директора Американского Монетного Двора, золотой фонд составлял в миллионах долларов:

Годы	Английский Банк	Французский Банк	Германский Государств. Банк	Австро-Венгерский Банк
1889 . . .	87	246	60	26
1893 . . .	141	361	112	214
1910 . . .	161	633	159	267

Но эти огромные массы золота можно считать сокровищем лишь в техническом, а не в экономическом смысле. Техника и экономика — две совершенно различные вещи; они отличаются друг от друга так же, как труд, образующий меновую ценность, отличается от труда, создающего потребительную ценность. Это одно из важнейших различий, открытых Марксом, но оно до сих пор прошло бесследно для буржуазной экономии.

В качестве золота деньги технически лежат в подвалах банка. Но экономически они обращаются на рынке в форме золотых обязательств банковых билетов, выпускаемых банком. Золотые слитки фигурируют, как деньги, в форме банковых билетов. При этом сумма денег, обращающихся в форме банковых билетов, всегда больше, чем сумма металлических денег в банках.

Отчет Директора Американского Монетного Двора содержит следующие цифры золотых запасов и банкнот в обращении на 31 декабря 1910 г. (в млн. доллар.):

	Английский Банк	Французский Банк	Германский Государств. Банк	Австро-Венгерский Банк
Золотой запас	151	633	159	267
Банкноты в обращении	241	1024	391	477

Тот же Отчет определяет сумму золотых сокровищ в больших банках Европы на 31 декабря 1910 г. в 2.464 миллиона долларов, а сумма выпущенных ими билетов в 4.325 миллионов.

Банковые билеты имеют прежде всего техническое значение. Они облегчают переводы крупных денежных сумм. Кроме того, они дают сбережение, поскольку лежащие в подвалах банков золотые монеты, предохраняются от стирания, которое они претерпели бы в случае обращения. Но помимо технического значения банковый билет имеет еще значение экономическое.

По банковому билету не видно, покрывается ли он золотом или нет. Банк может выпустить билетов на гораздо большую ценность, чем его золотой запас. До тех пор, пока билеты считаются полноценными представителями золота, каковыми они и стремятся быть, они исполняют те же функции, и имеют то же экономическое влияние, что и настоящее золото.

Золотой запас служит теперь, главным образом, лишь запасным фондом для различных целей.

Таковыми Маркс считает:

«1) запасный фонд для международных платежей, короче говоря, запасный фонд мировых денег; 2) запасный фонд для внутреннего металлического обращения, то расширяющегося, то сокращающегося; 3) фонд, связанный с функциями банков и не имеющий никакого отношения к функциям денег, как таковых: запасные фонды для выплаты вкладов и покрытия банкнот». («Капитал», III, 2, гл. 35, стр. 106).

Итак, золотые запасы крупных центральных банков имеют совершенно иное значение, чем отдельные частные сокровища, о которых мы говорили выше. Последние уменьшали сумму находящихся в обороте денег. Запасы банков увеличивают ее. С развитием капиталистического производства запасы банков все растут, но экономическое влияние возрастающей добычи золота, благодаря этому, не уменьшается, а скорее увеличивается. Чем больше запасы банков, тем больше, в общем, денег находится в обращении.

Как и другой, рассмотренный выше фактор, так и банковое дело не имеет тенденции уменьшить влияние возрастающей добычи золота. Наоборот. Правда, не только размер и условия производства золота определяют собою степень экономического влияния дополнительных денег. Есть и другие факторы, действующие в том же направлении: быстрота обращения товаров, употребление золота на промышленные цели и распределению его на запасы и оборотные деньги, наконец, введение суррогатов золота для различных функций денег и кредита, — все это за последние двадцать лет развивалось в таком направлении, что влияние возрастающего производства золота на экономическую жизнь и на товарные цены не уменьшалось, а увеличивалось.

4. Дороговизна и нищета.

Мы уже видели, что взгляд, будто изменения в условиях добычи золота ни в коем случае не могут вызвать изменения товарных цен, уже по одному тому неправилен, что подобного рода изменения в действительности наблюдались.

И мы далее познакомились с процессом, посредством которого для золота осуществляется закон ценности. Это происходит так, что при неизменном распределении рабочих сил в различных сферах производства увеличенная добыча золота вызывает усиленный спрос на товары и вместе с тем рост цен. Лишь в том случае, когда вызванные этим путем изменения цен недостаточны для того, чтобы закон ценности нашел свое применение и по отношению к золоту и когда производство золота при капиталистических условиях дает в течение продолжительного времени добавочную прибыль,— лишь тогда в качестве регулирующего элемента выступает тенденция к выравнению норм прибыли; эта тенденция будет доставлять золотопромышленности дополнительный капитал и дополнительный труд до тех пор, пока не будет достигнуто уравнение. Этот закон модифицируется особым лотерейным характером золотопромышленности, благодаря которому норма прибыли в ней длительно стоит ниже среднего уровня.

Рост товарных цен, вызванный увеличением количества золота, может при некоторых условиях принять такие размеры, что в меновых отношениях золото участвует в неполной своей ценности. Если при этом переходят за предел, устанавливаемый упомянутым выше лотерейным характером золотопромышленности, то наименее доходные рудники не только не дадут земельной ренты, но не дадут и прибыли, небходимой для сохранения капитала. Тогда часть золотых приисков будет оставлена, и может произойти отлив капиталов из золотопромышленности, который будет продолжаться до тех пор, пока не наступит уравнение норм прибыли.

Осуществление закона ценности для золота не всегда сопровождается перемещением капиталов; наоборот, рост цен вследствие улучшенных способов добычи золота или открытия богатых рудников может сопровождаться даже отливом капиталов из золотопромышленности.

Поэтому Варга ошибается, думая, что нынешняя дороговизна уже потому не может быть следствием изменения условий производства золота, что вызываемое этими изменениями перемещение капиталов относительно очень незначительно.

Теоретическая возможность того, что современная дороговизна связана с повышенным производством золота, кажется бесспорной. Другой вопрос, конечно, претворилась ли эта возможность в действительность. При нынешнем состоянии статистики вряд ли можно доказать точными цифрами, что дело произошло именно так. Но все симптомы говорят за это. Когда я принялся за исследование вопроса о дороговизне, я с самого начала считал очень вероятным, что золото является одной из причин роста цен. Возражения Варги побудили меня еще ближе рассмотреть вопрос. И чем больше я это делал, тем более укреплялось во мне убеждение, что изменения в условиях производства золота оказали свое действие на повышение цен. И было бы истинным чудом, если бы эти изменения остались без влияния.

Но этим еще не сказано — и этого я никогда не утверждал,— что золото есть единственная причина дороговизны.

В движении цен отражается вся хозяйственная жизнь капитализма. Все его перекрещивающиеся, то ослабляющие, то усиливающие друг друга, тенденции оказывают свое действие на установление уровня цен. Для научных целей можно и нужно исследовать каждую из этих тенденций отдельно и независимо от других. Но при решении вопроса о причинах установления уровня определенных цен надо стремиться получить полную картину совместного действия всех этих тенденций.

Если повышение цен за последние 20 лет было вызвано единственно изменениями в условиях производства золота, то оно не было бы столь значительно; точно так же не было бы так велико падение цен в течение двух предыдущих десятилетий, начиная с 1873 г. В обоих случаях золото было лишь одной из сил, на помощь которой приходили другие силы, действовавшие в том же направлении. Говорить здесь об этих посторонних причинах значило бы чрезмерно расширить наше исследование, а это было бы тем менее необходимо, что эти посторонние причины достаточно

исследованы разными писателями, рассмотрены в других местах и мною, так, что ничего нового здесь сказать об этом не пришлось бы. Поэтому достаточно будет нескольких кратких указаний.

К числу причин, понижавших цены с 1873 г., кроме приостановки добычи золота, принадлежали улучшение транспорта, особенно расширение морского пароходного сообщения и постройка железных дорог в Америке и в России. Благодаря этому, большие пространства еще мало или вовсе неразрабатываемых земель, в значительной степени еще не связанные частной собственностью, вошли в теснейшее соприкосновение со странами развитого капиталистического производства. Благодаря этому упала стоимость производства, а, следовательно, и цена пищевых продуктов и сырых материалов, что, в свою очередь, сказалось на ценах продуктов промышленности.

Но указанное развитие путей сообщения привело к теснейшему единению между собой и те страны, в которых, под влиянием возросшей добычи золота в течение двух десятилетий после 1851 г., капиталистическая промышленность чрезвычайно сильно развила свои производительные силы, т. е. Англию, Францию, Германию и восточную часть Соединенных Штатов. После кризиса 1873 г. между ними возгорелась безумная промышленная конкурренция, временно понизившая цены ниже стоимости производства.

Для борьбы с этим явлением промышленные государства, за исключением Англии, приступили с конца семидесятых и в течение восьмидесятых годов к ограничению конкурренции, по крайней мере, внешней, т. е. к системе запретительных пошлин. Германия вступила на этот путь в 1879 г., и с тех пор время от времени все более обостряла свою запретительную политику. Затем последовала Франция в 1881 г. В Соединенных Штатах с 1870 г. пошлины все понижались, но уже в 1875 г. началось противоположное движение, которое получило наконец самое резкое выражение в тарифе Мак-Кинлея в 1890 г.

Запретительный тариф может сразу поднять цены и длительно удерживать их на большей высоте, чем они стояли бы без этого тарифа, но он не может устранить влияние на мировой рынок общего, длящегося десятилетиями падения цен. Тогда промышленные капиталисты перешли к более сильному средству устранить между собой конкурренцию и превратить падение цен в их повышение; они начали организовывать частные монополии в форме картелей, синдикатов, трестов, сначала в тех отраслях, которые по самой природе своей способствуют установлению монополий—в нефтяной, и в особенности в угольной и железной промышленности—этих жизненных основах современного производства.

Эти организации были основаны в восьмидесятых годах, но экономическое значение они получили лишь в девяностых годах, а затем с начала нынешнего столетия приобрели господство над всем процессом производства.

Одновременно с этим исчезли причины, вызвавшие понижение стоимости производства в сельском хозяйстве, так что и эти продукты стали расти в цене после того, как капиталистические страны, за исключением Англии, уже прежде, одновременно с промышленными, ввели и аграрные покровительственные пошлины; таким образом, в этих странах цены были подняты выше, чем на мировом рынке.

Девственная почва вновь присоединенных земель была быстро истощена, вследствие безжалостной эксплоатации ее в капиталистических условиях. Для сохранения и тем более для увеличения плодородности этой почвы требуются непомерно высокие расходы.

К этому надо прибавить, что в наш век совершенно исчезает свобода от гнета частной собственности,— свобода, которая существовала в американском сельском хозяйстве и которая своей конкурренцией понижала замельную ренту в Европе. Теперь уже и в Америке каждый участок земли имеет своего хозяина и может обрабатываться лишь тогда, когда он дает земельную ренту, т. е. когда цены на сельскохозяйственные продукты стоят достаточно высоко.

Земельная рента, результат высоких цен продуктов сельского хозяйства, возрастает и становится источником дальнейшего повышения этих цен. Ибо, хотя рента есть прибавочная ценность, часть избытка цены над стоимостью производства, с точки зрения сельского хозяйства она является расходом по производству. Чем выше земельная рента, тем большую часть дохода от урожая или скота сельский хозяин

должен отдавать на кормление бесполезного для сельского хозяйства земельного или денежного собственника, вместо того, чтобы накоплять капитал для улучшения или расширения своего предприятия. Это можно отчетливо наблюдать там, где сельский хозяин является арендатором. Но это чувствительно для него и тогда, когда ему приходится покупать свое предприятие. Каждый переход владения увеличивает тяготы сельского хозяйства тем более, чем выше цены на продукты земледелия, тем выше, следовательно, земельная рента. А чем выше растет последняя, тем больше землевладелец превращается в земельного спекулянта, тем легче продать свою землю и тем чаще происходит перемена владения.

Ко всем этим повышающим цены обстоятельствам присоединяется еще одно — бешеный рост вооружений великих держав, вызываемый мировой политикой, которая присоединяет к сухопутному вооружению еще и морское. Последнее развивается не столько путем увеличения числа бойцов, сколько путем увеличения и усовершенствования технического аппарата. А такому усовершенствованию нет предела, и совершается оно гораздо более быстрым темпом, чем возрастание сухопутных армий. Таким образом, безгранично возрастает расточительное расходование производительных сил, которые, таким образом, буквально выбрасываются в воду. И налоговое бремя населения возрастает, что проявляется в постоянном увеличении косвенных налогов и вздорожании всех продуктов массового потребления.

Взвинчивающее цены влияние условий производства золота значительно усиливается всеми этими обстоятельствами.

Но не следует думать, что каждое из этих обстоятельств, повышая цены, оказывает и на экономическую жизнь такое же действие, как и другие аналогичные обстоятельства. Рост цен может быть вызван двумя причинами: ростом спроса или уменьшением предложения.

Мы уже видели, какое действие оказывает увеличение спроса, т. е. спроса обладателей денег. Оно означает оживление производства, оживление оборота, увеличенное благосостояние. Поэтому все готовы примириться с ростом товарных цен при таких условиях. Цены и заработная плата могут при этом возрасти в одинаковой степени и соотношение их может не измениться; и все же положение рабочих улучшится благодаря быстрому обороту капитала, большему постоянству службы, так как вследствие всего этого заработок всех рабочих увеличится сильнее, чем возрастут товарные цены.

Но вместе с тем выигрывает и капиталист, ибо благодаря быстрому обороту капитала сумма его годовой прибыли значительно возрастает; он может не только потреблять больше, но и больше накоплять.

Таким образом, может показаться, что высокие цены означают экономическое благосостояние и что экономическая задача государства должна состоять в стремлении повышать цены (что, как мы только что видели, великолепно достигается запретительными пошлинами и косвенными налогами).

Но есть разница между высокими ценами и высокими ценами. Рост цен имеет не то влияние, которое мы только что видели, когда он происходит не вследствие увеличения спроса, а вследствие сокращения предложения, например, после плохого урожая. В этом случае сельский хозяин получает, правда, за каждый центнер хлеба более высокую цену, но зато количество хлеба, которое он доставляет на рынок, сокращается. Его общий доход не возрастает. А расходы его и его рабочих на муку и на хлеб увеличиваются. У него самого и его служащих остается меньше денег на покупку продуктов промышленности. То же самое происходит и с остальной частью населения. Спрос на продукты промышленности не увеличивается, а скорее уменьшается; между тем как (вследствие сокращения предложения и вызываемого им роста цен) денежные расходы рабочих возрастают, и они должны все сильнее стремиться к увеличению заработной платы; точно так же появляется тенденция к росту цен сырых материалов. Все это вместе усиливает стремление к поднятию цен продуктов промышленности, между тем как спрос на них, как мы видели, падает. Если удастся при этом поднять цены, то еще более задерживается и без того замедленный сбыт товаров, т.-е. оборот капиталов; если же поднять цены не удается, тогда цены готовых продуктов оказы-

ваются ниже возросшей стоимости производства. В обоих случаях норма прибыли падает, и следствием всего этого будет общий застой и нищета для широких рабочих масс.

Наконец, при рассмотрении вопроса об экономическом влиянии общего под'ема или понижения цен следует принять во внимание международную конкурренцию. На мировом рынке укрепляется сильнее других та нация, которая за свои товары требует самых низких цен, а это она может делать длительно и с успехом лишь тогда, когда стоимость производства у нее ниже, чем у других.

Этим об'ясняются те гимны, которые сторонники свободной торговли воспевают низким ценам; их точка зрения не ложная, но истинность ее имеет не абсолютный, а лишь относительный характер. Но еще меньше оснований абсолютно восхвалять высокие цены, как это любят делать сторонники покровительственных пошлин. Лишь при вполне определенных условиях высокие цены означают экономическое благосостояние. К числу этих условий не принадлежит обложение промышленности, работающей на мировой рынок, высокими государственными налогами. А между тем к этому именно сводится введение запретительных пошлин на все продукты, в том числе и на сырье, и на жизненные припасы.

В общем можно сказать, что рост цен, происходящий вследствие усиленного спроса, связан с влияниями, вызывающими повышенное благосостояние. Наоборот, рост цен, происходящий вследствие уменьшения или затруднения предложения, несет с собой усиление нищеты.

Поэтому влияние увеличенного производства золота на состояние общества прямо противоположно тому влиянию, которое имеют другие, упомянутые выше, факторы повышения цен. Но не все эти факторы действуют одновременно с одной и той же силой. В зависимости от того, какой из них преобладает, общественная жизнь принимает различный характер, и рост цен ощущается положительно, как признак благосостояния, или мучительно, как состояние нищеты.

С 1894 г. до последнего времени преобладало влияние производства золота, сказавшееся раньше и сильнее других повышающих цену факторов, за исключением запретительных пошлин, влияние которых было преходящее. В этих условиях возникло настроение, которое мы называем ревизионизмом, учение, что капиталистическое производство само в себе развивает тенденции, которые все более повышают благосостояние пролетариата, уменьшают его эксплоатацию и, таким образом, приводят к постепенному преодолению тенденций к обнищанию без всякой политической революции.

Как в шестнадцатом веке сила протестантизма в Германии, как после 1848 г. сила чартизма в Англии, так с 1895 г. и в сфере современного капитализма революционный пыл всего рабочего класса был ослаблен усиленным производством золота. На этот раз, однако, не надолго.

За последние годы ожидания ревизионизма были жестоко обмануты. Есть ли у них надежда стать когда-либо опять на твердую почву?

Ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с тем, как, по нашим предположениям, пойдет дальше производство золота.

Темп его повышения с 1890 г. читатель найдет в следующей таблице:

Годы	Производство в тысячах килограмм.	Больше чем в предыдущем году	
		Абсолютно в тысяч. килограмм.	В процентах
1890	179	—	—
1891	196	17	9,4
1892	221	25	12,7
1893	237	16	7,2
1894	273	36	15,1
1895	299	26	9,8
1896	304	5	1,7
1897	355	51	16,7
1898	432	77	21,6
1899	462	30	6,8
1900	383	— 79[1])	—17,1[1])
1901	393	10	2,6

[1]) Сокращение.

Годы	Производство в тысячах килограмм.	Больше чем в предыдущем году	
		Абсолютно в тысяч. килограмм.	В процентах.
1902	446	53	13,5
1903	493	47	10,5
1904	523	30	6,0
1905	568	45	8,7
1906	605	37	6,5
1907	621	16	2,6
1908	666	45	7,2
1909	683	17	2,5
1910	684	1	0,1
1911	703	19	2,8

Мы видим, что степень ежегодного повышения добычи золота значительна, за исключением эпохи бурской войны и ее последствий (1899, 1900 и 1901 г.г.). Цифры 1897 и 1898 гг. взлетают особенно высоко благодаря открытию россыпей на Аляске.

Но с 1905 г. процент ежегодного повышения значительно понижается за исключением 1908 г. В 1910 г. он падает почти до нуля—0,1 процента.

Замечательно движение цифр добычи золота по отдельным крупным областям золотопромышленности. По отчету директора Американского монетного двора (только цифра для 1911 г. взята из отчета Нью-Йоркского «Engineering and Mining Journal») движение размеров добычи золота характеризуется следующими цифрами (означающими миллионы долларов):

Годы	Африка	Соединенные Штаты	Австралия	Другие страны
1890	10	33	30	41
1891	16	33	31	50
1892	24	33	34	55
1893	29	36	36	57
1894	40	40	42	60
1895	45	47	45	63
1896	45	53	44	61
1897	59	57	53	67
1898	80	64	65	77
1899	73	71	79	83
1900	9	79	73	94
1901	9	79	77	99
1902	39	80	82	96
1903	68	74	89	97
1904	86	80	88	92
1905	113	88	86	93
1906	135	94	82	90
1907	152	90	76	95
1908	167	95	73	108
1909	171	100	71	112
1910	175	96	65	118
1911	191	96	64	125

Таким образом, в Австралии добыча золота уже понижается. В 1903 г. она достигла своей высшей точки. С тех пор она уменьшилась с 89 до 64 миллионов долларов.

В Соединенных Штатах она, повидимому, также уже достигла своего максимума. С 1906 г. она делает лишь небольшие шаги вперед. Упадок 1910 г. по сравнению с 1909 г. — 99.673.400 долларов, для 1910 г. — 96.269.100 долларов, для 1911 г. — 96.233.000 долларов.

В Южной Африке золотопромышленность делает еще колоссальные успехи, но это следует приписать не увеличению числа рудников, а усиленной эксплоатации прежних рудников, которые тем быстрее будут исчерпаны.

Директор Американского Монетного Двора цитирует иоганнесбургского корреспондента «Engineering and Mining Journal», который говорит:

«Мы теперь уже можем судить о том, что означает 1911 год для истории. Кажется, что лучшая часть могущей быть с прибылью обработанной руды на побережье уже исчерпана, что горная промышленность через несколько лет достигнет здесь максимума своей добычи, что уже почти достигнут, а может быть, уже оставлен позади максимум прибыли. Через несколько лет некоторые хорошо известные прииски будут исчерпаны, как, например, Jubilee Salisbury Champ d'or, который уже в этом году исчерпан».

Таким образом, остается только золото «других стран», особенно Канады, Индии, Мексики, России. Из России «Engineering and Mining Journal» сообщается об упадке производства в 1911 г. по сравнению с 1910 г. с 42,2 до 40,6 миллионов долларов, из Мексики — с 24,1 до 19,5 миллионов, из Индии — с 12,1 до 10,5 миллионов, из Канады сообщается о небольшом увеличении с 10,2 до 10,6 миллионов долларов. Между тем золотопромышленность в главной области Канады, Юконе, уже давно потеряла свое прежнее значение. Добыча золота в Юконе с 1896 г. составляла в миллионах долларов:

1896 . .	0,4	1899 . .	16,0	1902 . .	14,5	1905 . .	7,9	1908 . .	3,6
1897 . .	2,5	1900 . .	22,3	1903 . .	12,3	1906 . .	5,6	1909 . .	3,9
1898 . .	10,0	1901 . .	18,0	1904 . .	10,5	1907 . .	3,2	1910 . .	4,6

Нельзя, конечно, предполагать, что скоро будут исчерпаны все золотые прииски в мире в том смысле, что из них совершенно нельзя будет получать золото с прибылью. Но точно так же нельзя ожидать продолжения быстрого роста производства в том темпе, как это происходило с 1892 г. до 1905 г. Не исключается, конечно, возможность, что вновь будут открыты такие же богатые прииски, как в Южной Африке,—но вероятность этого становится все меньшей.

В сфере товарного производства золото с незапамятных времен до такой степени возбуждает человеческую жадность, что поиски его производятся всегда усреднейшим образом. Поэтому новые богатые рудники могут быть открыты не в странах развитой культуры, а только в диких местностях, которые впервые исследуются и делаются доступны: сначала, в шестнадцатом веке, в испанской Америке, затем в Бразилии, где в 1680 г. были открыты богатые рудники в Минас Гересе. В России золото было открыто на Урале в 1743 г. В начале девятнадцатого века, как уже было замечено выше, следуют одно за другим открытия в Калифорнии и Австралии, а в конце века—в Южной Африке и на Аляске: во всех этих случаях, как мы видим, прииски открывались в некультурных странах. Но капиталистическая культура все больше охватывает мир и семимильными шагами приобщает к себе одну область за другой. Количество неисследованных земель, которые могли бы доставлять золото, сокращается с каждым днем. Все меньше становится число стран, которые готовят нам большие неожиданности в виде новых необыкновенных золотых богатств и которые одним ударом смогут вновь поставить на некоторое время на ноги обанкротившийся капитализм.

Но есть еще одна возможность дальнейшего увеличения добычи золота: возможность технических улучшений, которые позволят эксплоатировать старые рудники с меньшей затратой труда, чем до сих пор, или при той же затрате труда получать больше продукта. Возможности таких улучшений нельзя отрицать; наоборот, они очень вероятны в наш век непрерывных технических революций. Но нет никакого основания полагать, что этот прогресс будет сильнее в золотопромышленности, чем в других отраслях производства, и что он будет так сильно противодействовать возрастающей трудности добычи золота вследствие истощения верхних слоев и необходимости искать глубже, чтобы можно было сохранить тот темп производства золота, который сделался средним за последние двадцать лет. А дело заключается именно в этом: если добыча золота должна стать средством развития благосостояния, то недостаточно, чтобы она просто продолжалась в нынешнем или тем более в сокращенном размере; она должна непрерывно возрастать.

Капиталистическое производство само по себе развивает стремление не только к постоянному, но и к все ускоряющемуся расширению по мере того, как накопление из года в год возрастает, а техника все увеличивает производительность труда. Сбыт этой массы продуктов, сильно возросшей благодаря увеличению произво-

дительности труда, потребление их и продолжение производства во все растущем масштабе, а вместе с тем благосостояние общества,— все это при господстве товарного производства зависит от того, встречает ли рост этих факторов возросший в той же мере спрос, т. е., при всех прочих равных условиях; возросшую сумму денег.

Но, конечно, это правило будет верно лишь при прочих равных условиях. Эти условия могут меняться, и одно и то же количество золота может иметь то большее, то меньшее экономическое влияние.

Но нет никакого основания предполагать, что подобные условия противодействуют замедлению роста добычи золота. Более быстрое или медленное обращение денег тесно связано с общим ходом производственного процесса—оно ускоряется в периоды благосостояния и замедляется во время кризисов. Нельзя ожидать, что период сокращающейся добычи золота непременно совпадет с эпохой растущего благосостояния и что уменьшившееся количество золота возымеет большее действие, благодаря ускоренному обращению.

Можно было бы думать, что на Востоке, особенно в Египте, Индии и Китае, еще скоплены большие суммы денег, которые, благодаря проникновению капитализма, в особенности банков, смогут быть превращены в циркулирующие, вызывающие спрос деньги.

Мы уже видели выше, как со времен классической древности Восток привлекал к себе все больше золота и серебра, которое затем изымалось из оборота и накоплялось. От времени до времени эти сокровища Востока отнимаются у него, но его внешняя торговля, вывозившая гораздо больше ценностей, чем ввозившая их, давала всегда возможность собирать заново такие сокровища.

«Bulletin de la statistique générale de la France» приводит в июльском номере 1912 г. сводку, хорошо иллюстрирующую внешнюю торговлю Индии.

Внешняя торговля Британской Индии (в среднем в год в миллионах франков).

Годы	Товары			Благородн. металлы		Избыток вывоза
	Ввоз	Вывоз	Избыток вывоза	Ввоз золота	Ввоз серебра	
				Избыток над вывозом		
1835 до 1839	118	264	146	вместе 50		96
1840 » 1844	183	328	145	» 55		90
1845 » 1849	217	373	156	» 42		114
1850 » 1854	263	453	190	27	63	100
1855 » 1859	371	593	222	60	187	— 25 [1]
1860 » 1864	571	1003	432	140	242	50
1865 » 1869	754	1330	576	139	237	200
1870 » 1874	786	1339	553	73	86	94
1875 » 1879	843	1324	481	15	140	326
1880 » 1884	1035	1631	596	85	128	383
1885 » 1889	1138	1682	504	58	165	281
1890 » 1894	1200	1779	579	39	206	334
1895 » 1899	1121	2635	514	38	95	381
1900 » 1904	1423	2099	676	104 [2]	138	434
1905 » 1909	2015	2782	767	157	284	326
1910	2062	3158	1096	365	159	572
1911	2248	3519	1271	403	146	722

Таким образом, согласно цифрам торгового баланса, Индия должна была бы становиться все богаче, ибо избыток вывоза из нее товаров растет быстро и непрерывно. Но львиная доля этого избытка идет в Англию без всякого вознаграждения с ее стороны. Поскольку этот избыток не уравновешивается ввозом благородных ме-

[1]) В течение этих 5 лет преобладал в виде исключения ввоз. Это было во время начала постройки больших железных дорог.

[2]) С 1900 г. в Индии окончательно введена золотая валюта, и золотые монеты обращаются в ней в значительном количестве. До тех пор господствовала серебряная валюта. С тех пор ввоз золота возрастает, а ввоз серебра падает.

таллов; цифра его равнозначна с суммой эксплоатации Индии Англией. Несмотря на все красивые слова, эксплоатация эта из года в год растет, а Индия при этом беднеет.

И все же она накопляет сокровища благородных металлов; она производит золото (в 1910 г.—17.826 килограммов, ценностью в 2,2 миллиона фунтов стерлингов, около 45 миллионов марок). Кроме того, она ежегодно ввозит благородные металлы на сумму около 400 миллионов марок. В своем докладе Ост-индийской ассоциации сэр Джемс Вильсон определяет избыток ввоза золота в Индию с 1890 г. в 5 миллиардов марок, т. е. в одну десятую мирового производства золота за этот промежуток времени.

Аналогична, хотя и не так значительна, эксплоатация народных масс и накопление золотых сокровищ в Египте.

Внешняя торговля Египта (в среднем в год в миллионах франков)

Годы	Товары			Благор. металлы		Избыток вывоза
	Ввоз	Вывоз	Избыток вывоза	Ввоз золота	Ввоз серебра	
				Избыток над вывозом		
1890 до 1894	227	363	136	18	0	118
1895 » 1899	262	375	113	41	2	70
1900 » 1904	418	517	100	70	5	25
1905 » 1909	610	680	70	51	5	14
1909	569	737	168	14	0	154
1910	603	829	226	151	1	74

Совершенно невозможно вычислить и даже приблизительно определить, какая часть ввезенного золота идет на промышленные цели, какая часть остается или превращается в монету и какая часть поступает в оборот или сохраняется в виде сокровищ.

Обычай употреблять благородные металлы на украшения и накоплять их в качестве сокровищ очень распространен в этих странах. Директор Американского Монетного Двора запросил в 1909 г. американского генерального консула в Каире, куда девается золото, ввозимое в Египет. Консул сообщил, что в 1905 г. каирское штемпельное бюро предприняло обследование, показавшее, что в этом году на производство украшений было затрачено золота на 2 миллиона фунтов стерлингов, т. е. более 40 миллионов марок. Невозможно, конечно, установить, какую часть составляет здесь вновь ввезенное золото и какую—старый материал.

Характерны также некоторые типичные факты, которые лорд Кромер сообщил в 1907 г. в одной речи в Лондоне:

«Несколько лет тому назад я слышал об одном египтянине, оставившем после смерти наследство в 80.000 фунтов стерлингов (более 1.600.000 марок), лежавших в его кладовой в виде золотых монет. Далее, я слышал об одном состоятельном землевладельце, кушившем имение за 25.000 фунтов стерлингов (более 500.000 марок). Через полчаса после подписания контракта он появился с вереницей ослов, несших на своих спинах золото, которое было закопано в саду».

Ясно, что на Востоке имеются еще значительные количества «мертвого» золота, которое может быть введено в капиталистический оборот. Но этот процесс начинается не теперь; он с значительной силой происходит уже в течение последних двух десятилетий. Чтобы противодействовать влиянию замедленной добычи золота, он должен был бы не только вообще продолжаться, но продолжаться значительно более быстрым темпом, чем до сих пор. Ничто не дает нам права допустить такое предположение.

Скорее можно ожидать, что и этот процесс замедлится; ибо подобно тому, как уменьшается количество неисследованных стран, которые могут содержать золотые россыпи, точно так же сокращаются из года в год еще неприобщенные к капитализму страны Востока, которые могли до сих пор доставлять неиспользованные сокровища. Это уменьшение идет тем быстрее, чем скорее расширяется сфера капиталистического процесса обращения капиталов, чем скорее распространяются на Востоке железные дороги и банки.

Таким образом, увеличение производства золота и идущие с ним параллельно, отчасти зависящие от него, методы усиленного производства денег все меньше и меньше оказывают такое экономическое влияние, которое приводит к повышению цен. Но повышение благодаря этому нисколько не прекращается. Оно продолжается и как раз теперь становится неприятным. Ибо теперь выступают на первый план упомянутые выше факторы повышения цен, которые не ослабляются, а усиливаются.

Для определения особенностей нынешней дороговизны приведем несколько цифр. Они взяты из статистики цен американского Бюро Труда в Вашингтоне. В качестве основы движения цен взята средняя цифра за 1890—1899 гг., принятая за 100. Мы приводим сначала две главные группы: сырые материалы и продукты промышленности, а затем некоторые группы второго порядка, которые особенно характерны для движения цен.

Получаем следующую таблицу.—

Годы	Сырые материалы	Продукты промышленности	Продукты сельского хозяйства	Хлопчатая бумага	Платье	Металлы и утварь	Сосновые дрова
1897 . . .	87,6	90,1	85,2	92,2	91,1	86,8	93,7
1898 . . .	94,0	93,3	96,1	76,9	93,4	86,4	96,7
1899 . . .	105,9	100,7	100,0	84,7	96,7	114,7	107,9
1900 . . .	111,9	110,2	109,5	123,8	106,8	120,5	120,5
1901 . . .	111,4	107,8	116,9	111,1	101,0	111,9	119,4
1902 . .	122,4	110,6	130,5	115,1	102,0	117,2	137,2
1903 . . .	122 7	111,5	118,8	144,7	106,6	117,6	141,9
1904 . . .	119,7	111,3	126,2	155,9	108,8	109,6	141,5
1905 . . .	121,2	114,6	124,2	123,1	112,0	122,5	150,7
1906 . .	126,5	121,6	123,6	142,0	120,0	135,2	171,6
1907 . . .	133,4	128,6	137,1	153,0	126,7	143,4	187,0
1908 . . .	125,5	122,2	133,1	134,8	116,9	125,4	189,0
1909 . . .	136,8	123,9	153,1	156,0	119,6	124,8	194,4
1910 . . .	139,7	129,6	164,6	194,8	123,7	128,5	196,1
1911 . . .	139,9	126,6	162,0	168,0	119,6	119,4	201,9

В общем можно сказать, что цены продуктов промышленности колеблются меньше, чем цены продуктов сельского хозяйства, у которых результат жатвы так сильно зависит от погоды. При этом бросается в глаза, что тенденция к росту цен у продуктов сельского хозяйства значительно сильнее, чем у фабрикатов. У последних тенденция к повышению цен едва обнаруживается в последние годы, годы понижения производства золота. Фабрикаты в общем достигают уже в 1907 г. (при цифре 128,6) своего наивысшего пункта, который они лишь незначительно переступают (129,6) в 1910 г., а в 1911 г. опять падают до 126,6. Для платья мы имеем цифры: в 1907 г.—126,7, в 1911 г.—119,6. Металлы и утварь дают цифры: в 1907 г.—143,3 и в 1911 г.—119,4. Для продуктов сельского хозяйства мы, наоборот, находим: в 1907 г.—137,1, в 1911 г.—162,0. Для хлопчатой бумаги имеем: в 1907 г.—153,0, в 1911 г.—168,0, после того как она в 1910 г. достигла невероятной высоты 194,8. Дрова повышаются в цене непрерывно. Даже кризис, вызвавший в 1907 и 1908 гг. общее понижение цен, прошел для дров совершенно незаметно.

Здесь очень ясно сказывается влияние капиталистического уничтожения лесов, а в сельском хозяйстве—повышающего цены влияния частной земельной собственности.

Общий характер развития цен с 1907 г. следующий: постоянное вздорожание средств существования для рабочих, сельскохозяйственных сырых материалов для промышленности, более медленный рост спроса на продукты промышленности, а также застой в росте заработной платы промышленных рабочих. Это относится прежде всего к Америке. В Европе нет такой всеобъемлющей статистики цен. Но то, что у нас известно из области статистики цен, обнаруживает ту же картину.

И это развитие будет продолжаться, чем дальше продолжается хищническое хозяйство, чем шире распространяется частная собственность на землю вместе с ростом населения и расширением царства капитализма и чем тяжелее становится его бремя. Картели промышленных капиталистов могут парализовать губительное действие этих факторов на их прибыль, но зато это действие с двойной силой обрушивается на некартелированных предпринимателей и на рабочих.

Не менее вредна для рабочих попытка противодействовать вздорожанию сельскохозяйственных сырых материалов, вроде хлопчатой бумаги и жизненных припасов, посредством колониальной завоевательной политики. Ибо влияние ее на сельскохозяйственные продукты еще неопределенно и может сказаться лишь в далеком будущем, тогда как частная собственность на землю, равно как и хищнический способ хозяйства взвинчивают цены и в колониях. Неизбежным же следствием колониальной политики, скоро дающим себя чувствовать, является быстрый рост морских вооружений, а, следовательно, и налогов, т. е. обременение рабочего класса, усиление тенденций к росту цен.

Повышение цен теперь совершенно меняет свой характер. До тех пор, пока преобладающим было влияние увеличенной добычи золота, усиленного спроса, рост цен ощущался, как благотворное явление, как следствие увеличивающегося благосостояния. Но с того времени, как влияние усиленного производства золота отступает на второй план, а проявляют свое влияние другие факторы роста цен, действующие не через увеличенный спрос, а через сокращенное предложение,— с этого времени увеличение цен приобретает все более гнетущий характер. Из следствия растущего благосостояния оно превращается в причину растущей нищеты, и не только социальной, относительной нищеты, усиленной эксплоатации, но и абсолютной физической нищеты.

По мере того, как новые тенденции усиливаются, к постоянному повышению цен на жизненные припасы присоединяется растущая постоянная безработица. Это вызывает крайне быстрое развитие и величайшее обострение тех тенденций современного способа производства, которые эрфуртская программа определяет словами «Капитала», как «усиленный рост необеспеченности существования, нищеты, гнета, порабощения, унижения, эксплоатации», но вместе с тем, как говорил далее «Капитал», «возмущение все увеличивающегося самим механизмом капиталистического процесса производства обученного, объединенного и организованного рабочего класса».

Классовая борьба пролетариата продолжается при растущих и падающих ценах, в период увеличивающегося благосостояния и в периоды усиливающейся нужды, ибо она возникает из классовых противоречий, создаваемых капиталистическим обществом при всяких условиях. Но формы классовой борьбы различны во время промышленного подъема и во время хозяйственного застоя. Подъем способствует укреплению организаций пролетариата, его силы и сознания этой силы, но он притупляет сознание классовых противоречий и ослабляет революционный порыв к ниспровержению всей капиталистической системы и защищающей ее государственной власти. Периоды застоя и усиливающейся нищеты обостряют сознание классовых противоречий и укрепляют революционный порыв пролетариата по мере того, как условия жизни становятся все более невыносимыми.

Поэтому такие периоды всегда приводят к глубоким потрясениям существующего государственного и общественного порядка. От этих потрясений пролетариат может получить тем больше пользы; он может благодаря им тем скорее завоевать в государстве новые позиции против имущих классов, чем целесообразнее он использовал предшествующий период подъема для увеличения своей мощи и осознания своих сил.

Обзор последних десятилетий приводит нас к убеждению, что наша партия и профессиональные союзы исполнили свою обязанность. И мы можем уверенно итти в бои, которые готовит нам новая эра капитализма, когда быстрое увеличение добычи золота больше уже не будет противодействовать обострению классовых противоречий, когда капитал будет создавать свои возрастающие богатства лишь путем усиливающегося обнищания народных масс, которые все сильнее вынуждаются под угрозой собственной гибели добиться гибели власти капитала.

СТОИМОСТЬ ЗОЛОТА В УЧЕНИИ МАРКСА О СТОИМОСТИ. [1])

ЕВГ. ВАРГА.

Стимулом к написанию настоящей статьи послужила моя беседа с т. Дволайцким, касавшаяся указанной в заглавии темы. Дискуссию, которая велась по тому же вопросу в «Neue Zeit», я считал законченной. Я не видел также никаких оснований для выступления против пространных рассуждений т. Людвига, так как они ровным счетом ничего не прибавляют к аргументации Каутского и Отто Бауэра. Оказывается, однако, что мой сжатый способ изложения, представляющийся иногда немарксистским, затрудняет понимание моих рассуждений даже русским товарищам. Я поэтому хочу попытаться дать более ясную формулировку. В своем анализе я предполагаю известным читателю Марксово учение о деньгах и сразу приступаю к существу проблемы.

Основной вопрос таков:

Можно ли признать изменения в количестве вновь добытого золота или в издержках производства этого золота при исторических данных конкретных условиях, созданных капитализмом в довоенное время, как причину изменения общего уровня цен?

Я утверждаю: нет, это возможно только в одном случае, о котором мы будем говорить дальше. Мои противники говорят: да, во всех случаях.

Их аргументация состоит в повторении Марксовой теории денег. Я поэтому не считаю нужным излагать эту теорию. Она была и останется верной. Мне абсолютно не приходит в голову утверждать,— как это мне приписывает т. Людвиг,—что золотые деньги не имеют собственной стоимости. Это—нелепость [2]). Когда я в своем предисловии к книге Шефера писал, что «деньги более или менее потеряли характер товара с собственной стоимостью, то я этим хотел только характеризовать историческое развитие: в докапиталистическое время и даже еще в период раннего капитализма золото (а также серебро и медь) служит деньгами потому, что оно в своей нечеканенной натуральной форме имеет потребительскую стоимость и, в качестве продукта труда, также стоимость. При появлении монеты в центре внимания стояло количество содержащегося в ней золота (монета взвешивалась, ее проба проверялась и т. д.). При капитализме стертая монета функционирует как полноценная, а банкноты и бумажные деньги обращаются наравне с одноименными золотыми монетами. Если кто-нибудь получает в настоящее время доллар, то он никогда не думает, что этот последний представляет собой лишь символ определенного количества золота. И так до войны обстояло дело с валютой всех капиталистических стран. И если о противнике, который не повторяет буквально всю теорию денег Маркса, говорят, что он ее вообще не понимает, то это явно недобросовестно...

---

[1]) Настоящая статья позаимствована из Сборника «Основные проблемы политической экономики» под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина, третье издание ГИЗ Москва. 1925 г.

[2]) Утверждение Людвига, что я под влиянием ненормальных явлений современности отказываюсь от теоретической точки зрения марксизма, отпадает уже потому, что я поставил этот вопрос 12 лет тому назад, когда ни о каком валютном кризисе еще не могло быть и речи.

Теперь к делу.

Я утверждаю, что изменения в производстве золота в конкретных условиях довоенного времени не оказали никакого влияния на образование цен.

Каковы были эти конкретные условия?

Они состояли в том, что любое количество вновь произведенного золота реализовалось, вне всякой зависимости, от действительных издержек производства, по одной и той же цене, выраженной в определенных валютных единицах (марках, франках или долларах). Это могло происходить в двоякой форме: либо путем чеканки золота в монетных дворах, либо путем обмена слитков на банкноты в центральных эмиссионных банках. Различие это, однако, несущественно, так как производитель золота и в том и в другом случае получает одинаковую сумму валютных единиц.

Если добыча одного килограмма золота стоила золотопромышленнику большей суммы валютных единиц, чем та, которую он на основании монетного закона мог вычеканить в монетах из килограмма, или та, которую он мог получить за тот же килограмм в банкнотах в эмиссионном банке, то его производство было связано с убытком. Никогда не могло наступить такого случая, чтобы за килограмм золота можно было получить большее количество валютных единиц, чем это предусмотрено установленной законом пропорцией; ибо центральные эмиссионные банки обязаны были давать — и действительно давали — свои банкноты за золото, соответственно указанной пропорции (за вычетом ничтожной провизии). В силу этого золотопромышленник никак не мог получить за вновь добытое золото хотя бы на одну копейку, больше фиксированной цены золота, ибо всякий покупатель золота мог получить этот металл по указанной цене либо в центральном эмиссионном банке, либо путем переплавки обращающихся золотых монет. При указанных выше условиях это вынуждало золотопромышленника приостановить свое предприятие, как убыточное. (Впрочем, Людвиг описывает это обстоятельство вполне правильно). Если бы золотопромышленники всего мира очутились в таком положении, если бы, например, наступило 10-кратное увеличение издержек производства золота, то добыча золота вообще прекратилась бы во всем мире. Здесь ни в коем случае не наступил бы тот случай, который вытекает из точки зрения Каутского, Бауэра и Людвига, механически распространяющих теорию денег Маркса на современные условия, утверждающих, что все товарные цены упали бы в 10 раз. Они руководствуются следующей цепью рассуждений.

Золото — есть мерило стоимости; стоимость определяется количеством общественно-необходимого рабочего времени resp. издержками производства. Раз издержки производства в 10 раз выше, то цены всех товаров в 10 раз ниже. (Превращение золота в золотые монеты, — благодаря чему оно становится мерилом цен, — ни в малой мере не может изменить значимости закона стоимости).

Различие в точках зрения Каутского, Бауэра и Людвига, с одной стороны, с нашей, с другой, представляется нам по этому вопросу очень значительным.

Предпосылка: повышение издержек производства вновь добытого золота в десять раз против прежнего (в рабочем времени, в валютных единицах).

Вывод по Каутскому, Людвигу и Бауэру: падение всех товарных цен до $^1/_{10}$ прежнего уровня.

Вывод, вытекающий из моего понимания вопроса: общее прекращение добычи золота и никакого изменения цен. (Повышение цен, вследствие недостатка в средствах обращения, наступить не может, так как этот недостаток при «нормальных» условиях покрывается увеличением количества банкнот).

Возьмем противоположный случай: издержки производства золота, вследствие технического изобретения, понижаются в 10 раз против прежнего. Каков будет результат? По Людвигу и Каутскому, 10-кратное повышение всех товарных цен.

По нашему, ответ на этот вопрос может быть дан только при том условии, если будет учтена количественная сторона дела.

Первый случай. Золото добывается в прежних количествах. Результатом понижения издержек производства является рента с рудников в размере 90% всего количества вновь добытого золота. Никакого изменения уровня цен не получится, так как у золотопромышленников нет никаких оснований отдавать свое вновь произведенное золото за меньшее количество валютных единиц, чем то, которое определено фиксированной ценой золота.

Второй случай. В результате удешевления производства золота, последнего добывается больше, чем прежде, ибо ряд местонахождений, которые при старой технике могли бы разрабатываться лишь с убытком, теперь могут быть использованы с прибылью. Если приток вновь добытого золота не выходит за пределы того количества золота, которое может быть поглощено сферой обращения[1]), то результатом этого является обратный приток банкнот из обращения в центральные эмиссионные банки, но отнюдь не изменение уровня цен.

Третий случай. На рынок доставляется такое большое количество золота, что сфера обращения при прежнем уровне цен не нуждается в ней для обслуживания товарооборота. В этом и только в этом случае сокращение издержек производства золота приведет к всеобщему повышению цен.

Но и в этом случае результат не всегда будет таков. Здесь, в свою очередь, возможны два случая:

А. Центральные эмиссионные банки прекращают дальнейшую закупку вновь добытого золота (в Швеции во время войны). Чеканка золота в государственных монетных дворах прекращается; частная чеканка карается, как фальшивомонетничество.

Результаты. Цены остаются на прежнем уровне, но получается расхождение между ценой золота в слитках и золота в монете. Килограмм золота может быть куплен за меньшее количество золота в монетах, или килограмм золота в слитках может быть куплен за меньшее количество валютных единиц (марок, франков, рублей), чем это соответствует монетному закону, действовавшему до закрытия свободной чеканки. Такой случай имел место с серебряной валютой в Индии в конце XIX столетия: один килограмм чистого серебра можно было купить за такое количество серебряных рупий, которое содержало значительно меньше килограмма серебра.

В. Свободная чеканка не прекращается. Центральные эмиссионные банки продолжают закупать серебро до тех пор, пока банкноты не будут целиком вытеснены из обращения и весь товарооборот не будет обслуживаться золотом. В обращение поступают, однако, все новые количества золота в монетах. Возросшему предложению золота золотых монет не противостоит увеличение предложения товаров («золотая инфляция»). Результатом этого является всеобщее повышение цен. Таким образом, сокращение издержек производства золота находит свое выражение во всеобщем подъеме товарных цен, в революции цен.

Идет ли моя концепция вразрез с Марксовой теорией стоимости? Я думаю, что нет. Это—лишь приспособление к конкретной исторической ситуации.

Мое понимание вопроса принципиально ничего не меняет в Марксовой теории стоимости. Золото в его функции мерила стоимости остается воплощением всеобщего рабочего времени. Его собственная стоимость определяется потребным для его производства общественно-необходимым рабочим временем. Но в отличие от других товаров стоимость золота в современную эпоху капитализма определяется не теми издержками, которые требуются для производства вновь добываемого золота: золото обладает «исторической» стоимостью, образовавшейся как синтез различных количеств труда, которые

---

1) Тов. Двольцкому казалась странной формула, которую я дал в другом месте,—что цены остаются неизменными до тех пор, пока центральные эмиссионные банки принимают все вновь произведенное золото по фиксированным ценам. Эта формулировка, однако, абсолютно равнозначна приведенной в тексте, ибо вновь добываемое золото (путем чеканки монет) фактически либо вовсе не попадает непосредственно в обращение, либо попадает в него в ничтожной своей части: оно закупается эмиссионными банками и накопляется в подвалах последних в качестве покрытия банкнот, которые фактически обслуживают оборот.

требовались для производства золота в различные эпохи, и фиксированной затем в законодательном порядке.

Между золотом и всеми другими товарами существует колоссальная разница. Большинство товаров потребляется через короткое время после того, как они произведены: печеный хлеб—в течение суток, обувь и одежда—в течение года, мебель—в 25 лет, здания—в 50 лет, уголь—в три месяца, железо—в десятилетие и т. д. Для всех товаров запас по сравнению с текущей продукцией незначителен. Вследствие этого изменения в издержках производства, т. е. в стоимости, в самый короткий промежуток времени должны найти себе выражение в изменении цен. Старые товарные запасы, произведенные при более высоких или более низких издержках производства, потребляются в короткое время, и цены, благодаря конкурренции, вскоре же изменяются соответственно изменению издержек производства [1]).

Иначе обстоит дело с золотом. Золото в общем не потребляется. Оно накопляется в течение столетий и даже тысячелетий. Вследствие превращения в ювелирные изделия золото не пропадает и не исчезает: оно в любой момент может быть превращено в монеты или слитки. Благодаря этому размеры мирового золотого запаса колоссальны по сравнению с годовым производством. Поэтому вполне естественно, что все золото, накопленное тысячелетиями, не увеличивается и не уменьшается в своей стоимости в зависимости от сравнительно ничтожного количества ежегодно производимого золота (это находится в полном соответствии с законами Марксова учения о стоимости). Напротив, цена небольших количеств золота, вновь производимых за каждый год, определяется исторически данной стоимостью всего количества золота, имеющегося в распоряжении капиталистического мира. Только в разобранном выше случае Ш—В, когда новое, дешево произведенное, золото поступает в сферу обращения в таких количествах, что оно становится излишним для оборота, цены должны соответствующим образом возрасти, дабы золото могло выполнять свою функцию в качестве средств обращения. Оно не может выйти из обращения и функционировать в качестве сокровища, ибо предварительное насыщение всех потребностей в золоте дано в качестве предпосылки.

Моя концепция поэтому не находится в противоречии с Марксовой теорией стоимости. Но в то время, как Каутский, Бауэр Людвиг механически принимают что непосредственное за каждым изменением в издержках производства золота должно последовать соответствующее изменение уровня цен, в то время, как они утверждают это, не будучи в состоянии вскрыть механизм этих изменений при данных конкретных условиях, я думаю, что это приспособление предполагает превращение количества в качество, и что оно должно совершаться скачками, в виде революций цен, охватывающих довольно значительные периоды [2]).

Москва, 17 июня 1924 г.

---

[1]) Между самими золотопромышленниками не существует конкуренции, т. е. стремлении отдельных производителей предлагать свой товар дешевле, чем по рыночной цене, дабы, несмотря на понижение прибыли с единицы продукта, получить большую массу прибыли путем продажи большего количества товаров, ибо именно золотопромышленность не может безгранично расширяться при неизменных издержках производства. Благодаря этому вместо удешевления цен на золото, т. е. повышения товарных цен возникает рента с рудников, и цены остаются неизменными.

[2]) Для молодых товарищей было бы интересной задачей проверить эту концепцию статистически. Я сделал это двенадцать лет тому назад, но благодаря недостатку времени лишен возможности повторить это теперь. Сколько потребовалось бы золота, чтобы исключительно им обслужить обращение. В каком отношении стоит вновь производимое золото к наличному запасу. Как повышение общего уровня цен отразилось на добыче золота.

О ЗНАЧЕНИИ ЗОЛОТА ТЕПЕРЬ И ПОСЛЕ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ СОЦИАЛИЗМА [1]).

Н. ЛЕНИН.

Лучший способ отпраздновать годовщину великой революции — это сосредоточить внимание на нерешенных задачах ее. Особенно уместно и необходимо подобное отпразднование революции в тех случаях, когда есть коренные задачи, еще не решенные революцией, когда требуется усвоить нечто новое (с точки зрения проделанного революцией до сих пор) для решения этих задач.

Новым в настоящий момент является для нашей революции необходимость прибегнуть к «реформистскому», постепеновскому, осторожно обходному методу действий в коренных вопросах экономического строительства. Эта «новизна» вызывает ряд вопросов, недоумений, сомнений и теоретических и практических.

Теоретический вопрос: как об'яснить переход после ряда самых революционных действий с чрезвычайно «реформистским» действием на том же поприще, при условии общего победоносного хода всей революции в целом. Нет ли тут «сдачи позиций», «признания краха» или чего-либо подобного. Враги, конечно, говорят, что есть, начиная от реакционеров полуфеодального типа и кончая меньшевиками или другими рыцарями 2½ Интернационала. На то они и враги, чтобы выкрикивать заявления подобного рода и по всем поводам и без всяких поводов. Трогательное единство в этом вопросе всех партий — от феодалов до меньшевиков — только лишний раз доказывает, что против пролетарской революции являются действительно «одной реакционной массой» все эти партии (как предвидел, в скобках сказать, Энгельс в своих письмах к Бебелю 1875 и 1884 годов).

Но некоторое... «недоумение» есть и среди друзей.

Восстановим крупную промышленность и наладим непосредственный продуктообмен ее с мелким крестьянским земледелием, помогая его обобществлению. Для восстановления крупной промышленности возьмем с крестьян в долг известное количество продовольствия и сырья посредством разверстки. Вот какой план (или метод, систему) проводили мы свыше трех лет, до весны 1921 года. Это был революционный подход к задаче в смысле прямой и полной ломки старого для замены его новым общественно-экономическим укладом.

С весны 1921 года мы на место этого подхода, плана, метода, системы действий ставим (еще не «поставили», а все еще только «ставим» и не вполне это осознали) совершенно иной, типа реформистского: не ломать старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а оживлять торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм, осторожно и постепенно овладевая ими или получая возможность подвергать их государственному регулированию лишь в меру их оживления.

Совершенно иной подход к задаче.

По сравнению с прежним, революционным, это — подход реформистский (революция есть такое преобразование, которое ломает старое в самом основном и коренном, а не переделывает его осторожно, медленно, постепенно, стараясь ломать как можно меньше).

---

[1]) «Правда» № 251, 6. XI, 1921 г. Собрание сочинений т. XVIII, ч. I, стр. 409, М. 1923 г.

Спрашивается: если, испытав революционные приемы, вы признали их неудачу и перешли к реформистским, то не доказывает ли это, что вы вообще революцию об'являете ошибкой? Не доказывает ли это, что не надо было вообще с революции начинать, а надо было начать с реформ и ограничиться реформами?

Такой вывод делают меньшевики и им подобные. Но этот вывод есть либо софизм и простое мошенничество со стороны тех, кто прошел в политике «огонь, воду и медные трубы», либо ребячество со стороны тех, кто «не прошел» настоящего искуса. Для настоящего революционера самой большой опасностью, может быть, даже единственной опасностью, является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать «революцию» с большой буквы, возводить «революцию» в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внешнего выражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздумают, будто «великая, победоносная, мировая» революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному.

Кто «вздумает» такую вещь, тот погиб, ибо он выдумал глупость в коренном вопросе, а во время ожесточенной войны (революция есть самая ожесточенная война) карой за глупость бывает поражение.

Откуда следует, что «великая, победоносная, мировая» революция может и должна применять только революционные приемы. Ниоткуда этого не следует. И это прямо и безусловно неверно. Неверность этого ясна сама собой на основании чисто теоретических положений, если не сходить с почвы марксизма. Неверность этого подтверждается и опытом нашей революции. Теоретически: во время революции делаются глупости, как и во всякое другое время,—говорил Энгельс, и говорил правду. Надо стараться меньше их делать и поскорее исправлять сделанные, учитывая как можно трезвее, какие задачи и когда можно и какие нельзя решать приемами революционными. Наш собственный опыт: брестский мир был образцом действия совсем не революционного, а реформистского или даже хуже, чем реформистского, ибо это было действие попятное, а реформистские действия, по общему правилу, идут вперед медленно, осторожно, постепенно, а не пятятся назад. Правильность нашей тактики во время заключения брестского мира настолько теперь доказана, всем ясна и общепризнана, что не стоит больше терять слов на эту тему.

Вполне доделанной является только буржуазно-демократическая работа нашей революции. И мы имеем законнейшее право этим гордиться. Пролетарская или социалистическая ее работа сводится к трем главным видам: 1) Революционный выход из империалистической всемирной войны: разоблачение и срыв бойни двух всемирных групп капиталистических хищников; это доделано с нашей стороны вполне; со всех сторон могла бы доделать это лишь революция в ряде передовых стран. 2) Создание советского строя, формы осуществления диктатуры пролетариата. Мировой перелом совершился. Эпоха буржуазно-демократического парламентаризма кончена. Началась новая глава всемирной истории: эпоха пролетарской диктатуры. Только ряд стран отделает и доделает советский строй и всяческие формы пролетарской диктатуры. У нас недоделанного в этой области еще очень и очень много. Непростительно было бы не видеть этого. Доделывать, переделывать, начинать с начала нам придется еще не раз. Каждая ступень, что нам удается вперед, вверх в деле развития производительных сил и культуры, должна сопровождаться доделыванием и переделыванием нашей советской системы, а мы очень низко стоим в отношении хозяйственном и культурном. Переделок предстоит много, и «смущаться» этим было бы верхом нелепости (если не хуже, чем нелепости). 3) Экономическое строительство основ социалистического уклада. В этой области не доделано еще самое главное, самое коренное. А это самое верное наше дело, самое верное и с принципиальной точки зрения, и с практической, и с точки зрения РСФСР теперь, и с точки зрения международной.

Раз самое главное не доделано в основе своей, надо все внимание обратить на это. И трудность тут в форме перехода.

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще», — писал я в апреле 1918 года в «Очередных задачах советской власти». Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи.

В данный момент в этой области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при ее правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать.

Это кажется странным. Коммунизм и торговля. Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского патриархального земледелия.

Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым «справедливым» и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и сделали калеками тридцать миллионов в «великой освободительной» войне 1914—1918 гг., в войне для решения великого вопроса о том, какой мир хуже, брестский или версальский; и как из-за того же золота собираются наверняка перебить двадцать миллионов человек и сделать калеками шестьдесят миллионов человек в войне не то около 1925 г., не то около 1928 г., не то между Японией и Америкой, не то между Англией и Америкой, или как-нибудь в этом же роде.

Но как ни «справедливо», как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—1921 гг., только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же: беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле. С волками жить — по волчьи выть, а насчет того, чтобы всех волков истребить, как полагается в разумном человеческом обществе, то будем придерживаться мудрой русской пословицы: «не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...»

Торговля есть единственно возможная экономическая связь между десятками миллионов мелких земледельцев и крупной промышленностью, если... если нет рядом с этими земледельцами великолепной крупной машинной индустрии с сетью электрических проводов, индустрии, способной и по своей технической мощи, и по своим организационным «надстройкам», и сопутствующим явлениям снабдить мелких земледельцев лучшими продуктами в большем количестве, быстрее и дешевле, чем прежде. В мировом масштабе это «если» уже осуществлено, это условие уже есть налицо, но отдельная страна, притом из самых отсталых капиталистических стран, пытавшаяся сразу и непосредственно реализовать, претворить в жизнь, наладить практически новую связь промышленности с земледелием, не осилила этой задачи «штурмовой атакой» и теперь должна осилить ее рядом медленных, постепенных, осторожных, «осадных» действий.

Овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может. Маленький, совсем маленький пример в Донбассе началось небольшое, очень еще небольшое, но несомненное экономическое оживление отчасти благодаря повышению производительности труда на крупных государственных шахтах, отчасти же благодаря сдаче в аренду мелких крестьянских шахт. Пролетарская государственная власть получает таким образом небольшое (с точки зрения передовых стран мизерно-маленькое, а при нашей нищете все же заметное)

количество добавочного угля по себестоимости скажем, в 100%, а продает его отдельным государственным учреждениям по 120%, отдельным частным лицам по 140% (замечу в скобках, что цифры эти я беру совершенно произвольные, во-первых, потому, что я не знаю точных цифр, а, во-вторых, потому, что если бы я их знал, я бы их сейчас не опубликовал). Это похоже на то, что хотя бы в самых скромных размерах мы начинаем овладевать оборотом между промышленностью и земледелием, овладевать оптовой торговлей, овладевать задачей: уцепиться за наличную, мелкую, отсталую промышленность, или за крупную, но ослабленную, разоренную, оживить на данной экономической основе торговлю, дать почувствовать среднему, рядовому крестьянину (а это массовик, представитель массы, носитель стихии) экономическое оживление, воспользоваться этим для более систематической и упорной, более широкой и более успешной работы по восстановлению крупной промышленности.

Не дадим себя во власть «социализму чувства» или старо-русскому, полубарскому, полумижуцкому патриархальному настроению, коим свойственно безотчетное пренебрежение к торговле. Всеми и всякими экономически-переходными формами позволительно пользоваться и надо уметь воспользоваться, раз является в том надобность, для укрепления связи крестьянства с пролетариатом, для немедленного оживления народного хозяйства в разоренной и измученной стране, для под'ема промышленности, для облегчения дальнейших более широких и глубоких мер, как-то: электрификации.

Отношение реформ к революции определено точно и правильно только марксизмом, при чем Маркс мог видеть это отношение только с одной стороны, именно: в обстановке, предшествующей первой, сколько-нибудь прочной, сколько-нибудь длительной победе пролетариата хотя бы в одной стране. В такой обстановке основой правильного отношения было: реформы есть побочный продукт революционной классовой борьбы пролетариата. Для всего капиталистического мира это отношение является фундаментом революционной тактики пролетариата — азбукой, которую извращают и затемняют продажные вожди II Интернационала и полупедантские, полужеманничающие рыцари 2½ Интернационала. После победы пролетариата хотя бы в одной стране является нечто новое в отношении реформ к революции. Принципиально дело остается тем же, но по форме является изменение, которого Маркс лично предвидеть не мог, но которое осознать можно только на почве философии и политики марксизма. Почему мы смогли применить правильно брестское отступление. Потому, что мы так далеко зашли вперед, что бы нам было где отступать. Мы с такой головокружительной быстротой, в несколько недель с 25 октября 1917 года до брестского мира, построили советское государство, вышли революционным путем из империалистической войны, доделали буржуазно-демократическую революцию, что даже громадное попятное движение (брестский мир) оставило все же за нами вполне достаточно позиций, чтобы воспользоваться «передышкой» и двинуться победоносно вперед, против Колчака, Деникина, Юденича, Пилсудского, Врангеля.

До победы пролетариата, реформы — побочный продукт революционной классовой борьбы. После победы они (будучи в международном масштабе тем же самым «побочным продуктом») являются для страны, в которой победа одержана, кроме того, необходимой и законной передышкой в тех случаях, когда сил заведомо, после максимальнейшего их напряжения, нехватает для революционного выполнения такого-то или такого-то перехода. Победа дает такой «запас сил», что есть чем продержаться даже при вынужденном отступлении, — продержаться и в материальном, и в моральном смысле. Продержаться в материальном смысле, — это значит сохранить достаточный перевес сил, чтобы неприятель не мог разбить нас до конца. Продержаться в моральном смысле, — это значит не дать себя деморализовать, дезорганизовать, сохранить трезвую оценку положения, сохранить бодрость и твердость духа, отступить хотя бы и далеко назад, но в меру, отступить так, чтобы во-время приостановить отступление и перейти опять в наступление.

Мы отступили к государственному капитализму. Но мы отступили в меру. Мы отступаем теперь к государственному регулированию торговли. Но мы отступим в меру. Есть уже признаки, что виднеется конец этого отступления, виднеется не в слишком отдаленном будущем возможность приостановить это отступление. Чем сознательнее, чем дружнее, чем с меньшими предрассудками произведем мы это необходимое отступление, тем скорее можно будет его приостановить, тем прочнее, быстрее и шире будет затем наше победоносное движение вперед.

Из речи В. И. Ленина на I Всероссийском Финансовом С'езде (1918 г.) [1].

Задача момента — это замена старых денежных знаков новыми. Деньги, бумажки, — все то, что называется теперь деньгами — эти свидетельства на общественное благосостояние, — действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет имеющихся бумажек для полной замены старых денег новыми.

Несомненно, что на пути проведения этой меры нам придется столкнуться с чрезвычайными экономическими и политическими трудностями; предстоит тщательная подготовительная работа — подготовка нескольких миллиардов новых денег, создание в каждой волости, в каждом квартале крупного города сберегательных касс, но мы не остановимся перед этими трудностями. Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, они получат рубль за рубль, если же она превысит норму, — он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенских кулаков, разбогатевших на войне и зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но и благодарная борьба. Среди нас нет сомнений, что нам надо взять на себя все тяготы этой борьбы, ибо она необходима и неизбежна. Для проведения этой меры нужна огромная подготовительная работа; надо выработать тип декларационного листка, надо развить пропаганду на местах, определить срок обмена старых денег на новые и т. д. Но мы это сделаем. Это будет последний решительный бой с буржуазией и это даст нам возможность платить временную дань иностранному капиталу, пока не пробьет час социальной революции на Западе, и провести необходимые реформы в стране.

Из статьи В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» [2].

Наша работа по организации, под руководством пролетариата, всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов сильно отстала от нашей работы по непосредственной экспроприации экспроприаторов. Это положение является основным для понимания особенностей настоящего момента и вытекающих отсюда задач Советской власти. Центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на организацию такого учета и контроля. Только исходя из этого, можно правильно определить очередные задачи экономической и финансовой политики в области национализации банков, монополизации внешней торговли, государственного контроля за денежным обращением, введения удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налога, введения трудовой повинности.

С социалистическими преобразованиями в этих областях мы крайне отстали (а это весьма и весьма существенные области), и отстали именно потому, что недостаточно организованы учет и контроль вообще. Разумеется, это задача из самых трудных и при разрухе, созданной войной, она допускает лишь длительное решение, но нельзя забывать, что как раз здесь буржуазия — в особенности же многочисленная мелкая и крестьянская буржуазия — дает нам серьезнейший бой, подрывая налаживающийся контроль, подрывая, например, хлебную монополию, отвоевывая позиции для спекуляции и спекулятивной торговли. То, что мы уже декретировали, мы далеко недостаточно еще провели в жизнь, и главная задача момента состоит именно в сосредоточении всех усилий на деловом практическом осуществлении основ тех преобразований, которые уже стали законом, но не стали еще реальностью.

---

[1]) Приведено в докладе Е. С. Лурье «Из истории идеологии законодательства о денежном обращении РСФСР», см. сборник «Денежное обращение и кредит в России и за границей», изд. Инст. Экономич. исслед. НКФ II.—М. 1922 Та же речь приведена в «Нар. Хоз-ве» № от 15. VII, 1918 г., повидимому, в неточной формулировке.

[2]) «Известия ВЦИК» 29/IV 1918; Собрание сочинений И. Ленина, т. XV, стр. 200. М. 1922 г.

Чтобы продолжать дальше национализацию банков и итти неуклонно к превращению банков в узловые пункты общественного счетоводства при социализме, надо прежде всего и больше всего достигнуть реальных успехов в увеличении числа отделений Народного Банка, в привлечении вкладов, в облегчении для публики операций внесения и выдачи денег, в устранении «хвостов», в поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д. Сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, — а затем уже подготовлять более сложное.

Укрепить и упорядочить те государственные монополии (на хлеб, на кожу и проч.), которые уже введены, — и тем подготовить монополизацию внешней торговли государством; без такой монополизации мы не сможем отделаться от иностранного капитала платежом «дани». А вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность.

С взиманием налогов вообще, а поимущественного и подоходного налога в особенности, мы тоже чрезвычайно сильно отстали. Наложение контрибуций на буржуазию — мера принципиально безусловно приемлемая и заслуживающая пролетарского одобрения — показывает, что мы стоим еще в этом отношении ближе к приемам отвоевания (России) от богатых для бедных, чем к приемам управления. Но чтобы стать сильнее, и чтобы стать на ноги, мы должны перейти к этим последним приемам. мы должны заменить контрибуцию с буржуазии постоянно и правильно взимаемым поимущественным и подоходным налогом, который даст больше пролетарскому государству и который требует от нас именно большей организованности, большего налажения учета и контроля.

Письмо В. И. Ленина в комиссию об отмене денежных налогов [1]).

Надо побольше вдуматься (и детально изучить соответствующие факты) в условия переходной эпохи.

Переход денег к безденежному продуктообмену бесспорен.

Чтобы этот переход был успешно завершен, надо, чтобы был осуществлен продуктообмен (а не товарообмен). Пока мы не в силах осуществить продуктообмен, т. е. давать крестьянству промпродукты, до тех пор крестьянство вынуждено оставаться при обломках товарного (а, следовательно, денежного) обращения, при суррогате его.

Отменить суррогат (деньги), пока крестьянству не дали еще того, что устраняет надобность в суррогате, — экономически неправильно.

Надо это обдумать очень серьезно.

30 ноября 1920 г. Ленин.

Из доклада В. И. Ленина «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» на IV Конгрессе Коминтерна. 13 ноября 1921 г. [2]).

Я думаю, что можно русский рубль считать знаменитым, хотя бы уже потому, что количество этих рублей превышает теперь квадриллион. Это уже — кое-что. Это — астрономическая цифра и я уверен, что здесь не все знают, что эта цифра означает. Но мы не считаем, и притом с точки зрения экономической науки, эти числа уже чересчур важными. Нули можно зачеркнуть, и мы уже это искусство, которое с экономической точки зрения тоже совершенно неважно, немного постигли. И я уверен, что в дальнейшем ходе вещей достигнем в этом искусстве еще большего. Что действительно важно, это вопрос стабилизации рубля. Над этим вопросом работают лучшие наши силы и этой задаче мы приписываем решающее экономическое значение. Удастся нам на продолжительный срок, а впоследствии навсегда, стабилизировать этот

[1]) Приведено тов. Н. А. Добросмысловым в «Финансовой газете» № 93, 30/IV 1924 г.

[2]) «Правда» № 251, 6/XI 1921 г.; Собрание сочинений В. И. Ленина, т. XVIII, ч. II, М. 1923 г.

рубль, значит мы выиграли. Тогда все эти астрономические цифры, все эти триллионы и квадриллионы — ничто. Тогда мы сможем наше хозяйство твердо поставить и твердо вести. Я могу вам привести по этому вопросу довольно важные и решающие факты. В 1921 г. период устойчивости курса бумажного рубля продолжался менее трех месяцев. В текущем 1922 г., хотя он еще и не закончился, этот период продолжался свыше пяти месяцев. Я полагаю, что этого уже достаточно. Конечно, этого недостаточно, если вы хотите научного доказательства, что мы в будущем полностью разрешим эту задачу. Но доказать это целиком и полностью, по моему мнению, вообще невозможно. Те цифры, которые я вам сообщил, показывают, что с прошлого года, когда мы начали новую экономическую политику, до сегодняшнего дня мы уже научились итти вперед. Если мы этому научились, то я уверен, что мы научимся и впредь добиваться на этом пути дальнейших успехов, если только не сделаем какой-нибудь особой глупости.

Самое важное, однако, это — торговля, именно товарный оборот, который нам необходим. И если мы справились с ней в течение двух лет, несмотря на то, что находились в состоянии войны (ибо, как вам известно, Владивосток занят всего несколько дней тому назад), несмотря на то, что мы только теперь можем начать вести вполне систематически нашу хозяйственную деятельность, — если мы все же добились того, что период устойчивости поднялся с трех месяцев до пяти, то, я полагаю, мы имеем основание сказать, что мы этим можем быть довольны. Ведь мы одни, мы не получили и не получаем никаких займов ни от одного из тех мощных капиталистических государств, которые так «блестяще» ведут свое капиталистическое хозяйство, — ни одно из них нам не помогло. Версальским миром они создали такую финансовую систему, в которой они сами не разбираются. Если эти великие капиталистические государства так хозяйничают, то я полагаю, что мы, отсталые и необразованные, можем все же быть довольны тем, что мы добились важнейшего: подняли основу стабилизации рубля. Это доказывается не каким-нибудь теоретическим анализом, а практикой, а она, я считаю, важнее, чем все теоретические дискуссии. Практика же показывает, что мы здесь добились решающих результатов, именно начинаем приспособлять хозяйство в направлении стабилизации рубля, что имеет решающее значение для торговли, для свободного товарооборота, для крестьян и громадной массы мелких производителей.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ [1]).

Н. Ленин.

Банки, как известно, представляют из себя центры современной хозяйственной жизни, главные нервные узлы всей капиталистической системы народного хозяйства. Говорить о «регулировании экономической жизни» и обходить вопрос о национализации банков, значит либо обнаруживать самое круглое невежество, либо обманывать «простонародье» пышными словами и велеречивыми обещаниями, при заранее обдуманном решении не исполнять этих обещаний.

Контролировать и регулировать доставку хлеба или вообще производство и распределение продуктов, не контролируя, не регулируя банковых операций, — это бессмыслица. Это похоже на ловлю случайно набегающих «копеечек» и на закрывание глаз на миллионы рублей. Современные банки так тесно и неразрывно срослись с торговлей (хлебной и всякой иной) и промышленностью, что, не «накладывая рук» на банки, решительно ничего серьезного, ничего «революционно-демократического» сделать нельзя.

Но, может быть, это «накладывание рук» государства на банки представляет из себя какую-либо очень трудную и запутанную операцию. Филистеров стараются обыкновенно запугать именно такой картиной, — стараются, конечно, капиталисты и их защитники, ибо им это выгодно.

На самом же деле национализация банков, решительно ни одной копейки ни у одного «собственника» не отнимая, абсолютно никаких ни технических, ни культурных трудностей не представляет и задерживается исключительно интересами грязной корысти ничтожной горстки богачей. Если национализацию банков так часто смешивают с конфискацией частных имуществ, то виновата в распространении этого смешения понятий буржуазная пресса, интересы которой состоят в обманывании публики.

Собственность на капиталы, которыми орудуют банки и которые сосредоточиваются в банках, удостоверяется печатными и письменными свидетельствами, которые называются акциями, облигациями, векселями, расписками и т. п. Ни единое из этих свидетельств не пропадает и не меняется при национализации банков, т. е. при слиянии всех банков в один государственный банк. Кто владел 15 рублями по сберегательной книжке, тот остается владельцем 15 рублей и после национализации банков, а кто имел 15 миллионов, у того и после национализации банков остается 15 миллионов в виде акций, облигаций, векселей, товарных свидетельств и тому подобное.

В чем же значение национализации банков?

В том, что за отдельными банками и их операциями никакой действительный контроль (даже если отменена коммерческая тайна и проч.) невозможен, ибо нельзя уследить за теми сложнейшими, запутаннейшими и хитроумнейшими приемами, которые употребляются при составлении балансов, при основании фиктивных предприятий и филиальных отделений, при пускании в ход подставных лиц и так далее, и тому подобное. Только об'единение всех банков в один, не означая, само по себе, ни малейших изменений в отношениях собственности, не отнимая, повторяем, ни у одного собственника ни единой копейки, дает возможность действительного контроля, — ко

---

[1]) Извлечение из брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» (сентябрь 1917 г.); Н. Ленин. Собрание сочинений т. XIV, стр. 182 и след.

нечно, при условии применения всех других, указанных выше, мероприятий. Только при национализации банков можно добиться того, что государство будет знать, куда и как, откуда и в какое время переливают миллионы и миллиарды. И только контроль за банками, за центром, за главным стержнем и основным механизмом капиталистического оборота позволил бы наладить на деле, а не на словах, контроль за всей хозяйственной жизнью, за производством и распределением важнейших продуктов, наладить то «регулирование экономической жизни», которое иначе осуждено неминуемо оставаться министерской фразой для надувания простонародья. Только контроль за банковыми операциями, при условии их об'единения в одном государственном банке, позволяет наладить, при дальнейших легко осуществимых мероприятиях, действительное взыскание подоходного налога без утайки имуществ и доходов, ибо теперь подоходный налог остается в громаднейшей степени фикцией.

Национализацию банков достаточно было бы именно декретировать, — и ее провели бы директора и служащие сами. Никакого особого аппарата, никаких особых подготовительных шагов со стороны государства тут не требуется: эта мера осуществима именно одним указом, «одним ударом». Ибо экономическая возможность такой меры создана как-раз капитализмом, раз он доразвился до векселей, акций, облигаций и проч. Тут остается только об'единение счетоводства, и если бы революционно-демократическое государство постановило: немедленно по телеграфу, созываются в каждом городе собрания, а в области и во всей стране с'езды директоров и служащих, для безотлагательного об'единения всех банков в один государственный банк, то эта реформа была бы проведена в несколько недель. Разумеется, именно директора и высшие служащие оказали бы сопротивление, постарались надуть государство, оттянуть дело и проч., ибо эти господа потеряли бы свои особенно доходные местечки. потеряли бы возможность особенно прибыльных мошеннических операций; в этом вся суть. Но ни малейших технических трудностей об'единению банков нет, и если государственная власть не на словах только революционная (т. е. не боится рвать с косностью и рутиной), не на словах только демократическая (т. е. действующая в интересах большинства народа, а не кучки богатеев), то достаточно бы декретировать конфискацию имущества и тюрьму, как наказание директорам, членам правления, крупным акционерам, за малейшую оттяжку дела и за попытки сокрытия документов и отчетов, достаточно было бы, например, об'единить отдельно бедных служащих и выдавать им премию за обнаруживание глаже-гладкого и быстрее-быстрого.

Выгоды для всего народа, и особенно не для рабочих (ибо рабочим с банками мало приходится иметь дело), а для массы крестьян и мелких промышленников, были бы от национализации банков огромные. Сбережение труда получилось бы гигантское, и если предположить, что государство сохранило бы прежнее число банковых служащих, то это означало бы в высшей степени большой шаг вперед в направлении к универсализации (всеобщности) пользования банками, к увеличению числа их отделений, доступности их операций и проч. и проч. Доступность и легкость кредита именно для мелких хозяйчиков, для крестьянства, возросла бы чрезвычайно. Государство же впервые получило бы возможность сначала обозревать все главные денежные операции, без утайки их, затем контролировать их, далее регулировать хозяйственную жизнь, наконец, получать миллионы и миллиарды на крупные государственные операции, не платя за «услугу» бешеных «комиссионных» господам капиталистам. Вот почему, — и только поэтому, — все капиталисты, все буржуазные профессора, вся буржуазия, все услужающие ей Плехановы, Потресовы и К° с пеной у рта готовы воевать против национализации банков, выдумывать тысячи оттворок против этой величайшей и насущнейшей меры, хотя даже с точки зрения «обороны» страны, т. е. с военной точки зрения эта мера была бы гигантским плюсом: она подняла бы «военную мощь» страны в громадных размерах.

Здесь могут, пожалуй, возразить: отчего же такие передовые государства, как Германия и Соединенные Штаты Америки, проводят в жизнь великолепное «регулирование экономической жизни» и не думают осуществлять национализации банков?

Оттого, ответим мы, что эти государства, — хотя одно монархия, а другое республика, — являются оба не только капиталистическими, но и империалистскими. Являясь таковыми, они проводят в жизнь необходимые для них преобразования путем

реакционно-бюрократическим, мы же говорим здесь о пути революционно-демократическом.

Эта «маленькая разница» имеет очень существенное значение. О ней большей частью «не принято» думать. Слово «революционная демократия» стало у нас (особенно у эсеров и меньшевиков) почти что условной фразой, вроде выражения: «слава богу», которое употребляется и людьми не настолько невежественными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: «почтенный гражданин», с которым обращаются даже иногда к сотрудникам «Дня» или «Единства», хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому участие в них якобы социалистов имеет в себе очень мало «почтенного».

Если слова — «революционная демократия» употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а думать над их значением, то быть демократом — значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства, быть революционером — значит ломать все вредное, отжившее самым решительным, самым беспощадным образом.

Ни в Америке, ни в Германии ни правительство, ни правящие классы и не претендуют, насколько слышно, на то звание «революционной демократии», на которое претендуют (и которое проституируют) наши эсеры и меньшевики.

В Германии всего 4 крупнейших частных банка, имеющих общенациональное значение, в Америке — всего два. Финансовым королям этих банков легче, удобнее, выгоднее соединяться приватно, тайком, реакционно, а не революционно, бюрократически, а не демократически, подкупая государственных чиновников (это общее правило и в Америке, и в Германии), сохраняя частный характер банков именно для сохранения тайны операций, именно для взимания миллионов и миллионов «сверхприбыли» с того же государства, именно для обеспечения мошеннических финансовых проделок.

И Америка, и Германия «регулируют экономическую жизнь» так, чтобы рабочим (и крестьянам отчасти) создать военную каторгу, а банкирам и капиталистам — рай. Их регулирование состоит в том, что рабочих «подтягивают» вплоть до голода, а капиталистам обеспечивают (тайком, реакционно-бюрократически) прибыли выше тех, какие были до войны.

Такой путь вполне возможен и для республикански-империалистской России; он и осуществляется не только Милюковым и Шингаревым, но и Керенским вкупе с Терещенкой, Некрасовым, Бернацким, Прокоповичем и К°, которые тоже прикрывают реакционно-бюрократически «неприкосновенность» банков, их священные права на бешеные прибыли. Давайте же лучше говорить правду: в республиканской России хотят реакционно-бюрократически регулировать экономическую жизнь, но затрудняются «часто» провести это в жизнь при существовании «Советов», которых не удалось разогнать Корнилову номер первый, но которые постарается разогнать Корнилов номер второй...

Вот это будет правда. И эта простая, хотя и горькая правда полезнее для просвещения народа, чем сладенькая ложь о «нашей» «великой», «революционной», демократии...

Национализация банков чрезвычайно облегчила бы одновременную национализацию страхового дела, т. е. об'единение всех страховых кампаний в одну централизацию их деятельности, контроль за ней государства. С'езды служащих в страховых обществах и здесь выполнили бы это об'единение немедленно и без всякого труда, если бы революционно-демократическое государство декретировало это и предписало директорам правлений — крупным акционерам под строгой ответственностью каждого осуществить об'единение без малейшего промедления. В страховое дело вложены капиталистами сотни миллионов, вся работа выполняется служащими. Об'единение этого дела понизило бы страховую премию, дало бы массу удобств и облегчений всем страхующимся, позволило бы расширить их круг, при прежней затрате сил и средств. Решительно никаких других обстоятельств, кроме косности, рутины и корысти горстки обладателей доходных местечек, не задерживает этой реформы, которая опять-таки и «обороноспособность» страны подняла бы, дав сбережение народного труда, открыв ряд серьезнейших возможностей «регулировать экономическую жизнь» на деле, а не на словах.

ДЕНЬГИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ [1]).

Инфляция.

Будут ли упразднены в социалистическом обществе деньги? Не вытекает ли это с необходимостью из самого понятия социалистического хозяйства, как потребительского хозяйства («Bedarfsdeckungswirtschaft»), т. е. хозяйства, стимулом и целью которого является удовлетворение потребностей? И в самом деле, упразднение денег по сию пору почитается многими социалистами, как бесспорное социалистическое требование. Равным образом и со стороны коммунистов наше внимание обращалось на то, что лучшим путем для достижения этой задачи является инфляция, обесценивающая в конечном счете деньги.

Без обиняков следует признать, что, при постановке пред собой задачи упразднить деньги, единственным путем к этому является — сделать излишними функции, до сих пор осуществлявшиеся деньгами. Между тем, инфляция не упраздняет этих функций, — она лишь разрушает инструмент, при помощи которого эти функции осуществляются и таким образом нарушает и тормозит всю общественную жизнь.

Первая и важнейшая задача денег — это посредничество при обмене и при обращении товаров. В товарном хозяйстве каждый производит то, в чем он сам не нуждается, и приобретает предметы, в которых он нуждается, путем обмена продуктов, произведенных им самим или же нанятыми им рабочими, на продукты чужого труда. При этом никто не имеет намерения безвозмездно работать на других. При полной свободе конкуренции и труда продукты приравниваются один к другому по ценности и как равноценные обмениваются одни на другие, в соответствии с равенством затрат труда на их производство.

Производство продуктов при помощи наемной рабочей силы может несколько модифицировать этот закон, но не может отменить его.

Раз обмен товаров совершается при посредстве денег, т. е. при посредстве товара, который принимается каждым, важна устойчивость (неизменность) ценности товара-денег (Geldware), а затем также и денежных знаков, имеющих хождение как определенные количества товара-денег. Ибо при таких условиях становится возможным купить товар и только позже его оплатить. Точно так же только при таких условиях становится возможным продать товар и не истратить немедленно вырученные за него деньги на покупку нового товара.

Если деньги не имеют устойчивой ценности (Wertbeständigkeit), если их ценность падает, то через некоторое время они будут представлять меньшее количество труда, чем прежде, и таким образом окажется, что их обладатель затратил свой труд или труд своих наемных рабочих в некоторой части безвозмездно. Когда обесценение денег вызывается экономически необоснованной фабрикацией их государством, тогда именно спекулянты валютой являются теми лицами, на которых другие безвозмездно работают.

Инфляция, обесценение денег далеки от того, чтобы их можно было назвать социалистическим мероприятием, — они являются обложением населения в пользу государства и спекулянтов.

---

[1]) K. Kautsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm. Berlin u. Stuttgart 1922. S.s. 306 — 324.

Инфляция, являясь, с одной стороны, налогом, притом более несправедливым, тяжелым, разрушительным и бессмысленным, чем какой-либо иной налог, в том числе и косвенный, регулярно падающий на население, — с другой стороны, является средством обогащения самых вредных элементов класса капиталистов.

Растущая нищета — спутник инфляции — порождает с необходимостью рост богатства спекулянтов. Поэтому инфляция при всех условиях — огромное зло. В капиталистическом государстве она поражает, однако, не одних только рабочих, но также многих капиталистов, — в то время, как спекулянты процветают, рантье впадают в нищету.

Совершенно иные последствия имеет инфляция, как социалистическое мероприятие, в Советской республике рабочих и крестьян, где класс капиталистов уже экспроприирован, притом безвозмездно. Здесь деньги являются почти исключительно орудием платежа рабочим, служащим и крестьянам. В этих условиях обесценение денег отражается лишь на частичном уменьшении размера заработной платы или вознаграждения за продукт труда рабочих, служащих и крестьян.

Итак, если пролетарскому государству при своем возникновении придется иметь дело с инфляционным хозяйством, оно будет иметь все основания к тому, чтобы стремиться к скорейшей ликвидации такого хозяйства. Во всяком же случае пролетарский режим безусловно не должен класть начала инфляционному хозяйству, или давать ему внедряться.

2. Упразднение денег.

Итак, инфляция не может быть названа правильным путем к упразднению денег. Мы полагаем, что капиталистическое хозяйство не может быть отменено сразу (mit einem Schlage); и до тех пор, пока эта цель не достигнута, не представляется также возможным обходиться без денег.

Но можно ли будет обойтись без денег позже? Некоторые социалисты отождествляют социализм с «концом денег». Так, например, Отто Нойрат (O. Neurat) в своей книге «Wesen und Weg der Sozialisierung» (стр. 16) пишет следующее.

«Мы должны, наконец, освободиться от устарелых предрассудков и считать великое натуральное хозяйство (Grossnaturalwirtschaft) полноценной хозяйственной формой, имеющей ныне тем большее значение, что всякое вполне управляемое хозяйство (Verwaltungswirtschaft) в конечном счете является хозяйством натуральным. Поэтому социализировать — значит способствовать натуральному хозяйству. Держаться за раздобленный, неподдающийся управлению денежный строй (Gelgordnung) и в то же время ставить перед собой задачу социализации — значит впадать во внутреннее противоречие. Существо денег заключается в том, что они не поддаются управлению (руководству); все попытки определить «правильное количество денег» — тщетные усилия».

«Имевшие до сих пор место денежно-политические устремления оказывались практически бесплодными, теоретически неудовлетворительными не потому, конечно, что их творцы оказались неспособными, но потому, что деньги оказались неподходящим об'ектом для всех этих усилий. И если однажды будет осознана до конца сущность денег, то все будут освобождены как бы от повязки на глазах, — тогда вековая история представится, как огромное заблуждение».

Заключительные строки не совсем ясны. Быть может, О. Нойрат хотел сказать, что ему наконец-то удалось осознать отчетливо сущность денег, что мировая история в течение последних столетий страдала от того, что он, О. Нойрат, не появился на свет божий раньше, и что поэтому господствовало глубокое заблуждение!.. Но в таком случае он был бы обязан изложить нам свое ясное познание сущности денег, дабы и мы освободились от повязки на глазах. Или, быть может, он хотел сказать, что совершенное об'яснение сущности денег еще только должно быть кем-то дано. Смысл приведенной выше цитаты дает повод к такому толкованию. Каким же образом он решается делать выводы из этой еще нерожденной теории и провозглашать, что она способна на все?

В мире познания нельзя платить векселями, срок платежа по которым наступает лишь позже. Здесь приходится платить наличными, и во всяком случае — да будет это сказано в поучение О. Нойрата — не деньгами, но натурой, подлинными открытия-

ми. А пока, к сожалению, я не в состоянии «освободиться от застарелых предрассудков», если только к ним относят также и теорию денег Маркса. До тех пор, пока О. Нойратом еще не создана теория денег, я придерживаюсь наиболее совершенной из существующих теорий — Марксовой.

Созданная О. Нойратом теория денег дает нам не совсем удовлетворительное представление, поскольку ее автор говорит, будто мы впадаем во внутреннее противоречие, когда сохраняем раздробленный, не поддающийся управлению денежный уклад (Geldordnung) и в то же время ставим перед собой задачу социализации, ибо «существенный признак денег заключается в том, что они не могут быть регулируемы (leiten)».

В соответствии с этим надлежало бы признать, что деньги имеют свое собственное движение, которое, якобы совершенно анархично и не поддается никакому воздействию. Но я, к сожалению, держусь того же мнения, которого держался и Маркс, полагавший, что такая точка зрения покоится на наблюдении поверхностных явлений, и «хотя обращение (движение) денег (Geldbewegung) является внешним выражением циркуляции товаров, нам кажется, что, наоборот, циркуляция товаров является лишь результатом обращения денег» («Капитал», т. I, глава 3).

И если изменяется характер циркуляции товаров, изменяется также и обращение (движение) денег. Стало быть, в действительности не существует такого движения денег, которое противостоит обществу, как самостоятельная, при всяких условиях неподдающаяся управлению («unbeherrschbar») сила.

«Не поддающемуся управлению денежному укладу» («unbehershbare Geldordnung») О. Нойрат противопоставляет «натуральное хозяйство». Что же следует разуметь под этим последним? В первичный период развития хозяйства мы встречаемся с производством для нужд собственного потребления. В этот период каждое самое незначительное сообщество производит все, в чем оно нуждается, и распределяет продукцию между своими членами. Тут деньги в самом деле совершенно излишни.

Но общество перерастает эту стадию своего развития, вводя разделение труда между отдельными производственными единицами (Produktionsbetrieb). Некоторые из этих последних начинают производить предметы, которые не изготовляются другими, но которыми они хотели бы охотно обладать. Взамен этого эти другие производят с избытком предметы, в которых испытывают нужду первые производители. И вот, возникает обмен продуктами между отдельными производственными единицами; таким образом, эти продукты становятся т о в а р а м и, а их производство — т о в а р н ы м п р о и з в о д с т в о м.

В начале товары взаимно обмениваются только непосредственно. Когда такая меновая торговля удается, это — совершенная случайность. Если столяр приносит на базар произведенные им различного рода столы, стулья, шкафы, а мельник приносит несколько мешков муки, то для того, чтобы обмен осуществился, недостаточно, чтобы столяр предъявил требование на муку. Для этого необходимо также, чтобы и мельник нуждался именно в столе, стуле или шкафе.

Вследствие этого в эпоху непосредственного обмена товаров ни одна производственная единица не может полагаться на то, что акт обмена, в котором она нуждается, удастся. Каждый должен производить самостоятельно все жизненно-необходимые предметы, и в сфере обмена находятся только предметы роскоши или предметы, с которыми можно повременить, пока не представится подходящий случай для их приобретения. При таких условиях рамки разделения труда между отдельными производственными единицами крайне ограничены. Акты обмена остаются единичными и представляют собой в высокой степени осложненный процесс. Поэтому каждый стремится к тому, чтобы не работать понапрасну на другого. Уже начинает вступать в силу измерение ценности товаров в соответствии с содержащимся в них трудом. Но это измерение еще не определяет закономерно меновых актов; пропорция, в которой отдельные товары взаимно обмениваются, еще зависит от многочисленных случайностей.

О г р о м н ы й ш а г в п е р е д делается тогда, когда при обмене на сцену выступает т о в а р, к о т о р ы й к а ж д ы м о х о т н о п р и н и м а е т с я. Каждый, обладающий этим товаром, может без всяких затруднений приобрести все, что ему угодно, равной ценности, что только поступает на рынок. И если только он обладает запасами этого товара, он всегда может быть уверен в том, что его потреб-

ности будут удовлетворены, поскольку для этого хватит поступающих на рынок продуктов, производимых другими производственными единицами. С другой стороны, каждый готов отдать свой товар в обмен на этот имеющий всеобщее хождение товар даже тогда, когда он не может использовать этот последний, как предмет потребления. Он знает, что он будет всегда в состоянии удовлетворить свои потребности, отдавши этот товар.

Теперь меновые акты все более учащаются; процесс обмена протекает быстрее и регулярнее. Непосредственный обмен товара на товар все более отступает на второй план перед обменом индивидуальных товаров на всеобщий (allgemein) товар, который каждым охотно принимается.

Вследствие этого усиливается процесс разделения труда между отдельными производственными единицами, и производство на рынок все более оттесняет на второй план производство для собственных потребностей. Обмен товаров перестает быть случайным актом, он становится регулярнее, постояннее, и при таких условиях самые разнообразные товары, все более измеряют в обмене свою ценность в этом одном товаре, который принимается всеми; меновая ценность каждого отдельного товара все более воплощается в определенном количестве товара, являющегося всеобщим посредником при обмене, и определение ценности трудом все более и более пробивает себе путь, однако, не как сознательный акт, но как бессознательный результат.

Этот товар, выполняющий общие функции посредника при обмене, есть не что иное, как деньги.

Сказанное выше — не ново; оно известно каждому, изучавшему «Капитал» Маркса.

Маркс различает производство для удовлетворения собственных потребностей и товарное производство. Для него не имеет существенного значения, обмениваются ли товары непосредственно один на другой, или же они продаются и покупаются на деньги. Последнее является лишь техническим облегчением того же процесса.

Иное различие делает вульгарная политическая экономия. Пользуясь понятием «натуральное хозяйство», она смешивает обе столь существенно отличающиеся одна от другой хозяйственные системы производства — производство для удовлетворения собственных потребностей производителя и товарное производство с непосредственным обменом товаров. Зато она делает различие между не отличающимися существенно одна от другой двумя стадиями товарного производства — именно стадией непосредственного обмена товаров и стадией товарообмена при посредстве денег. Первую из этих стадий она причисляет к натуральному хозяйству; напротив, вторая стадия представляется ей фундаментально отличной хозяйственной формой — «денежным строем» («Geldordnung»).

Итак, Нойрат, хотя и обещает нам совершенно новую теорию денег, которая должна освободить наши глаза от повязки, но он довольствуется пока тем, что в своей теории регрессирует от Маркса.

Какова же будет структура социалистического хозяйства? Конечно, оно не будет представлять собой одну единственную фабрику. В соответствии с потребностями современного разделения труда, оно будет расчленено на многочисленные производственные единицы (Betrieb), которые, в отличие от товарного производства, не будут больше находиться в частной собственности отдельных производителей, но будут составлять собственность совокупности потребителей, потребности которых они должны будут удовлетворять. Но рука об руку с этим должна развиваться свобода производителей в каждом из предприятий, которые должны пользоваться широкой автономией.

Одновременно с этим, социалистический строй не отменит отделение домашнего хозяйства от производства, которое (отделение) является продуктом индустриального развития.

Но это говорит о том, что и социалистическое общество не будет в состоянии существовать без системы обмена продуктов. Этот обмен будет двоякого рода: с одной стороны, обмен между отдельными производственными единицами в целях приобретения средств производства, в целях производительного потребления; с другой же

стороны — обмен между производственной единицей и домашним хозяйством в целях приобретения средств потребления, предметов для нужд личного потребления. С этим должен согласиться и Нойрат. Но он полагает, что социалистический принцип требует того, чтобы такой обмен осуществлялся непосредственно в натуре, без посредничества денег. Он испытывает суеверный страх перед деньгами, какой обычно испытывают пред непостижимыми вещами. Он опасается, что вмешательство денег все разрушит. Возврат к непосредственной меновой торговле, как это практикуется у диких народов, ему кажется крупным продвижением на пути к социализму. И он торжественно провозглашает:

«Куда бы мы ни бросили наши взоры, мы наблюдаем теперь усиление натурально-хозяйственных тенденций. Меновая торговля в мелком масштабе известна хорошо всем, но натуральный обмен происходит также и в крупном масштабе. Некоторые из правительственных высших чиновников во время войны ставили предоставление крестьянскому населению сахара и т. п. товаров в зависимость от поставок этим последним (государству) средств существования. И с успехом! Мы не станем здесь подробно заниматься вопросом о том, как далеко зашло разрушение денежной системой (Geldwesen), как далеко зашло рационирование, способствовавшее развитию натурального хозяйства». (S. 14).

Да и не нужно! Сказанного достаточно для того, чтобы показать, где мы должны искать источник воззрений на социализм Нойрата и иже с ним: из затруднений с продуктами (Verlegenheitsprodukte), имевших место в период военной нужды и исчезнувших вместе с войной, они создают целую систему путем обобщения (Verallgemeinerung); и эта система представляется им социализмом.

Да, это своеобразное представление — держаться за обмен и в то же время отказываться от орудия этого обмена, которое только и способно обеспечить постоянство и бесперебойность функционирования этого обмена, и без которого вообще были бы невозможны в современном масштабе разделение труда и обмен!..

Без денег возможны только два типа хозяйства.

Во-первых, уже упоминавшееся выше примитивное хозяйство. Если мы переведем это в современные масштабы, то это будет означать, что вся производственная деятельность в государстве будет представлять единственную фабрику, руководимую в централизованном порядке сверху, при чем это централизованное руководство будет преподавать каждой производственной единице ее производственные задания, забирать все продукты у всего населения и предоставлять in natura каждой отдельной производственной единице необходимые ей средства производства, а каждому отдельному потребителю необходимые для него средства потребления.

Идеалом такого уклада является дом принудительного заключения или казарма. обитатели которых снабжаются в натуре в основном всем тем, в чем они нуждаются.

И действительно, это монотонное варварство скрывается за представлением о «натуральном хозяйстве» социализма. Вот что пишет Нойрат на стр. 11 цитированной выше брошюры о хозяйственном плане социалистического общества:

«На основе подлежащих представлению данных надлежало бы установить, какое максимальное количество хлеба, мяса, кубатуры жилища, одежды и т. п. могло бы прийтись на каждого отдельного индивида... А затем, следует разрешить еще только один вопрос — какие преимущества в снабжении должны быть оказаны лицам, производящим тяжелые работы, детям, больным, каким образом имеется в виду вознаграждать особо-важные услуги, не имеется ли в виду питать изобретателей, поэтов, техников, врачей, которые оказали обществу большие услуги, примерно, так же, как это имело место в древних Афинах в Пританеуме. Назначение военных рационов показало, что такой порядок общественно-технически не слишком затруднителен».

Конечно, если только всю жизнь культурного человека хотят свести к военному рациону!.. Все получают одинаковое количество хлеба, мяса, имеют одинаковые жилища, одежду; при этом личные вкусы не играют никакой роли, не делается никаких различий, — и только для детей и поэтов изготовляются особые блюда!.. К сожалению, автор не указал сколько же килограмм книг будет отвешиваться ежегодно каждому гражданину, и как часто обитатели каждого дома будут направляться в кинематограф.

На ряду с этим шаблонизирующим распределением однородных средств существования и однородных удовольствий между отдельными индивидами, мыслима еще одна форма социализма без денег, в ленинском понимании

последнего, — то, что Маркс называл второй фазой коммунизма. каждый производит добровольно (aus freien Stücken) столько, сколько он в состоянии произвести, а производительность труда поднимается настолько высоко, количество и разнообразие продуктов будут столь огромны, что каждому индивиду может быть предоставлено право брать все то, в чем он нуждается. При таких условиях, конечно, нет никакой нужды в деньгах.

Однако, мы еще не достигли этого состояния. И мы еще не можем сегодня знать, достигнем ли мы когда-нибудь такого состояния. А тот социализм, с которым в настоящее время мы только и имеем дело, о сущности которого мы можем с известной долей уверенности заключать, исходя из наличных предпосылок, к сожалению, еще не будет отличаться такой завидной свободой и таким завидным богатством, но вместе с тем он будет противиться описанной выше монотонности «натурального хозяйства» и поэтому он не сможет обойтись без денег.

3. Социалистические деньги.

Итак, если и в социалистическом обществе будут и должны существовать деньги, то из этого не следует, что их функции будут вполне совпадать с их же функциями в настоящее время.

Как известно, главнейшей функцией денег при современной системе производства является их превращение в капитал. Каждый капитал начинает функционировать как сумма денег. Если он ссужается за определенный процент, он принимает денежную форму, он является денежным капиталом. Но он может превратиться также и в товары, которые могут быть перепродаваемы с прибылью — это форма торгового капитала. Наконец он может быть использован для приобретения средств производства и рабочей силы, при помощи которых новые товары производятся с прибавочной ценностью, — это высшая форма капитала, промышленный капитал.

Какие бы формы ни принимал капитал в процессе своего действия, в начале он всегда должен иметь форму денег. С другой стороны, возможности применения денег, в качестве капитала, в настоящее время настолько велики, что почти все денежные суммы, за исключением тех из них, которые держатся наготове для нужд немедленного потребительского использования, могут стать капиталом, и уж во всяком случае они могут принять форму капитала, приносящего проценты.

Поэтому нередко деньги и капитал отождествляются. Но в таком случае, естественно, для устранения «капиталистического строя» («Kapitalordnung»), необходимо упразднение также и «денежного уклада» («Geldordnung»). Повидимому, это отождествление денег и капитала сыграло свою роль у Нойрата, — иначе нам кажется непонятным следующее его положение —

«В крупном натуральном хозяйстве, в социализированном хозяйстве, деньги уже не являются больше движущей силой. В таком обществе нет больше «чистой прибыли», из-за которой велось бы производство». (S. 15).

В данном случае производство прибавочной ценности рассматривается Нойратом как функция не капитала, но денег. Но, ведь, это совершенно неправильно! В социалистическом обществе, которое будет собственником всех средств производства, частным лицам не будет больше представлена возможность тратить деньги на приобретение средств производства, т. е. превращать их в промышленный капитал Так как частные лица не могут больше производить прибавочной ценности, исчезает также и фонд, из которого оплачиваются торговые прибыли и денежные проценты. Торговец вытесняется организациями потребителей, равно как и путем взаимных покупок и продаж, осуществляемых между собою крупными организациями производителей. Исчезают крупные денежные богатства одних, которые могли одалживать деньги другим, прекращая бедственное состояние этих последних, бывших вынужденными занимать деньги за проценты. А этим самым денежный капитал теряет под собою почву.

Стало быть, в завершенном социалистическом обществе вообще отсутствуют всякие предпосылки для превращения денег в капитал.

Однако, этим самым еще не исчерпываются полностью функции денег.

Как известно, деньги существовали тысячелетия еще до того, как возник капиталистический способ производства. Как мерило ценности и как средство обращения продуктов, деньги будут существовать также и в социалистическом обществе, — по крайней мере, до тех пор, пока социалистическое общество не вступит во вторую фазу коммунизма, о которой в настоящее время мы не можем сказать, будет ли она чем-то большим, чем благочестивое пожелание.

Как бы ни было организовано социалистическое общество, оно будет нуждаться в тщательном счетоводстве; точно так же в нем будет нуждаться каждая из социалистических производственных единиц, так как счетоводство дает возможность во всякое время иметь совершенно отчетливое представление о том, каковы приходы и расходы каждой из производственных единиц, каковы ее прибыли и убытки. Но это безусловно недостижимо, когда приходы и расходы учитывают только в натуре.

Допустим, что машиностроительный завод поставляет молотилку и за это получает, скажем, 40 свиней и 100 центнеров муки, 20 центнеров масла и 2.000 яиц. Спрашивается, каким образом завод может знать: выиграл он или проиграл при этой сделке, затрачено ли им больше труда для сельского хозяйства, или, наоборот, сельским хозяйством для него? Ясно, что запись в книги натуральных величин неизбежно привела бы лишь к безграничному хаосу. Издержки производства — вот что должно заноситься в книги, и что всегда должно быть отчетливо и обозримо — издержки производства каждого продукта в отдельности, которые в конечном итоге сводятся (auflösen) к труду. И только потому, что все продукты обладают этим общим, что все они являются творениями труда, — соизмеримы взаимно обмениваемые количества их. И только потому вообще они обменоспособны. Таким необходимым для обмена продуктов измерительным инструментом являются деньги, — иначе говоря, товар, потребительная ценность которого состоит только в том, что он представляет определенное количество труда или ценности

Мы обнаруживаем эту функцию денег, как мерила ценности, уже при обмене натуральных благ.

«Древние египтяне, например, употребляли уже в III столетии до Р. Х. медь и золото (но не серебро!) в качестве денежного товара и всеобщего мерила ценности, но измеряемые в своей ценности при помощи денег товары обменивались большей частью непосредственно. Так, например, в одной из таких меновых сделок обменивался бык. Его ценность устанавливалась равной 119 медных утну (14,4 кг меди), но в обмен за него было дано: 1 мат, который расценивался в 25 утну, 5 мер меди стоимостью в 4 утну, 8 мер масла стоимостью в 10 утну и еще 7 различных предметов на остальную сумму». (Kautsky, Sozialdemokratische Bemerkungenzur Uebergangswirtschaft, S. 111).

Равным образом даже в том случае, если бы мы захотели упорно ограничиться только обменом натуральных благ, то и тогда оказалось бы необходимым в условиях социалистического общества существование денег, в качестве мерила ценности для ведения счетоводства и определения отношений (пропорций), в каких совершаются меновые акты.

Замыкание же общества в рамки натурального обмена являлось бы «прогрессом», к которому ничто не понуждало бы, за исключением некоторых утопических причуд. Потребности жизни вскоре устранили бы эти рамки, если бы кто-либо сделал попытку претворить эту идею в жизнь, — однако, едва ли приходится этого опасаться.

Стало быть, так же, как и мерило ценности, деньги будут продолжать функционировать, как средство обращения продуктов.

Спрашивается, будет ли необходимость для этой цели в тех же самых деньгах, которые существуют и должны были бы существовать в настоящее время, — в деньгах, которые образуются из особого товара, в большинстве случаев из золота? Возникает вопрос — не представляется ли возможным вместо этого продукта и этого представителя (Repräsentant) человеческого труда признать мерилом ценности, непосредственно этот последний (т. е. труд), создав трудовые деньги (Arbeitsgeld), которые удостоверяли бы непосредственно затраченный труд? Это возможно было бы осуществить, пожалуй, в следующей форме: каждый рабочий получал бы свидетельство (Schein) за затраченный им каждый час труда; это свидетельство давало бы ему

право на получение продукта одного часа труда. В отношении каждого продукта надлежало бы исчислить, какого количества труда он стоил. За заработок одного рабочего дня, рабочий всегда мог бы приобрести продукты, для производства которых потребовался бы один рабочий день. Расчет должен был бы всегда исходить из абсолютного предположения, что всякая эксплоатация исключена, и что рабочему предоставлена полная свобода использования своего заработка. Тогда была бы устранена всякая опека со стороны учреждения, рационирующего снабжение отдельных индивидов.

Не подлежит никакому сомнению, что такого рода деньги м ы с л и м ы. Однако, возможно ли п р а к т и ч е с к о е их осуществление? Мы оставляем уже в стороне трудности, которые будут связаны, к примеру сказать, со сдельной работой, или же с различием в размерах заработной платы; ведь, следует полагать, за трудные и неприятные работы будут платить больше, чем за легкие и приятные. Но, спрашивается, какая огромная работа потребовалась бы для исчисления, сколько труда затрачено на каждый продукт, считая с самого начала его производства и до полного его завершения, с учетом также труда, израсходованного на транспорт и прочие побочные (вспомогательные) услуги. Если бы, однако, с этими трудностями однажды справились, то расчеты пришлось бы вновь начинать сначала, поскольку в течение определенного периода времени в некоторых отраслях хозяйства произошли бы изменения технических условий производства.

И затем возникает вопрос — какой труд следовало бы исчислять? Ведь, не тот же труд, который ф а к т и ч е с к и был затрачен на производство данного конкретного продукта. В противном случае пришлось бы различные экземпляры однородного продукта расценивать по различным ценам, произведенные при менее благоприятных условиях — расценивать выше по сравнению с остальными. Но это было бы абсурдным! Эти продукты должны иметь одинаковую цену, при чем эта последняя должна быть исчислена, исходя не из количества труда, которое затрачено ф а к т и ч е с к и, но из о б щ е с т в е н н о - н е о б х о д и м о г о труда. Удастся ли, однако, определить этот последний для каждого отдельного продукта? При таких условиях мы имели бы двойной счет: вознаграждение рабочего производилось бы из расчета рабочего времени, ф а к т и ч е с к и им затраченного, исчисление же цены продукта — из расчета количества о б щ е с т в е н н о - н е о б х о д и м о г о рабочего времени, применительно к данному продукту. Сумма часов затраченного общественного рабочего времени должна была бы быть одинаковой при одном и другом исчислении. Но в действительности это почти никогда не имело бы места.

Именно поэтому проект трудовых денег (Arbeitsgeld) встречает на своем пути такие большие трудности, — ведь, он исходит из слишком м е х а н и ч е с к о г о представления о законе ценности.

Как же пришли к этому проекту? Путем наблюдения движений и соотношений цен. С тех пор, как производство на рынок благ массового характера стало регулярным, заметили, что цены каждого отдельного товара, несмотря на все колебания, неизменно стремятся к о п р е д е л е н н о м у у р о в н ю, хотя по временам они поднимаются значительно выше этого уровня, по временам же опускаются значительно ниже его.

С другой стороны, нашли, что соотношение цен отдельных товаров обнаруживает тенденцию к большей равномерности, несмотря на все случайные колебания. Однако, это соотношение и тот уровень не были неизменными величинами; только они следовали не за изменениями состояния рынка, но изменялись только в соответствии с условиями производства. И там, где эти условия оставались неизменными, без изменения оставались также и уровень, и соотношение, к которым стремились цены.

Этот уровень обозначился понятием «ценность» товара. Уже давно познали, что высота ценности товара определяется количеством труда, необходимого для его производства. Это учение стало применяться со все большей последовательностью и большим совершенством, пока оно не нашло свое высшее завершение в творениях Карла Маркса.

Другой теории ценности, противоположной трудовой теории, не существует и по сию пору. Теории, которые ей противопоставляют, трактуют совершенно иные экономические явления, чем те, которые должны быть об'яснены теорией трудовой ценности. То, что эти теории называют ц е н н о с т ь ю, является, строго говоря, частично не чем иным, как ц е н о й, — иначе говоря — эти теории трактуют поверх-

ностные явления, а отнюдь не тенденцию, определяющую это явление, действующую под его покровом. Субъективная ценность теоретиков предельной полезности также является чем-то совершенно иным, нежели ценность в понимании Рикардо или Маркса. Первая есть отношение отдельных индивидов к окружающим их благам, вторая же, напротив, есть явление, одинаковое при данных производственных отношениях для всех людей, которое они находят уже данным, как бы ни были различны их субъективные потребности, склонности, имущественные отношения.

Стало быть, оба эти понятия ценности имеют общим одно лишь название, — и это отнюдь не способствует ясности.

«Ценность», о которой говорил Маркс, возникает из определенных производственных отношений; в свою очередь, она сама влияет на эти отношения; она является исходным пунктом для их познания.

Напротив, субъективная ценность есть отношение каждого отдельного индивидуума к окружающим его предметам, независимо от того, произведены ли эти последние человеческим трудом или нет; она ровно ничего не дает для познания определенных общественных отношений производства.

В отношении ценности, о которой говорили Маркс и классическая политическая экономия, до сих пор не найдено никакого иного определяющего ее фактора, кроме труда. Теория трудовой ценности оправдала себя тем, что она дала нам возможность углубленного познания закономерности капиталистического производства. Поэтому мы можем рассматривать трудовую ценность, как реальность. Но она неизменно остается лишь тенденцией. Она реальна, но не осязаема, и не поддается точному измерению. Эта осязаемость и эта измеримость возможны лишь для временной формы ее проявления (Erscheinungsform)—для цены. Поэтому мы не в состоянии точно исчислить и установить ценность отдельного товара. Ценность достигает своей цели (sich durchsetzen) только таким образом, что, чем больше или длительнее становятся отклонения рыночной цены от ценности (судя по отношению рыночной цены к цене производства или рыночной ценности — Produktionspreis oder Marktwert — на этом вопросе мы не можем здесь подробнее останавливаться) — тем все более сильное противодействие они вызывают, — противодействие, которое создается благодаря изменению в производственных отношениях указанному выше отклонению цены от ценности.

Об этот характер ценности разбиваются все попытки «конституировать» ценность каждого отдельного товара, — точно определить количество труда, которое в нем содержится, и создать «трудовые деньги», как средство циркуляции таким образом квалифицированных продуктов. Это было бы невероятно тяжелой и сложной работой, и с ней никогда не удалось бы справиться. А между тем, новые «трудовые деньги» не могли бы начать функционировать до того, как не была бы предварительно «конституирована» ценность всех продуктов.

Вместо того, чтобы заниматься безнадежной работой, мерять текучую воду решетом, — а «конституирование» ценности и будет подобного рода занятием, — пролетарское государство будет применять для нужд товарного обращения то, что оно застанет осязаемым, — исторически сложившиеся цены, которые в настоящее время измеряются в золоте, — что была в состоянии лишь завуалировать и искривить, но отнюдь не устранить даже отчаянная инфляция.

С оценкой товаров по содержащемуся в них труду оказался бы не в состоянии справиться даже огромный и самый совершенный статистический аппарат; но эта оценка находит свое выражение в переходящих ценах, являющихся результатом длительного исторического развития, — результатом хотя и несовершенным и неточным, но являющимся единственно возможной базой для наиболее плавного и легкого продолжения функционирования экономического процесса обращения.

Если, однако, вначале социализация в этом отношении ничего не изменит, то роль цены, а стало быть и золота, в рамках постоянно расширяющегося социализируемого хозяйства будет немедленно коренным образом изменена. В настоящее время отдельные индивиды производят для рынка продукты в количестве, которое ими поставляется на рынок, и которое определяется ими же

на основе их предыдущего опыта и их чаяний грядущего. Цена за их товар, к реализации которой они должны стремиться, определяется их издержками производства.

Однако, цена, которую они фактически выручают, зависит не от этого момента, но от соотношения предложения и спроса.

Сказанное относится также и к товарам, которые производятся не на широкий рынок, но по заказу. Цены этих товаров также зависят от соотношения спроса и предложения на каждый данный момент. Различие состоит только в том, что производитель на широкий рынок может обнаружить на этом последнем такое количество товаров, то он окажется вынужденным отдать свой продукт по разорительным для себя ценам, в то время, как производитель, работающий по заказу, отклонит прием заказа, который не покрывает его издержек производства.

Однако, он может быть разорен заказами, — это случится в том случае, когда цены сырья, необходимого ему для производства заказанных товаров, возрастут в большей степени, нежели этого можно было ожидать в момент соглашения о ценах.

При таких условиях размер дальнейшего производства зависит от строения цен. Если цены падают, производство сжимается, если они растут — оно расширяется. Этот отличный способ регулирования производства свойственен капитализму, но он всегда приносит вред рабочему классу, который неизменно швыряется туда и обратно, к двум противоположным полюсам — к дороговизне и к безработице.

В социалистическом хозяйстве регулирование будет осуществляться иными методами. Об'ем производства и уровень цен в условиях социалистического хозяйства не является результирующей анархического производства на рынок. Средства производства принадлежат совокупности потребителей, которая теперь совпадает с совокупностью рабочих. Отныне потребители заранее определяют совместно с производителями каждой отдельной отрасли об'ем производства и уровень цен, при чем они основываются на собственной прозорливости в области экономических отношений. Отныне производство и цены движутся гораздо более равномерно. Рабочие, как потребители, уже не страдают от случайной дороговизны, равным образом они не страдают, как производители, от случайной безработицы.

Величины производства и цен отдельных товаров, — если того требуют общественные интересы, — могут быть фиксированы с отклонением от таковых, унаследованных от эпохи капитализма. Будучи осуществляема в каждом отдельном случае, эта фиксация будет гораздо более простой операцией, нежели исчисление трудовой ценности всех товаров в целях введения «трудовых денег». Само собой разумеется, при этом не следует допускать произвольных действий. Количество труда, которым распоряжается данное общество, ограничено и не может быть увеличено произвольно. Если социалистическое общество поставит пред собой задачу расширить какую-либо отрасль производства за рамки, существовавшие до соответствующего момента, оно будет в состоянии осуществить это только путем ограничения прочих отраслей производства, которые менее важны для социалистического общества; разве только означенная задача будет разрешена путем введения технических нововведений. На ряду с этим следует отметить, что будет усиливаться тенденция к выравниванию (Ausgleichung und Angleichung) заработных плат.

Равным образом как и об'ем (размер) производства каждого отдельного товара, также и установление их цены будет связано определенными рамками. Понижение цен отдельных товаров будет невозможно путем понижения заработной платы их производителей, — этого можно будет достигнуть путем понижения прочих издержек производства, т. е. путем повышения производительности труда или же путем соответствующего повышения цен других товаров, производство которых более, чем достаточно, в случае, если бы понижение цены на данный товар приводило бы к его недостаточности.

Стало быть, мы имеем основания полагать, что закон трудовой ценности (d. Gesetz, d. Arbeitswertes) найдет свое осуществление в форме некоторой средней также и в социалистическом обществе, несмотря на отмену частно-капиталистического производства и частной конкуренции.

Если, таким образом, при социалистическом способе производства будут продолжать существовать цены и деньги, при чем при их развитии придется опираться

(anknüpfen) на исторически сложившиеся цены, то окажется необходимым опираться также и на исторически сложившиеся деньги, — стало быть, придется сохранить золото, как товар-деньги.

Однако, вовсе не in natura! Это удовольствие мы можем предоставить защитникам натурального хозяйства!

В качестве мерила всегда необходимо лишь мыслимое (gedachtes) золото, вернее — ценность золота. Для того, чтобы исчислить, сколько золотых марок составляют цену пары сапог, вовсе нет надобности в том, чтобы даже одна золотая марка была налицо.

В качестве средства обращения золото может служить, конечно, только в том случае, если оно имеется в наличии. Однако, и в этом случае, натуральная форма золотой монеты в высокой степени излишня, — она может быть заменена бумажными знаками.

Само собой разумеется, что за спиной этого мыслимого золота, как мерила ценности, и за бумажными деньгами, как за средством обращения, золото должно продолжать свое существование также и в социалистическом обществе, как товар, обладающий определенной трудовой ценностью. Равным образом непонятно, почему, собственно говоря, в том же социалистическом обществе должна прекратиться добыча золота, — ведь, и социалистическое общество будет нуждаться в золоте для нужд промышленности, — скажем, для золотых пломб, или же для украшений. Радость, доставляемая украшениями, блеском и красотой, будем надеяться, не исчезнет для человечества грядущего общества.

Поэтому золото будет добываться попрежнему; однако, оно не будет чеканиться: эти издержки окажутся излишними, и золото найдет себе применение для индустриальных целей. Вследствие этого, как и прежде, будут существовать издержки производства золота, и оно будет иметь ценность, вследствие чего определенные количества этого металла также и впредь будут в состоянии служить в качестве представителя или свидетельства для того, чтобы выражать в себе товарные цены, для того, чтобы приводить товарные тела к их экономическому выражению (Daher wird dieses einen Wert haben, so dass bestimmte Mengen dieses Metalls als Vorstellung oder Anweisung auch weiterhin dazu dienen können, die Warenpreise ausdrücken und die Warenkörper ihrer ökonomischen Bestimmung zuzuführen).

«Денежная система» («Geldordnung») это машина, необходимая для дальнейшего существования общества с широко развитым разделением труда. Возможно, что в позднейший период будет открыта более совершенная форма этого механизма, которая заменит собой свою современную форму. Напротив, было бы регрессом уничтожение этой машины и возврат к примитивным средствам натурального хозяйства. Этот метод преодоления капитализма напоминает о наивных рабочих первых десятилетий предыдущего столетия, которые мечтали освободиться и положить конец капиталистической эксплоатации путем разрушения машин, которые они находили перед собой.

Мы же не имеем в виду разрушать машин, мы хотим поставить их на службу обществу, для того, чтобы тем самым превратить их в орудие освобождения труда.

ВЫБОРКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. МАРКСА.

О ДЕНЬГАХ И ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ.

Печатаемые ниже выборки содержат лишь некоторые из наиболее важных мест о деньгах и денежном обращении из «Капитала» и «К критике Политической Экономии».

Такой подбор, несмотря на свою неполноту и несмотря на все свое несовершенство (оговариваем это вполне сознательно, ибо для нас ясны все крупные дефекты предлагаемой «сводки»), представляет интерес особенно теперь, когда вопросы денег и денежного обращения стоят в центре внимания хозяйственной жизни и экономического изучения, и когда ознакомление с методом марксизма в этой области приобретает важное значение.

Конечно, предлагаемые выборки являются лишь скромным «пособием» и своего рода суррогатом для изучения взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на денежное обращение, каковое в подлиннике не может быть заменено никакими суррогатами. Но в контексте предлагаемой вниманию читателя книги, следует полагать, такое «пособие» одновременно является также крупным восполнением напечатанных статей.

Выборки сделаны только из «Капитала» (т.т. I и III) и из «Критики Политической Экономии», поскольку мы не могли по ряду причин дать исчерпывающих извлечений из других произведений.

В целях систематизации материала, он расположен (условно) под соответствующими заголовками с указанием цитируемого произведения, главы и страницы.

Все выборки цитируются, в целях облегчения справок, по русскому переводу, а именно:

«Капитал», том I, перевод под редакцией В. Базарова и И. Степанова, переработанный И. Степановым. Госиздат. Москва. 1920.

«Капитал», том III, тот же перевод, Москва, 1923.

«К Критике Политической Экономии», изд. «Московский Рабочий», 4-е дополненное издание, Москва, 1922 г.

В отличие от передачи в помещенных выше статьях термина «Wert» словом «ценность», в оригинале перечисленных изданий «Капитала» на русском языке, он переводится как «стоимость». Однако, исправления казались нам невозможными.

А. Ш.

ПОНЯТИЕ «ДЕНЬГИ». ТЕОРИИ ДЕНЕГ И ОРУДИЯ ОБРАЩЕНИЯ.

1. Понятие «деньги».

«Присмотревшись к делу повнимательнее, мы увидим, что для каждого товаровладельца всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар фактически не является всеобщим эквивалентом, а потому товары не обладают и всеобщей относительной формой стоимости, в которой они отожествлялись бы как стоимости и сравнивались друг с другом как стоимости определенной величины. Таким образом, они противостоят друг другу вообще не как товары, а только как продукты или потребительные стоимости.

В этом затруднительном положении наши товаровладельцы рассуждают как Фауст: «В начале было дело». И они уже сделали дело, прежде чем начали рассуждать. Законы товарной природы проявляются в виде природного инстинкта товаровладельцев. Они могут установить между своими товарами отношение стоимостей, т. е. чисто товарное отношение, только в том случае, если отнесут их к какому-либо другому товару как всеобщему эквиваленту. Это показал анализ товара. Но только общественный акт может превратить определенный товар во всеобщий эквивалент. Поэтому общественный акт всех остальных товаров, за исключением одного, исторгает из их среды этот последний, в котором они все выражают свои стоимости. Таким образом, натуральная форма этого товара становится общественно-признанной эквивалентной формой. Функция всеобщего эквивалента становится при помощи указанного общественного процесса специфической общественной функцией исторгнутого товара. П о с л е д н и й д е л а е т с я — д е н ь г а м и. «Illi unum consilium habent et virtutem et potestatem suam bestiae tradunt. Etne quis possit emere et vendere, nisi qui habet characterem aut nomen bestiae, aut numerum nominis ejus [1]).

Денежный кристалл есть необходимый продукт процесса обмена, в котором разнородные продукты труда фактически приравниваются друг к другу, и тем самым фактически превращаются в товары. Исторический процесс расширения и углубления обмена развивает дремлющее в товарной природе противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью. Потребность дать для оборота внешнее выражение этому противоречию заставляет искать самостоятельной формы для воплощения товарной стоимости и не дает покоя до тех пор, пока задача эта не решается окончательно путем раздвоения товара на товар и деньги. Следовательно, в той же самой мере, в какой осуществляется превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товара в деньги [1])». («Капитал» т. I, глава 2, стр. 55—56).

2. Понятие «деньги».

Денежная форма есть лишь застывший на данном товаре отблеск отношений к нему всех других товаров. Следовательно, тот факт, что деньги являются товаром [2]), может показаться открытием лишь тому, кто исходит из их готовой формы, как материала для своего анализа. Процесс обмена дает товару, который он превращает в деньги, не стоимость, а лишь специфическую форму стоимости. Смешение этих двух определений приводит к тому, что стоимость золота и серебра начинают считать воображаемой [3]). Так как деньги в известных своих функциях могут быть заменены про-

---

[1]) «Они имеют одни мысли и передадут силу и власть свою зверю. И никому нельзя будет ни покупать, ни продавать, кроме того, кто имеет печать или имя зверя, или число имени его» (Апокалипсис, гл. XVII, 13 и гл. XIII, 17.

[1]) Мы можем теперь оценить по достоинству остроумие мелкобуржуазного социализма, который хочет увековечить товарное производство и в то же время устранить «противоречие между деньгами и товаром», т. е. устранить самые деньги, так как они существуют только как составная часть этого противоречия. С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы путем сохранения католицизма. Подробнее об этом смотри мою работу: «Zur Kritik d. politischen Oekonomi стр. 61 и след. (Стр. 90—96 русск. изд. *Прим. Ред.*).

[2]) «Сами золото и серебро, которым мы можем дать общее наименование денежного металла, суть... товары... стоимость которых то повышается, то падает... Стоимость денежного металла может быть признана наиболее высокой, когда наименьший вес его достаточен, чтобы купить наибольшее количество продукта производства страны» и т. д. (A. Discourse of the General Nations of Money, Trade, and Exange, as they stand in relations to each other. By a Merchant. Lond. 1695» p. 7). «Серебро и золото, как чеканные, так и не чеканные, хотя и потребляются как мера для всех других вещей, суть товары не в меньшей степени, чем вино, табак, масло, сукно или материя». (A. Discourse concerning Trade, and that in particular of the East-Indies etc. Lond. 1689» p. 2). «Капитал и богатство королевства не ограничиваются одной только монетой равным образом золото и серебро нельзя исключить из числа предметов торговли». («The East India Trade a most profitable Trade. Lond. 1677, p. 4).

[3]) «Золото и серебро имеют стоимость как металлы раньше, чем они делаются монетами» (Galiani della moneta). Локк говорит: «Всеобщее соглашение людей придает серебру ради тех его свойств, которые делают его пригодным для роли денег, во-

стыми знаками денег, то отсюда возникла другая ошибка — что деньги только знаки. С другой стороны, здесь сказывается предчувствие той истины, что денежная форма вещей есть нечто постороннее для них самих, простая форма проявления скрытых за ними человеческих отношений. В этом смысле каждый товар есть только знак, потому что как стоимость он представляет лишь вещественную оболочку затраченного на него человеческого труда [1]). Но об'являя простыми знаками те общественные черты, которые получают вещи, и те вещественные черты, которые получают общественные определения труда на основе данного способа производства, их об'являют вместе с тем продуктом произвольных человеческих мнений. Такова была излюбленная манера просветителей XVIII века: раз не удается расшифровать процесс возникновения тех или других загадочных образований в области человеческих отношений, об'явить их продуктом произвольных человеческих мнений, и, таким образом, по крайней мере, прелиминарно, устранить их загадочный характер». («Капитал» т. I, гл. 2, стр. 59—61).

3. Загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще.

«Уже в самом простом выражении стоимости: товара А═у товара В, та вещь, в которой выражается величина стоимости другой вещи, обладает, повидимому, своей эквивалентной формой независимо от этого отношения, обладает ею как некоторым от природы присущим ей общественным свойством. Мы проследили, как развивается и укрепляется эта иллюзия. Она достигает наивысшего развития, когда форма всеобщего эквивалента срастается с естественной формой определенного товарного вида или кристаллизуется в денежной форме. При этом создается впечатление, что не данный товар становится деньгами потому, что в нем выражают свои стоимости все другие товары, а, наоборот, эти последние выражают в нем свои стоимости потому, что он — деньги. Посредствующее движение исчезает в своем собственном результате и не оставляет следа. Без всякого его содействия товары находят воплощение своей стоимости как нечто готовое, как существующее вне их и на ряду с ними особое товарное тело. Данные вещи — золото и серебро — в том самом виде, как они выходят из недр земных, оказываются непосредственным воплощением всякого человеческого труда. Отсюда магический характер денег. Чисто автоматические отношения между людьми в их общественно-производственном процессе приводят прежде всего к тому, что их

ображаемую стоимость». Ло, напротив, говорит: «Каким образом различные нации могли бы придать одной и той же вещи воображаемую стоимость, и каким образом могла бы удержаться эта воображаемая стоимость». Насколько плохо понимал он сам суть дела, показывают следующие его слова: «Серебро обменивалось согласно той потребительной стоимости, которую оно имело, т. е. по своей действительной стоимости; благодаря своему назначению служить в качестве денег оно получило еще добавочную стоимость (une valeur additionelle»). Jean Lau: «Considérations sur le numéraire et le commerce» в изд. Daire: «Economistes Financiers du XVIII siècle», p. 470.

[1]) «Деньги и суть их (пищевых продуктов) знак (V. de Forbonnaisi: «Elément de Commerce Nond. Eb. Leyde 1766», t. II, p. 143). «Как знак они притягиваются продуктами». (l. c. p. 155) «Деньги — знак вещи и они представляют вещь» (Montesquieu: Esprit des Lois». Oeuvres, Lond. 1767, t. II, p. 2). «Деньги не простой знак, они сами суть богатство; они не представляют стоимостей, а эквивалентны им» (Le Trosne, Deltut Soe., p. 910). «Исследуя понятие стоимости, мы должны рассматривать самую вещь только как знак, при чем эта вещь имеет значение не сама по себе, а лишь как то, чего она стоит». (Hegel, Phcl. d. Rect., p. 100). Гораздо раньше экономистов представление о золоте как простом знаке, а лишь воображаемой стоимости благородных металлов было пущено в ход юристами; эти сикофанты королевской власти в течение всех средних веков право королей фальсифицировать монету обосновывали традициями Римской Империи и теми понятиями о деньгах, которые выражены в пандектах. Никто не смеет и не должен сомневаться», говорит верный ученик юристов Филипп Валуа в одном декрете 1346 г., «что только нам и нашему королевскому величеству принадлежит право изготовления денег, снабжения деньгами и всяких распоряжений относительно монеты, право назначать ей такой курс и такую цену как это нам угодно и признано нами за благо». Это — догмат римского права, что император декретирует стоимость денег. Было безусловно запрещено обращаться с деньгами как с товаром: «Денег же никто не должен покупать, ибо, учрежденные для пользования всех, они не должны быть товаром». Верные рассуждения об этом смотри F. Pagnini: «Saggio sopra il giusto pregio delle cose. 1751». У Gustodi Parte Moderna, t. II. Особенно энергично Pagnini полемизирует с господами юристами во второй части своей работы.

собственные производственные отношения, стоящие вне их контроля и их сознательной индивидуальной деятельности, принимают вещный характер, вследствие чего все продукты их труда принимают форму товаров. Таким образом, загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще; в деньгах она лишь сильнее бросается в глаза, слепит взор своим металлическим блеском». («Капитал» т. I, гл. 2, стр. 62 — 63).

4. Исторический обзор учений о деньгах.

«... В противоположность взглядам монетной и меркантильной систем, которые знают деньги только в форме кристаллического продукта обращения, классическая экономия понимала их в подвижной их форме, как созидающуюся внутри самой метаморфозы товара и опять исчезающую форму меновой ценности. Если, следовательно, товарное обращение принимаются исключительно в форме Т—Д—Т, а эта последняя исключительно, как последовательное единство продажи и покупки, то деньги определяются, как орудия обращения, в противоположность их форме как денег. Если же орудие обращения обособляется в своей функции, как монета, то оно превращается... в знак ценности. Так как, однако, для классической экономии металлическое обращение представлялось господствующей формой обращения вообще, то она понимала металлические деньги, как монету, а металлическую монету, как простой знак ценности. Соответственно закону обращения знаков ценности, устанавливается, таким образом, положение, что цены товаров зависят от количества обращающихся денег, а не наоборот — что количество обращающихся денег зависит от цен товаров. Мы находим этот взгляд, более или менее ясно выраженным у итальянских экономистов XVII столетия; Локк то принимает его, то отвергает; далее мы находим его вполне развитым в Spectator'е (в № от 18 ноября 1711 года) и, наконец, у Монтескье и Юма. Так как на Юма можно вообще смотреть, как на самого значительного представителя этой теории в XVIII столетии, то с него мы и начнем наш обзор.

При некоторых предположениях кажется, будто увеличение или уменьшение количества находящихся в обращении металлических денег или находящихся в обращении знаков ценности одинаково влияет на цены товаров. Если падает или поднимается ценность золота или серебра, в которых меновые ценности товаров определяются, как цены, то и цены возрастают или падают, потому что мерило их ценности изменилось; и большее или меньшее количество серебра и золота обращается в виде монеты потому, что цены возросли или упали. Однако, видимое явление есть изменение цен, при неизменившейся ценности товаров, вместе с возрастанием или уменьшением количества орудий обращения. Если, с другой стороны, количество обращающихся знаков ценности поднимается над необходимым уровнем или падает ниже его, то оно насильственно приводится к нему падением или возрастанием цен товаров. В обоих случаях кажется, будто один и тот же результат был вызван одной и той же причиной, — и этого взгляда настойчиво держится Юм.

Всякое научное исследование отношения между количеством орудий обращения и движением цен товаров должно принять ценность денежного материала за данную. Юм, напротив, рассматривает исключительно эпохи революций в ценности самих благородных металлов, т. е. революций в мериле ценности. Возрастание цен товаров одновременно с приливом металлических денег, со времени открытия американских рудников, составляет историческое основание его теории; равно как полемика с монетной и меркантильной системами указывает на ее практический мотив. Прилив благородных металлов, естественно, может увеличиться при неизменных издержках их производства. С другой стороны, уменьшение их ценности, т. е. рабочего времени, необходимого для их производства, обнаруживается лишь путем увеличивающегося их привоза. Поэтому, — говорили позднейшие ученики Юма, — уменьшение ценности благородных металлов проявляется в возрастании массы орудий обращения, и возрастание этой последней — в возрастании цен товаров. Однако, фактически возрастает цена только вывозных товаров, которые обмениваются на золото и серебро, как на товар, а не как на орудие обращения. Так возрастает цена тех товаров, которые оцениваются в золоте и серебре с упавшей ценностью, в противоположность другим товарам, меновая ценность которых и впредь оценивается в золоте или серебре, по масштабу их прежних издержек производства. Эта двоякая оценка товаров, естественно, может быть в

одной и той же стране только временным явлением, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны уравняться в пропорциях, определяемых самими меновыми ценностями, так, чтобы, наконец, ценности всех товаров были установлены соответственно новой ценности денежного материала. Развитие этого процесса так же, как и способов, которыми меновая ценность преодолевает колебания рыночных цен, не подлежит здесь рассмотрению. Новые критические исследования движения товарных цен в XVI ст. доказали блестящим образом, что уравнение в менее развитые эпохи буржуазного производства совершается, однако, очень постепенно и в продолжение длинных периодов, и что оно, во всяком случае, не происходит одновременно с возрастанием количества обращающихся наличных денег. Совершенно неправильны излюбленные учениками Юма ссылки на возрастание цен в древнем Риме, вследствие завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Свойственные древнему миру быстрые и насильственные перенесения собранных денежных сокровищ из одной страны в другую, временное понижение издержек производства благородных металлов в какой-нибудь стране, вследствие простого грабежа, не касаются внутренних законов денежного обращения так же, как, например, даровая раздача египетского и сицилийского хлеба в Риме не касалась общего закона, который регулировал цены хлеба. Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, не доставало материала, необходимого для подробного анализа денежного обращения: во-первых, порядочной истории товарных цен, во-вторых, оффициальной текущей статистики увеличения или уменьшения орудий обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. п., одним словом, материала, который появляется вообще лишь вместе с полным развитием банкового дела. Теория обращения Юма заключается в следующих положениях: 1) Цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических). 2) Деньги, обращающиеся в какой-нибудь стране, представляют все находящиеся в ней товары; в том отношении, в каком возрастает количество представителей, т. е. денег на каждого из них приходится больше или меньше представляемых вещей. 3) Если количество товаров увеличивается, то цена их падает, или возрастает ценность денег. Если же увеличивается количество денег, то, обратно, цены товаров возрастают, а ценность денег падает.

«Дороговизна всех вещей», говорит Юм, «вследствие излишка денег, вредна для всякой существующей торговли, так как позволяет более бедным странам взять верх над более богатыми на всех иностранных рынках [1]). Если мы будем рассматривать один народ независимо от других, то заметим, что большое или малое количество существующей монеты для счета или представительства товаров не оказывает ни хорошего, ни дурного влияния, совершенно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если он станет употреблять в своей бухгалтерии, вместо арабской системы исчисления, требующей мало цифр, римскую, которая требует их гораздо больше. Можно даже сказать, что большое количество денег, точно так же, как и римская система счисления, неудобно и требует больше труда как для их сохранения, так и для транспорта [2]). Чтобы вообще что-нибудь доказать, Юм должен был бы выяснить, что, при д а н н о й системе счетных знаков, количество употребляемых цифр не зависит от числовой величины, но что эта последняя, наоборот, зависит от количества употребляемых знаков. Совершенно справедливо, что определять или «считать» ценности товаров в золоте или серебре упавшей ценности не представляет никакой выгоды, и поэтому, вместе с возрастанием суммы ценностей обращающихся товаров, народы всегда находили более выгодным их оценивать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того, как богатство народов возрастало, металлы меньшей ценности превращались в вспомогательную монету, и металлы большей ценности — в деньги. С другой стороны, Юм забывает, что для исчисления ценности в золоте или серебре ни золото, ни серебро не должны быть «налицо». Счетные деньги и орудие обращения совпадают у него, и оба являются монетой (coin). Так как изменение в мериле ценности или благородных металлах, служащих счетными деньгами, повышает или понижает товарные цены, а поэтому и сумму обращающихся денег, то Юм заключает, что возрастание или падение цен товаров зависит от количества

---

[1]) David Hume. «Essays and treatises on sev. sub. Ed. Lond. 1777, v. 1 p. 300.
[2]) David Hume l. c. p. 303.

обращающихся денег. По закрытии европейских рудников Юм мог заметить, что в XVI и XVII столетиях не только увеличилось количество золота и серебра, но и уменьшились издержки их производства. В XVI и XVII столетиях цены товаров возросли в Европе вместе с массой ввезенного из Америки золота и серебра; поэтому цены товаров в каждой стране определяются массой находящегося в них золота и серебра. Это было для Юма первым «необходимым выводом» [3]). В XVI и XVII столетиях цены возрастали не одновременно с приливом благородных металлов; прошло более, чем полвека, прежде чем обнаружилось какое-либо изменение цен товаров, даже и потом еще прошло много времени, прежде чем меновые ценности товаров повсеместно были определены соответственно пониженной ценности золота и серебра, т. е. пока революция не охватила все цены. Поэтому, — заключает Юм, — который в противоположность основам своей философии, односторонне наблюдаемые факты превращает без критики в общие положения, — цена товаров, или ценность денег определяется не абсолютной массой находящихся в какой-либо стране денег, а скорее, количеством золота или серебра, которое действительно входит в обращение: но, в конце концов, все находящееся в данной стране золото и серебро, целиком должно быть поглощено обращением, как монета [4]). Очевидно, что, если золото и серебро имеют свою собственную ценность то, независимо от всех других законов обращения, только некоторое определенное количество золота и серебра может обращаться, как эквивалент для данной суммы ценностей товаров. Следовательно, если каждое случайно находящееся в данной стране количество золота и серебра, безотносительно к сумме ценностей товаров, должно входить в товарный обмен, как орудие обмена, то золото и серебро не имеют никакой присущей им ценности и не являются поэтому действительными товарами. Это — третий «необходимый вывод» Юма. Он пускает в процесс обращения товары без цены, а золото и серебро без ценности. Поэтому-то он и не говорит нигде ни о ценности товаров, ни о ценности золота, по единственно об их количествах по отношению друг к другу». («К критике пол. эконом.», стр. 156—160).

5. Локк о деньгах.

«Уже Локк утверждал, будто золото и серебро имеют только условную и воображаемую ценность; это — первая, грубая форма противоречия утверждению монетной системы, что только золото и серебро имеют истинную ценность. Происхождение денежной формы золота и серебра только из их функции в процессе общественного обмена истолковывается таким образом, будто они обязаны своей собственной ценностью, а поэтому и величиной этой ценности, этой общественной функции [1]). Поэтому золото и серебро являются не имеющими ценности вещами, но внутри процесса обращения они получают фиктивную величину ценности, как представители товаров. Благодаря этому процессу, они превращаются не в деньги, а в ценность. Последняя определяется пропорцией между их собственным количеством и количеством товаров, так как оба они взаимно должны покрываться. Следовательно, Юм вводит золото и серебро в товарный мир, как не товары; но лишь только они появляются в определенной форме монеты, он, наоборот, превращает их в обыкновенные товары, которые обмениваются на другие товары посредством простой меновой торговли. Если бы, таким образом, товарный мир состоял из одного только товара, например, из 1 миллиона квартеров хлеба, то представлялось бы весьма просто, что

---

[3]) Hume D. l. c. p. 303.

[4]) Очевидно что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров, которые могут быть вывезены на рынок, и денег, которые находятся у нации, сколько от товаров, которые могут попасть на рынок, и денег, которые находятся в обращении. Если деньги будут заперты в сундуки, то влияние их на цены будет такое же, как если бы они были уничтожены. Если товары будут сложены в магазины и склады, действие их будет такое же, так как деньги и товары в этих случаях никогда не встретятся, то они не могут влиять друг на друга. В общем, все цены, в конце концов, достигают правильной пропорции соответственно изменившемуся количеству денег в государстве». (l. c. p. 307, 308, 303).

[1]) См. Ло (Law) и Франклин. По их мнению, сверхценность должна получаться из функций золота и серебра, как денег. Так же думал Форбоне (Forbonnais). Прим. ко 2 немецк. изд.

один квартер обменивается на 2 унции золота, если существует 2 миллиона унций золота, и на 20 унций, если существует 20 миллионов унций золота, и что цена товаров и ценность денег возрастают или падают в обратном отношении к существующему количеству денег [2]). Но товарный мир состоит из бесконечно-различных потребительных ценностей, относительная ценность которых нисколько не определяется их относительным количеством. Каким же образом Юм представляет себе этот обмен между массой товаров и массой золота? Он удовлетворяется бессмысленно-наивным представлением, будто каждый товар, как доля общей массы товаров, обменивается на соответствующую долю общей массы золота. Следовательно, поступательное движение товаров, происходящее из заключающегося в них противоречия между меновой ценностью и потребительной — движение, выступающее в денежном обращении и кристаллизующееся в различных определенных формах этого последнего, уничтожается, и на его место появляется воображаемое механическое равенство между весовым количеством находящихся в какой-либо стране благородных металлов и массой одновременно существующих товаров». («К крит. полит. эконом.», стр. 161 — 162).

6. Стюарт о деньгах.

«Сэр Джемс Стюарт начинает свои исследования о монете и деньгах с подробной критики Юма и Монтескье [1]). Он, действительно, является первым, который ставит вопрос, количество ли находящихся в обращении денег определяется ценами товаров или же, обратно, цены товаров определяются количеством обращающихся денег? Хотя его представления затемнены фантастическим взглядом на мерило ценностей, смутным представлением о ценности вообще и воспоминаниями о меркантильной системе, однако, он открывает самые важные определения формы денег и общие законы денежного обращения, так как не ставит товары механически на одной стороне, а золото — на другой, но действительно, развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена. «Употребление денег для внутреннего обращения может быть представлено в двух основных пунктах: уплата того, что кто-либо должен, покупка того, что кому-либо требуется; оба эти пункта, вместе взятые, составляют спрос на наличные деньги (ready money demands)... Состояние торговли, ремесла, образ жизни и обычные расходы жителей, вместе взятые, определяют и регулируют размеры спроса на наличные деньги, т. е. массу отчуждений. Чтобы осуществить эти разнообразные уплаты, необходима некоторая пропорция денег. Пропорция эта может, с своей стороны, увеличиваться или уменьшаться, в зависимости от условий, хотя число актов отчуждения остается неизменным... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег» [2]).

«Рыночная цена товаров, определяется сложной операцией спроса и конкуренции (demand and competition), которая совершенно не зависит от массы золота и серебра, находящейся в какой-либо стране. Что же делается с золотом и серебром, которое не может быть потреблено в виде монеты? Оно собирается, как сокровище, или же переделывается в предметы роскоши. Если масса золота и серебра падает ниже уровня, необходимого для обращения, то они заменяются символическими деньгами или другим способом. Если благоприятный вексельный курс приносит в страну излишек денег и вместе с тем прекращает заграничный спрос на них, то золото обыкновенно попадает в сундуки, где оно настолько же бесполезно, как если бы лежало в рудниках» [3]). Другой, открытый Стюартом, закон заключается в возврате обращения, опирающегося на кредит, к его исходной точке. Наконец, он выясняет, какое действие оказывает на международный отлив и прилив благородных металлов различие процента в разных странах. Оба последние вопроса мы отмечаем здесь только

---

[2]) Эта фикция дословно повторяется Монтескье (Montesquieu). Примеч. ко 2 немецк. изд.

[1]) Steuart «An Jnquiri into the prisic, of Bol. ec.» q. 394 sq.

[2]) James Steuart. l. c. t. 2 p. 377 — 379 passim.

[3]) L. c. s. 379 — 380 passim.

ради полноты, так как они стоят вне нашей темы, — простого обращения [1]). Символические деньги, или кредитные деньги — Стюарт еще не различает этих двух видов — могут заменять благородные металлы, как покупательное и платежное средство во внутреннем обращении, но не на всемирном рынке. Бумажные знаки являются, поэтому, общественными деньгами (money of the society), тогда как золото и серебро — мировыми деньгами (money of the word).

Особенность народов с «историческим» развитием, как понимает его историческая школа права, заключается в том, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, хотя спорный вопрос об отношении цен товаров к количеству орудий обращения в продолжение половины настоящего столетия постоянно волновал парламент и вызвал в Англии появление тысяч больших и малых памфлетов, тем не менее, Стюарт остался «мертвым псом» в еще большей степени, чем Спиноза для Моисея Мендельсона, во время Лессинга. Даже новейший историк вопроса об обращении (currency), Макларен, превращает Адама Смита в изобретателя стюартовской теории, а Рикардо — в изобретателя теории Юма. («К крит. полит. эконом.», стр. 161—164).

7. А. Смит о деньгах.

В то время, как Рикардо усовершенствовал теорию Юма, Адам Смит представил результаты исследований Стюарта, как мертвые факты.

...Он молча принимает теорию Стюарта, признавая, что находящиеся в какой-нибудь стране золото и серебро частью потребляются, как монета, частью накапливаются, как резервный фонд для купцов, — в странах с кредитным обращением, частью служат сокровищем для уравнения международных платежей и, наконец, отчасти переделываются в предметы роскоши. Вопрос о количестве обращающейся монеты он молчаливо обходит, представляя деньги совершенно ложно, как простой товар [1]). («К критике полит. эконом.», стр. 164—165).

---

[1]) «Лишние монеты будут заперты или превращены в изделия. Бумажные деньги после того, как они удовлетворят своей первоначальной цели, исполнив спрос того, кто брал их взаймы, вернутся к займодавцу и будут реализованы. Следовательно, в какой бы степени ни увеличивались и ни уменьшались денежные знаки в стране, товары будут подниматься или падать в цене на основании принципа спроса и предложения, и это будет зависеть от желания тех, кто имеет собственность или что либо равноценное ей для обмена, но никогда не от количества денег, находящихся у этих лиц. Пусть количество денежных знаков будет весьма незначительно в стране, но пока в ней имеется какая-либо недвижимая собственность и спрос на потребление со стороны тех, кто владеет ею, цены будут высоки, благодаря обмену, символическим деньгам, векселям и тысяче других изобретений. Если эта страна находится в сношениях с другими нациями, то должно существовать соотношение между ценами на многие виды товаров в этой стране и в других местностях, и внезапное увеличение или уменьшение денежных знаков, если мы предположим, что оно может само произвести поднятие или падение цен, будет сдерживаться в своем влиянии иностранной конкуренцией». «Обращение в каждой стране должно быть пропорционально промышленности жителей, производящих товары, которые поступают на рынок. Поэтому, если монета в стране упадет, относительно, ниже цены промышленных изделий, предлагаемых в продажу, то изобретения, в роде символических денег, восполнят этот недостаток. Но если денежные знаки превысят количество промышленных изделий, они не повысят цен, они даже не войдут в обращение, но будут скопляться как сокровища. Каково бы ни было количество денег у нации, в сравнении со всем остальным миром, в обращении может остаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых или работе и предприимчивости бедных жителей», и эта пропорция не определяется «количеством денег, находящихся в это время в стране». «Все нации будут стремиться ввести свои наличные деньги, не нужные для их собственного обращения, в ту страну, в которой процент на деньги выше, чем в их стране». «Самая богатая страна в Европе может быть самой бедной по количеству денежных знаков, находящихся в обращении». (См. полемику против Стюарта у Артура Юнга (Artur Young). Примеч. ко 2 немецк. изд. В «Капитале» т. I, отд. I, прим 78, 4-го немецк. изд. Марко говорит: «теорию Юма против Стюарта и других защищал А. Юнг в своем сочинении «Political Arithmetic», London, 1744 г., в котором есть глава: «Prices depend on quantity of money» (Цены зависят от количества денег»), p. 112 S 92).

[1]) Это не точно, Адам Смит, скорее, в некоторых местах правильно формулирует закон. Примеч. ко 2 немецк. изд.

8. Д. Рикардо о деньгах.

«Рикардо, как и его предшественники, сваливает в одно: обращение банковых билетов, или кредитных денег, и обращение простых знаков ценности. Самым важным для него фактом является обесценение бумажных денег и одновременное возрастание цен товаров. Чем американские рудники были для Юма, тем печатные станки банковых билетов в Thread needle street являются для Рикардо, и он сам ясно отожествляет в одном месте оба эти фактора. Первые его сочинения, посвященные денежному вопросу, относятся к периоду, когда велась оживленная полемика между английским банком, на стороне которого находились министры и военная партия, и их противниками, вокруг которых группировалась парламентская оппозиция, лиги и партия мира. Они явились, как предшественники знаменитого доклада комитета о слитках в 1810 г., в котором приняты взгляды Рикардо [2]). То странное явление, что Рикардо и его последователи, считающие деньги простым знаком ценности, назывались «бульонистами» (людьми золотых слитков), происходит не только от названия этого комитета, но и из самой сущности рикардовского учения. В своем сочинении о политической экономии Рикардо повторил и развил дальше те же самые взгляды, но нигде, однако, не исследовал сущности денег, самих по себе, как он сделал это относительно вопросов о меновой ценности, прибыли, ренте и т. д.

Рикардо определяет ценность золота и серебра так же, как и ценность всех других товаров, количеством рабочего времени, овеществленного в них [3]). При помощи их, как товаров с определенной ценностью, измеряется ценность других товаров [4]). Следовательно, количество орудий обращения определяется ценностью единицы денежной меры, с одной стороны, и суммой меновых ценностей товаров — с другой. Это количество изменяется экономией в способах расплат [5]). Следовательно, так как количество, в котором могут обращаться деньги известной ценности, составляет определенную величину, так как их ценность в сфере обращения проявляется только в их количестве, то поэтому простые знаки ценности, будучи выпущены в пропорции, определенной по ценности денег, могут заступить их в обращении, и действительно: «обращающиеся деньги находятся в самых совершенных условиях, состоя исключительно из бумаг, которые имеют ту же самую ценность, что и золото, которое они должны представлять» [1]). Таким образом, до сих пор Рикардо определяет количество орудий обращения, предполагая, что ценность денег дана ценами товаров, и деньги, как знаки ценности, являются для него знаком определенного количества золота, а не лишенным ценности, — как у Юма, — представителем товаров.

Там, где Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он сейчас же направляет свое внимание на международное обращение благородных металлов и, таким образом, вносит путаницу в задачу введением чуждых точек зрения. Следя за внутренним развитием его мысли, мы отбросим в сторону все искусственные, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, в которых обращаются благородные металлы. Единственное положение, вытекающее из изложенного до сих пор воззрения на дело, это — что, при данной ценности золота, количество обращающихся денег определяется простой меновой ценностью обращающихся товаров.

---

[2]) Ricardo, David, «The high price of Bullion, a proof ot the depreciation of Banknotes» 4 edition. London 1811. (Первое издание появилось в 1809 г.) Далее: Reply to Mr. Bosanquets practical observations on the Brllion committee». London 1811.

[3]) David Ricardo, «On the principles of political economy etc», p. 71. «Ценность благородных металлов, как и всех других товаров, зависит, в конце концов, от совокупного количества труда, необходимого, чтобы их добыть и доставить на рынок».

[4]) l. c. p. 77, 180, 181.

[5]) Ricardo l. c. 421. «Количество денег, которые могут употребляться в какой-нибудь стране, зависит от их ценности. Если обращается одно золото, то его нужно в пятнадцать раз меньше, чем серебра, если бы употреблялось только последнее». См. также Ricardo «Proposals for an economical and secure currency». London 1816, p. 17, 18, где он говорит: «Количество обращающихся знаков зависит от суммы, которая требуется для обращения страны, а эта последняя регулируется ценностью денежной единицы, суммой платежей и экономией в их реализировании».

[1]) Ricardo, Principles of political economy, 432, 433.

Предположим теперь, что сумма этих меновых ценностей уменьшается, потому ли, что производится меньше товаров с прежней ценностью, или потому что вследствие увеличения производительности труда, та же самая масса товаров заключает меньшую меновую ценность. Или же обратно: допустим, что сумма меновых ценностей увеличивается потому, что при неизменных издержках производства увеличивается масса товаров, или же потому, что вследствие уменьшения производительности возрастает количество труда. Что сделается, в таком случае, с данным количеством обращающегося металла? Если золото — деньги только потому, что оно обращается как орудие обращения, если оно принуждено оставаться в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а Рикардо имеет в виду именно их), тогда количество обращающихся денег в первом случае будет выше по отношению к меновой ценности металла, во втором — ниже ее нормального уровня. Следовательно, хотя золото одарено собственной ценностью, но в первом случае оно стало бы знаком металла с более низкой ценностью, чем его собственная, во втором — металла с более высокой ценностью. В первом случае, как знак ценности, оно будет постоянно ниже, во втором — выше своей собственности ценности (опять отвлечение от бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае происходит то же самое, как если бы товары оценивались металлом более низкой, во втором — более высокой ценности. Поэтому в первом случае цены товаров возросли бы, во втором — упали. В обоих случаях движение цен товаров, их возвышение или падение, было бы следствием увеличения или уменьшения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной ценности, т. е. нормального количества, которое определяется отношением между его собственной ценностью и ценностью находящихся в обращении товаров.

Тот же самый процесс имел бы место, если бы сумма цен товаров, находящихся в обращении, оставалась неизменной, но в то же время масса обращающегося золота упала ниже или поднялась выше настоящего уровня: первое — в том случае, если бы изношенные и обращенные монеты замещались соответственным производством рудников, второе — если бы новый привоз из рудников перерос потребность обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его ценность остаются неизменными.

Резюмируем. Деньги, находящиеся в обращении, держатся на нормальном уровне, если их количество, при данной меновой ценности товаров, определяется их собственной металлической ценностью. Они поднимаются выше этого уровня, при чем золото падает ниже его собственной металлической ценности, а цены товаров возрастают, если сумма меновых ценностей массы товаров уменьшается, или, если прилив золота из рудников увеличивается. Деньги падают ниже своего нормального уровня, при чем золото поднимается выше собственной его металлической ценности, а товарные цены падают, если сумма ценностей товаров увеличивается, или, если прилив золота из рудников не замещает потребленного золота. В обоих случаях золото, находящееся в обращении, представляет знак большей или меньшей ценности, чем та, какую оно действительно заключает в себе. Оно может стать переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Лишь только товары повсюду начнут определяться этой новой ценностью денег и повсюду цены товаров, соответственно, возрастут или упадут, количество находящегося в обращении золота снова будет соответствовать потребностям обращения (это — вывод, который Рикардо делает с особенным удовольствием), но это количество будет находиться в противоречии с издержками производства благородных металлов, а поэтому и с отношением их, как товара, к другим товарам. Соответственно теории Рикардо о меновой ценности вообще, возрастание ценности золота выше его меновой ценности, т. е. ценности, определяемой заключенным в нем рабочим временем, вызвало бы увеличение его производства до тех пор, пока увеличившийся прилив не свел бы его к нормальной величине ценности. Обратно, падение ценности золота ниже его меновой ценности вызвало бы уменьшение его производства, которое продолжалось бы до тех пор, пока ценность его не была бы приведена к нормальному уровню. Этими противоположными движениями уничтожалось бы противоречие между металлической ценностью золота и ценностью его, как орудия обращения, опять установился бы нормальный уровень обращающейся массы золота, и высота цен товаров опять стала бы соответствовать мерилу

ценностей. Эти движения ценности находящегося в обращении золота, вместе с тем, одинаково касались бы и золота в слитках, так как предположено, что все золото, кроме употребленного на предметы роскоши, находится в обращении. Так как золото, в виде монеты или слитка, может быть знаком большей или меньшей ценности, чем та, какую оно само заключает в себе, то, разумеется, обращающиеся разменные банковые билеты подвергаются той же участи. Хотя банковые билеты разменны, а поэтому их реальная ценность соответствует минимальной, тем не менее, общая сумма находящихся в обращении денег, золота и банковых билетов (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes) может быть оценена выше или ниже своей ценности, соответственно тому, поднимается ли их общее количество, вследствие указанных уже причин, выше, или падает ниже уровня, определенного меновой ценностью обращающихся товаров и металлической ценностью золота. Неразменные бумажные деньги имеют с этой точки зрения только то преимущество перед разменными, что могут быть вдвойне обесценены. Они могут упасть ниже ценности металла, который они должны представлять, потому что выпущены в слишком большом количестве, или же могут упасть, потому что представляемый ими металл упал ниже своей собственной ценности. Это обесценение не одних бумаг относительно золота, но одновременно и бумаг и золота, или общей массы орудий обращения известной страны, — одно из главных открытий Рикардо, которым воспользовались лорд Overstone and C° (Оверстон и К°), сделавши его основным принципом законодательства о банках сэра Роберта Пиля в 1844—45 годах.

Следовало доказать, что цена товаров или ценность золота зависит от количества находящегося в обращении золота. Доказательство основывается на допущении того, что должно быть еще доказано, именно, что всякое количество благородного металла, который служит деньгами, в каком бы отношении к своей внутренней ценности он ни находился, должно служить орудием обращения, монетой, и, таким образом, знаком ценности для находящихся в обращении товаров, — знаком, который должен представлять общую сумму их ценностей. Иначе говоря, доказательство основывается на абстракции всех других формальных предназначений, которые имеют деньги, кроме формы орудия обращения. Притиснутый к стене, как, например, в полемике с Бозанкетом, Рикардо, находившийся совершенно под влиянием факта обесценения знаков ценности благодаря их количеству, прибегает к догматическим утверждениям [1]).

Если бы Рикардо построил эту теорию совершенно абстрактно, как это сделали мы, не присоединяя конкретных отношений и случайных явлений, отвлекающих от самого вопроса, то ничтожность этой теории обнаружилась бы поразительным образом. Но он придает всему делу м е ж д у н а р о д н ы й характер. Однако, очень легко можно доказать, что видимая грандиозность масштаба не изменяет ничтожности основной идеи. Первое положение следующее: количество обращающихся металлических денег нормально, если оно определяется суммой ценностей обращающихся товаров, выраженной в металлической ценности этих денег. При международных условиях это положение гласит: при нормальном состоянии обращения, каждая страна имеет количество денег, соответствующее ее богатству и промышленности. Деньги обращаются по своей действительной ценности или по ценности, соответствующей издержкам их производства, т. е. во всех странах они имеют одну и ту же ценность [2]). Следовательно, они никогда не должны были бы вывозиться и ввозиться из одной страны в другую [3]). Таким образом, существовало бы равновесие между currencies (общими массами обращающихся денег) в различных странах. Итак, уровень народного currency, выражается как международное равновесие currencies и в действительности ничего иного не говорится, как только то, что народность ничего не изменяет во всеобщем экономическом законе. Мы снова пришли к тому же фатальному

---

[1]) David Ricardo, «Reply to Mr. Bosanquets practical observations etc», p. 49. Что товары подымутся или упадут в цене пропорционально увеличению или уменьшению денег, я п р и з н а ю к а к н е о п р о в е р ж и м ы й ф а к т.

[2]) Ricardo, The high price of Bullion etc. «Money woued have the s a m e v a l u e in all countries», p. 4. В своей политической экономии Рикардо изменил это место, но не так, чтобы это имело значение в настоящем случае.

[3]) L. c. p. 3, 4.

ягунку, как и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, т. е. каким образом, нарушается международное равновесие currencies, или, каким образом, деньги перестают иметь одну и ту же ценность во всех странах, или, наконец, каким образом, они теряют в каждой стране свою собственную ценность? Как раньше нормальный уровень нарушался благодаря тому, что масса обращающегося золота увеличивалась или уменьшалась, при неизменной сумме ценностей товаров, или, благодаря тому, что количество обращающихся денег оставалось неизменным, тогда как меновые ценности товаров увеличивались или уменьшались,— так точно и теперь международный уровень, определенный самой ценностью металла, нарушается благодаря тому, что масса золота, находящегося в известной стране, возрастает вследствие открытия в ней новых рудников [1]), или благодаря тому, что сумма ценностей товаров, находящихся в обращении в той или другой стране, увеличилась или уменьшилась. Если раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось соответственно тому, нужно ли было сузить или расширить currency и пропорционально понизить или повысить цены товаров, то теперь то же самое производят ввоз и вывоз из одной страны в другую. В стране, в которой поднялись бы цены, и ценность золота вследствие усилившегося обращения упала бы ниже его металлической ценности, золото обесценилось бы относительно других стран, и поэтому цены товаров возросли бы, в сравнении с другими странами. Золото вывозилось бы, товары ввозились. Как раньше производство золота, так и теперь его ввоз и вывоз и соответствующее возрастание или падение цен продолжались бы до тех пор, пока не установилось бы снова равновесие международных currencies, подобно тому, как раньше устанавливалось истинное отношение между металлом и товаром. Как в первом случае, производство золота увеличивалось или уменьшалось потому, что золото стало ниже или выше своей ценности, точно так же международное переселение золота происходило бы исключительно по той же причине. Как в первом случае каждое изменение в его производстве касалось количества обращающегося металла, а вместе с тем и цен, точно такое же влияние оказывал бы теперь международный ввоз и вывоз. Если бы относительная ценность золота и товара, или нормальное количество орудий обращения было снова установлено, то в первом случае прекратилось бы дальнейшее производство, во втором — ввоз и вывоз, за исключением того количества золота, которое необходимо для замещения изношенной монеты и для производства предметов роскоши. Из этого вытекает, что «попытка вывозить золото, как эквивалент товаров, или неблагоприятный торговый баланс, может иметь место только в случае чрезмерного количества орудий обращения» [2]). Происходило бы только то, что металл оценивался бы выше или ниже своей ценности, вследствие возвышения или падения массы орудий обращения выше или ниже нормального уровня, и это вызывало бы ввоз или вывоз металла [3]). Далее должно было бы произойти следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором золото только ввозится или вывозится потому, что количество его выше или ниже своего нормального уровня, потому что оно выше или ниже своей металлической ценности, а, поэтому, и цены слишком низки, — то каждое такое движение действует, как исправительное средство [4]): путем увеличения или уменьшения обращающихся денег, оно приводит к их нормальному уровню, в первом случае — к равновесию между ценностью золота и товаров, во втором — к международному равновесию currencies. Иначе говоря, деньги обращаются в различных странах лишь настолько, насколько они обращаются в каждой стране, как монета. Деньги — только монета, и количество золота, находящегося в какой-либо стране, должно, поэтому, войти в обращение и может, следовательно, как знак своей собственной ценности стоять выше или ниже ее. Так окольным путем этой международной путаницы мы благополучно достигли того простого догмата, который составлял исходный пункт.

---

[1]) L. c. p. 4.

[2]) Ricardo l. c. p. 11, 12. Неблагоприятный торговый баланс всегда является следствием чрезмерного обращения.

[3]) l. c. p. 14. Вывоз монеты происходит вследствие ее дешевизны и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса.

[4]) L. c. p. 17.

Как искусственно представляет Рикардо действительные явления с помощью своей абстрактной теории, покажут нам несколько примеров. Он утверждает, напр., что во времена неурожаев, часто повторявшихся в Англии в период 1800—1820 гг., золото вывозится не потому, что нужен хлеб, а золото является деньгами и, поэтому, действительным средством покупки и продажи на всемирном рынке, не потому, что ценность золота ниже ценности других товаров, а потому currency страны, в которой имеет место неурожай, обесценено относительно currencies других народов. Именно потому, что неурожай уменьшил массу обращающихся товаров, данное количество обращающихся денег поднялось выше нормального своего уровня, и, поэтому, цены товаров возросли [1]). В противоположность этому парадоксальному об'яснению, было доказано статистически, что с 1793 г. и до последнего времени, в случае неурожаев в Англии, количество наличных орудий обращения не было чрезмерным, но, напротив, было недостаточно, а поэтому обращалось и должно было обращаться больше денег, чем прежде [2]).

Таким же образом, во время наполеоновской континентальной системы и английского декрета о блокаде, Рикардо утверждал, что англичане вывозили на континент золото вместо товаров, потому что их деньги были обесценены в сравнении с золотом континентальных стран, и цены их товаров, поэтому, стояли относительно выше, вследствие чего спекуляция по вывозу золота должна была быть более выгодной, чем по вывозу товаров. По его мнению. Англия была рынком, на котором товары были дороги, а деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы, а деньги дороги. «Что цены наших фабрикатов и колониальных продуктов,— говорит один английский писатель, — были раззорительно низки, под влиянием континентальной системы, в продолжение последних шести лет войны — это факт. Например, цены сахара и кофе в золоте были на континенте в 4 или 5 раз выше, чем те же цены в Англии, выраженные в банковых билетах. Это было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, между тем, как одновременно английские фермеры делали опыты откармливания быков сиропом и патокою: когда Англия завладела Гельголандом, чтобы устроить там товарный склад для облегчения контрабандного провоза на север Европы, и откуда более легкие сорта британских фабрикатов искали себе путь в Германию через Турцию... Почти все товары света собирались в наших складах и лежали здесь недвижимо, за исключением того случая, когда небольшое их количество было отпущено французской лицензией, за что гамбургские и амстердамские купцы уплатили Наполеону сумму от 40 до 50 тысяч фунтов стерл. Это, должно быть, были странные купцы, если они платили такие суммы за позволение перевезти транспорт товаров с более дорогого рынка на дешевый. Какая альтернатива стояла перед купцом? Или купить кофе по 6 пенсов банковыми билетами и отправить его в такое место, где можно продавать непосредственно по 3—4 шиллинга золотом, или же покупать золото на банковые билеты, по 5 фун. стерл. за унцию, и посылать его в такое место, где оно стоило 3 фун. стерл. 27 шилл. $10\frac{1}{2}$ п. Следовательно, нелепо утверждать, что отдавать золото за кофе было выгодной торговой операцией... На целом свете не было страны, где бы можно было получить тогда такое большое количество нужных товаров, как в Англии. Бонапарт постоянно и неуклонно следил за английскими прейскурантами. До тех пор, пока он находил, что в Англии золото дорого, а кофе дешево, он был доволен действием своей континентальной системы [1]). Собственно, в то самое время, когда Рикардо

---

[1]) Ricardo l. c. p. 74, 75. «Если предположить, что после неблагоприятного урожая, когда Англии требуется необычайный ввоз зерна, другая страна обладает избытком этого продукта, но не нуждается ни в каких товарах, то бесспорным следствием этого будет, что подобная нация не станет вывозить свой хлеб в обмен на товары; она не станет также вывозить его за деньги, так как это — товар, в котором народы нуждаются не абсолютно, а относительно». Пушкин в своей поэме представляет отца своего героя не понимающим, что товар — деньги. Однако, русские давно уже поняли, что деньги — товар, как это показывает не только английский ввоз зерна, с 1838—1842 гг., но и вся история их торговли.

[2]) Took (Thomas). History of prices и James Wilson. «Capital, currency and banking. (Последняя книга состоит из ряда статей, помещенных в London Economist за 1844, 1845 и 1847 годы).

[1]) James Deacon Hume: Letters on rhe Cornlaws. London 1834, p. 29—31.

выставил свою денежную теорию, и когда комитет о слитках воплотил ее в свой парламентский доклад, в 1810 году произошло разорительное падение цен всех товаров, в сравнении с 1808—1809 гг., тогда как деньги, относительно, поднялись в ценности. Земледельческие продукты составляли исключение, так как ввоз их извне встречал препятствия, а масса их, находившаяся в стране, стала в десять раз дороже, вследствие неурожая [2]). Рикардо до такой степени не понимал роли благородных металлов, как международного платежного средства, что мог в своей речи, перед комитетом палаты лордов (1819 г.), произнести следующее: «что требования монеты для вывоза совершенно прекратятся, как только будут восстановлены платежи наличностью, и обращение будет снова доведено до его металлического уровня». Он умер перед самым началом кризиса 1825 г., который показал ошибочность его предсказания. Период, к которому относится писательская деятельность Рикардо, вообще мало благоприятствовал исследованию функции благородных металлов, как всемирных денег. Перед введением континентальной системы торговый баланс складывался постоянно выгодно для Англии, а в период этой системы сделки с европейскими народами были слишком незначительны, чтобы могли касаться английского вексельного курса. Денежные отправления были, преимущественно, политического характера, и, повидимому, Рикардо совершенно не понимал, какую роль играли в английском денежном экспорте денежные субсидии [3]). («К крит. полит. эконом.», стр. 166—174).

9. Д. Милль о деньгах.

«Среди современников Рикардо, образовавших школу последователей его оснований политической экономии, наиболее значительным является Джемс Милль. Он пытался представить теорию денег Рикардо на основе простого металлического обращения, без относящихся сюда международных движений, за которыми Рикардо скрывает неудовлетворительность своих взглядов, и без всякого полемического отношения к операциям английского банка. Главные его положения следующие [1]).

«Ценность денег равняется пропорции, в которой они обмениваются на другие предметы, или количеству денег, которое дается в обмен на определенное количество других вещей. Это отношение определяется общим количеством находящихся в какой-либо стране денег. Если мы возьмем, с одной стороны, все товары какой-нибудь страны, а, с другой — все ее деньги, то, очевидно, что, при обмене, ценность денег, т. е. количество товаров, которое на них обменивается, будет совершенно зависеть от их собственного количества. Совершенно то же самое происходит в действительности. Общая масса товаров какой-нибудь страны не обменивается сразу на общую массу денег, но товары обмениваются частями и очень часто небольшими, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня служит для одного акта обмена, завтра может служить для другого. Одна часть денег употребляется для громадного количества актов обмена, другая для очень небольшого, третья, наконец, накапливается и не служит совсем для обмена. Среди этих вариаций существует нечто среднее, опирающееся на количество актов обмена, для которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая совершала одно и то же количество актов. Установим произвольно это среднее число, примерно, 10. Если бы каждая монета, находящаяся в какой-нибудь стране, служила для 10 покупок, то получилось бы то же самое, как если бы общая масса монет увеличилась в 10 раз, и каждая из них служила только для одной покупки. В этом случае, ценность всех товаров равна удесятеренной ценности денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы одна монета, в продолжение года, служила для 10 актов покупки, общая масса денег была в 10 раз увеличена, и если бы каждая монета совершала только один оборот, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызывало бы соответственное уменьшение ценности каждой золотой монеты самой по себе. Так как мы предполагаем, что масса всех товаров, на которые обменивается золото, остается неизменной, то ценность общей массы денег не увеличилась после увеличения их количества. Если мы допустим

---

[2]) Tooke (Thomas), History of prices etc. London 1848, p. 110.

[3]) Сравни W. Blake выше цитированные «Observations» etc.

[1]) James Mill, Elements of political economy. В тексте сделан перевод с французского перевода J. T. Parissot. Paris 1823.

увеличение на одну десятую, то ценность каждой равной части общей массы, напр., унции, должна уменьшиться на одну десятую. Какова бы, следовательно, ни была степень уменьшения или увеличения общей массы денег, но если количество других вещей остается прежним, то общая масса и каждая ее часть испытывает относительное уменьшение или увеличение. Ясно, что это положение является абсолютной истиной. Если ценность денег подвергается возрастанию или падению, и если количество товаров, на которое можно было их обменять, и движение обращения остаются теми же, то эта перемена должна иметь причиной относительное увеличение или уменьшение денег, — никакой другой причине она не может быть приписана. Если уменьшается масса товаров, тогда как количество денег остается прежним, это то же самое, как если бы общая сумма денег увеличилась, и обратно. Подобные же изменения являются следствием каждой перемены в движении обращения. Каждое увеличение количества оборотов вызывает тот же самый результат, как и общее увеличение суммы денег; уменьшение этого количества непосредственно вызывает обратный результат. Если часть годового продукта не поступает в обмен, как, например, то, что производители потребляют сами, то эта часть не идет и в счет. Так как она не обменивается на золото, то по отношению к нему, она как будто бы вообще совсем не существует... До тех пор, пока увеличение или уменьшение денег может происходить свободно, их общее количество, находящееся в какой-нибудь стране, регулируется ценностью благородных металлов... Однако, золото и серебро — товары, ценность которых точно так же, как ценность всех других товаров, определяется издержками их производства, количеством труда, в них заключенного» [1]).

Все остроумие Милля расплывается в ряде предположений, настолько же произвольных, как и нелепых. Он хочет показать, что цена товаров или ценность денег определяется «общим количеством существующих в какой-нибудь стране денег». Если мы *предположим*, что масса и ценность обращающихся товаров остаются теми же самыми, равно как и быстрота обращения и определенная издержками производства ценность благородных металлов, и если *предположим* вместе с тем, что помимо этого, количество *обращающихся* металлических денег увеличивается или уменьшается пропорционально массе *существующих* в какой-нибудь стране денег, то, действительно, станет «очевидным», что мы предположили то, что хотели доказать. Милль впадает, наконец, в ту же самую ошибку, что и Юм, а именно, он заставляет обращаться потребительные ценности, а не товары с определенной меновой ценностью, и, поэтому, его положение становится ложным даже в том случае, если бы мы приняли все его предположения». Быстрота обращения может оставаться прежней, точно так же и ценность благородных металлов, и *количество* обращающихся товаров, и, однако, вместе с изменением их меновой ценности может требоваться для их обращения большая или меньшая сумма денег. Милль видит факт, что одна часть существующих в какой-нибудь стране денег обращается, тогда как другая находится в покое. При помощи в высшей степени комичного среднего расчета, он *предполагает*, что на самом деле обращаются все находящиеся в стране деньги, хотя в действительности, повидимому, происходит иначе. Если мы предположим, что в какой-нибудь стране обращаются 10 миллионов серебряных талеров 2 раза в год, то могли бы обращаться 20 миллионов талеров, если бы каждый талер совершал только один оборот. А если общая сумма существующего в этой стране во всех формах серебра достигает 100 миллионов талеров, то можно предположить, что все 100 миллионов могли бы обращаться, если бы каждая монета совершала акт покупки раз в 5 лет. Можно бы также предположить, что все деньги всего мира обращаются в Hampstead'e, но каждая их часть, вместо того, чтобы обращаться 3 раза в год, обращается раз в 3.000.000 лет. Для определения отношений между суммой цен товаров и количеством орудий обращения одно предположение имеет такое же значение, как и другое. Милль чувствует, что для него крайне важно непосредственно сопоставить товары не с количеством находящихся в обращении денег, но с общим запасом существующих в данное время в какой-нибудь стране денег. Он принимает, что общая масса товаров в какой-нибудь стране обменивается не сразу на общую массу денег, но что различные части этой массы товаров в различные

[1]) 1. c. p. 128—136 passim.

периоды года, обмениваются на различные части общей массы денег. Чтобы устранить это ненатуральное отношение, он *предполагает*, что таковое не существует. Наконец, все это представление о непосредственном их обмене есть отвлечение от движения простой покупки и продажи или от функции денег, как покупательного средства. Уже в движении денег, как платежного средства, исчезает это одновременное появление товара и денег. («К крит. полит. эконом.», стр. 175—177).

10. Теория денег после Рикардо.

«Торговые кризисы XIX столетия, именно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но только новое ее применение. Это уже не были единичные экономические явления, как у Юма — обесценение благородных металлов в XVII и XVIII веках, или, как у Рикардо, обесценение бумажных денег в XVIII и начале XIX века, но огромные бури всемирного рынка, в которых совершалась борьба всех элементов буржуазного производства; их причину и средство против них искали в наиболее поверхностной и отвлеченной форме этого процесса, в сфере денежного обращения. Собственно, теоретическое предположение, из которого исходит школа этих заклинателей экономической бури, заключается, в действительности, только в догмате, что Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им осталось только подвести под эти законы обращение банковых билетов и кредитное обращение.

Наиболее общее и бросающееся в глаза явление торговых кризисов — это внезапное и всеобщее падение цен, наступающее после сравнительно продолжительного и всеобщего их возрастания. Всеобщее падение цен товаров может быть выражено, как относительное возрастание ценности денег, в сравнении с другими товарами, а всеобщее возрастание цен, обратно, — как падение относительной ценности денег. Оба эти способа выражения отмечают явление, но не выясняют его. Все равно, представить ли задачу следующим образом: выяснить всеобщее периодическое возрастание цен поцеременно с всеобщим падением их, или же формулировать тот же вопрос так: выяснить периодическое падение и возрастание относительной ценности денег, в сравнении с товарами. Несмотря на различную фразеологию, вопрос останется настолько же неразрешенным, насколько оставил бы его неразрешенным перевод с немецкого языка на английский. Поэтому, теория денег Рикардо является чрезвычайно удобной, так как она придает тавтологии вид причинного отношения. Откуда происходит периодическое и всеобщее падение цен товаров? От периодического возрастания ценности денег. Откуда, наоборот, происходит всеобщее и периодическое возрастание цен товаров? От периодического падения относительной ценности денег. Настолько же справедливо можно было бы утверждать, что периодическое возрастание или падение цен происходит от их периодического возрастания или падения. В самой постановке вопроса лежит предположение, что внутренняя ценность денег, т. е. ценность их, определенная издержками производства благородных металлов, остается *неизменной*. Если эта тавтология есть нечто большее, чем тавтология, то она покоится на извращении наиболее элементарных понятий. Если ценность А, измеряемая при помощи В, падает, то мы знаем, что это может происходить или от падения ценности А, или же от возрастания ценности В. Точно так же и обратно, — если ценность А, измеряемая посредством В, возрастает. Если только признать превращение тавтологии в причинную связь, то все остальное об'ясняется очень легко. Возрастание цен товаров происходит от падения ценности денег, падение же ценности денег происходит, как известно, из Рикардо, от переполнения обращения, т. е. от того, что масса обращающихся денег возрастает выше уровня, определяемого их собственной, внутренней ценностью, и выше внутренних ценностей товаров. Таким же самым образом, наоборот, всеобщее падение цен товаров об'ясняется возрастанием ценности денег выше их внутренней ценности, вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически возрастают и падают потому, что в обращении периодически находится слишком много или слишком мало денег. Поэтому, если где-нибудь окажется, что возрастание цен происходило одновременно с сокращением денежного обращения, а падение цен с расширением его, то можно, кроме того, утверждать, что вследствие некоторого, хотя бы статистически недоказанного, уменьшения или уве-

личения массы находящихся в обращении товаров, количество обращающихся денег увеличилось или уменьшилось, если не абсолютно, то относительно. Мы видели, таким образом, что, по Рикардо, эти общие колебания цен должны происходить и при чисто металлическом обращении, но они уравновешиваются путем чередования, так, например, недостаточное обращение вызывает падение цен товаров, падение цен товаров вызывает вывоз за границу; но этот вывоз есть ввоз денег в страну, а последний должен вызвать опять возрастание цен товаров. Обратное происходит, при переполнении обращения, когда товары ввозятся а деньги вывозятся. Так как, однако, несмотря на эти колебания цен, вытекающие из самой природы денежного обращения, как его понимал Рикардо, их острая и насильственная форма, форма кризисов, относится к периодам развитого кредита, то становится совершенно очевидным, что выпуск банковых билетов не регулируется в точности законами металлического обращения. Металлическое обращение находит свой коррективъ в вывозе и ввоза благородных металлов, которые немедленно входят в обращение, как монета и, таким образом, своим приливом или отливом поднимают или понижают цены товаров. То же самое влияние на цены товаров должны, следовательно, оказывать искусственно банки, путем подражания законам металлического обращения. Если золото приливает из-за границы, то это доказывает, что обращения недостаточно, что ценность денег слишком высока, и цены товаров слишком низки, и, поэтому, банковые билеты должны быть брошены в обращение пропорционально вновь ввезенному золоту. Они должны быть обратно вынуты из обращения в пропорции, в которой золото уходит из страны. Другими словами, выпуск банковых билетов должен регулироваться сообразно ввозу и вывозу благородных металлов или сообразно вексельному курсу. Ложное предположение Рикардо, что деньги — только монета, и что, поэтому, все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и повышает через это цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и, поэтому, понижает цены, — это теоретическое предположение становится здесь практическим опытом, заключающимся в том, чтобы пускать в обращение столько монеты, сколько в каждом случае существует золота. Лорд Оверстон (банкир Джонс Ллойд), полковник Торренс, Норман, Клэй, Арбутнот и огромное число других писателей, известных в Англии под именем школы «currency principle», не только проповедывали эту доктрину, но, посредством банковых актов Роберта Пиля от 1844 и 1845 годов, сделали из нее основу существующего банковского законодательства как английского, так и шотландского. Полнейшее теоретическое и практическое фиаско этой доктрины после опытов, произведенных в самом большом национальном масштабе может быть показано лишь в отделе о кредите. Однако, уже теперь очевидно, что теория Рикардо, которая обособляет деньги в их текучей форме орудия обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов абсолютное влияние на буржуазную экономию, о чем никогда не грезили даже предрассудки монетной системы. Таким образом, Рикардо, который провозгласил бумажные деньги самой совершенной формой денег, стал пророком «aullionist'ов». («К крит. полит. эконом.», стр. 177—180).

11. Теория денег Тука.

«После того, как теория Юма или абстрактное противоположение монетной системе было, таким образом, развито до конечного вывода, конкретное понятие денег Стюарта снова окончательне было введено в свои права Томасом Туком. Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории цен товаров с 1793 г. до 1856 г. В первом издании своей «Истории цен», которая появилась в 1823 г., Тук находится еще под влиянием теории Рикардо и тщетно старается примирить факты с этой теорией. Его памфлет «On the currency», появившийся в 1825 г., можно даже рассматривать, как первое последовательное изложение взглядов, которые Оверстон впоследствии привел в осуществление. Однако, дальнейшие исследования истории цен товаров привели Тука к взгляду, что эта непосредственная связь между ценами и количеством орудий обращения, как ее понимает теория, — простая фантазия, что расширение и сокращение орудий обращения при неизменной ценности благородных металлов, постоянно является следствием, а не причиной колебания цен; что денежное обращение — вообще движение второго

порядка, и что деньги, в действительном процессе производства, имеют еще совершенно иные формальные назначения, кроме орудия обращения. Его подробные исследования принадлежит к другой области, чем простое металлическое обращение и поэтому еще не могут быть здесь изложены, точно так же, как и исследования Вильсона и Фуллартона, принадлежащие к тому же направлению. Все эти писатели понимают деньги не односторонне, но в их разнообразных моментах, однако, только материально, без всякой живой связи этих моментов между собою или же с общей системой экономических категорий. Поэтому-то они неправильно смешивают деньги, в отличие от орудия обращения с капиталом, или даже с товаром, хотя, с другой стороны, они принуждены признать отличие денег от этих двух понятий. Если, например, золото посылается за границу, то в действительности посылается капитал, но то же самое происходит, если вывозится железо, хлопчатая бумага, одним словом, каждый товар. И то, и другое является капиталом и различается, поэтому, не как капитал, но как деньги и товар. Следовательно, роль золота, как международного орудия обращения, вытекает не из его формального назначения, как капитала, но из его специфической функции, как денег. Равным образом, если золото, или вместо него банковые билеты функционируют во внутренней торговле, как платежное средство, то, вместе с тем, они являются капиталом. Но капитал, в форме товаров, как это чувствительно доказывают, например, кризисы, не мог бы занять места денег. Таким образом, опять-таки отличие золота, как денег, от товара а не его форма, как капитала, делает его платежным средством. Даже тогда, когда капитал вывозится непосредственно, как капитал, например, чтобы дать за границей помещение определенной сумме ценностей за проценты, зависит от кон'юнктур, будет ли он вывезен в форме золота, и если он будет вывезен в этой последней форме, то это произойдет, благодаря специфическому формальному назначению благородных металлов — служить деньгами в отличие от товара. Вышеупомянутые писатели рассматривают, вообще, деньги, не в их абстрактной форме, как они развиваются в сфере простого обращения товаров, а как они вырастают из отношения обращающихся товаров. Поэтому-то они постоянно колеблются между абстрактными формальными назначениями, какие имеют деньги в противоположность товару, и между теми назначениями, в которых скрываются более конкретные отношения, как капитал, доход и т. п. [1]). («К крит. полит. экон.», стр. 180—182).

12. Теория рабочих денег (Грея).

«Учение о рабочем времени, как о непосредственной единице денежной меры, впервые систематически было развито Джоном Грэем (John Gray). Он предлагает национальному центральному банку, при посредстве филиальных банков, определить количество рабочего времени, употребляемого на производство различных товаров. Взамен товара производитель получает официальное свидетельство его ценности, т. е. расписку, свидетельствующую о том количестве рабочего времени, которое истрачено на производство его товара — и эти банковые билеты в 1 неделю, 1 день, 1 час труда и т. д. служат вместе с тем ассигновками на эквивалент, выраженный в каком-нибудь из товаров, сложенных в банковских складах. Это основное положение Грея, которое он тщательно развивает в деталях и везде приспособляет к существующим английским учреждениям. «При этой системе, — говорит Грей, — было бы так же

[1]) «Следует различать золото, как товар, т. е. капитал и деньги как орудие обращения». (Tooke, An inquiry into the currency pricipie etc., p. 10). Можно рассчитывать, что золото и серебро, при своем появлении, почти вполне выручат требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами... вследствие того обстоятельства, что они во всем свете употребляются, как монета. Платежи долгов как внутренних, так и внешних, обыкновенно выговариваются не на чай, кофе, сахар или индиго, а на монету; следовательно, перевод денег или в тождественных монетах, или в слитках, которые могут быть легко обращены в деньги, на монетном дворе или на рынке той страны, куда они посылаются, всегда представляется для получателя самым безопасным, простым и верным способом уплаты, не подвергающим его риску потерпеть убыток от уменьшения спроса или от колебания цен». «Всякий другой продукт (кроме золота и серебра) может по количеству или по качеству, оказаться не удовлетворяющим обычный спрос страны, в которую он посылается».

легко во всякое время продавать на деньги, как легко купить на них. Производство было бы равномерным и никогда не иссякающим источником спроса. Благородные металлы утратили бы свою «привилегию сравнительно с другими товарами и заняли бы соответствующее им место на рынке, рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, и ценность их не интересовала бы нас больше, чем ценность алмазов». Итак, должны ли мы сохранить наше воображаемое мерило ценности, золото, и, таким образом, сковать производительные силы страны, или же мы должны возвратиться к натуральному мерилу ценности, труду, чтобы освободить эти силы».

Если рабочее время есть имманентное мерило ценности, почему же рядом с ними существует еще другое внешнее мерило? Почему меновая ценность развивается в цену? Почему все товары выражают свою ценность в одном выделенном товаре, который, таким образом, становится специфической формой меновой ценности, т. е. деньгами? Вот вопросы, которые Грэй должен был разрешить. Вместо разрешения их, он вообразил себе, что товары могли бы непосредственно относиться друг к другу, как продукты общественного труда. Они могут, однако, относиться друг к другу только в качестве того, что они составляют в действительности. Товары являются непосредственным продуктом труда отдельных независимых частных лиц, который только посредством отчуждения их в процессе обмена должен выступить, как всеобщий общественный труд; труд, совершаемый на основе товарного производства, становится трудом общественным только вследствие всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время, или за рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда, действительно, один специфический товар, например, золото или серебро, не мог бы выступить относительно других товаров, как воплощение всеобщего труда, меновая ценность не становилась бы ценой, но вместе с тем потребительная ценность не становилась бы меновой ценностью, продукт не становился бы товаром, и, таким образом, было бы уничтожено самое основание буржуазного производства. Этого, однако, совсем не имеет в виду Грэй. По его мнению, продукты должны производиться, как товары, но не как товары должны вымениваться. Грэй поручает исполнение этого pium desiderium Национальному Банку. С одной стороны, общество, в виде банка, делает индивидуальных производителей независимыми от условий обмена, с другой, — заставляет их и впредь производить на основах менового оборота. Внутренняя последовательность побуждает Грея отбрасывать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформировать» только возникшие из обмена товаров деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал, частную земельную собственность в национальную, и если мы внимательно рассмотрим роль его банка, то найдем, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельство на употребленный труд, но сам регулирует производство. («К крит. полит. эконом.», стр. 91—94).

II. ДЕНЬГИ — МЕРИЛО ЦЕННОСТИ И МАСШТАБ ЦЕН.

13. Деньги — мерило ценности. Цена.

«Первый процесс обращения есть, так сказать, теоретически-подготовительный процесс к настоящему обращению. Товары, существующие как потребительные ценности, приобретают прежде всего форму, при которой они в идее выступают друг против друга, как меновые ценности, как определенные количества овеществленного всеобщего рабочего времени. Первый необходимый акт этого процесса состоит, как мы видели, в том, что товары выделяют из своей среды специфический товар, например, золото, как непосредственное овеществление всеобщего рабочего времени, или как всеобщий эквивалент. Обратим на минуту внимание на форму, в которой товары превращают золото в деньги:

1 тонна железа = 2 унциям золота.
1 квартер пшеницы = 1 унции золота.
1 центнер кофе = ¼ унции золота.
1 центнер поташа = ½ унции золота.

1 тонна бразильск. дерева = 1½ унции золота.
у товара = x унциям золота.

В этом ряде равенств: железо, пшеница, кофе, поташ и т. д. противопоставляются друг другу, как овеществление однообразного труда, — именно труда, заключенного в золоте, в котором вполне уничтожены всякие различия разнообразных видов реального труда, содержащегося в различных потребительных ценностях. Как ценности, они одинаковы, они представляют овеществление *одного и того же* труда, или *одно и то же* овеществление труда — золота. Как однообразное овеществление одинакового труда, они имеют только *одно* различие, количественное, или выступают, как различные величины ценности, так как в их потребительных ценностях заключены *неравные* количества рабочего времени. Эти отдельные товары относятся вместе с тем и друг к другу, как овеществления всеобщего рабочего времени, так как они относятся к самому всеобщему рабочему времени, как к выделенному товару, золоту. Само это развивающееся отношение, при котором товары являются друг для друга меновыми ценностями, делает рабочее время, заключенное в золоте, всеобщим рабочим временем, данное количество которого выражается в различных количествах пшеницы, железа, кофе и т. д. — словом, в потребительных ценностях всех товаров, или непосредственно развертывается в бесконечном ряде товарных эквивалентов. В то время как все товары выражают свои меновые ценности в золоте, последнее выражает свою собственную меновую ценность непосредственно во всех товарах. Так как сами товары друг перед другом приобретают форму меновых ценностей, то золоту они придают форму всеобщего эквивалента, или денег.

Так как *все* товары измеряют свои меновые ценности при помощи золота в таком отношении, в каком определенное количество золота и определенное количество товара заключают одинаковое рабочее время, то золото становится *мерилом ценности* и прежде всего благодаря этому назначению, как мерила ценности, собственная ценность которого выражается непосредственно в полном круге товарных эквивалентов, делается общим эквивалентом, или деньгами. С другой стороны, меновая ценность всех товаров выражается в золоте. В этом выражении следует различать качественный момент от момента количественного. Меновая ценность товара существует, как овеществление одного и того же единообразного рабочего времени: величина ценности товара выражается исчерпывающим образом, так как в том же отношении, в котором товары равны золоту, они равны между собой. С одной стороны, выступает *всеобщий* характер рабочего времени, заключенного в них, с другой — количество его в золотом эквиваленте. Меновая ценность товаров, выраженная таким образом, как всеобщая эквивалентность, а вместе с тем, как степень этой эквивалентности, в специфическом товаре, или выраженная одним только сравнением товаров с специфическим товаром, есть *цена*. Цена есть превращенная форма, в которой меновая ценность товаров является в процессе обращения.

Таким образом, в том самом процессе, в котором товары выражают свою ценность, как цены, определяемые золотом, золото представляется мерилом ценностей, следовательно, деньгами. Если бы *все* товары выражали свою ценность в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница и медь были бы мерилами ценности, следовательно, всеобщими эквивалентами. Чтобы проявиться в обращении, как цены, товары должны быть до обращения меновыми ценностями. Мерилам ценностей золото делается только потому, что все товары выражают в нем свою меновую ценность. Всесторонность этого развивающегося отношения, из которой только и происходит характер золота, как мерила, предполагает, однако, что каждый отдельный товар измеряется при помощи золота в отношении к рабочему времени, заключенному в них обоих, следовательно, что действительным мерилом товара и золота является само рабочее время, или что товар и золото приравниваются друг другу в непосредственной меновой торговле, как меновые ценности. Каким образом это происходит на практике, мы не можем исследовать в сфере простого обращения. Очевидно, однако, что в странах, которые производят золото и серебро, определенное количество рабочего времени непосредственно воплощается в определенном количестве золота и серебра, тогда как в странах, которые не производят ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается косвенным путем, через посредственный или непосредственный обмен товаров этой страны, т. е. определенной части среднего национального труда, на

определенное количество рабочего времени, овеществленного в золоте и серебре стран, владеющих рудниками. Чтобы служить мерилом ценностей, золото само должно быть ценностью, способной изменяться, так как оно может стать эквивалентом других товаров только, как овеществление рабочего времени; между тем, одно и то же рабочее время, с изменением производительности реального труда, овеществляется в неравных об'емах одних и тех же потребительных ценностей. Точно так же при выражении меновой ценности каждого товара в потребительной ценности другого товара, при оценке всех товаров в золоте предполагается только, что оно в данный момент представляет некоторое определенное количество рабочего времени. При рассмотрении изменения ценностей золота, остается в силе развитый раньше закон меновых ценностей. Если меновая ценность товаров остается без изменения, то общее возрастание цен, выраженных в золоте, возможно только в том случае, когда падает меновая ценность золота. Если меновая ценность золота остается без изменения, то общее возрастание цен, выраженных в золоте, возможно только тогда, когда меновая ценность всех товаров возрастает. Обратное происходит в том случае, когда все товарные цены падают. Если ценность одной унции золота падает или возрастает, вследствие изменения рабочего времени, необходимого для ее производства, то она понижается или повышается равномерно для всех других товаров, следовательно, представляет, до изменения и после него, по отношению ко всем товарам, рабочее время определенной величины. Одни и те же меновые ценности выражаются в больших или меньших, чем прежде, количествах золота, но выражаются в отношении к величинам их ценностей, т. е. отношение их, как ценностей друг к другу, не изменяется. Отношение 2 : 4 : 8 то же самое, что 1 : 2 : 4, или 4 : 8 : 16. Изменение в количествах золота, в которых выражаются меновые ценности, в зависимости от изменения ценности самого золота, нисколько не препятствуют ему выполнять роль мерила ценностей, как не препятствует серебру исполнять эту функцию то обстоятельство, что ценность серебра в 15 раз меньше ценности золота. Так как мерилом товаров и золота служит рабочее время, а золото постольку лишь является мерилом ценностей, поскольку все товары измеряются им, то представление, будто деньги делают товары соизмеримыми, является лишь фикцией процесса обращения [1]). Скорее эта соизмеримость товаров, как овеществленного рабочего времени, делает из золота деньги.

Реальная форма, в которой товары вступают в меновой процесс, это — форма их потребительной ценности. Превратиться в действительный всеобщий эквивалент они могут только через отчуждение. Определение их цен есть только превращение их в идее во всеобщий эквивалент, сравнение с золотом, которое еще нужно реализовать. Но так как товары в своих ценах только в идее превращаются в золото, или превращаются в золото воображаемое, и их денежное бытие еще не отделено от их реального бытия, то, следовательно, и золото лишь в идее превратилось в деньги; оно является еще только мерилом ценности, и определенные суммы золота функционируют, в действительности, еще только как названия для определенных количеств рабочего времени. От определенного способа, которым товары выражают друг для друга свою меновую ценность, зависит в каждом случае определенность формы, в которой золото кристаллизуется, как деньги.

---

[1]) Аристотель понимает, что цена товаров предполагает их меновую ценность: «Ясно, что мена существовала ранее монеты, ибо безразлично, отдать ли за дом пять сдров, или столько денег, сколько стоят пять одров». С другой стороны, так как товары только в цене получают друг от друга форму меновой ценности, то он считает их соизмеримыми посредством денег: «Вследствие этого все должно быть оценено. Таким образом, всегда будет возможен обмен и, следовательно, сношения. Монета, подобно мере, делает все соизмеримым и приравнивает. Ибо без обмена не было бы сношений, без равенства не было бы обмена, а без соизмеримости — равенства». Он не скрывает, что эти различные, измеряемые деньгами вещи совершенно несоизмеримые величины. Он ищет единства товаров, как меновых ценностей, но, как античный грек, не может найти его. Он пытается выйти из затруднения, допуская, что неизмеримое само по себе делается соизмеримым посредством денег, насколько это нужно для практической потребности. «На самом деле невозможно сделать подобные различия соизмеримы, но для практической цели это легко допустимо». Arist. Ethic. Nicom. 1. 5, c. 8, edit. Bekkeri. Oxonii 1837.

Теперь товары противопоставляются друг другу, как двойственные существа; реально — как потребительные ценности, в идее — как меновые ценности. Двойственная форма труда, заключенного в них, представляется теперь в их взаимном отношении так, что особый реальный труд существует в действительности как их потребительная ценность, в то время как всеобщее абстрактное рабочее время получает идейную форму в их цене, в которой товары являются соизмеримым и только количественно различным овеществлением одной и той же субстанции ценности.

Разница между меновой ценностью и ценой является, с одной стороны, только номинальной. Адам Смит, например, говорит, что труд есть реальная, а деньги номинальная цена товаров. Именно, вместо того чтобы оценить один квартер пшеницы в 30 рабочих дней, его оценивают теперь в одну унцию золота, если унция золота является продуктом 30 рабочих дней. С другой стороны, эта разница является тем менее номинальной только разницей, что в ней сосредоточиваются все превратности, которые грозят товару в действительном процессе обращения, 30 рабочих дней заключаются уже в одном квартере пшеницы, и поэтому не приходится снова выражать его в рабочем времени. Но золото — товар, отличный от пшеницы, и только в обращении можно узнать, действительно ли квартер пшеницы стоит унции золота, как мы это заранее предполагаем в его цене. Это зависит от того, окажется ли он или нет потребительной ценностью, окажется ли заключенное в нем количество рабочего времени, временем общественно необходимым для производства квартера пшеницы. Товар, как таковой, *представляет* меновую ценность и *обладает* ценой. В этом различии между меновой ценностью и ценой проявляется то, что заключенный в товаре особый индивидуальный труд только в процессе отчуждения его должен выступить своей противоположностью, как лишенный индивидуальности, абстрактно-всеобщий и в этой только форме общественный труд, т. е. как деньги. («К крит. полит. эконом.», стр. 74—78).

14. Деньги — ценность — товар.

«Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары, как стоимости представляют объективированный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, — именно поэтому они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая, таким образом, этот последний в общую меру своих стоимостей, т. е. в деньги. Деньги как мера стоимости — лишь форма проявления имманентной товарам меры стоимости, рабочего времени[1]). («Капитал», т. I, глава 3, стр. 63).

15. Изменение ценности денег и цен товаров.

«При неизменной стоимости денег товарные цены могут вообще повышаться, если повышаются стоимости товаров, при неизменной стоимости товаров — если понижается стоимость денег. Наоборот. При неизменной стоимости денег все товарные цены могут понижаться лишь при том условии, если понижаются товарные стоимости; при неизменных товарных стоимостях — если повышается стоимость денег. Отсюда отнюдь не следует, что повышение стоимости денег всегда вызывает пропорциональное понижение товарных цен, а понижение стоимости денег — пропорцио-

[1]) Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени — почему, например, ассигнация не представляет их рабочих часов, — сводится просто к вопросу, почему на базисе товарного производства продукты труда должны становиться товарами, так как товарная форма продуктов уже предполагает необходимость раздвоения их на товары и денежный товар. Таков же вопрос, почему частный труд не может рассматриваться как непосредственно общественный труд, т. е. как его противоположность. В другом месте я подробно рассмотрел плоский утопизм таких проектов, как «рабочие деньги» на основе товарного производства («К крит. полит. эк.», стр. 14 и сл.). Здесь отмечу только, что, например, «рабочие деньги» Оуэна имеют с «деньгами» так же мало общего, как скажем, театральный билет. Оуэн предполагает непосредственно обобществленный труд, т. е. форму производства, диаметрально противоположную товарному производству. Рабочая квитанция лишь констатирует долю индивидуального участия производителя в общем труде и долю его индивидуальных притязаний на потребление общего продукта. Но Оуэну и в голову не приходило оставаться на почве товарного производства и в то же время стремиться к устранению его необходимых условий при помощи денежных фокусов

нальное повышение товарных цен. Это справедливо лишь по отношению к товарам, стоимость которых остается неизменной. Например, товары, стоимость которых повышается одновременно со стоимостью денег и в той же самой пропорции, сохраняют свои цены неизменными. Если их стоимость повышается медленнее или быстрее, чем стоимость денег, то повышение или понижение их цен определяется разницей между движением их стоимости и движением стоимости денег и т. д.». («Капитал», т. I, глава 3, стр. 68).

16. Деньги — мерило ценностей и масштаб цен.

«Как мера стоимостей и как масштаб цен, деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота. Мерой стоимостей измеряются товары, как стоимости; напротив, масштаб цен измеряет различные количества золота данным его количеством, а не стоимость данного количества золота весом других его количеств. Для масштаба цен определенный вес золота должен быть фиксирован как единица измерения. Здесь, как и при всяком другом измерении одноименных величин, решающее значение имеет устойчивость единицы измерения. Следовательно, масштаб цен выполняет свою функцию тем лучше, чем неизменнее одно и то же количество золота служит единицей меры. Мерой стоимости золото может служить лишь потому, что оно само представляет продукт труда, следовательно, стоимость, потенциально переменную [2]).

Очевидно, прежде всего, что изменение стоимости золота никоим образом не может помешать его функции в качестве масштаба цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, стоимости определенных количеств его сохраняют между собой одно и то же отношение. Если бы стоимость золота упала даже на 1,000%, 12 унций золота попрежнему обладали бы в двенадцать раз большей стоимостью, чем одна унция золота, а при определении цен дело идет лишь об отношениях различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, при понижении или при повышении стоимости золота вес одной унции его остается неизменным, то остаются неизменными и отдельные части унции; следовательно, золото как фиксированный масштаб цен, всегда оказывает одни и те же услуги, как бы ни изменялась его стоимость.

Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому. . . . . не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более низких, то в более высоких золотых ценах. («Капитал», т. I, глава 3, стр. 67—68).

17. Деньги — масштаб цен. Взгляд Д. Стюарта.

«Теория идеальной единицы денежной меры так полно развита у Джемса Стюарта, что его бессознательные последователи — бессознательные, так как они даже его не знали — не могли изобрести ни нового способа выражения, ни даже нового примера. «Счетные деньги — говорит он — есть ни что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения относительной ценности продающихся предметов. Счетные деньги — вещь, совершенно отличная от монетных денег (money coin), которые являются ценой; они могли бы существовать, хотя бы на свете не было никакой субстанции, которая была бы пропорциональным эквивалентом для всех товаров. Счетные деньги играют такую же роль для ценности предметов, как градусы, минуты, секунды и т. д. для углов, или масштаб для географических карт и т. д. Во всех этих изобретениях мы принимаем некоторое определение за единицу. Полезность всех установлений этого рода ограничивается един-

[2]) Прим. ко 2 изд. В сочинениях английских авторов царствует невообразимое смешение понятий: «мера стоимости» (measure of Value) и «масштаб цен» (standart of Value). Постоянно смешиваются сами эти функции, а следовательно, и их названия.

ственно тем, что они являются показателями пропорции; в том же заключается полезность и денежной единицы. Следовательно, она не может находиться ни в каком постоянном отношении к какой-нибудь части ценности, т. е. не может быть исключительно приурочена к какому-либо определенному количеству золота, серебра или другого товара. Приняв же раз известную единицу, мы можем, через умножение ее, доходить до наивысшей ценности. Так как ценность товаров зависит от общей совокупности влияющих на нее обстоятельств и капризов людей, то следовало бы ее рассматривать только как изменяющуюся в отношении к этой единице. Все, что препятствует определению пропорционального изменения, на основании некоторого всеобщего, установленного и неизменного масштаба, должно вредно отзываться и на торговле. Деньги — только идеальный масштаб с разными делениями. Если кто-нибудь спросит, что должно служить единицей для измерения ценности по одному из этих делений, то в ответ я поставлю другой вопрос: что такое нормальная величина градуса, минуты, секунды? Ее не существует; но, если одно деление установлено, то, соответственно природе данного масштаба, остальные должны быть приурочены к установленной части. Примером этих идеальных денег могут служить амстердамские банковые деньги и деньги, существующие в Анголе, по африканскому побережью» [1]).

Стоарт берет прямо форму, в которой деньги являются в обращении, как масштаб цен и как счетные деньги. Если цены различных товаров показаны в прейс-куранте в 15, 20 и 36 шиллингов, то, в сущности, при сравнении величины их ценности не интересны ни серебряное содержание, ни название шиллинг. Числовые отношения 15, 20, 36 говорят здесь все, и число 1 сделалось единственной единицей меры. Чисто отвлеченное выражение пропорции есть вообще только сама абстрактная числовая пропорция. Чтобы быть последовательным, Стоарт должен был поэтому игнорировать не только золото и серебро, но также и их легальные крестные имена. Не понимая превращения мерила ценностей в масштаб цен, он, естественно, думает, что определенное количество золота, служащее единицей меры, относится, как мера, не к другим количествам золота, но к ценностям, как к таковым. Так как товары, посредством превращения их ценностей в цены, делаются одноименными величинами, то он отрицает качественные свойства мерила, которое делает их одноименными, и так как при этом сравнении различных количеств золота количество золота, служащего единицей меры, условно, то он не признает, чтобы ее вообще следовало устанавливать. Вместо того, чтобы называть $^1/_{360}$ часть круга градусом, он мог назвать им $^1/_{180}$: прямой угол тогда измерялся бы 45°, вместо 90°; соответственно с этим определились бы измерения острых и тупых углов. Тем не менее, мера углов осталась бы и тогда: во-первых, качественно определенной математической фигурой, кругом, и, во-вторых, количественно определенной частью круга. Что касается экономических примеров Стоарта, то одним из них он сам себя побивает, а другим ничего не доказывает. Амстердамские банковые деньги, действительно, были только счетным названием для испанских дублонов [2]), которые вполне сохранили свой вес благодаря неподвижному лежанию в банковских подвалах, между тем как ходячая курсовая монета отощала; благодаря постоянному столкновению с внешним миром. Что же касается африканских идеалистов, то мы должны предоставить их собственной судьбе, пока путешественники в своих критических писаниях не сообщат нам о них что-либо более точное [3]). Почти идеальными деньгами, в смысле Стоарта, можно было бы назвать французские ассигнаты: «Национальное имущество. Ассигнат на 100 франков». Здесь, действительно, специфически была выражена потребительная ценность, которую должен был представлять ассигнат, именно, конфискованное земельное имущество, но количественное определение единицы

---

[1]) Steuart. l. c. t. II, p. 154, 299.

[2]) Дублон — испанская золотая монета. Примеч. к русск. перев.

[3]) Во время самых ранних торговых кризисов в Англии напыщенно прославляли, с определенной точки зрения, африканские идеальные деньги, после того, как они были перенесены с берега в центр Берберии. Отсутствие у берберов торговых и промышленных кризисов об'ясняли идеальной единицей меры их Bars. Не проще ли было сказать, что торговля и промышленность суть conditio sine qua non для торговых и промышленных кризисов?

меры было забыто, поэтому «франк» сделался выражением, лишенным смысла. Представлял ли франк ассигнатами много или мало земли, — это зависело от результатов публичных торгов. На практике, однако, франк ассигнатами обращался, как знак ценности, вместо серебра, и, сообразно с этим серебряным масштабом, измерялось его обесценение. («К крит. полит. эконом.», стр. 87—89).

18. Деньги — масштаб цен.

«Если признать процесс, посредством которого золото стало мерилом ценностей, а меновая ценность — ценой, то все товары представятся в своих ценах только воображаемыми количествами золота разной величины. Как различные количества одной и той же вещи, золота, они сравниваются друг с другом и измеряются; таким образом, развивается техническая необходимость приурочивать их изменение к определенному количеству золота, как к единице меры, которая поэтому развивается постепенно в масштаб; последний же делится на равные части, в свою очередь, также делимые [1]). Но количества золота измеряются при помощи веса. Следовательно, масштаб является уже готовым в общих мерах веса металла, которые поэтому в каждом металлическом обращении служат вместе с тем с самого начала масштабом цен. Так как товары относятся друг к другу не как меновые ценности, которые должны измеряться рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые при помощи золота, то золото из мерила — превращается в масштаб цен. Сравнение между собою товарных цен, как различных количеств золота, кристаллизуется таким образом в знаках, которые соответствуют предполагаемому количеству золота и представляют его, как масштаб, делимый на равные части. Золото, как мерило ценностей и как масштаб цен, проявляется в совершенно различных формах, и смешение их приводит к самым странным теориям. Мерилом ценностей золото является, как овеществленное рабочее время. Мерилом цен — как определенный вес металла. Мерилом ценностей золото делается тогда, когда оно, как меновая ценность, относится к товарам, как к меновым ценностям: в масштабе же цен определенное количество золота служит единицей для других количеств золота. Мерилом ценностей золото является потому, что ценность его может подлежать переменам, масштабом цен — потому, что оно фиксировано, как неизменная единица веса. Здесь, как и при всяком изменении одноименных величин, устойчивость и определенность масштаба являются решающим моментом.

Необходимость принятия некоторого количества золота за единицу меры, а вместе с тем его частей за деление этой единицы, вызывает такое представление, будто определенное количество золота, имеющее естественно изменяющуюся ценность, поставлено в постоянное отношение, как ценность к меновым ценностям товаров; причем не замечают только того, что меновые ценности товаров превращаются в цены, в количества золота еще прежде, чем золото разовьется в масштаб цен. Различные количества золота, как ценности, всегда имеют между собой одно и то же отношение, независимо от перемен, которым подвергается ценность золота. Пусть его ценность упадет на 1,000%, и все-таки 12 унций золота будут стоить после этого, как и прежде, в 12 раз больше одной унции; в ценах все основывается на отношении различных количеств золота между собой. С другой стороны, унция золота нисколько не изменяет своего веса от понижения или повышения ценности; следовательно, и вес ее долевых частей остается без перемены. Отсюда следует, что золото, как постоянный масштаб цен, оказывает всегда одни и те же услуги, как бы ни изменилась его ценность [2]). («К крит. полит. эконом.», стр. 79—80)

---

[1]) Та странность, что в Англии унция золота, как единица меры денег, делится на неравномерные части, об'ясняется следующим образом: Maclaren. History of the currency» p. 16 London 1858. «Наши монеты были сначала приспособлены для одного только серебра, поэтому унция серебра может быть всегда разделена на известное количество равностоящих монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную только к серебру, унция золота не может быть разделена на равноценное количество монет».

[2]) Bailay: «Money and its vicissitudes». London 1837. «Деньги могут постоянно изменяться в ценности и в то же время быть таким же хорошим мерилом ценности, как если бы они оставались неизменными. Предположите, например, что они пони-

III. ДЕНЬГИ — ОРУДИЕ (СРЕДСТВО) ОБРАЩЕНИЯ. — ОБОРОТ ДЕНЕГ.

19. Деньги — орудие (средство) обращения.

«Если мы будем расматривать... результат процесса Т — Д — Т, то он сводится к обмену веществ Т — Т.

Товар обменивается на товар, потребительная ценность на потребительную ценность, и превращение товара в деньги служит только средством этого обмена веществ. Таким образом, деньги выступают как простое о р у д и е о б м е н а товаров; но не как орудие обмена вообще, а как орудие обмена, отмеченного процессом обращения, т. е. как о р у д и е о б р а щ е н и я. («К крит. полит. эконом.», стр. 102).

20. Деньги — орудие (средство) обращения.

«Как посредник в процессе обращения товаров, деньги выполняют функцию средства обращения». («Капитал» т. I, глава 3, стр. 84).

21. Роль Д в формуле Т — Д — Т как орудия (средства) обращения.

«Деньги, являющиеся, в отличие от монеты, результатом процесса обращения Т — Д — Т, составляют исходный пункт для процесса обращения Д — Т — Д, т. е. процесса, в котором деньги обмениваются на товар, чтобы этот последний снова обменять на деньги. Начальным и конечным пунктом движения является в первой форме товар, а во второй — деньги. В первой форме деньги являются посредником при обмене товаров, во втором товар — посредником при превращении денег в деньги. Деньги, которые в первой форме являются просто орудием обращения, выступают во второй, как конечная цель обращения; между тем, товар, составляющий в первой форме конечную цель, во второй играет роль простого орудия. Так как деньги сами уже являются результатом обращения Т — Д — Т, то в процессе Д — Т — Д результат обращения выступает вместе с тем и его исходным пунктом. В то время, как в Т — Д — Т содержание процесса составляет обмен материи, форма товара, происходящая из этого процесса, составляет действительное содержание второго процесса Д — Т — Д.

В форме Т — Д — Т оба полюса составляют товары, имеющие меновую ценность одинаковой величины, но вместе с тем качественно различные потребительные ценности. Их обмен Т — Т есть действительный обмен веществ. В форме Д — Т — Д, напротив, оба полюса — золото, и притом золото, имеющее ценность одинаковой величины. Обменять золото на товар, чтобы товар снова обменять на золото, или, если рассматривать только результат Д — Д, обменять золото на золото, значит, повидимому, делать бессмыслицу. Если, однако, перевести Д — Т — Д в форму: к у п и т ь д л я т о г о, ч т о б ы п р о д а т ь, что означает не что иное, как обмен золота на золото, при помощи посредствующего движения, то мы тотчас же узнаем господствующую форму буржуазного производства. Однако, на практике покупка не совершается только для того, чтобы продать; но покупается товар дешево, чтобы продать дорого. Деньги обмениваются на товар, чтобы последний обратно обменять на большую сумму денег, так что полюсы Д — Д — различны, если не качественно, то количественно. Такая количественная разница заставляет предполагать о б м е н н е э к в и в а л е н т о в; между тем товар и деньги, как таковые, только противоположные формы самого товара, т. е. различные формы одной и той же по величине ценности. Обращение Д — Т — Д скрывает, поэтому, под формами денег и товара более развитые производственные отношения и является в сфере

жаются в ценности. До понижения за гинею покупали 3 бушеля пшеницы, или 6 дней труда; следовательно, теперь за нее купят только 2 бушеля пшеницы, или 4 дня труда; так как отношение пшеницы и труда к деньгам дано, то в обоих случаях можно определить их отношение друг к другу. Другими словами, мы можем с уверенностью сказать, что бушель пшеницы стоит 2 дня труда. Это все, что может дать измерение ценностей, и это так же удобно сделать до понижения ценности денег, как и после него. Достоинство какой-либо вещи, как мерило ценностей, не зависит от изменений в ее собственной ценности».

простого обращения только отражением более сложного движения. Следовательно, мы должны вывести деньги, в отличие от орудия обращения, из непосредственной формы обращения товаров Т — Д — Т». («К крит. полит. эконом.», стр. 125).

22. Обращение товаров.

«Обращение товаров не только формально, но и по существу отлично от непосредственного обмена продуктами. В самом деле, присмотримся к только что описанному процессу. Ткач несомненно обменял холст на библию, собственный товар на чужой. Но это явление существует как таковое только для него самого. Продавец библии, предпочитающий горячительный напиток холодной святости, вовсе не думал о том, что на его библию обменивается холст; равным образом ткач совершенно не подозревает, что на его холст обменена пшеница и т. д. Товар лица В замещает товар лица А, но А и В не обмениваются взаимно своими товарами. Фактически может случиться, что А и В покупают взаимно друг у друга, но такое случайное совпадение отнюдь не вытекает из общих условий обращения товаров. С одной стороны, мы видим здесь, как обмен товаров разрывает индивидуальные и локальные границы непосредственного обмена продуктами и развивает обмен веществ человеческого труда вообще. С другой стороны, здесь развивается сложный клубок общественных связей, которые, однако, носят характер законов природы, так как находятся вне контроля действующих лиц. Ткач может продать холст лишь потому, что крестьянин уже продал пшеницу; любитель водки может продать библию лишь потому, что ткач продал холст; водочный заводчик может продать свой живительный напиток лишь потому, что другой продал напиток живота вечного и т. д.

Вследствие этого процесс обращения не заканчивается, как непосредственный обмен продуктами, после того, как потребительные стоимости поменялись местами и владельцами. Деньги не исчезают только потому, что они, в конце концов, выпадают из ряда метаморфоз данного товара. Они все снова и снова оседают в тех пунктах процесса обращения, которые очищаются тем или другим товаром. Напр., в общем метаморфозе холста: холст, деньги, библия, — сначала холст выпадает из обращения, деньги заступают его место, затем библия выпадает из обращения и деньги опять-таки заступают ее место. Благодаря замещению одного товара другим к рукам третьего лица прилипают деньги. Обращение непрерывно источает из себя денежный пот». («Капитал» т. I, глава 3, стр. 83).

23. Обращение денег и товаров.

«Обращение денег есть постоянное монотонное повторение одного и того же процесса. Товар всегда находится на стороне продавца, деньги всегда на стороне покупателя, как покупательное средство. Они функционируют как покупательное средство, реализуя цену товара. Но, реализуя эту последнюю, деньги переносят товар из рук продавца в руки покупателя и в то же время удаляются сами из рук покупателя в руки продавца с тем, чтобы повторить тот же самый процесс с каким-либо другим товаром. Тот факт, что эта односторонняя форма движения денег возникает из двусторонней формы движения товаров, остается замаскированным. Самая природа товарного обращения создает как раз противоположную внешнюю картину процесса. Первый метаморфоз товара уже по своему внешнему виду есть не только движение денег, но и собственное движение самого товара; наоборот, второй товарный метаморфоз представляется только движением денег. В первой половине своего обращения товар меняется местом с деньгами. Вместе с тем его потребительная плоть выпадает из сферы обращения и переходит в сферу потребления. Ее место заступает плоть стоимости, или денежная куколка [1]). Вторую половину обращения товар пробегает не в своем натуральном виде, а в своем золотом облачении. Таким образом, движение является непрерывным только с точки зрения денег; то же самое движение,

[1]) Даже в том случае, если товар все снова и снова продается — явление, которое для нас пока еще не существует — то все же с момента своей окончательной продажи он переходит из сферы потребления, чтобы послужить здесь средством существования или средством производства.

которое для товара распадается на два противоположных процесса, есть один, всегда неизменный процесс, если его рассматривать как собственное движение денег, а именно, процесс, в котором деньги меняются местами все с новыми и новыми товарами. Результат товарного обращения — замещение одного товара другим товаром — создается поэтому не только изменением его собственной формы, но также и функцией денег как средства обращения. Деньги приводят в движение товары, сами по себе неподвижные, деньги переносят их из рук, где они не являются потребительными стоимостями, в руки, где они имеют потребительную стоимость, и притом всегда в направлении, противоположном собственному движению денег. Деньги постоянно удаляют товары из сферы обращения, становясь на их место в процессе обращения и тем самым удаляясь от собственного своего исходного пункта. Поэтому, хотя движение денег лишь выражает собой движение товаров, с внешней стороны обращение товаров кажется, наоборот, лишь результатом движения денег [2]). С другой стороны, деньгам присуща лишь функция средства обращения, так как они представляют стоимость товаров, принявшую обособленную форму. Их движение как средства обращения есть поэтому действительно движение, присущее только собственной форме товаров. Следовательно, оно должно отражаться в обращении денег и видимым образом. Так, напр., холст сначала превращает свою товарную форму в свою денежную форму. Второй полюс его первого метаморфоза Т — Д, т. е. денежная форма становится затем первым полюсом его последнего метаморфоза, его обратного превращения в библию. Но каждое из обоих этих изменений формы совершается путем обмена между товаром и деньгами, путем их взаимного перемещения. Одни и те же монеты притекают к продавцу как отчужденная форма товара и покидают его как абсолютно отчуждаемая форма товара. Они два раза меняют место. Первый метаморфоз товара приносит данные монеты в кошелек ткача, второй снова извлекает их оттуда. Таким образом, оба противоположные изменения формы данного товара отражаются в двукратном перемещении денег, совершающемся в обратном направлении». («Капитал» т. I, глава 3, стр. 85—86).

24. Оборот денег. Масса обращающихся денег.

«... Оборот денег представляет движение бесконечно раздробленное, так как в нем отражается бесконечная раздробленность процесса обращения на акты покупки и продажи, и произвольное разделение взаимно дополняющих друг друга фазисов товарных метаморфоз. В отдельных, малых оборотах денег, где исходная и конечная точка совпадают, мы находим, действительно, оборотное или круговое движение; но так как существует столько же исходных точек, сколько товаров, то эти круговые движения, благодаря неопределенному их числу, ускользают от всякого контроля, меры и счета. Столь же неопределенно время между удалением денег от исходной точки и их возвращением к ней. К тому же безразлично, имело ли место в данном случае такое круговое движение или нет. Никакой экономический факт не известен лучше того, что можно одной рукой выдавать деньги, не получая их обратно другой. Деньги выходят из бесконечно различных пунктов и возвращаются в бесконечно различные пункты; но совпадение исходных и конечных точек составляет случайность, так как в движении Т — Д — Т обратное превращение покупателя в продавца не является необходимым условием. Тем менее еще оборот денег представляет собой движение, которое выходило бы лучами из центра к периферии и со всех точек этой последней возвращалось бы к центру. Так называемый, круговой оборот денег, в его картинном представлении, рисуется в таком виде, что на всех пунктах замечается появление, исчезновение и безостановочное перемещение денег. При высшей более сложной форме обращения денег, напр., при обращении банковых билетов, условия выдачи денег, как мы увидим, заключают в себе условия возвращения. Но при простом обращении только случайность приводит к тому, что тот же самый покупатель становится снова продавцом. Там, где можно констатировать действительные круговые движения, как постоянные явления, они служат только отраже-

[2]) «Они (деньги) не имеют другого движения, кроме того, которое сообщено им продуктами». (Le Trosne T. c., p. 885).

нием более глубоких процессов производства. Напр., фабрикант берет деньги у своего банкира в пятницу, уплачивает их своим рабочим в субботу, рабочие отдают сейчас же большую часть денег лавочникам, а последние относят их в понедельник обратно к банкиру.

Мы видим, что деньги реализуют одновременно некоторую сумму цен в актах покупки и продажи, располагающихся различным образом друг подле друга, и что они меняются местом с товаром только один раз. Однако, с другой стороны, поскольку в движении денег отражается движение полных метаморфоз товаров и соединение этих метаморфоз, то одна и та же монета реализует цены различных товаров и совершает, таким образом, большее или меньшее количество оборотов. Если мы возьмем процесс обращения в какой-нибудь стране за данный промежуток времени, напр., за один день, то количество золота, необходимое для реализации цен, следовательно, и для обращения товаров, будет определяться двумя моментами: с одной стороны, общей суммой этих цен, а с другой — средним числом оборотов одной и той же монеты. Это число оборотов или быстрота денежного обращения, в свою очередь, снова выражается и определяется средней быстротой, с которой товары проходят различные фазы своих метаморфоз,—быстротой, с какой метаморфозы следуют одна за другой, составляя одну цепь и наконец быстротой, с какой товары, которые уже совершили свои метаморфозы, замещаются новыми товарами. В процессе определения цен меновая ценность всех товаров превратилась в идее в количество золота равной ценности, и в обоих изолированных актах обращения Д — Т и Т — Д одна и та же сумма ценности являлась удвоенной: с одной стороны, она выражалась в товаре, с другой — в золоте; но существование золота, как орудия обращения, определяется не изолированным его отношением к отдельным, находящимся в покое товарам, а живой его формой в подвижном товарном мире: определяется его функцией — выражать своим перемещением перемену формы товаров, а быстротой своих перемещений — быстроту этой перемены форм. Следовательно, его действительное наличное количество в процессе обращения, т. е. действительная сумма золота, которая циркулирует, определяется его функциональным существованием в самом процессе, взятом как целое.

Денежное обращение предполагает обращение товаров и, действительно, деньги приводят в движение товары, имеющие цены, т. е. такие товары, которые в идее уже приравнены к определенным количествам золота. При определении цен самих товаров ценность того количества золота, которое служит единицей меры, или ценность золота, предполагается данной. При этом условии количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой цен товаров, которые должны быть реализованы. Самая же эта сумма, однако, определяется: 1) высотой цен, т. е. относительной высотой меновых ценностей товаров, выраженных в золоте; 2) суммой находящихся в обращении товаров, с определенными ценами, т. е. суммой актов покупки и продажи при данных ценах [1]). Если квартер пшеницы стоит 60 шилл., то, для введения его в обращение или для реализования его цены, нужно в два раза больше золота, чем в том случае, если бы он стоил только 30 шиллингов. Для обращения 500 квартеров пшеницы по 90 шиллингов требуется в два раза больше золота, чем для обращения 250 квартеров по той же цене. Наконец обращение 10 квартеров по 100 шиллингов требует только половину того количества золота, которое необходимо для обращения 40 квартеров по 50 шиллингов. Отсюда следует, что количество золота, необходимое для обращения товаров, может уменьшиться, несмотря на возрастание цен; именно, тогда, когда количество находящихся в обращении товаров уменьшается в большем отношении, чем возра-

---

[1]) Сумма денег безразлична «лишь бы только она была достаточна, чтобы поддерживать цены определенных товаров». Boisguillebert l. c. p. 210. «Если обращение товаров в 400 миллионов ф. стерл. требует 40 миллионов золота, и эта пропорция в $^1/_{10}$ представляет нормальный уровень, то при повышении ценности обращающихся товаров, вследствие естественных причин, до 450 млн., сумма золота, чтобы сохранить нормальный уровень, должна возрасти до 45 миллионов». W. Blake, «Observations on the effects produced by the expenditure of Governement etc». London 1822, page 42.

стает общая сумма их цен; и обратно: количество орудий обращения может возрасти. если количество товаров, находящихся в обращении уменьшается, а одновременно общая сумма цен возрастает в большей степени. Прекрасные детальные исследования англичан доказали, например, что в Англии, в первых стадиях дороговизны хлеба, масса обращающихся денег возросла, так как сумма цен уменьшенной массы хлеба стала больше, чем сумма цен большей массы хлеба, при чем обращение других товаров осталось без перемены при прежних ценах. В дальнейшей, однако, хлебной дороговизне масса обращающихся денег уменьшилась, потому ли, что наряду с хлебом осталось меньше других товаров с прежними ценами, или же потому, что цены этих товаров упали.

Количество обращающегося золота зависит, однако, как мы видели, не только от общей суммы цен товаров, которые должны быть реализованы, но также и от быстроты оборота денег, т. е. от быстроты, с какой они совершают эту реализацию. Если один соверен в продолжение одного дня совершает 10 актов покупки, каждый раз при цене товара в 1 соверен, проходя, таким образом, через 10 рук, то он выполняет ту же самую задачу, что и 10 соверенов, из которых каждый, в продолжение дня, обращается только 1 раз [1]). Следовательно, быстрота оборота золота может заменить его количество, или существование его в процессе обращения определяется не только функцией эквивалента, которую он выполняет по отношению к товару, но вместе с тем и ролью его в движении метаморфоз товаров. Быстрота оборота заменяет, однако, количество золота только до некоторой степени, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные акты покупки и продажи происходят рядом один с другим.

Если сумма цен, находящихся в обращении товаров, возрастает, но в меньшей степени, чем быстрота оборота денег, то сумма орудий обращения уменьшается. Если, наоборот, быстрота оборота денег уменьшается в большей степени, чем сумма цен товаров, находящихся в обращении, то сумма орудий обращения возрастает. Возрастание количества этих орудий, при общем падении цен, и уменьшение этого количества, при общем возрастании цен, это — явление, очень часто констатированное в истории товарных цен. Но причины, вызывающие возрастание цен и одновременное, еще более значительное возрастание быстроты оборота денег, равно как и обратное движение, не относятся к области простого обращения. В качестве примера можно указать, между прочим, что в эпохи, когда кредит процветает, быстрота оборота денег возрастает скорее, чем цены товаров, — с сокращением же кредита, цены товаров падают медленнее, чем быстрота обращения. Внешний и формальный характер простого денежного обращения проявляется собственно в том, что все моменты, определяющие количество орудия обращения, как масса обращающихся товаров, цены, повышение и падение их, количество одновременных актов покупки и продажи, быстрота оборота денег — зависит от процесса метаморфоз в товарном мире; а этот процесс зависит, в свою очередь, от общего характера производства, от населенности, отношений между деревней и городом, от развития средств перевозки и сообщения, от большего или меньшего разделения труда, от кредита и т. д.,—словом, от условий, которые все находятся в н е сферы простого денежного обращения и которые в ней только отражаются.

Приняв за данное быстроту обращения, мы найдем, что количество орудий обращения определяется непосредственно ценами товаров. Поэтому цены высоки или низки не потому, что в обращении большее или меньшее количество денег, а, наоборот, в обращении находится больше или меньше денег потому, что цены выше или ниже. Это один из важнейших экономических законов, полное подтверждение которого историей товарных цен составляет, быть может, единственную заслугу английской экономии после Рикардо. Если опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса находящегося в обращении золота и серебра в данной стране, хотя и подвержены временным, иногда очень сильным, приливам и

---

[1]) (Galiani l. c. pag. 99). Большее или меньшее количество денег зависит от быстроты оборота, а не от количества металла.

отливам [1]), но, на протяжении более долгих периодов сохраняют постоянство, и что отклонения от среднего уровня составляют только слабые колебания, то это явление об'ясняется просто противоположной природой условий, которые определяют массу находящихся в обращении денег. Одновременное их изменение парализует их влияние и оставляет все по старому.

Закон, по которому при данной быстроте оборота денег и при данной сумме цен товаров, количество орудий обращения представляет определенную величину, может быть выражен еще следующим образом: при данной ценности товаров и при данной средней быстроте их метаморфоз, количество обращающегося золота зависит от его собственной ценности. Следовательно, если бы ценность золота, т. е. рабочее время, необходимое для его производства, возросла или упала, то и цены товаров возросли бы или упали в обратном отношении, и этому общему возрастанию или падению цен соответствовало бы, при неизменной быстроте оборотов, большее или меньшее количество золота, необходимого для обращения того же самого количества товаров. Такая же перемена произошла бы, если бы прежнее мерило ценности было вытеснено из обращения более дорогим или дешевым металлом. В Голландии, напр., потребовалось в 14 — 15 раз больше серебра, чем золота, для обращения того же самого количества товаров, так как, из трогательной заботливости о государственных кредиторах и из боязни за успехи калифорнийских и австралийских рудников, голландцы заменили золотые деньги серебряными.

Из того, что количество находящегося в обращении золота зависит от переменной суммы цен товаров и от переменной быстроты обращения, следует, что масса металлических орудий обращения способна расширяться и сокращаться, т. е. что, соответственно потребностям процесса обращения золото то вступает в этот процесс, как орудие обращения, то снова выходит из него. Каким образом самый процесс обращения осуществляет эти условия, мы увидим ниже». («К крит. полит. эконом.», стр. 106—111).

25. Масса обращающихся денег.

Формула:

Сумма цен товаров, деленная на число оборотов одноименных монет массе денег функционирующих как средство обращения.

«Каждый товар при первом своем шаге в процессе обращения, при первой же смене своей формы, выпадает из сферы обращения, в которую на его место постоянно вступает новый товар. Наоборот, деньги, как средство обращения, постоянно пребывают в сфере обращения, никогда не выходят за ее пределы. Отсюда возникает вопрос, сколько денег может непрерывно поглощать эта сфера».

В каждой стране ежедневно совершаются многочисленные, одновременные и, следовательно, пространственно сосуществующие односторонние метаморфозы товаров, или, другими словами: только продажи, с одной стороны, только покупки, с другой. В своих ценах товары уже приравнены определенным идеальным количеством золота. Так как рассмотренная здесь непосредственная форма обращения всегда вещественно противопоставляет друг другу товар и деньги — первый на полюсе продажи, вторые на противоположном полюсе покупки, — то масса средств обращения, необходимых для процесса обращения товаров, уже определена суммой цен последних. В самом деле, деньги лишь представляют собой реально ту сумму золота, кото-

---

[1]) Пример необыкновенного сокращения металлического обращения представляет Англия в 1858 году, как это видно из следующего сообщения лондонского «Economist», July 10, 1858. По условиям самого явления (именно разрозненного характера простого обращения) нельзя составить вполне определенного понятия о количестве наличных денег, находящихся в обращении на рынке и в руках лиц, не принадлежащих к классу банкиров. Но, может быть, деятельность или бездеятельность монетных дворов больших торговых наций может служить указателем колебаний этого количества. Много монет чеканится, когда их много требуется, и мало — когда их требуется мало. На английском монетном дворе выпущено было монеты: в 1855 г. 9.245.000 ф., в 1856—6.476.000 ф., в 1857—5.293.855 ф. В течение 1858 г. монетный двор почти не работал. Но в то же время в банковском подвале лежало около 18 млн. ф. стерл. золота.

рая идеально уже выражена в сумме цен товаров. Следовательно, равенство этих сумм очевидно само собой. Мы знаем, однако, что при неизменной стоимости товаров сами цены их изменяются с изменением стоимости золота (денежного материала), пропорционально повышаются, если последняя падает, и, наоборот, падают, если последняя повышается. Вместе с таким повышением или понижением суммы цен товаров должна в той же пропорции увеличиваться или уменьшаться масса обращающихся денег. Правда, причиною изменения массы средств обращения являются здесь сами деньги, но не в своей функции средства обращения, а в своей функции меры стоимости. Сначала цена товаров изменяется в обратном отношении к изменению стоимости денег и затем масса средств обращения изменяется в прямом отношении к изменению цены товаров. Совершенно то же явление имело бы место, если бы не стоимость данного денежного материала, напр., золота, понизилась, но серебро заместило бы его в качестве меры стоимости, или, наоборот, если бы не стоимость серебра повысилась, а золото вытеснило серебро из функции меры стоимости. В первом случае должно было бы обращаться серебра больше, чем раньше обращалось золота, во втором меньше золота, чем раньше обращалось серебра. В обоих случаях изменяется стоимость денежного материала, т. е. товара, функционирующего как мера стоимости, изменяются поэтому выражение товарных стоимостей в ценах, а следовательно, масса обращающихся денег, которые служат для реализации этих цен. Мы уже увидели, что сфера обращения товаров имеет прореху, через которую туда проникает золото (серебро и вообще денежный материал) в качестве товара данной стоимости. Эта стоимость должна быть предположена как нечто данное для того, чтобы деньги могли функционировать как мера стоимости, определяющая цены. Например, если понижается стоимость самого мерила стоимости, то это прежде всего обнаруживается в изменении цены товаров, которые обмениваются на благородный металл как на товар непосредственно у источника производства последнего. Однако, значительная часть других товаров продолжает еще долгое время оцениваться согласно прежней, теперь уже устаревшей, сделавшейся иллюзорной стоимости золота, — это явление в особенности характерно для низших ступеней развития буржуазного общества. Но один товар заражает другой, соприкасаясь с ним в уравнении стоимостей, и, таким образом, золотые или серебряные цены товаров мало-по-малу выравниваются согласно пропорциям, определяемым самой стоимостью товаров, пока, наконец, все товарные стоимости не будут оцениваться соответственно новой стоимости денежного металла. Этот процесс выравнивания сопровождается непрерывным ростом количества благородных металлов, притекающих взамен непосредственно обмениваемых на них товаров. Поэтому поскольку среди товаров распространяются эти новые, исправленные цены, поскольку стоимости товаров оцениваются в новой, упавшей и продолжающей до известного пункта падать стоимости металла, постольку уже имеется в наличности добавочная масса благородного металла, необходимая для реализации этих новых цен. Одностороннее наблюдение фактов, последовавших за открытием новых месторождений золота и серебра, привело в XVII в особенности в XVIII столетии к неверному выводу, что товарные цены возросли потому, что большее количество золота и серебра стало функционировать в качестве средства обращения. В дальнейшем мы будем принимать стоимость золота за величину данную, что и фактически имеет место в момент установления цен.

При этом предположении масса средств обращения определяется, как мы знаем, суммой товарных цен, подлежащих реализации. Если мы допустим далее, что дана цена каждого товарного вида, то сумма цен товаров будет очевидно зависеть от количества товаров, находящихся в обращении. В самом деле, не требуется особенно ломать голову для того, чтобы понять, что раз 1 квартер пшеницы стоит 2 ф. ст., 100 квартеров будут стоить 200 ф. ст., 200 квартеров 400 ф. ст. и т. д., а следовательно, с ростом количества пшеницы должно возрасти количество тех денег, которые при ее продаже обмениваются с ней местом.

Итак, если мы допустим, что количество товаров дано, то количество находящихся в обращении денег будет увеличиваться и уменьшаться вместе с колебаниями в ту и другую сторону товарных цен. Оно растет и падает в зависимости от того, повышается или понижается сумма цен товаров вследствие изменения величины цен. При этом нет никакой необходимости в том, чтобы одновременно повы-

шались или понижались цены всех товаров. Повышения цен известного числа главенствующих на рынке товаров в одном случае, понижения их цен в другом случае достаточно для того, чтобы заметно повысить или понизить подлежащую реализации сумму цен всех обращающихся товаров; а следовательно, и для того, чтобы привлечь в сферу обращения больше или меньше денег. Отражает ли изменение цен товаров действительное изменение стоимости их, или представляет просто колебания рыночных цен, влияния на массу средств обращения в обоих случаях одинаковы.

Пусть дано известное число не связанных между собой, одновременных и, следовательно, пространственно сосуществующих продаж или частичных метаморфоз, напр., 1 квартер пшеницы, 20 арш. холста, 1 библия, 4 галлона водки. Если цена каждого из этих товаров 2 ф. ст., следовательно, подлежащая реализации сумма цен 8 ф. ст.; то в обращение должно вступить количество денег, равное 8 ф. ст. Но если те же самые товары образуют звенья исследованного нами выше ряда метаморфоз: 1 кв. пшеницы — 2 ф. ст. — 20 арш. холста — 2 ф. ст. — 1 библия — 2 ф. ст. — 4 галонна хлебной водки — 2 ф. ст., то одни и то же 2 ф. ст. приводят в обращение все эти товары один за другим, последовательно реализуя их цены, — следовательно, эти 2 ф. ст. реализуют сумму цен в 8 фун. ст. с тем, чтобы опочить в заключение в руках кабатчика. Они совершают четыре оборота. Эта многократная перемена места одной и той же монетой выражает собой двойное измерение формы товара, его движение через две противоположные стадии обращения и в то же время сплетение между метаморфозами различных товаров [1]). Дополняющие одна другую противоположные фазы этого процесса не могут фактически совершаться рядом в пространстве, но должны следовать друг за другом во времени. Определенные промежутки времени образуют поэтому меру их продолжительности, т. е. числом оборотов одной и той же монеты за данное время измеряется быстрота обращения денег. Пусть процесс обращения указанных выше четырех товаров продолжался один день. Тогда подлежащая реализации сумма цен — 8 ф. ст., число оборотов одной и той же монеты за день — 4, и масса обращающихся денег — 2 ф. ст. Вообще за данный промежуток времени:

$$\frac{\text{Сумма цен товаров}}{\text{Число оборотов одноименных монет}} = \text{массе денег, функционирующих в качестве средства обращения.}$$

Этот закон имеет всеобщее применение. За данный промежуток времени процесс обращения каждой страны представляет, с одной стороны, множество разрозненных, одновременных параллельных продаж (и покупок) или частных метаморфоз, в которых одни и те же монеты лишь один раз меняют место или совершают лишь один оборот; с другой стороны, тот же самый процесс есть совокупность многих, частью параллельных, частью переплетающихся между собой более или менее многочисленных рядов метаморфоз, в которых одни и те же монеты совершают более или менее значительное число оборотов. Общее число оборотов всех находящихся в обращении одноименных монет даст, однако, среднее число оборотов отдельных монет или среднюю скорость обращения денег. Масса денег, которая в начале, напр., дневного процесса обращения вступает в него, определяется, конечно, суммой цен тех товаров, которые обращаются одновременно, друг рядом с другом. Но внутри процесса данная монета становится, так сказать, ответственной за другие. Если одна из них ускоряет быстроту своего обращения, то тем самым она замедляет быстроту обращения другой, при чем последняя может даже совсем вылететь из сферы обращения, так как эта сфера в состоянии поглотить лишь такую массу золота, которая, будучи помножена на среднее число оборотов ее отдельных элементов, дает величину, равную сумме цен, подлежащих реализации. Поэтому, если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящаяся в обращении. Если падает число их оборотов, то растет их масса. Так как при данной средней быстроте обращения, масса денег, которые могут функционировать как средство

[1]) «Лишь продукты приводят их (деньги) в движение и заставляют обращаться... Быстрота их движения заменяет их количество. Когда в них обнаруживается надобность, они переходят из рук в руки, не останавливаясь ни на минуту». (Le Trosne l. c. p. 915—916).

обращения, дана, то стоит бросить в обращение определенное количество ассигнаций, напр., однофунтового достоинства, чтобы извлечь из него ровно столько же золотых соверенов, — фокус, хорошо известный всем банкам» («Капитал» т. I, глава 3, стр. 87 — 91).

26. Масса обращающихся денег.

(Продолжение).

«Общее количество денег, функционирующих в течение каждого данного промежутка времени в качестве средств обращения, определяется, с одной стороны, суммой цен всех обращающихся товаров и, с другой стороны, большей или меньшей быстротой потока их противоположно направленных процессов обращения; от быстроты потока зависит, какая часть общей суммы цен может быть реализована при помощи одной и той же монеты. Но сама эта сумма цен товаров зависит как от массы, так и от цены каждого отдельного товарного вида. Эти три фактора — движение цен, масса обращающихся товаров и быстрота обращения денег — могут изменяться в различных направлениях и в различных пропорциях; поэтому подлежащая реализации сумма цен, а следовательно, и обусловленная ею масса средств обращения варьирует в очень широких пределах. Мы отметим лишь те из их возможных комбинаций, которые играют наиболее важную роль в истории товарных цен.

При неизменных товарных ценах масса средств обращения может расти, если увеличивается масса обращающихся товаров или уменьшается быстрота обращения денег, или оба эти обстоятельства действуют совместно.

Наоборот, масса средств обращения может уменьшаться, если уменьшается масса товаров или возрастает быстрота их обращения.

При всеобщем повышении товарных цен масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота обращения денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, причем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается быстрее, чем цены.

При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена, или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому особенно при рассмотрении более или менее продолжительных периодов, сумма денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключение составляют периоды грандиозных пертурбаций, которые вызываются в большинстве случаев промышленными или торговыми кризисами, гораздо реже изменениями в стоимости самих денег.

Закон, гласящий, что количество средств обращения определяется суммой цен обращающихся товаров и средней скоростью обращения денег [1]), может быть выра-

[1]) «Для ведения торговли нации деньги требуются в известном количестве или пропорции, большее или меньшее по сравнению с этим количество денег повредило бы торговле. Совершенно так же, как в мелочной торговле необходимо определенное количество фартингов, чтобы разменять серебряную монету или произвести такую расплату, которая не может быть выполнена даже при помощи самых маленьких серебряных монет. И подобно тому как число фартингов, потребных для торговли, определяется числом употребляющих их лиц, или частотой их размена, и кроме того — и это в первую голову — стоимостью самой мелкой серебряной монеты, точно таким же образом количество денег (золотых и серебряных), потребных для торговли, определяется частотой сделок и размерами платежей». (William Petty: «A Treatise on

жен еще следующим образом: при данной сумме стоимости товаров и данной средней скорости их метаморфоз, количество обращающихся денег или денежного материала зависит от его собственной стоимости. Иллюзия, будто бы дело происходит как раз наоборот, будто товарные цены определяются массой средств обращения, а эта последняя определяется, в свою очередь, массой находящегося в данной стране денежного материала [1]), коренится у ее первых представителей в той нелепой гипотезе, что товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, а затем, в этом процессе, известная часть торговой массы обменивается на соответственную часть металла» [2]). («Капитал» т. I, глава 3, стр. 92 — 95).

Taxes and Contributions. Lond. 1667, p. 17). Теорию Юма защищал против Дж. Стоарта и др. Юнг в его «Political Arithmetic. Lond. 1774, где ей посвящена особая глава: «Prices depend on quantity of money», p. 112. В моей «Zur Kritik etc» (стр. 149) я делаю следующее замечание: «Вопрос о количестве обращающейся монеты он (А. Смит) молчаливо устраняет, совершенно неправильно рассматривая деньги как простой товар». Это относится лишь к тем местам работы А. Смита, где он рассматривает деньги ex officio. В некоторых отдельных случаях, особенно критикуя прежние системы политической экономии, он высказывает правильный взгляд: «Количество денег в стране регулирует стоимость товаров, которые они приводят в обращение. Стоимость благ, ежегодно покупаемых и продаваемых в какой-либо стране, требует вполне определенного количества денег для своего обращения и распределения между своими потребителями, она не может доставить применение большей сумме денег. Канал обращения необходимо привлекает к себе сумму, достаточную для того, чтобы его наполнить, и не вмещать никакого избытка по сравнению с этим». (Wealth of Nations, I, IV. ch. I). Подобным же образом А. Смит начинает свой труд ex officio апофеозом разделения труда; а в заключение, в последней книге об источниках государственного дохода, воспроизводит местами нападки на разделение труда своего учителя А. Фергюсона.

[1]) «Цены продуктов каждой нации должны, конечно, возрастать по мере того, как увеличивается количество золота и серебра, обращающегося среди народа; следовательно, если количество золота и серебра, которым располагает данная нация уменьшается, то цены на все продукты должны падать пропорционально такому уменьшению количества денег». (Jacob Wanderlinf: «Money answers all Things. Lond. 1734, p. 5). Ближайшее сопоставление работы Вандерлинта и «Essays» Юма не оставило во мне никакого сомнения, что Юм знал и использовал этот — в общем весьма значительный — труд Вандерлинта. Взгляд, что масса средств обращения определяет собой цены, встречается также и у Барбона и еще более ранних писателей. «Никакого неудобства», говорит Вандерлинт, «не может возникнуть вследствие ничем несдерживаемой торговли, а только большие преимущества... Ибо, если денежная наличность какой-либо нации будет, под влиянием свободы торговли, понижаться, что имеется в виду предотвратить путем запрещений, то у тех наций, которые увеличивают при этом свою наличность, неизбежно должны возрастать цены на все предметы в соответствии с ростом денежной наличности, предметы нашего мануфактурного производства и всякие иные продукты приобретут скоро настолько умеренные цены, что баланс торговли обернется в нашу пользу и деньги станут обратно приливать к нам». (l. c. p. 44).

[2]) Само собой очевидно, что цена каждого товарного вида есть элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребительные стоимости могут... обмениваться на количество золота и серебра, находящиеся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять товарный мир за один единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то вся задача сводится к очень милой арифметической выкладке такого рода: совокупный товар — X центн. золота, товар A — известной части совокупного товара — соответственной части X центн. золота. Это буквально и говорит Монтескье: «Если сравнить массу золота или денег, имеющихся в мире, с суммой товаров, которыми располагает мир, то будет совершенно ясно, что любой отдельный предмет потребления или товар может быть сравниваем с некоторой частью другого. Предположим, что в мире существует только один предмет потребления или товар, или что только один товар покупается на рынке, и что этот единственный товар разделяется на части так же, как и деньги: тогда данная часть этого товара соответствовала бы определенной части денежной массы, — половина всего количества первого половине всего количества вторых и т. д. Установление цен на продукты всегда существенно зависит от соотношения между совокупностью продуктов и совокупностью знаков». (Montesquieu l. c. t. III, p. 12,13). Относительно дальнейшего развития этой теории у Рикардо и его учеников: Джемса Милля, лорда Оверстона и др. ср. «Zur Kritik etc.», стр. 140—146 и 150 и сл. Господин Джон Стоарт Милль со свойственной ему эклектической логикой ухитряется придерживаться одновременно и взглядов своего отца, Джемса Милля, и прямо противоположных. Если сравнить, например, текст его компендиума: «Princ.

27. Масса обращающихся денег.

«Количество денег, обращающихся как платежное средство, определяется прежде всего размером платежей, т. е. суммой цен отчужденных товаров, но не товаров, подлежащих отчуждению, как это было при простом обращении денег. Определенная, таким образом, сумма видоизменяется, однако, в двух отношениях; прежде всего под влиянием быстроты, с которой одна и та же монета повторяет ту же функцию или с которой цена платежей следует друг за другом. А платит В, после него В платит С и т. д. Быстрота, с которой одна и та же монета повторяет свою функцию платежного средства, зависит, с одной стороны, от сцепления отношений кредитора и должника между владельцами товаров, так что один и тот же владелец товаров является кредитором по отношению к одному и должником по отношению к другому и т. д., с другой же стороны — от промежутков времени, отделяющих различные сроки расплат. Эта цепь расплат, или добавочных первых метаморфоз товаров качественно отличается от цепи метаморфоз, которая представляется в обороте денег, как орудие обращения. Последняя не только проявляется в последовательности по времени, но и основывается только на ней. Товар становится деньгами, потом снова товаром и дает, таким образом, другому товару возможность стать товаром и т. д., или продавец становится покупателем, благодаря чему другой владелец товаров становится продавцом. Эта взаимная зависимость возникает случайно в самом процессе обмена товаров. Однако, в том, что деньги, которые А уплатил В, затем В уплачивает С, С — Д и т. д., и все это в быстро следующие друг за другом промежутки времени, — в этой внешней зависимости обнаруживается только существующая уже вполне готовой общественная зависимость. Одни и те же деньги проходят через различные руки не потому, что являются платежным средством, но они обращаются как платежное средство потому, что различные руки уже ударяли друг о друга. Следовательно, быстрота, с которой обращаются деньги как платежное средство, указывает на гораздо более широкое вовлечение лиц в процесс обращения, чем быстрота, с какой обращаются деньги в роли монеты, или покупательного средства.

Сумма цен в тех актах покупки и продажи, которые происходят одновременно, т. е. пространственно рядом друг с другом, составляет границу для замены количества монет быстротой их оборота. Эта граница исчезает для денег, функционирующих, как платежное средство. Если расплаты, долженствующие быть совершенными одновременно, концентрируются в одном месте, что естественно происходит только в крупных сборных пунктах товарного обращения, то расплаты уничтожаются взаимно, как положительные и отрицательные величины, так как А, который должен платить В, должен вместе с тем получить платеж от С и т. д. Следовательно, сумма денег, необходимых, как платежное средство, определяется не суммой цен товаров, расплаты по которым должны быть произведены одновременно, но большей или меньшей их концентрацией и величиной баланса, который получается после взаимного погашения этих расплат, как положительных и отрицательных величин». («К крит. полит. эконом.», стр. 143—144).

28. Быстрота и масса обращения денег.

«Из закона быстроты обращения средств платежа вытекает, что масса платежных средств, необходимых для периодических платежей, каков бы ни был ее источник,

---

of Pol. Econ.» с предисловием (к I изд.), где он сам говорит о себе как о современном А. Смите, то не знаешь, чему больше удивляться, наивности ли этого человека или наивности публики, которая на веру приняла его за А. Смита, хотя между ними и последним приблизительно такое же соотношение, как между генералом Вильямсом Карсом из Карса и герцогом Веллингтоном. Оригинальные экономические исследования г. Джона Стюарта Милля, не отличающиеся ни обширностью, ни содержательностью, все целиком уместились в его появившейся в 1844 г. брошюрке: «Some unsettled Questions of Political Economy». Локк прямо говорит, что отсутствие стоимости у золота и серебра находится в связи с количественным измерением их стоимости. «Люди согласились придавать золоту и серебру воображаемую стоимость, внутренняя стоимость у этих металлов есть не что иное, как количество». «Some Considerations», etc. 1691, Works. ed. 1777, vol. II, p. 25.

стоит в обратном отношении к продолжительности сроков платежа [1])». («Капитал», т. I, гл. 3, стр. 114—115).

29. Быстрота обращения денег и денежная масса.

«Если в факте обращения денег вообще проявляется только процесс обращения товаров, т. е. их кругооборот, путем противоположных метаморфоз, то в скорости обращения денег проявляется скорость смены товарных форм, непрерывное внедрение одного ряда метаморфоз в другой, стремительность этого обмена веществ, быстрое исчезновение товаров из сферы обращения и столь же быстрая замена их новыми товарами. В быстроте денежного обращения обнаруживается, таким образом, текучее единство противоположных и взаимно дополняющих друг друга фаз, превращение потребительной плоти товара в плоть стоимости и обратное превращение плоти стоимости в потребительную плоть, то-есть единство обоих процессов: продажи и купли. Наоборот, в замедлении денежного обращения сказывается разделение и обособление этих процессов в виде двух противоположных полюсов, т. е. приостановка превращения форм, а следовательно, и обмена веществ. Из обращения самого по себе, конечно, нельзя усмотреть, каким образом возникает эта приостановка. Обращение лишь обнаруживает самую наличность этого факта. Обыденное представление, замечая, что с замедлением денежного оборота деньги начинают все реже появляться и исчезать во всех пунктах периферии обращения, естественно приходит к выводу, что самый этот факт об'ясняется недостаточным количеством средств обращения [2])». («Капитал», т. I, гл. 3, стр. 91).

---

[1]) На вопрос «Если бы пришлось в течение года сделать уплат на 40 млн., то хватило ли бы этих 6 млн. (золотом) для всех оборотов, которых потребовала бы в этом случае торговля». Петти отвечает со своим обычным мастерством: «Я отвечаю: да. Если бы все обороты представляли такие короткие циклы, как, например, неделя, что и имеет место среди бедных ремесленников и рабочих, получающих плату каждую субботу, то для производства платежей на 40 млн. нужно было бы 40—52 миллиона. Если же циклы охватывали бы четверть года, как то в обычае при уплате ренты и налогов, то потребовалось бы 10 миллионов. Следовательно, предполагая, что в общем сроки платежей представляют среднюю величину между 1 неделей и 13 неделями, мы должны сложить 10 млн. и 40—52 млн. и взять половину, которая равна 5½ млн. Таким образом, если бы мы имели 5½ млн., нам хватило бы денег». (William Petty: «Political Anatomy of Ireland. 1672, edit Lond. 1691, p. 13, 14).

[2]) «Так как деньги... являются общей мерой покупок и продаж, то каждый, кто имеет что-либо для продажи, но не находит себе покупателя, склонен думать, что недостаток денег в государстве или стране есть причина, вследствие которой он не может сбыть свои товары; и, таким образом, недостаток денег становится предметом всеобщих жалоб; это крупное недоразумение. Чего хотят те, которые кричат, что нет денег. Фермер жалуется... он думает, что если бы в стране было больше денег, он получил бы соответственную цену за свои товары. Таким образом, он, повидимому, нуждается не в деньгах, а в надлежащей цене на свои товары. Почему же он не может получить эту цену: 1) или потому, что в стране имеется слишком много хлеба и скота, так что на рынке большинство лиц нуждается в том, чтобы продать то, что они имеют, в то время как лишь немногие хотят покупать; 2) или потому, что сократится обычный вывоз за границу; 3) или же потому, что падает потребление, так как люди вследствие обеднения не могут уже затрачивать на предметы потребления столько, сколько они затрачивали раньше. Таким образом, не увеличение количества денег может помочь фермеру сбыть его продукты, но устранение одной из этих трех причин, которые действительно давят на рынок. Купец и лавочник нуждаются в деньгах в том же самом смысле, т. е. они не могут сбыть свои товары вследствие застоя на рынке. Нация лучше всего процветает тогда, когда богатства непрерывно переходят из рук в руки». (Sir Dudley North Discourses upon Trade. Lond. p. II—15, passim). Все шарлатанские изобретения Герреншванда сводятся к тому, будто бы противоречия, порождаемые самой природой товара и потому проявляющиеся в обращении товаров, могут быть устранены путем увеличения средств обращения. Но если об'яснение приостановок в процессе производства и обращения недостатком средств обращения есть только популярная иллюзия, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток иллюзии, то отсюда отнюдь еще не вытекает, что действительный недостаток в средствах обращения вследствие, например, официальных махинаций в области «regulation of currency» (регулирования средств обращения) не может, с своей стороны, вызвать застоя.

30. Формула массы обращающихся денег.

«Если мы рассмотрим... общую сумму денег, находящихся в данный период времени обращения, то мы найдем, что при данной скорости оборотов средств обращения и платежных средств она равна сумме подлежащих реализации товарных цен, плюс сумма срочных платежей, минус взаимно уравновешивающиеся платежи, минус, наконец, количество оборотов, которое одна и та же денежная монета совершает поочередно, то в качестве средства обращения, то в качестве платежного средства». («Капитал», т. I, гл. 3, стр. 112).

IV. ДЕНЬГИ — ПЛАТЕЖНОЕ СРЕДСТВО.

31. Деньги — платежное средство.

«Определенные формы, в которых золото развивается в деньги, являются только развитием определений, заключенных в метаморфозе товаров. Эти определения, однако, в простом денежном обороте, появлении денег, как монеты, или в движении Т—Д—Т, как в движущемся единстве, не отделились, как самостоятельная форма, или даже, напр., в перерыве метаморфозы товаров являлись, как простые возможности. Мы видели, что в процессе Т—Д товар, как действительная потребительная ценность и меновая ценность в идее, относился к деньгам, как к потребительной ценности в идее и действительной меновой ценности. Продавец, отчуждая товар, как потребительную ценность, реализует меновую ценность товара и потребительную ценность денег. Обратно: покупатель, отчуждая деньги, как меновую ценность, реализует потребительную ценность денег и цену товара. Соответственно этому происходила перемена мест товара и денег. Живой процесс этой двусторонней полярной противоположности снова раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но реализует его цену уже только в идее. Он продал его по его цене, которая, однако, будет реализована лишь позднее. Покупатель покупает только как представитель будущих денег, тогда как продавец продает, как владелец настоящего товара. Со стороны продающего товар, как потребительная ценность, действительно отчуждается, однако, не реализуется, как цена. Со стороны покупателя деньги действительно реализуются в потребительной ценности товара, однако, не отчуждаются, как меновая ценность. Вместо знака ценности покупатель символически сам является представителем денег. Но как раньше общая символика знака ценности требовала гарантии и принудительного курса со стороны государства, точно так же теперь особая символика покупателя вызывает регламентированные законом частные контракты между владельцами товаров.

Наоборот, в процессе Д—Т деньги могут быть отчуждены, как действительное покупательное средство, и цена товара может быть реализована еще прежде, чем потребительная ценность денег, или прежде, чем сам товар будет отчужден. Это происходит, например, ежедневно в форме запродажи, или же в той форме, в какой английское правительство покупает опиум у землевладельцев в Индии, или живущие в России иноземные купцы покупают земледельческие продукты. Таким образом, однако, деньги функционируют только в известной уже форме покупательного средства и не получают через это никакой новой определенной формы [1]). Мы не будем поэтому останавливаться на последнем случае; однако, при рассмотрении изменяющейся формы, в которой выступают здесь оба процесса Д—Т и Т—Д, укажем, что разница между покупкой и продажей, являющаяся непосредственно в обращении только мыслимой, становится теперь действительной разницей, так как в одной форме существует только товар, в другой — только деньги, в обоих же формах общего только то, что они — полюсы, от которых исходит инициатива. Кроме того, обе формы имеют еще то общее между собою, что в обоих один эквивалент существует только в общей воле покупателя и продавца,—воле, которая связывает того и другого и получает определенное законом формы...

[1]) Капитал, естественно, дается взаймы также в форме денег, и занятые деньги могут быть занятым капиталом; однако, эта точка зрения не относится к сфере простого обращения.

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником....

Следовательно, в измененной форме Д—Т, в которой товар существует, а деньги только представлены, деньги функционируют прежде всего, как мерило ценности. Меновая ценность товара выражена в деньгах, как в своем мериле; но цена, как меновая ценность, измеренная в контракте, существует не только в голове продавца, но вместе с тем и как мерило обязательства покупателя. Во-вторых, деньги функционируют здесь, как покупательное средство, хотя они лишь бросают пред собою тень своего будущего бытия. Именно они притягивают товар с его места из рук продавца в руки покупателя. Когда срок для выполнения контракта истекает, деньги вступают в обращение, так как они меняют место и переходят из рук бывшего покупателя в руки бывшего продавца. Однако, они не являются здесь орудием обращения или средством покупки. Как таковые они функционировали прежде, чем были налицо, и появились лишь тогда, когда перестали исполнять эти функции. Скорее они вступают в обращение, как единственный, вполне соответствующий эквивалент товара, как абсолютная форма меновой ценности, как последнее выражение менового процесса, одним словом, как деньги, и притом как деньги в определенной функции—в с е о б щ е г о п л а т е ж н о г о с р е д с т в а. В этой функции платежного средства деньги выступают, как абсолютный товар, но они выступают в сфере самого обращения, а не вне его, как это происходит с сокровищем. Разница между покупательным и платежным средством дает себя чувствовать очень неприятным образом в эпохи торговых кризисов [1]).

Вначале превращение товара в деньги выступает в обращении только, как индивидуальная необходимость для владельца товаров, поскольку его продукт — потребительная ценность не для него, и становится таковой лишь путем его отчуждения. Однако, чтобы быть в состоянии уплатить в срок, определенный в контракте, он должен сначала продать товар. Следовательно, совершенно независимо от его индивидуальных потребностей, продажа стала для него, благодаря движению процесса обращения, общественной необходимостью. Как бывший покупатель одного товара, он необходимо становится продавцом другого, чтобы получить золото не как покупательное средство, а как платежное, как абсолютную форму меновой ценности. Превращение товара в деньги, как конечный акт, или первая метаморфоза товара, как самостоятельная цель — превращение, которое в процессе собирания сокровищ, казалось, зависело от каприза владельца товаров, стало теперь экономической функцией. Мотивы и сущность продажи для уплаты превращаются из формы процесса обращения в самостоятельно возникающее содержание его.

В этой форме продажи товар совершает перемену своего места, обращается отсрачивая свою первую метаморфозу, свое превращение в деньги. На стороне же покупателя совершается вторая метаморфоза, т. е. деньги обратно превращаются в товар, прежде чем совершилась первая метаморфоза, т. е. прежде чем товар превратился в деньги. Следовательно, первая метаморфоза выступает здесь во времени после второй. И вместе с тем деньги или форма товара в его первой метаморфозе получают новое формальное назначение. Деньги, или самостоятельное развитие меновой ценности, не являются более посредствующей формой товарного обращения, но его конечным результатом» («К крит. полит. эконом.», стр. 138—142).

32. Функции денег, как платежного средства.

«Деньги функционируют (в качестве платежного средства), во-первых, как мера стоимости при определении цены продаваемго товара. Установленная контрактом цена последнего измеряет собой обязательство покупателя, т. е. ту денежную сумму, которую он должен уплатить к определенному сроку. Во-вторых, деньги функционируют как идеальное покупательное средство. Хотя они существуют лишь в виде денежного обязательства покупателя, они осуществляют переход товаров из рук в руки. Только по наступлении срока платежа платежное средство действительно вступает в обращение, т. е. переходит из рук покупателя в руки продавца. Средство обращения превратилось в сокровище вследствие того, что процесс обращения прервался на первой фазе, т. е. товар в его превращенной форме был извлечен из обращения. Средство платежа вступает

[1]) Разница между покупательными и платежными средствами подчеркнута у Лютера. Прим. ко 2 изд. «Капитал» том. I, отдел I, прим. 96. 4-е нем. изд.).

в процесс обращения, но лишь после того, как товар уже выступил из него. Деньги не являются более посредниками в процессе. Они самостоятельно завершают его как абсолютное бытие меновой стоимости или всеобщий товар. Продавец превращает товар в деньги, чтобы удовлетворить при помощи последних какую-либо потребность, созидатель сокровищ—чтобы консервировать товар в денежной форме, должник-покупатель — чтобы иметь возможность уплатить. Если он не уплатит, его имущество будет подвергнуто принудительной продаже. Итак, теперь вследствие общественной необходимости, возникающей из самого процесса обращения, деньги как воплощение товарной стоимости становятся самостоятельной целью продажи» («Капитал», т. I, гл. 3, стр. 108—109).

33. Платежное средство — расчетные деньги. Деньги и кризисы.

«Функция денег как платежного средства заключает в себе непосредственное противоречие. Поскольку платежи уравниваются, деньги функционируют лишь идеально, как расчетные деньги или мера стоимости. Поскольку же платежи осуществляются действительно, деньги выступают не как средство обращения, не как лишь мимолетный посредник в обмене веществ, а как индивидуальное воплощение труда, как самостоятельное бытие меновой стоимости или абсолютный товар. Противоречие это обнаруживается с особенной силой в тот момент промышленных и торговых кризисов, который называется денежным кризисом[1]). Последний возможен лишь там, где цепь сплетающихся между собой платежей и искусственная система уравнивания их достигли полного развития. При всеобщих нарушениях хода этого механизма, откуда бы они не возникали, деньги внезапно и непосредственно превращаются из чисто идеальной формы расчетных денег в звонкую монету. Теперь они уже не могут быть замещены обыденным товаром. Потребительная стоимость товара теряет свою стоимость, и стоимость товара исчезает перед лицом его собственной формы стоимости. Еще вчера буржуа, опьяненный расцветом промышленности, рассматривал деньги сквозь дымку просветительной философии и об'являл их пустой видимостью. «Только товар деньги». «Только деньги товар» —вопят сегодня те же самые буржуа во всех концах мирового рынка. Как олень жаждет свежей воды, так буржуазная душа жаждет теперь денег, этого единственного богатства. Во время кризиса противоположность между товаром и воплощением его стоимости, деньгами, возводится на степень абсолютного противоречия. Поэтому форма проявления денег здесь безразлична. Денежный голод не изменяет своей интенсивности от того, приходится ли платить золотом или кредитными деньгами, напр., банкнотами». («Капитал», т. I, глава 3, стр. 111).

34. Платежное средство, расчетный знак и кризисы.

«Поскольку расплаты взаимно погашаются, как положительные и отрицательные величины, постольку же появление на сцену действительных денег вовсе не имеет места. Они функционируют здесь только в форме мерила ценности, с одной стороны, в цене товаров, а с другой, в величине взаимных обязательств. Следовательно, кроме своего существования в идее, меновая ценность не получает здесь никакой самостоятельной формы, не получает даже формы знака ценности, т. е. деньги становятся только идеальными счетными деньгами. Следовательно, функция денег, как платежного средства, заключает в себе такое противоречие, с одной стороны, поскольку расплаты взаимно погашаются, деньги появляются только в идее, как мерило, с другой — поскольку расплаты должны быть действительно произведены, деньги выступают не как исчезающее орудие обращения, но как находящаяся в покое форма всеобщего эквивалента, как абсолютный товар, одним словом, вступают в обращение, как деньги. Там,

[1]) Этот денежный кризис, который в тексте определяется как особая фаза всякого общего промышленного и торгового кризиса, следует отличать от специального вида кризиса, который также называется денежным кризисом, но может возникнуть самостоятельно, затрагивая промышленность и торговлю лишь путем обратного отражения. Это такие кризисы, центром движения которых является денежный капитал, а непосредственной сферой проявления банки, биржи, финансы. (Прим. Маркса в 3 изд.).

где развилась цепь расплат и искусственная система их погашения, там при потрясениях, насильственно прерывающих течение расплат и останавливающих расчетный механизм, деньги сразу превращаются из своей воздушной, сотканной в мозгу формы мерила ценностей в материальные деньги, или платежное средство. Следовательно, при развитом буржуазном производстве, когда владелец товаров давно сделался капиталистом, знает своего Адама Смита и великлепно осмеивает предрассудки, будто только золото и серебро составляют деньги, или будто деньги вообще, в отличие от всех других товаров, являются абсолютным товаром, — деньги неожиданно снова выступают не как посредник в обращении, но как единственная эквивалентная форма меновой ценности, как единственное богатство, совершенно так же, как это понимает собиратель сокровищ. В качестве такой исключительной формы богатства деньги проявляются не в воображаемом только, как в монетной системе — но в действительном обесценении всего материального богатства. Это тот особенный момент кризисов всемирного рынка, который называется денежным кризисом. Summum bonum, которого молят тогда все, как единственного богатства, представляется в виде наличных денег,, рядом с которыми все другие товары именно потому, что они потребительные ценности, являются бесполезными, как безделки, игрушки, или по выражению нашего доктора Мартина Лютера, как предметы, служащие для щегольства и об'ядения. Этот насильственный переход от кредитной системы к монетной присоединяет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения дрожат перед непостижимой тайной своих собственных отношений [1]) («К крит. полит. эконом.», стр. 144—145).

35. Сфера распространения функции денег, как платежного средства.

«При известной высоте развития и достаточно широких размерах товарного производства функция денег как платежного средства выходит за пределы сферы обращения товаров. Деньги становятся всеобщим товаром всяких договорных обязательств. Ренты, подати, и т. п. превращаются из поставки натурой в денежные платежи» (Капитал», т. I, гл. 3, стр. 114).

36. Функция денег, как платежного средства, и накопление денег.

«Развитие функции денег, как средства платежей, вызывает необходимость накоплять деньги перед сроками уплат. В то же время как собирание сокровищ, как самостоятельная форма обогащения, исчезает вместе с развитием буржуазного общества оно, наоборот, растет вместе с последним в форме накопления резервного фонда платежных средств» («Капитал», т. I, глава 3, стр. 115).

V. ЗОЛОТО — МОНЕТА — ЗНАК ЦЕННОСТИ.

37. Золото — всеобщая мера ценности — деньги.

«Первая функция золота состоит в том, чтобы доставить товарному миру материал для выражения его стоимости, т. е. для того, чтобы выразить стоимость товаров как одноименные величины качественно одинаковые и количественно сравнимые. Оно функционирует, таким образом, как всеобщая мера стоимости, и только в силу этой функции золото — этот специфический эквивалентный товар — делается деньгами» («Капитал», т. I, глава 3, стр. 61).

---

[1]) Boisguillebert, который хотел помешать буржуазным производственным отношениям становиться на дыбы против самих буржуа, с особенной любовью рассматривает те формы денег, в которых они являются только в идее или мимолетно. Сначала он трактует орудие обращения, затем платежное средство Кроме того он не видит непосредственного перехода денег из идеальной формы в их внешнюю действительную форму, не видит, что действительные деньги уже содержатся в скрытом состоянии в воображаемом мериле ценностей. Что деньги простая форма самих товаров, говорит он, показывает крупная торговля, где обмен совершается без посредства денег, после того, как товары оценены (les marchandises sont appreciées. Le détail de la France, 1 c. r. 210).

38. Функции золота, как денег.

«Товар, являющийся мерой стоимости, т. е. функционирующий непосредственно или через посредство заместителя как средство обращения, есть деньги. Следовательно, золото (или серебро) есть деньги. Как деньги оно функционирует двояким образом: во-первых там, где оно должно выступить в своей золотой (или серебряной) плоти, как денежный товар, т. е. там, где оно не может существовать лишь идеально, подобно мере стоимости, или послать вместо себя представителя, подобно средству обращения. Во-вторых, там где функции его как единственного выражения стоимости или как единственного адэкватного воплощения меновой стоимости фиксируются — в противовес всем другим товарам, как только потребительным стоимостям — независимо от того, выполняет ли оно эту функцию своей собственной особой или через заместителя» («Капитал», т. I, глава 3, стр. 101):

39. Благородные металлы, как денежный материал.

«Так как всеобщее рабочее время допускает только количественные различия, то предмет, служащий его специфическим вплощением, должен быть годным для представления чисто количественных различий, при одинаковом и однообразном качестве. Это первое условие для функционирования товара, как мерила ценности. Если, например, я оцениваю все товары посредством быков, шкур, хлеба и т. д., то я должен в действительности, оценивать с помощью средних быков, средних шкур, так как бык от быка, шкуры от шкур, зерно от зерна отличаются качественно. Золото же и серебро напротив, как простые тела, всегда равны сами себе, и одинаковые их количества всегда представляют одинаковую ценность [1]). Другое условие, необходимое для товара, который должен служить всеобщим эквивалентом, условие вытекающее из функции представления чисто количественных различий, заключается в том, чтобы такой товар произвольно делился на части, которые можно было бы, по желанию, снова складывать так, чтобы счетные деньги могли быть представлены и вещественно. Золото и серебро обладают этими свойствами в высшей степени.

Как орудие обращения, золото и серебро имеют то преимущество перед другими товарами, что при большом удельном весе, зависящем от того, что они содержат относительно большую тяжесть в малом об'еме, имеют и экономически значительный относительный вес, т. е. содержат много рабочего времени, или меновой ценности, в малом об'еме. Отсюда легкость транспорта, перехода из рук в руки, из страны в страну, способность также быстро появляться, как и исчезать, одним словом, материальная подвижность, это conditio sine qua non товара, который должен служить perpetuum mobile в процессе обращения.

Высокая специфическая ценность благородных металлов, их прочность, относительная неоточуждаемость, нечувствительность к влиянию окисления, в частности, нерастворяемость золота в кислотах, кроме царской водки, — все эти природные свойства делают из благородных металлов естественный материал для собирания сокровищ. Петр Мартир (Petrus Martyr) [2]), который, повидимому, был большим любителем шоколада, делает поэтому следующее замечание о мешках какао, служивших одним из видов мексиканских денег». «O felicem monetam, quae suavem utilemque praebet humano generi potum, et a tartarea peste avaritiae suos immunes servat possessores. quod suffodi aut diu nequea». De orbe nuovo [3]).

Великое значение металлов, вообще, в непосредственном процессе производства находится в связи с их функцией, как средств производства. Независимо от редкости золота и серебра, их большая мягкость в сравнении с железом, или даже медью, в за-

---

[1]) Galiani l. c. p. 130. Металлы отличаются той особенностью, что в них все дело сводится к одному количеству, так как они не получили от природы никаких рассечек во внутреннем составе и никакой внешней формы и фасона.

[2]) Petrus Martyr Angleirius, историк, род. в 1495 г. De orbe nuovo — описание открытия Америки. Прим. к русск. перев.

[3]) О, счастливая монета! Она доставляет роду людскому отрадный и полезный напиток и сохраняет своих обладателей свободными от адской чумы — скупости; она не может быть ни закапываема, ни долго хранима.

каленном состоянии, как ее употребляли древние, делает их несоответствующими этому употреблению и поэтому, в значительной степени, лишает их того свойства, на котором основывается потребительная ценность металлов вообще.

Поскольку они являются бесполезными в процессе непосредственного производства, постольку же они не являются необходимыми и как средства к жизни, как предметы потреблений. Каждое произвольное их количество может, поэтому, войти в процесс общественного обращения, не нарушая вообще процессов непосредственного производства или потребления. Их индивидуальная потребительная ценность не становится в противоречие с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро являются не только отрицательно излишними, т. е. такими предметами, без которых можно обойтись, но их эстетические свойства делают их естественным материалом всякого рода украшений, праздничных потребностей, короче говоря, положительной формой излишка и богатства. Они, до известной степени, являются как бы самородным светилом, добытым из подземного мира, так как серебро отражает все световые лучи в их первоначальном соединении, золото же отражает наивысшее напряжение цвета, именно — красный цвет. Ощущение же цветов является наиболее популярной формой эстетического чувства вообще. Этимологическая зависимость названий благородных металлов в отношении цветов в различных индо-германских языках доказана Яковом Гримом (см. его «История немецкого языка»).

Наконец, способность золота и серебра переходить из монетной формы в форму слитков, из последних в предметы роскоши и обратно, — их преимущество перед другими товарами, заключающееся в том, что они не связаны с данной определенной потребительной формой, делает их естественным материалом денег, которые постоянно должны переходить из одной формы в другую.

Природа точно так же не создает денег, как и банкиров или вексельный курс. Однако, так как буржуазное производство должно кристаллизовать богатство, как фетиш, в форме одного предмета, то золото и серебро являются соответственным его воплощением. Золото и серебро не являются по природе деньгами, но деньги — по природе золото и серебро. С одной стороны, серебряный или золотой денежный кристалл не только продукт процесса обращения, но фактически единственный его окончательный продукт. С другой стороны, золото и серебро — готовые продукты природы, и оба они являются таковыми непосредственно, не отделенные никакой разницей формы. Всеобщий продукт общественного процесса, или самый общественный процесс, как продукт, есть отдельный продукт природы, — металл, скрытый в недрах земли и добываемый оттуда [1]).

Мы видели, что золото и серебро не в состоянии удовлетворить тому требованию, которое предъявляется к ним, как деньгам, — оставаться неизменяющимися ценностями. Однако, они имеют, как уже заметил Аристотель,—более постоянную величину ценности, чем, в среднем, другие товары» («К крит. полит. эконом.», стр. 151—153).

40. Золото — деньги.

«Идеальными деньгами или мерой стоимости золото становится потому, что все товары измеряют в нем свои стоимости и, таким образом, делают его идеальной противоположностью своего потребительного естества, воплощением своей стоимости. Реальными деньгами оно становится потому, что товары в процессе своего всестороннего отчуждения делают его своей действительно отчужденной и превращенной потребительной формой, а, следовательно, действительным воплощением своей стоимости. Как воплощение стоимости, товар стирает с себя всякий след своей естественно выросшей потребительной стоимости, всякий след создавшего его качественно особенного полезного труда, и превращается в однородную общественную материализацию безразличного человеческого труда. В деньгах нельзя разглядеть, какого сорта товар превратился в них. В своей денежной форме один товар выглядит совершенно также, как и всякий другой» («Капитал» т. I, глава 3, стр. 79).

---

[1]) В 1760 году множество бедных людей направилось к югу Праги промывать золотой песок, и три человека могли добыть в один день 3 марки золота. Впоследствии стремление к «diggings» и число оторванных от земледелия рук настолько увеличилось, что в следующем году страну постиг голод. См. M. G. Körner: Abhandlung von dem Altertum des Böhmischen Bergwerks. Schneeberg. 1758.

41. Золото — деньги.

«Золото, т. е. специфический товар, служащий мерилом ценностей и орудием обращения, становится без дальнейшего участия общества деньгами. В Англии, где серебро не служит ни мерилом ценностей, ни орудием обращения, оно не становится и деньгами, совершенно так же, как в Голландии золото, со времени уничтожения его роли, как мерила ценностей, перестало быть деньгами. Следовательно, товар становится деньгами, как соединение мерила ценностей и орудия обращения, или соединение мерила ценностей и орудия обращения есть деньги. Как такое соединение, золото имеет, однако, самостоятельное существование, отдельное от его существования в обоих функциях. Как мерило ценностей, оно является только в идее деньгами и золотом; как орудие обращения, оно только символически деньги и символическое золото, но в своей обыкновенной металлической телесности золото — деньги, или деньги — действительное золото.

Рассмотрим далее находящийся в покое товар — золото, который является деньгами по отношению к другим товарам. Все товары в своих ценах представляют определенное количество золота, поэтому являются только воображаемыми деньгами, — представителями золота, тогда как, наоборот, в качестве знака ценностей, деньги являются простым представителем товарных цен [1]). Так как все товары являются, таким образом, только воображаемыми деньгами, то, следовательно, деньги — единственный действительный товар. В противоположность товарам, которые только представляют самостоятельное бытие меновой ценности, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото — материальная сущность абстрактного богатства. В своей потребительной ценности каждый товар выражает своим отношением к остальной потребности только один момент материального богатства, одну отдельную сторону богатства. Деньги уже удовлетворяют всякой потребности, поскольку они могут быть непосредственно обменены на предмет любой потребности. Их собственная потребительная ценность реализуется в бесконечном ряде потребительных ценностей, которые составляют эквивалент денег. В своей металлической вещественности деньги заключают все материальные богатства, разбросанные в товарном мире. Следовательно, если товары в своих ценах представляют абстрактное богатство — золото, то золото представляет посредством своей потребительной ценности потребительную ценность всех товаров. Оно — материальный представитель вещественного богатства; золото, — «précis de toutes les choses» (Boisguillebert), — компендиум общественного богатства. Вместе с тем формально оно непосредственное воплощение всеобщего труда. Оно — всеобщее богатство, как индивидуум [2]). В форме орудия обращения оно терпело различные невзгоды, его портили и даже сводили к положению символического обрывка бумаги. Как деньгам, ему возвращено его золотое величие [2]). Из слуги оно становится господином, из обыкновенного работника — повелителем товаров» [3]). («К крит. полит. эконом.», стр. 125—127).

---

[1]) Petty: Золото и серебро — «universal wealth» Pol. Arith. l. c. p. 242.

[2]) E. Misselden, Free Trade or the Means to make Trade florish etc. London 1622: «Естественный предмет торговли товар — то, что торговцы по завершении промышленной работы, признали полезностью. Искусственный предмет торговли — деньги, которые получили название нервов войны и государства. Хотя деньги и в природе и в истории появились после товара, но по тому применению какое они имеют в настоящее время, «они приобрели первенствующее значение» (p. 7). Он сравнивает товар и деньги «с двумя сыновьями древнего Иакова, который положил правую руку на младшего, а левую на старшего» (1 c.) Boisguillebert, Dissert. sur la nature des richesses etc, 1. c. «И вот раб торговли становится ее господином... Бедствия народов происходят только от того, что тот, кто был рабом, сделался господином или скорее тираном».

[3]) Boisguillebert l. c. Из этих металлов (золота и серебра) сделали идолов и, не принимая во внимание предмет и назначения, для которых они введены в торговле, именно служить залогом в обмене и при взаимных расплатах, — их совсем отставили от этой службы, чтобы сделать из них божества, которым приносили и приносят в жертву столько богатств и драгоценностей и даже людей, сколько слепая древность никогда не приносила этим ложным божествам» и т. д.

42. Ценность золота.

«Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени [1]). Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана. И если уже в последние десятилетия XVII века, когда анализ денег только начинался, было сделано замечательное открытие, что деньги суть товар, то все же это лишь начало анализа. Трудность состоит не в том, чтобы понять, что деньги — товар, а в том, чтобы выяснить, как и почему товар становится деньгами». («Капитал», т. I, гл. 2, стр. 61—62).

43. Золото—монета.

«Золото в своей функции орудия обращения получает известную форму, становится м о н е т о й. Чтобы его обращение не было стеснено техническими трудностями, монету чеканят обыкновенно соответственно масштабу счетных денег. Куски золота, оттиск и фигура которых показывают, что они заключают вес золота, представленный в названиях счетных денег: фунт стерлингов, шиллинг и т. д.,— представляют монеты. Как определение названий монет, так и техническая сторона их чеканки выпадают на долю государства. Деньги, в качестве монеты, как и в качестве счетных денег, имеют м е с т н ы й и п о л и т и ч е с к и й х а р а к т е р, говорят языком данной старны и носят различные национальные мундиры. Точно так же и сфера, в которой обращаются деньги в виде монеты, как сфера в н у т р е н н е г о обращения, отделяется границами товарного обращения какого-нибудь государства от сферы в с е о б щ е г о обращения товарного мира.

Золото в слитках отличается от золота в монете в такой же мере, в какой монетное название отличается от названия веса. То, что в последнем случае представляет разницу в наименовании, является в первом только различием фигуры. Золото—монета может быть брошено в тигль и превращено, таким образом, снова в золото sans phrase, и обратно: достаточно послать слиток золота на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной формы в другую является только технической операцией». («К крит. полит. экоп.», стр. 111—112).

44. Золото—металл и золото—монета.

«Из функции золота как средства обращения возникает его монетная форма. Весовая часть золота, идеально существующая в цене или денежном названии товаров, должна противостать последним в процессе обращения как одноименный кусок золота или монета. Как и установление масштаба цен, чеканка монет попадает в руки государства. В тех национальных мундирах, которые носят на себе золото и серебро в качестве монет, и которые они снова снимают, появляясь на мировом рынке, обнаруживается разделение между внутренней или национальной сферой товарного обращения и всеобщей сферой мирового рынка.

Следовательно, золотая монета и золото в слитках различаются между собой только по внешности, причем золото постоянно превращается из одной формы в другую. Путь, на который вступает золото, выйдя из монетного двора, ведет его, в конце концов, к плавильному тиглю. А именно, в обращении золотые монеты стираются, одна больше, другая меньше. Название золотой монеты и количество ее золотой суб-

---

[1]) «Если кто-нибудь доставит в Лондон унц серебра из перуанских рудников с такой же затратой времени, какая необходима ему для производства бушеля хлеба, то первый из этих продуктов будет составлять естественную цену второго; и если вследствие открытия новых и более богатых рудников два унца серебра можно будет добыть так же легко, как теперь один, то бушель хлеба будет, caeteris paribus, стоит 10 шилл., если он раньше стоил 5 шилл.». William Petty: «A. Treatise on Taxe and Contributions. Lond. 1667» p. 31.

станции, ее номинальное и ее реальное содержания начинают мало-по-малу раз'единяться. Одноименные золотые монеты приобретают различную стоимость, так как они имеют теперь различный вес. Золото, как средство обращения, отклоняется от золота как масштаба ценности и вместе с тем перестает быть действительным эквивалентом товаров, цены которых оно реализует. История возникающих отсюда трений составляет главное содержание истории монетного дела в течение средних веков и нового времени вплоть до XVIII столетия. Естественная тенденция процесса обращения, стремящаяся превратить золотую сущность монеты в золотую видимость, т. е. сделать из монеты лишь символ ее официального золотого содержания, признана самим современным законодательством: последнее определяет ту степень потери металла, при которой монета теряет курс или демонетизируется.

Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги значками из другого материала или простыми символами. Роль серебряных и медных значков в качестве заместителей золотой монеты об'ясняется исторически, с одной стороны, техническими трудностями чеканить совершенно ничтожные весовые количества золота или серебра, и, с другой стороны, тем обстоятельством, что низшие металлы раньше высших—серебро раньше золота, медь раньше серебра—служили мерой стоимости, и, следовательно, уже обращались в качестве денег в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона. Они замещают золото в тех областях товарного обращения, где монета циркулирует наиболее быстро, а, следовательно, наиболее быстро снашивается, т. е. там, где покупки и продажи постоянно возобновляются в самом мелком масштабе. Чтобы помешать этим спутникам золота утвердиться на месте самого золота, законом устанавливаются очень низкие размеры платежей, в границах которых их обязательно принимать взамен золота. Те особые сферы, в которых обращаются различные сорта монет, конечно, переплетаются между собой. Разменная монета появляется на-ряду с золотом для выплаты дробных частей самой мелкой из золотых монет; золото постоянно вступает в область этого розничного обращения и столь же постоянно выбрасывается оттуда путем размена на мелкую монету [1]).

Металлическое содержание серебряных и медных значков произвольно определяется законом. В обращении они снашиваются еще скорее, чем золотая монета. Их монетная функция становится поэтому фактически совершенно независимой от их веса, т. е. от всякой стоимости. Монетное существование золота окончательно отделяется от субстанции его стоимости. Благодаря этому, вещи, относительно не имеющие никакой стоимости, напр., бумажки, получают возможность функционировать в качестве монеты. В металлических денежных знаках их чисто символический характер еще до известной степени скрыт. В бумажных деньгах он выступает с полной очевидностью. Как видим: ce n'est que le premier pas qui coûte.— «Труден только первый шаг» («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 95—98).

45. Золото, монета—знак ценности.

«Если товар после первого шага, который он делает в процессе обращения, сейчас же выходит из него, то монета, после нескольких шагов, сделанных в обращении, обозначает собой больше металла, чем сколько она в действительности имеет. Чем дольше монета обращается с той же самой быстротой или чем быстрее ее обра-

[1]) «Если серебра имеется всегда лишь столько, сколько необходимо для мелких платежей, то оно никогда не может быть накоплено в количествах, достаточных для более крупных платежей. Применение золота в крупных платежах неизбежно приводит также к его применению в мелкой торговле: тот, у кого есть золотая монета, предлагает ее при маленькой покупке и получает вместе с купленным товаром сдачу серебром; таким путем тот избыток серебра, который в противном случае накопился бы у мелкого торговца, извлекается у него и рассеивается в общем обращении. Но если бы серебра имелось всегда достаточно для того, чтобы реализовать мелкие покупки, не прибегая к золоту, то розничный торговец получил бы за мелкие покупки исключительно серебро, и последнее неизбежно стало бы накопляться в его руках» (David Buchanan: Inquiry into the Taxation and Commercial Policy of Great Britain. Edinburgh. 1844, p. 248, 249).

щение в один и тот же период времени, тем сильнее отделяется ее монетная форма от ее золотого или серебряного существа. То, что еще остается, есть magni nominis umbra. Тело монеты делается только тенью. Если вначале она получила в процессе обращения большее значение, то затем она сделалась благодаря ему легче; однако, в каждой отдельной покупке и продаже монета все-таки представляет прежнее количество золота. Мнимый соверен, мнимое золото продолжает исполнять функцию настоящей, законной золотой монеты. Между тем, как другие вещества, от соприкосновения с внешним миром, утрачивают свой идейный характер, монета идеализируется в практике, превращается только в видимую форму своего серебряного или золотого тела. Эта, вызываемая самим процессом обращения, идеализация металлических денег, или отделение номинального их содержания от действительного, эксплоатируется в подделках самых разнообразных родов частью правительствами, частью частными авантюристами. Вся история монетного дела от начала средних веков и до конца XVIII столетия сводится к истории этих двухсторонних и антагонистических подделок. Многотомный сборник итальянских экономистов, изданный Кустоди, по большей части относится к этому предмету.

Кажущееся существование золота в его функции вступает в конфликт с действительным его существованием. Одна золотая монета теряет в обращении из своего металлического содержания больше, другая—меньше, и поэтому один соверен фактически больше стоит, чем другой. Так как, однако, они в своей функциональной форме, как монеты, имеют одинаковую ценность, то и соверен, который составляет ¼ унции, ничем не больше, чем соверен, который составляет только видимую ¼ унции, то соверены часто подвергаются в руках недобросовестных владельцев хирургическим операциям, и, таким образом, с ними совершается искусственно то, что само обращение сделало естественным путем по отношению к их более легким собратьям. Их подделывают и обрезывают, и излишний их золотой жир отправляется в тигль. Если 4.672½ золотых соверена стали весить на чашке весов в среднем только 800 унций, вместо 1.200, то на золотом рынке за них можно было бы купить уже только 800 унций золота, а в таком случае рыночная цена золота поднялась бы над его монетной ценой. Каждая монета, хотя бы полновесная, стала бы в своей монетной форме стоить меньше, чем в естественной форме. Тогда полновесные соверены были бы переплавлены в слитки золота, в форму, в которой большее количество золота имеет большую ценность, чем меньшее его количество. С того момента, когда это понижение металлического содержания охватило бы достаточное количество соверенов, чтобы вызвать постоянное обычное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой,— счетные названия монет остались бы те же самые, но означали бы уже меньшее количество золота. Другими словами, денежный масштаб изменился бы, и золото впредь чеканилось бы по этому новому масштабу. Посредством своей идеализации, как орудия обращения, золото косвенно изменило бы установленные законом отношения, в которых оно было масштабом цен. Тот же самый поворот повторился бы по прошествии некоторого времени, и, таким образом, золото как в роли масштаба цен, так и в роли орудия обращения, подлежало бы постоянным переменам, причем перемена в одной форме вызывала бы перемену и в другой, и обратно. Это нам выяснит указанное раньше явление, заключающееся в том, что в истории всех современных народов одно и то же денежное название оставалось для постоянно уменьшающегося содержания золота. Противоречие между золотом, как монетой, и золотом, как масштабом цен, становится вместе с тем противоречием между золотом, как монетой, и золотом, как всеобщим эквивалентом, который в этой роли обращается не только в пределах отдельных стран, но и на всемирном рынке. Как мерило ценности, золото было всегда полновесным, так как оно служило только в идее как золото. Как эквивалент в изолированном акте Т—Д, оно из подвижного состояния сразу попадает в состояние покоя; но его денежная сущность, как монеты, вступает в постоянный конфликт с его функцией. Совершенно избежать превращения золотого соверена в фиктивные деньги нет возможности; но законодательство старается препятствовать утверждению его навсегда в роли монеты тем, что при известном уменьшении его ценности выбрасывает его из обращения... Так как золото становится символом самого себя, но не может служить им, то в тех сферах обращения, где оно всего скорее изнашивается, т. е. где акты покупки и продажи постоянно возобно-

вляются в мелких пропорциях, оно получает символическую серебряную или медную форму, отдельную от его золотой формы. В этих сферах обращалась бы постоянно в той же самой пропорции некоторая определенная сумма золотых денег, как монет, хотя эти монеты и не были бы всегда одни и те же. В этой пропорции золото заменяется серебряными или медными знаками. Следовательно, если только один специфический товар может функционировать в каждой стране, как мерило ценности, а поэтому, как деньги, то, с другой стороны, рядом с ним различные другие товары могут служить монетами. Эти вспомогательные орудия обращения, напр., серебряные или медные знаки, представляют собой определенные части золотой монеты. Поэтому их серебряное или медное содержание определяется не отношением ценностей между серебром, медью и золотом, но устанавливается произвольно законом. Они должны выпускаться только в таких количествах, в каких обращались бы замещенные ими мелкие части золотой монеты для размена высших золотых монет или для реализации соответственных мелких товарных цен. В сфере мелкого обращения товаров серебряные и медные марки, в свою очередь, будут обращаться в особых сферах. По самой природе вещей быстрота их оборотов находится в обратном отношении к цене, которую они в каждом отдельном акте покупки и продажи реализуют, или к величине той части золотой монеты, которую они заступают» («К крит. полит. эконом.», стр. 115—116).

46. Монета—знак ценности.

«Золотая монета произвела своих заместителей, сначала металлических, а потом бумажных, только потому, что, несмотря на утрату части своего металла, она все время функционировала, как монета. Она обращалась не потому, что вытерлась до превращения в символ, но превратилась в символ потому, что обращалась. Лишь постольку, поскольку в процессе обращения золотые деньги становятся простыми знаками своей собственной ценности, лишь постольку могут их заменять простые знаки ценности» («К крит. полит. эконом.», стр. 117).

VI. ДЕНЬГИ.— ЗОЛОТО.— СОКРОВИЩЕ.

47. Золото—сокровище.

«Золото и серебро, приведенные в неподвижное состояние, в качестве денег, представляют с о к р о в и щ е» («К крит. полит. эконом.», стр. 129).

48. Функции денег, как сокровища.

«Создание сокровищ выполняет различные функции в экономии металлического обращения. Его ближайшая функция возникает из условий обращения золотой или серебряной монеты... постоянные колебания размеров рыночного обращения товаров, колебания цен и быстроты обращения связаны с непрерывными отливами и приливами находящейся в обращении массы золота. Следовательно, последняя должна обладать способностью к расширению и сжатию. Порой деньги должны притягиваться как монета, порой монета должна отталкиваться как деньги. Чтобы действительно циркулирующая денежная масса наполняла всегда сферу обращения до надлежащей степени насыщенности, количество золота и серебра, находящееся в каждой стране, должно быть больше того, что требуется для фактического выполнения монетной функции. Это условие выполняется благодаря превращению денег в сокровище. Резервуары, в которых деньги накопляются как сокровища, служат в то же время отводными и приводными каналами для циркулирующих денег; благодаря этому последние никогда не переполняют каналов самого обращения» [1]). («Капитал», т. I, глава 3, стр. 106—107).

[1]) «Для того, чтобы нация могла вести свою торговлю, необходима определенная сумма известных денег, которая может варьировать, то увеличиваясь, то уменьшаясь в зависимости от обстоятельств... Эти приливы и отливы денег уравновешиваются сами собой без всякого содействия со стороны политиков. Монетный двор работает в двух направлениях: когда мало денег, чеканит монету, когда мало денежного металла, переплавляет монету обратно в слитки». (Sir D. North. S. c. p. 22). Джон

49. Функции денег, как сокровища.

«Оборот денег представляет только проявление метаморфозы товаров или того изменения формы, в котором происходит общественный обмен веществ. При изменяющейся сумме цен товаров, находящихся в обращении, или при изменяющемся количестве их одновременных метаморфоз, с одной стороны, и при данной каждый раз быстроте изменения их формы—с другой, общая сумма обращающегося золота должна постоянно увеличиваться или сокращаться. Это возможно только при том условии, что общее количество денег, существующих в данной стране, находится в изменяющемся отношении к сумме обращающихся денег. Это условие осуществляется посредством собирания сокровища. Если цены падают, или быстрота обращения возрастает, то резервуары сокровищ поглощают выброшенную из обращения часть денег; если, наоборот, цены повышаются, или быстрота обращения уменьшается, то сокровища открываются и в соответствующем количестве опять вливаются в обращение. Окостенение обращающихся денег в сокровища и приливы сокровищ в обращение — это постоянно изменяющееся колебательное движение. Следовательно, сокровища являются каналами прилива и отлива обращающихся денег, так что всегда обращается только такое их количество, которое необходимо для удовлетворения непосредственных потребностей обращения. Если размеры всего обращения внезапно расширяются, и подвижное единство покупки и продажи возрастает, однако, так, что общая сумма цен, имеющих быть реализованными, возрастет скорее, чем быстрота обращения денег, то сокровища, видимо, уменьшаются; если же общее движение чувствительно ослабевает, или разделение между покупкой и продажей крепнет, тогда орудие обращения в значительной степени костенеет, как деньги, и резервуары сокровищ наполняются гораздо выше обыкновенного своего среднего уровня. В странах с чисто-металлическим обращением, или находящихся на степени неразвитого производства, сокровища чрезвычайно раздроблены и рассеяны по всей стране, тогда как в развитых буржуазных обществах они концентрируются в банковских резервуарах. Не нужно смешивать сокровища с монетным резервом, который сам составляет слагаемую часть общей суммы денег, находящихся постоянно в обращении, предполагает упадок или возрастание этой общей суммы. Золотые и серебряные товары составляют, как мы видели, канал для отлива благородных металлов и скрытый источник их прилива. В обыкновенное время только первая их функция важна для экономии металлического обращения». («К крит. полит. эконом.», стр. 136—137).

50. Происхождение сокровища и его виды.

«Чтобы удержать у себя золото как деньги, т. е. как элемент созидания сокровища, надо воспрепятствовать его обращению, его растворению как посредника при покупке в средствах потребления. Следовательно, созидатель сокровища приносит потребности своей плоти в жертву золотому фетишу. Он берет всерьез евангелие отречения. Но, с другой стороны, он может извлечь из обращения в виде денег лишь то, что он дает обращению в виде товара. Чем больше он производит, тем больше он может купить. Трудолюбие, бережливость и скупость — вот, следовательно, его основные добродетели; много продавать, мало покупать — вот квинт-эссенция его политической экономии.

На ряду с непосредственной формой сокровища развивается его эстетическая форма, обладание золотыми и серебряными товарами как предметами роскоши. Последнее растет вместе с ростом богатства буржуазного общества. «Soyons riches ou paraissons riches» («будем богаты или будем казаться богатыми», Дидро). Таким обра-

---

Стюарт Милль, бывший долгое время на службе у Ост-индской компании, подтверждает, что в Индии серебряные украшения все еще функционируют непосредственно как резерв денежного обращения. «Серебряные украшения отчуждаются и перечеканиваются в монету, когда норма процента падает». (G. St. Mill's. Evidens, Rep. of Bancnots 1857 и 2084 р.). Согласно одному парламентскому документу от 1864 г. относительно импорта золота и серебра в Индию и экспорта их оттуда, в 1863 году импорт золота и серебра превысил экспорт на 19.367.764 ф. ст. За восемь последних лет перед 1864 г. избыток импорта золота и серебра над экспортом составлял 109.652.917 ф. ст. В течение текущего столетия в Индии было начеканено монеты значительно больше чем на 200.000.000 ф. ст.

зом, с одной стороны, образуется все более и более расширяющийся рынок для золота и серебра, независимый от денежной функции последних, с другой стороны, скрытый источник предложения денег, функционирующий особенно интенсивно в периоды общественных бурь» («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 106).

VII. БУМАЖНЫЕ И КРЕДИТНЫЕ ДЕНЬГИ.

51. Происхождение бумажных и кредитных денег.

«Государственные бумажные деньги с принудительным курсом вырастают непосредственно из металлического обращения. Наоборот, кредитные деньги предполагают условия, которые нам, пока мы рассматриваем процесс с точки зрения простого товарного обращения, еще совершенно не известны. Только мимоходом отметим, что подобно тому, как бумажные деньги в собственном смысле этого слова возникают из денег, как средства обращения, естественный корень кредитных денег составляет функции денег, как платежного средства» [1]) («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 98).

52. Бумажные деньги — знак золота.

«Бумажные деньги представляют знак золота или знак денег. Их отношение к товарным стоимостям состоит в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знак стоимости, поскольку они представляют известное количество золота, которое, как и всякая другая товарная масса, есть в то же время количество стоимости» [1]) («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 99).

53. Закон обращения бумажных денег.

«Бумажки, на которых напечатаны их денежные названия, как, напр., 1 ф. ст., 5 ф. ст. и т. д., бросаются в процесс обращения извне, рукой государства. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком

---

[1]) Мандарин финансов Ван-Мао-Ин позволил себе представить сыну неба проект, который в замаскированной форме преследовал цель превратить китайские государственные ассигнации в разменные банкноты. В отчете ассигнационного комитета за 1854 г. он получает за это надлежащую нагоняйку. Получил ли он соответственное количество ударов бамбуковой тростью, не сообщается. «Комитет» говорится в заключение отчета, «внимательно взвесил его проект и нашел, что все в нем направлено к выгоде купцов и ничто не обещает выгод короне». (Arbeiten der Kaiserlich Russischen Gesandtschaft zu Peking über China. Aus dem russischen von Dr. K. Adel und F. A. Meklinburg). О постоянной потере металла золотыми монетами, вследствие обращения один из «Governor'ов» английского банка заявил в своих свидетельских показаниях перед комиссией палаты лордов (по вопросу о «банковых актах») следующее: «Каждый год становится слишком легковесной новая группа соверенов (имеются в виду не политические соверены, а «sovereignes» название фунта стерлингов). Те из них, которые обращались в течение года как полновесные успевают достаточно потерять за это время путем снашивания, чтобы в будущем году склонить чашку весов против себя». (House of Lords, Committee 1847, n. 429).

[1]) Прим. ко 2 изд. Насколько смутно различают различные функции денег даже самые лучшие писатели по этому вопросу, показывает, напр., следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются в наше время золотой и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных ассигнаций, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом,— это факт, которого, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы играть роль внутренней стоимости и даже устранила бы необходимость в металлической валюте, если бы только количество выпускаемых в обращение билетов не выходило за должные пределы». (Regulation of Currencies, 2 ed. London 1845» p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости он не нужен ни как мерило стоимости, ни как масштаб цен.

действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако, масса средств обращения никогда не падает ниже определенного минимума, который может быть установлен опытом для каждой данной страны. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется все из новых и новых золотых монет, конечно, нисколько не влияет на ее размеры и на устойчивость ее функции в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения до степени их полного насыщения деньгами, то завтра вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступили свою меру, т. е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы циркулировать, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т. е. количество, определяемое имманентными законами товарного рынка». («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 98—99).

54. Бумажные деньги.

«Почему же золото может быть замещено не имеющими никакой собственной стоимости знаками его самого? Как мы видели, оно может быть замещено лишь постольку, поскольку в своей функции монеты или средства обращения оно изолируется, приобретает самостоятельность. Правда, обособление этой функции не имеет места по отношению к отдельным золотым монетам, хотя оно и проявляется в том, что стершиеся монеты продолжают циркулировать. Куски золота представляют монеты или средство обращения лишь до тех пор, пока они действительно находятся в обращении. Но то, что неприменимо к отдельным золотым монетам, применимо к той минимальной массе золота, которая может быть замещена бумажными деньгами. Эта масса постоянно находится в сфере обращения, непрерывно функционирует как средство обращения и потому существует исключительно как носитель этой функции. Следовательно, ее движение представляет лишь постоянное превращение друг в друга противоположных процессов товарного метаморфоза Т—Д—Т, в котором денежная форма противопоставляется товару лишь для того, чтобы снова исчезнуть. Самостоятельное выражение меновой стоимости товара является здесь лишь преходящим моментом. Данный товар немедленно замещается другим товаром. Именно потому и оказывается здесь достаточным чисто символическое существование денег, что этот процесс постоянно удаляет их из одних рук в другие. Функциональное существование денег поглощает, так-сказать, их материальное существование. Представляя в данном случае мимолетное об'ективное отражение товарных цен, они существуют лишь как знаки самих себя, а потому могут быть замещены простыми знаками [1]). Необходимо лишь, чтобы знак денег, как таковой, получил об'ективное общественное признание, и бумажный символ получает это последнее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного общества или в сфере внутреннего обращения, но зато только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения или монеты, и, следовательно, могут получить в виде бумажных денег внешне обособленную от их металлической субстанции и чисто функциональную форму существования». («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 100).

---

[1]) Из того, что золото и серебро, поскольку они функционируют как монета, т. е. исключительно как средство обращения, становится знаками самих себя, Николай Барбон выводит право правительств «повышать стоимость монеты», т. е. назвать, напр., количество серебра, именовавшееся до сих пор грошем, именем более крупного количества серебра, скажем, талером, и таким образом, уплачивать кредиторам гроши вместо талеров. «Монета сжимается и становится легче, часто переходя из рук в руки... В торговых делах люди обращают внимание на название монет и на ее курс, а не на количество серебра... Авторитет общественной власти делает из куска металла монету». (N. Barbor, «A Disc. on coining etc.» 29. 30 p. 25).

55. Бумажные деньги — знак ценности.

«Серебряные и медные марки, заменяющие золотую монету в определенных сферах внутреннего обращения, имеют установленное законом содержание серебра или меди, но в процессе обращения стираются, как и золотая монета, соответственно быстроте и непрерывности своего обращения, и превращаются скорей в призрачные тела. Чтобы провести новую определенную линию деметаллизации, за которой серебряные и медные марки утрачивали бы свой характер монеты, нужно было бы заменить их внутри определенных кругов их собственной сферы обращения другими символическими деньгами, напр., железом или оловом, и это представительство одних символических денег другими было бы бесконечным процессом. Поэтому во всех странах с развитым обращением потребность денежного обращения принуждает к тому, чтобы монетный характер серебряных и золотых марок был независимым от степени утраты ими металла. Таким образом, обнаруживается то, что лежит в природе вещей, именно что эти марки являются символами золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, и не потому, что они имеют ценность, но потому, что они ее не имеют.

Отсюда следует, что относительно ничего не стоющие вещи, напр., бумага, могут функционировать, как символы золотых денег. Существование вспомогательных монет, в форме металлических марок — серебряных, медных и т. д., обыкновенно зависит от того, что в большей части стран металлы, имеющие меньшую ценность, напр., серебро — в Англии, медь в древнем Риме, в Швеции, Шотландии и т. д., обращались как деньги, прежде чем процесс обращения свел их на разменную монету и поставил на их место более благородные металлы. К тому же, по самой природе вещей, символ денег, выросший непосредственно из металлического обращения, вначале и сам является также металлом. Если часть золота, которая должна была бы постоянно обращаться в качестве разменной монеты, заменяется металлическими знаками, то и та часть золота, которая, в качестве монеты, неизменно поглощается сферой внутреннего обращения, т. е. которая должна постоянно находиться в обороте, может быть заменена марками, не имеющими ценности. Уровень, ниже которого масса находящихся в обращении монет никогда не падает, определяется в каждой стране опытом. Следовательно, вначале незаметная разница между номинальным и металлическим содержанием монеты может дойти даже до совершенного их отделения. Монетные названия денег отделяются от их субстанции и существуют независимо от нее в бумажках, не имеющих ценности. Как меновая ценность кристализуется при обмене в золотые деньги, точно так же золотые деньги в процессе обращения поднимаются до своего собственного символа сначала в виде изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательной металлической монеты, наконец, в форме не имеющих ценности марок, бумаги, простого знака ценности». («К крит. полит. эконом.», стр. 116—117).

56. Бумажные деньги — знак золота. Кредитные деньги.

«Поскольку движение Т — Д — Т представляет движущееся единство двух непосредственно переходящих друг в друга моментов Т — Д, или поскольку товар проходит процесс полной своей метаморфозы, он выражает свою меновую ценность в цене и деньгах, чтобы эту форму тотчас сбросить с себя и стать снова товаром, или, скорее, потребительною ценностью. Следовательно, он достигает только кажущейся самостоятельности своей меновой ценности. С другой стороны, мы видели, что золото, поскольку оно функционирует только как монета, или поскольку оно постоянно находится в обращении, в действительности представляет только соединительное звено метаморфоз товаров и только их преходящую денежную форму, что оно реализует цену одного товара только для того, чтобы тотчас же реализовать цену другого, но нигде не выступает, как находящаяся в покое форма меновой ценности, ни даже как находящийся в покое товар. Реальное существование, которое получает в этом процессе меновая ценность и которое выражается золотом в его обращении, представляется лишь существованием электрической искры. Хотя оно и действительно золото, однако, функционирует только как кажущееся и поэтому может в этой функции заменяться знаком самого себя.

Знак ценности, напр., бумага, функционирующий как монета, является знаком того количества золота, которое выражено в его монетном названии, — знаком золота. Поскольку определенное количество золота само по себе не выражает никакого отношения ценностей, постольку не выражает его и знак, который заменяет золото. Поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, имеет ценность определенной величины, постольку и знак золота представляет собой ценность. Однако, величина представляемой им ценности каждый раз зависит от ценности представляемого им количества золота. Относительно товаров знак ценности представляет реальность их цен, является signum pretii и знаком их ценности только потому, что эта ценность выражена в их ценах. В процессе Т — Д — Т, поскольку он является только как движущееся единство или непосредственное и взаимное превращение друг в друга обоих метаморфоз, — а таким собственно он и является в сфере обращения, в которой функционирует знак ценности, — меновая ценность товаров получает в цене существование только в идее, а в деньгах она получает только абстрактное, символическое существование. Меновая ценность является, таким образом, только как воображаемая или вещественно представляемая, реальное же существование она имеет только в самих товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому кажется, будто знак ценности непосредственно представляет ценность товаров, выступая не как знак золота, но как знак ценности, заключенной в самих товарах и выраженной только в их ценах. Но это представление совершенно ложно. Знак ценности есть непосредственно только знак цены, т. е. знак золота, и только посредственно знак ценности товара. Золото не продало своей тени, как Петр Шлемиль (Peter Schlemihl), но, напротив, оно покупает своею тенью. Поэтому знак ценности имеет значение лишь постольку, поскольку он представляет в процессе обращения цену одного товара в противоположность другим, или поскольку противопоставляет золото каждому владельцу товаров. Определенная, сравнительно малоценная вещь, кусок кожи или бумаги и т. п., становится, сначала в силу обычая, знаком денежного материала, но утверждается в этой роли только тогда, когда ее символическое существование обеспечивается общим признанием товаровладельцев, т. е. когда она получает условное существование, подтвержденное законом, а, следовательно, и принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом представляют законченную форму знака ценности и вместе с тем единственную форму бумажных денег, которая непосредственно вырастает из металлического обращения или простого обращения товаров. Кредитные деньги принадлежат к высшей сфере общественного процесса производства и регулируются совершенно другими законами. Символические бумажные деньги в сущности совершенно не отличаются от вспомогательной металлической монеты. — они только действуют в более обширной сфере обращения. Если чисто техническое развитие масштаба цен или монетной цены и затем внешнее превращение золота в золотую монету уже вызвало вмешательство государства, и вместе с тем внутреннее обращение видимо отделилось от общего обращения товаров, то это разделение завершается развитием монеты в знак ценности. Вообще деньги могут получить самостоятельное существование исключительно как орудие обращения только в сфере внутреннего обращения». («К крит. полит. эконом.», стр. 118—119).

57. Бумажные деньги и законы, определяющие их ценность.

«Сколько стоп бумаги, изрезанной на билеты, может обращаться, как деньги? Вопрос, так поставленный, был бы нелеп. Не имеющие ценности марки являются знаками ценности лишь постольку, поскольку заменяют золото в процессе обращения, и заменяют его лишь постольку, поскольку оно само входило бы в обращение, как монета — это количество определяется его собственной ценностью, если предположить, что меновая ценность товаров и быстрота их обращения даны. Билеты с наименованиями в 5 фун. стерл. могли бы обращаться только в количестве в 5 раз меньшем, чем однофунтовые билеты, а если бы все уплаты совершались в билетах в 1 шиллинг, то в обращении должно бы было находиться в 20 раз больше билетов в 1 шиллинг, чем в 1 фунт. Если бы золотая монета была представлена бумажными деньгами разного наименования, напр., пятифунтовыми, однофунтовыми билетами и билетами в 10 шил-

лингов, то количество этих различных знаков ценности определялось бы не только количеством золота, необходимого для всего обращения, но также и количеством золота, необходимого для сферы обращения каждого из этих сортов монет. Если бы 14 миллионов фунт. стерл. (это цифра, принятая английским банковым законодательством, но не для монеты, а для кредитных денег) представляли уровень, ниже которого обращение в данной стране никогда не падает, то могли бы обращаться 14 миллионов билетов, из которых каждый представлял бы знак ценности в 1 ф. ст. С понижением или возрастанием ценности золота, вызванным уменьшением или увеличением количества рабочего времени, необходимого для его производства, при неизменной ценности той же самой массы товаров, количество однофунтовых билетов, находящихся в обращении, возросло бы или упало в обратном отношении к изменению ценности золота. Если бы золото, как мерило ценности, было заменено серебром, то при отношении ценности серебра к ценности золота 1 : 15, и при условии, что впредь каждый билет будет представлять такое же количество серебра, как раньше золота, в обращении находилось бы вместо 14 миллионов 210 миллионов однофунтовых билетов. Таким образом, количество бумажных денег определяется количеством золотых денег, которые они заменяют в обращении; а так как они являются знаками ценности лишь постольку, поскольку заменяют золотые деньги, то ценность бумажных денег определяется просто их собственным количеством. Следовательно, в то время как количество золота, находящегося в обращении, зависит от цен товаров, ценность бумажек, находящихся в обращении, напротив, зависит исключительно от их собственного количества.

Вмешательство государства, которое выпускает бумажные деньги с принудительным курсом, — а мы сейчас говорим только об этого рода бумажных деньгах, — повидимому, нарушает этот экономический закон. Государство, которое в цене монеты давало определенному весу золота только крестное имя и которое при чеканке выбивало на золоте только свою печать, теперь, повидимому, делает, при помощи магической силы своей печати из бумаги золото. Так как бумажные деньги имеют принудительный курс, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольное количество билетов, дав им произвольные монетные названия: 1 ф. ст., 5 ф. ст., 20 ф. ст. Билеты, раз попавшие в обращение, нет возможности выбросить из него, потому что пограничные столбы страны ограничивают их движение, и вне обращения они теряют всякую ценность, — как меновую, так и потребительную. Оторванные от своей функции, они превращаются в ничего нестоящие клочки бумаги. Однако, в действительности это могущество государства только фикция. Оно может бросить в обращение произвольное количество бумажных денег с произвольными названиями, но вместе с этим механическим актом кончается его контроль. Захваченные обращением знаки ценности, или бумажные деньги, попадают во власть законов, присущих обращению.

Если бы 14 миллионов фунт. стерл. были суммой, необходимой для обращения товаров, а государство выпустило в обращение 210 миллионов билетов по 1 ф. стерл., то эти 210 миллионов фунт. стерл., превратились бы в представителей золота на сумму 14 миллионов ф. ст. Вышло бы то же самое, как если бы государство 1-фунтовые билеты сделало представителями в 15 раз более дешевого металла или в 15 раз меньшего веса золота, чем прежде. Ничто не изменилось бы, кроме названия масштаба цен, которое по самой природе своей условно, все равно, происходит ли его изменение прямым путем от того, что изменится самый масштаб, или же косвенно — через увеличение количества бумажных денег в размере, требуемом новым, более низким масштабом. Так как название «фунт стерлингов» означало бы теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все цены повысились бы в 15 раз, и, таким образом, 210 млн. однофунтовых билетов были бы совершенно так же необходимы, как раньше 14 млн. В том самом отношении, в котором увеличилась бы общая сумма знаков ценности, уменьшилось бы количество золота, представляемое каждым из них. Возрастание цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки ценности тому количеству золота, вместо которого они обращаются» («К крит. полит. эконом.», стр. 121—123).

58. Закон обращения бумажных денег и их ценность.

«Возрастание или падение товарных цен, с увеличением или уменьшением суммы бумажных денег — если последние составляют единственное орудие обращения — является, таким образом, только насильственным осуществлением в процессе обращения закона, механически нарушенного извне, — закона, в силу которого количество обращающегося золота определяется ценами товаров, а количество обращающихся знаков ценности — количеством золотых монет, которое они заменяют в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных денег может быть поглощена и одинаково переварена процессом обращения, так как знак ценности независимо от того, с каким золотым титулом он вступает в обращение, в сфере последнего сводится к знаку того количества золота, которое бы обращалось вместо него.

В обращении знаков ценности все законы действительного обращения денег кажутся перевернутыми, поставленными на голову. Если золото обращается потому, что имеет ценность, то бумага имеет ценность потому, что она обращается. В то время, как при данной меновой ценности товаров, количество обращающегося золота зависит от его собственной ценности, ценность бумаг зависит от их количества, находящегося в обращении. В то время, как количество обращающегося золота повышается или падает, с возрастанием или падением цен товаров, цены товаров возрастают или падают вместе с изменением количества бумажных знаков, находящихся в обращении. Тогда как обращение товаров может поглотить только определенное количество золотых монет, вследствие чего сокращение и расширение количества обращающихся денег, представляется необходимым законом, бумажные деньги, повидимому, входят в обращение во всякой пропорции. Между тем, как государство портит золотую и серебрянув монету и препятствует ее функции, как орудия обращения, если оно выпускает монету, хотя бы только на $^1/_{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская не имеющие ценности бумажные знаки, у которых с металлом общего только их монетное имя. Если золотая монета, очевидно, представляет ценность товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте и представлена, как цена, знак ценности, повидимому, непосредственно представляет ценность товаров. Отсюда ясно, почему исследователи, изучившие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли понять основных законов денежного обращения. В действительности эти законы выступают в обращении знаков ценности не только превратно, но и скрытно, так как бумажные деньги, выпущенные в соответственном количестве, совершают движения, которые не свойственны им, как знакам ценности, между тем как свойственное им движение вместо того, чтобы вытекать непосредственно из метаморфозы товаров, происходит вследствие нарушения их нормального отношения к золоту» («К крит. полит. эконом.», стр. 124—125).

59. Кредитные деньги.

«Кредитные деньги возникают непосредственно из функции денег, как платежного средства, причем долговые сроки за проданные товары, в свою очередь, начинают обращаться, перенося долговые требования с одного лица на другое. С другой стороны, с расширением кредитного дела в той же степени расширяется и функция денег как платежного средства. В этой своей функции они получают особые формы существования, в которых находят себе место в сфере крупных торговых сделок, в то время как золотая и серебряная монета оттесняется преимущественно в сферу мелкой торговли» («Капитал» т. I, гл. 3, стр. 113).

60. Кредит — банкнота.

«Подобно тому, как взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют собственно основание кредита, так и орудие их обращения, вексель, образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных кредитных билетов, а вексельное обращение...

В связи с торговлей деньгами развивается другая сторона кредитного дела, управление приносящим проценты капиталом или денежным капиталом, как особая функция торговцев деньгами. Заем и ссуда денег становится их особым делом. Они выступают как посредственники между действительным заимодавцем и заемщиком денежного капитала. Говоря вообще, дело банкира с этой стороны, состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссужаемый денежный капитал, так что вместо отдельного заимодавца промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители всех заимодавцев. Они становятся общими управителями денежного капитала. С другой стороны, по отношению ко всем заимодавцам они концентрируют заемщиков, так как они занимают для всего торгового мира. С одной стороны, банк представляет централизацию денежного капитала заимодавца, с другой — централизацию заемщиков. Его прибыль, вообще говоря, состоит в том, что он занимает по более низкому проценту, чем отдает взаймы.

Ссудный капитал, которым располагают банки, притекает к ним многообразными путями. Прежде всего, так как они являются кассирами промышленных капиталистов, в их руках концентрируется денежный капитал, который хранит каждый производитель и купец в качестве резервного фонда или который притекает к нему по платежам. Эти фонды превращаются, таким образом, в ссудный денежный капитал. Благодаря этому резервный фонд торгового мира сводится к необходимому минимуму, так как он концентрируется как общественный, и часть денежного капитала, которая иначе бездействовала бы в качестве резервного фонда, отдается взаймы, действует как капитал, приносящий проценты. Во-вторых, ссудный капитал банков образуется из вкладов денежных капиталистов, представляющих банкам отдачу их взаймы. С развитием банковых учреждений, а именно, как только они начинают платить проценты по вкладам, у них складываются далее денежные сбережения и временно незанятые деньги всех классов. Мелкие суммы, сами по себе неспособные действовать как денежный капитал, об'единяются в большие массы и, таким образом, вырастают в денежную силу. Это накопление мелких сумм, как особый результат банковой системы, следует отличать от ее посреднической роли между собственно денежным капиталистом и заемщиком. Наконец, у банков помещаются вкладом и доходы, которые предполагается тратить лишь постепенно.

Отдача взаймы (здесь мы имеем дело только с собственно торговым кредитом) производится посредством учета векселей — превращения их в деньги до истечения срока — и посредством ссуд в различных формах: прямой ссуды по личному кредиту, залоговой ссуды под процентные бумаги, государственные фонды, всякого рода акции, между прочим, и ссуды под грузовые коносаменты, доковые варранты и другие засвидетельствованные документы о праве собственности на товары, под обеспечение депозитов и т. п.

Кредит же, оказываемый банкиром, может быть оказан в различных формах, например, векселями на другие банки, чеками на них, открытием кредита того же рода, наконец, у банков, имеющих право на выпуск банкнот, собственными банкнотами банка. Банкнота есть не что иное, как вексель на банкира, по которому предъявитель во всякое время может получить деньги, и которым банкир замещает частные векселя» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 25, стр. 387—389).

61. Сокращение издержек обращения благодаря кредиту.

«1) Главными издержками обращения являются сами деньги, поскольку они сами имеют стоимость. Деньги сберегаются посредством кредита трояким образом —

A. Для большей части сделок деньги вовсе отпадают.

B. Обращение средств обращения ускоряется. Отчасти это совпадает с тем, что придется сказать по пункту 2). С одной стороны, это ускорение — техническое, то-есть при равной величине и количестве действительных товарных оборотов, обслуживающих потребление, меньшее количество денег или денежных знаков исполняет ту же службу. Это находится в связи с техникой банкового дела. С другой стороны, кредит ускоряет быстроту метаморфоза товаров и вместе с тем быстроту денежного обращения.

C. Замещение золотых денег бумажными.

2) Ускорение, посредством кредита, отдельных фаз обращения или метаморфоза товаров, затем метаморфоза капитала и потому ускорение процесса воспроизводства вообще. (С другой стороны, кредит позволяет разлучать на больший срок акты купли и продажи и потому служит основой спекуляции). Сокращение резервных фондов, что можно рассматривать с двоякой точки зрения: с одной стороны, как уменьшение орудия обращения. с другой — как сокращение той части капитала, которая должна всегда существовать в денежной форме» («Капитал», т. III, ч. I, глава 27, стр. 421—422).

62. Кредит — основа всех методов, сберегающих средства обращения, и способ непосредственного повышения быстроты обращения денег.

«Кредит есть великий регулятор быстроты обращения. Отсюда понятно, почему период острого угнетения на денежном рынке обыкновенно совпадает с переполнением сферы обращения» (The Currency Question Rewiewed, p. 65). Это следует понимать двояко. С одной стороны, все методы, сберегающие средства обращения, построены на кредите. А с другой стороны, возьмем для примера банкноту в 500. А отдает ее сегодня в уплату по векселю. В вносит ее в тот же день своему банкиру в качестве вклада; банкир в тот же самый день дисконтирует при помощи ее вексель для С; С уплачивает ее своему банку, банк отдает ее billbroker'у в виде ссуды и т. д. Быстрота, с которою обращается здесь банкнота, служа для покупок и платежей, определяется той быстротой, с которой она все снова и снова возвращается к кому-либо в форме вклада, чтобы затем опять перейти в другие руки в форме ссуды. Простое экономизирование средств обращения достигает наивысшего развития в Clearing House (Расчетной Палате), в простом обмене векселей, которым истекает срок, и преобладающей функции денег как платежного средства только для погашения излишков. Но самое существование этих векселей покоится опять-таки на кредите, который оказывают друг другу промышленники и купцы. Если уменьшается этот кредит, то уменьшается число векселей, в особенности долгосрочных, и. следовательно, становится менее действительным этот метод уравновешивать платежи. Только двумя способами может осуществляться такого рода экономия, состоящая в устранении денег из обращения и всецело основанная на функции денег, как платежного средства, причем эта последняя функция, в свою очередь, покоится на кредите (мы здесь оставляем в стороне большее или меньшее развитие техники концентрации таких платежей: или встречные долговые требования, представленные векселями и чеками, взаимно погашаются одним и тем же банкиром, который только переписывает требование со счета одного на счет другого; или же различные банкиры погашают их в своих расчетах между собой)... Посредством этого экономизирования повышается дееспособность средств обращения, требуется меньшее их количество исключительно для уплаты разниц по балансу. С другой стороны, быстрота движения денег, функционирующих как средство обращения (чем также достигается экономия), зависит всецело от потока покупок и продаж, а также от сцепления платежей, поскольку эти последние совершаются один за другим при помощи денег. Но кредит способствует быстроте обращения и, следовательно, повышает ее» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 33, стр. 58—59).

63. Количество действительно обращающихся банкнот.

«При рассмотрении простого денежного обращения («Капитал» книга I, гл. III, 2) было показано, что количество действительно обращающихся денег, предполагая быстроту обращения и степень экономии в платежах величинами данными, определяется ценами товаров и количеством сделок. Тот же самый закон имеет место и при обращении банкнот...

...От произвола эмиссионных банков отнюдь не зависит увеличение числа обращающихся банкнот, раз должен быть всегда обеспечен размен их на деньги. (О неразменных бумажных деньгах здесь вообще нет речи; неразменные банкноты лишь в том случае могут стать всеобщим средством обращения, если они фактически обеспечиваются государственным кредитом, как, например, в настоящее время в России. Они подпадают, таким образом, под власть указанных в «Капитале» (книга I, гл. III; 2, с: монета, знак стоимости) законов, управляющих движением неразменных государственных бумажных денег. — Ф. Энгельс).

Количество циркулирующих банкнот регулируется потребностями оборота и каждый избыточный билет тотчас же возвращается к выпустившему его учреждению.

Обращение банкнот, не завися от воли английского банка, является в такой же степени независимым и от состояния того золотого запаса в кладовых банка, который обеспечивает размен этих банкнот...

...Следовательно, влияние на количество обращающихся денег—банкнот и золота—оказывают лишь потребности самого торгового оборота. Здесь прежде всего следует отметить периодические колебания, повторяющиеся ежегодно, каково бы ни было общее положение дел, так что в течение последних 20 лет «в определенный месяц обращение достигает высокого уровня, в другой месяц стоит низко, в третий определенный месяц занимает среднее место» (Newmarch, B. A. 1857, № 1650).

Так, каждый год в августе несколько миллионов, по большей части золотом, извлекаются из английского банка и поглощаются обращением внутри страны; деньги эти идут на оплату издержек урожая; так как здесь на первом плане стоит выдача заработных плат, то в Англии банкноты в данном случае мало применимы. До окончания года эти деньги снова притекают затем в банк...

...Обращение билетов английского банка испытывает кроме того четыре раза в год преходящее колебание вследствие того, что каждую четверть года уплачиваются «дивиденды», то есть проценты по государственному долгу; при этом банкноты сначала извлекаются из обращения, а потом снова выбрасываются в публику; но очень быстро они опять притекают в банк...

...Гораздо значительнее и продолжительнее те колебания в размерах средств обращения, которые соответствуют различным фазам промышленного цикла...

...В период затишья после кризиса размеры обращения всего меньше, с новым оживлением спроса наблюдается также увеличенная потребность в средствах обращения, и потребность эта возрастает вместе с ростом расцвета; высшей точки количество средств обращения достигает в период чрезмерного напряжения производства и чрезмерной спекуляции, — тогда разражается кризис и немедленно исчезают с рынка еще накануне столь обильные банкноты, исчезают вместе с ними дисконтеры векселей, заимодавцы под залог ценных бумаг, покупатели товаров...

Как только разражается кризис, дело идет лишь о платежных средствах. Но так как в поступлении этих платежных средств каждый зависит от других, и никто не знает, будут ли в состоянии другие уплатить в назначенный срок, то наступает всеобщая погоня за платежными средствами, находящимися на рынке, то есть за банкнотами. Каждый старается сберегать в виде сокровища все банкноты, которые ему удается получить, и, таким образом, банкноты исчезают из обращения в тот самый момент, когда потребность в них всего острее...

...Независимое от фаз промышленного цикла расширение или сокращение обращения,—притом осуществляющееся без изменения той общей суммы, которая требуется публикой, — имеет место лишь вследствие чисто технических причин, например, при наступлении срока уплаты налогов или процентов по государственному долгу. Когда уплачиваются налоги, банкноты и золото притекают в английский (как и всякий эмиссионный) банк в количестве, превышающем обычные размеры, и фактически сокращают обращение независимо от потребностей последнего. Обратное происходит, когда выплачиваются дивиденды по государственному долгу. В первом случае делаются займы в банке с целью добыть средства обращения. Во втором случае уровень процента в частных банках падает вследствие временного увеличения их резервов. Это не имеет никакого касательства к абсолютной сумме средств обращения; дело касается только банковой фирмы, которая фактически пускает эти средства в обращение; с точки зрения такой фирмы этот процесс представляет отчуждение ссудного капитала, следовательно, дает возможность положить в карман прибыль от этой операции.

В одном случае происходит просто временное перемещение обращающихся средств, и английский банк уравновешивает его таким образом, что незадолго до срока платежа налогов или выдачи дивидендов за четверть года выдает краткосрочные ссуды по пониженному проценту; эти выброшенные, таким образомо, в избытке банкноты сначала восполняют ту недостачу, которая получается вследствие уплаты налогов,

а вслед затем их обратный приток, погашающий краткосрочные обязательства, уравновешивает тот избыток банкнот, который является результатом выдачи дивидендов публике.

В другом случае низкий или высокий уровень обращения означает всегда лишь иное распределение той же самой массы средств обращения между активным обращением и вкладами, то есть орудием займов.

С другой стороны, если, например, благодаря притоку золота в английский банк увеличивается число выданных за него банкнот, то эти последние облегчают учет вне банка и притекают назад в виде уплаты по займам, так что абсолютная масса банкнот, находящихся в обращении, увеличивается лишь на короткий срок.

Если обращение полно вследствие расширения дел (что возможно и при сравнительно низких ценах), то размер процента может стоять сравнительно высоко благодаря спросу на ссудный капитал, обусловленному растущей прибылью и открытием новых сфер приложения капитала» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 33, стр. 60—68).

64. Влияние абсолютной величины средств обращения на размер процента.

«Абсолютная величина обращения оказывает определяющее влияние на размер процента только в периоды угнетения. При этом спрос на расширенное обращение выражает собой или спрос на средства накопления сокровищ (мы оставляем в стороне уменьшение скорости, с которою обращаются деньги и с которою один и тот же денежный знак снова и снова превращается в ссудный капитал), обнаруживающийся вследствие отсутствия кредита, как это было в 1847 году, когда приостановка банкового акта не вызвала расширения обращения, но оказалась достаточной для того, чтобы снова извлечь на свет божий накопленные в виде сокровища банкноты и бросить их в обращение, или же, при известных обстоятельствах, может потребоваться действительно большее количество средств обращения, как в 1857 году, когда после приостановки банкового акта обращение на некоторое время действительно возросло.

В других случаях абсолютная величина обращения не влияет на размер процента, так как она — предполагая экономию и быстроту обращения постоянными — во-первых, сама определяется ценою товаров, количеством сделок (причем обыкновенно один из этих моментов парализует действие другого) и состоянием кредита, а отнюдь не определяет эти последние факторы; так как, во-вторых, цены товаров и размер процента не находятся ни в какой необходимой зависимости» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 33, стр. 68).

65. Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала.

«Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала обнаруживается лучше всего в процессе действительного производства. При анализе этого процесса (книга II, отдел III) мы видели, каким образом обмениваются различные составные части производства. Например, переменный капитал вещественно состоит из средств существования рабочих, представляет часть их собственного продукта. Но он выплачивается им по частям в форме денег. Капиталист должен авансировать эти деньги, и в значительной степени от организации кредитного дела зависит, в состоянии ли он в ближайшую неделю выплатить новый переменный капитал теми же самыми деньгами, которыми он платил в предыдущую неделю. То же самое относится и к актам обмена между различными составными частями всего общественного капитала, например, между средствами потребления и средствами производства средств потребления. Деньги для их обращения, как мы видели, должны быть авансированы одною или обеими обменивающимися сторонами. Деньги остаются затем в сфере обращения, но после каждого закончennого обмена снова и снова возвращаются к тому, кто их авансировал, так как они были авансированы сверх его действительно занятого в предприятии промышленного капитала (см. «Капитал», книга II, глава 20). При развитом кредитном деле, когда деньги концентрируются в руках банков, эти последние и являются, по крайней мере, номинально, той стороной, которая авансирует деньги. Такого рода авансирование касается лишь денег, находящихся в обращении. Это авансирование средств обращения, а не авансирование капиталов, приводимых благодаря этому в обращение» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 33, стр. 69).

66. Вывоз товаров за границу и спрос на внутреннем денежном рынке.

«Даже увеличение вывоза обнаруживается — до известной степени во всякой стране, особенно же в стране, оказывающей кредит, — как растущий спрос на внутреннем денежном рынке, причем, однако, спрос этот начинает ощущаться как таковой лишь ко времени застоя. В периоды, когда вывоз растет, британскими фабрикантами под английские фабрикаты выписываются обыкновенные долгосрочные векселя на экспортных торговцев» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 33, стр. 70).

67. Количество обращающихся векселей и банкнот.

«Количество обращающихся векселей точно так же, как и количество банкнот, определяется исключительно потребностями обращения... Размер обращения векселей не оказывает влияния на размер обращения банкнот и подчиняется влиянию со стороны последнего лишь в периоды недостатка денег, когда возрастает количество векселей и ухудшается их качество. Наконец, в момент кризиса вексельное обращение совершенно отказывается служить; никому не нужны обещания платежа, всякий требует платежа наличными; только банкнота сохраняет в Англии, по крайней мере до настоящего времени, постоянную способность к обращению, так как за английским банком стоит нация со всем своим богатством» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 33, стр. 79).

68. Изменения в количестве наличного золота и колебания товарных цен.

«Ложная предпосылка Рикардо, что золото есть только монета и, следовательно, всякий импорт золота увеличивает количество обращающихся денег и, таким образом, повышает цены; всякий экспорт золота уменьшает количество монеты и потому понижает цены, — эта теоретическая предпосылка превращается здесь в практическую попытку оставлять в каждый данный момент столько монеты в обращении, сколько имеется в наличности золота. Лорд Overstone (банкир фирмы Jones Lloyd), полковник Torrens, Norman, Clay, Arbuthnot и ряд других писателей, известных в Англии под именем школы «Currency principle», не только проповедывали эту доктрину, но при помощи банковых актов сэра Р. Пиля (1844 и 1845 г.) сделали ее основой английского и шотландского банкового законодательства. Ее позорнейшее фиаско, теоретическое и практическое, после экспериментов в грандиознейшем национальном масштабе, может быть разобрано нами лишь в учении о кредите».

Критика этой школы была дана Томасом Туком, Джемсом Вильсоном (в 1844—47 году) и Джоном Фуллартоном...

«Старая побасенка, будто изменения в количестве наличного золота, увеличивая или уменьшая массу средств обращения в стране, тем самым неизбежно должны повысить или понизить товарные цены в пределах этой страны. Если золото вывозится, то согласно теории обращения (известной в Англии под именем школы «Currency Theorie») цены товаров должны возрастать в той стране, куда направляется золото, и вместе с тем должна возрастать стоимость экспорта вывозящей золото страны на рынке страны, ввозящей золото; напротив, стоимость экспорта последней на рынке первой должна падать, в то время, как она возрастает на родине экспортируемых товаров, куда приливает золото. На самом же деле уменьшение количества золота повышает лишь размеры процента, тогда как увеличение его понижает последний; и если бы эти колебания размера процента не принимались в расчет при установлении издержек производств и не влияли бы на спрос и предложение, то товарные цены ими совершенно не затрагивались бы» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 34, стр. 87 и 89).

69. Накопление банкнот.

«Про накопление банкнот в периоды угнетения следует заметить, что здесь повторяется то же самое явление собирания сокровищ в благородном металле, которое в первоначальный период общественного развития всегда наблюдалось в тревожные времена» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 34, стр. 102).

70. Прилив и отлив благородного металла. Назначение металлического запаса эмиссионного банка.

«Относительно прилива и отлива благородного металла необходимо заметить следующее —

Во-первых, надо различать, с одной стороны, передвижение металла взад и вперед в пределах области, не производящей золота и серебра, а с другой стороны, поток золота и серебра, идущий от источника их производства через различные другие страны, и распределение этого добавочного металла между этими странами...

...Во-вторых. Поток благородного металла постоянно колеблется между странами, не производящими золота и серебра; одна и та же страна непрерывно ввозит золото и столь же непрерывно вывозит его. И лишь перевес движения в ту или другую сторону решает, в конце концов, имеет ли место прилив или отлив благородного металла, так как чисто колебательные и зачастую параллельные движения по большей части взаимно нейтрализуются. Но именно вследствие этого, когда обращено внимание на конечный результат, упускают из виду непрерывности и в общем параллельный ход обоих движений. Дело представляется всегда таким образом, как будто избыточный ввоз или избыточный вывоз благородного металла обусловливается соотношением между вывозом и ввозом товаров и выражает только это соотношение между ввозом и вывозом самого благородного металла, независимое от товарной торговли.

В-третьих. Преобладание ввоза над вывозом и наоборот измеряется в общем увеличением или уменьшением металлического запаса центральных банков. В какой степени это мерило точно, зависит, конечно, прежде всего от того, насколько банковое дело вообще централизовано. Потому что от этого зависит, насколько благородный металл, накопленный в так называемом национальном банке, представляет национальный металлический запас в целом. Но если даже это и так, указанное мерило все же не является точным, так как при известных условиях добавочный ввоз вызывается потребностями внутреннего обращения и растущим применением золота или серебра для изготовления предметов роскоши, и так как, кроме того, без добавочного ввоза золота может извлекаться из банка внутренним обращением и, следовательно, металлический запас может уменьшаться без одновременного увеличения вывоза.

В-четвертых. Вывоз металла принимает форму отлива (drain), если прогрессивное уменьшение его продолжается долгое время, так что уменьшение это становится общей тенденцией движения и металлический запас банка падает значительно ниже среднего уровня, пока не достигнет своего среднего минимума. Этот последний устанавливается более или менее произвольно, поскольку законодательство, определяющее размер покрытия банкнот и т. п., в различных случаях оказывается различным...

...В-пятых, металлический запас, так называемого, национального банка имеет троякое значение, причем, однако, надо помнить, что величина запаса регулируется отнюдь не исключительно его назначением, так как она может возрасти вследствие простой заминки в делах внутри или вне страны. Это троякое назначение запаса таково: 1) запасный фонд для международных платежей или, короче, запасный фонд мировых денег. 2) Запасный фонд для внутреннего металлического обращения, периодически расширяющегося и сокращающегося. 3) Запасный фонд, обеспечивающий уплату вкладов и размен банкнот, — эта последняя роль связана только с банковой функцией и не имеет никакого отношения к функциям денег, как таковых. Поэтому резервный фонд может затрагиваться всеми теми условиями, которые влияют на каждую из этих трех функций; следовательно, он может быть затронут: как международный фонд — платежным балансом, какими бы причинами ни определялся этот последний и каково бы ни было его отношение к торговому балансу; как запасный фонд внутреннего металлического обращения — расширением или сокращением этого последнего. Третья функция, функция фонда обеспечения, не обусловливает, правда, самостоятельного движения металлического запаса, но проявляет свое влияние в двух направлениях. Если выпускаются банкноты, замещающие во внутреннем обращении металлические деньги (следовательно, также и серебряную монету в странах, где серебро является мерилом стоимости), то отпадает функция резервного фонда, отмеченная выше в пункте 2. Вместе с тем часть благородного металла, послужившая для этого, надолго

остается заграницей. В этом случае металлические деньги не извлекаются из банка для целей внутреннего обращения и вместе с тем отпадает необходимость периодически усиливать металлический запас, иммобилизируя часть обращающейся монеты. Далее: если необходимо при всяких обстоятельствах удерживать в запасе известный минимум для уплаты вкладов и размена банкнот, то это своеобразным путем сказывается на последствиях прилива и отлива золота; это влияет на ту часть запаса, которую банк вынужден удерживать при всяких обстоятельствах, или на ту его часть, от которой он в другое время стремился бы освободиться как от бесполезной. При чисто металлическом обращении и концентрации банкового дела банк также рассматривал бы свой металлический запас как гарантию для уплаты вкладов и при отливе золота могла бы наступит паника, подобная той, какая имела место в 1857 году в Гамбурге.

В-шестых. За исключением 1837 года действительный кризис всегда разражался уже после поворота вексельного курса, т. е. в тот момент, когда ввоз благородного металла снова приобрел преобладание над вывозом...

...В-седьмых. Как только всеобщий кризис закончился, золото и серебро — независимо от прилива нового благородного металла из стран его производства — распределяются снова между различными странами в тех соотношениях, в которых они раньше составляли сокровище этих стран в состоянии их равновесия. При прочих равных условиях относительная величина сокровища каждой страны определяется ее ролью на мировом рынке. Из страны, имеющей превышающее норму количество благородного металла, последний отливает в другие страны; эти движения прилива и отлива лишь восстанавливают первоначальное распределение благородного металла между сокровищами различных наций. Однако, такое перераспределение совершается под влиянием различных обстоятельств, которые будут упомянуты при рассмотрении вексельного курса...

...В-восьмых. Отливы металла являются по большей части симптомами перемены в положении заграничной торговли, а эта перемена есть, в свою очередь, предвестник того, что общее положение дел снова созревает для кризиса.

В-девятых. Платежный баланс может быть благоприятен Азии и неблагоприятен Европе и Америке» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 35, стр. 102—107).

71. Чем вызывается ввоз благородного металла?

«Ввоз благородного металла имеет место преимущественно во время двух моментов.

С одной стороны, в первой фазе низкого уровня процента, которая следует за кризисом и выражает собой ограничение производства; и затем во второй фазе, когда уровень процента повышается, но еще не достигает своей средней высоты. Это та фаза, когда обратный приток капиталов совершается легко, коммерческий кредит обилен и потому спрос на ссудный капитал возрастает медленнее, чем расширяется производство. В обоих фазах, при сравнительном обилии ссудного капитала, на уровень процента, а, следовательно, и на темп общего хода дел, должен оказывать влияние избыточный приток капитала в форме золота и серебра, то есть в такой форме, в которой он непосредственно может функционировать только как ссудный капитал.

С другой стороны: отлив, непрерывный значительный вывоз благородного металла наступает, когда обратный приток капитала уже затруднен, рынки переполнены и кажущееся процветание поддерживается только кредитом; когда, следовательно, уже существует очень усиленный спрос на ссудный капитал и потому уровень процента достигает, по меньшей мере, своей средней высоты. При этих условиях, отражающихся именно в отливе благородного металла, значительно усиливается влияние непрерывного извлечения капитала в такой форме, в какой он непосредственно существует как ссудный денежный капитал. Это должно оказывать прямое влияние на уровень процента. Но вместо того, чтобы ограничивать кредитные операции, повышение размера процента расширяет их и приводит к напряжению всех их вспомогательных средств. Следовательно, этот период предшествует краху» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 35, стр. 107—108).

72. Благородные металлы, как денежный материал.

«Чем же отличаются золото и серебро от других форм богатства? Не величиной стоимости, так как эта последняя определяется количеством овеществленного в них труда. Они отличаются лишь как самостоятельное воплощение, как выражение общественного характера богатства. (Богатство общества существует лишь как богатство отдельных лиц, являющихся его частными собственниками. Оно лишь благодаря тому сохраняет свой общественный характер, что эти отдельные лица для удовлетворения своих потребностей обмениваются между собой качественно различными потребительными стоимостями. В капиталистическом производстве они могут осуществлять это лишь при посредстве денег, богатство отдельного лица осуществляется как общественное богатство; в деньгах, в этой вещи, воплощена общественная природа этого богатства. — Ф. Энгельс). Следовательно, это его общественное бытие проявляется как нечто потустороннее, как вещь, предмет, товар, существующий рядом с действительными элементами общественного богатства и вне их. Пока производство идет нормальным ходом, это забывается. Кредит, также общественная форма богатства, вытесняет деньги и узурпирует их место. Именно доверие к общественному характеру производства заставляет относиться к денежной форме продуктов, как к чему-то мимолетному и лишь идеальному, как к простому представлению. Но как только кредит потрясен, — а эта фаза неизбежно входит в цикл современного производства — вдруг оказывается, что все реальное богатство должно быть действительно и немедленно превращено в деньги, в золото и серебро, — требование безумное и, однако, неизбежно вырастающее из самой системы. Между тем все золото и серебро, долженствующее удовлетворить этому чудовищному запросу, составляет лишь сумму в несколько миллионов, хранящихся в кладовых банка. Таким образом, в том влиянии, которое оказывает отлив золота, с особенной резкостью обнаруживается, что общественная форма богатства существует независимо от него самого, как особая вещь. В этом отношении капиталистическое производство сходно с более ранними системами производства, поскольку последние покоились на товарной торговле и частном обмене. Однако, лишь при капиталистической системе указанное явление проявляется наиболее ярко и притом в самой уродливой форме нелепого противоречия и бессмыслицы, так как: 1) в капиталистической системе устранено производство непосредственно потребительной стоимости, производство для потребления самого производителя и, следовательно, богатство существует лишь как общественный процесс, выражающийся в сочетании производства и обращения; так как 2) с развитием кредитной системы капиталистическое производство непрерывно стремится разрушить указанную выше металлическую границу — эту, одновременно и вещественную и фантастическую границу богатства и его движения, — но все снова разбивает себе голову об эту границу.

Во время кризиса возникает требование, чтобы все векселя, ценные бумаги, товары могли быть сразу превращены в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 35, стр. 110—111).

73. Вексельный курс и движение денежного металла.

«Вексельный курс является, как известно, барометром интернационального движения денежного металла. Если Англия должна уплатить Германии больше, чем Германия Англии, то в Лондоне повышается цена марки, выраженная в стерлингах, а в Гамбурге и Берлине понижается цена фунта стерлингов, выраженная в марках. Если затем этот перевес платежных обязательств Англии на Германию не уравнивается снова при помощи, например, преобладания закупок Германии в Англии, то цена марок векселя на Германию, выраженная в стерлингах, должна повышаться до тех пор, пока не окажется выгодным послать из Англии в Германию вместо векселей металл — золотые деньги или слитки. Таков типичный ход дела» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 35, стр. 112, вставка Ф. Энгельса).

74. Вексельный курс и движение благородного металла.

«Г. Вильсон делает нелепую попытку отождествить влияние, оказываемое вывозом благородного металла на вексельный курс, с влиянием оказываемым на вексельный курс

вывозом капитала вообще,— причем в обоих случаях дело идет о вывозе денег не в качестве платежного или покупательного средства, а с целью помещения капитала. Прежде всего очевидно, что, если в Индию с целью проведения там железных дорог посылается столько то миллионов Z, в виде ли благородного металла, или в виде железных рельсов, то оба случая представляют лишь различные формы перенесения той же самой суммы капитала из одной страны в другую; а именно, мы имеем здесь такое перенесение капитала, которое не учитывается при обычных торговых сделках и за которое экспортирующая страна не может ожидать никакого иного возмещения, кроме имеющего поступать впоследствии годового дохода из выручки этих железных дорог. Если такой экспорт имеет место в форме благородного металла, — то именно потому, что это благородный металл, следовательно, непосредственно пригодный для ссуды денежный капитал и базис всей кредитной системы, — в данном случае экспорт, правда, не при всяких, но лишь при указанных выше условиях, окажет прямое влияние на денежный рынок, а значит и на размер процента в стране, экспортирующей благородный металл. Столь же непосредственное влияние окажет он и на вексельный курс. Ведь благородный металл пересылается лишь тогда и постольку, когда и поскольку предлагаемых на лондонском денежном рынке векселей, например, на Индию, недостаточно для того, чтобы осуществить такое избыточное перенесение капиталов. Следовательно, имеет место превышающий предложение спрос векселей на Индию, и, таким образом, в данный момент курс обращается против Англии не потому, что она в долгу перед Индией, но потому, что она должна послать в Индию экстраординарные суммы. Если такой вывоз благородного металла в Индию продолжается значительное время, то он приводит к увеличению индийского спроса на английские товары, так как косвенно повышает размеры потребления Индией европейских товаров. Напротив, если капитал вывозится в форме рельсов и т. д., то это совершенно не может иметь влияния на вексельный курс, так как в этом случае Индии не приходится производить никаких возвратных платежей. По той же причине возможно, что это не окажет также никакого влияния на денежный рынок. Вильсон старается доказать наличность этого влияния тем, что такие добавочные затраты должны вызывать добавочный спрос на денежные ссуды и, таким образом, воздействовать на размер процента. Это может случиться; но утверждать, что это должно иметь место при всяких обстоятельства, было бы совершенно неправильно. Куда бы ни были посланы рельсы, где бы ни были они употреблены в деле, на английской или на индийской почве, они, во всяком случае, представляют лишь известное расширение английского производства в известной сфере. Утверждать, что расширение производства, даже в очень широких пределах, не может совершаться без повышения уровня процента, было бы нелепо. Возможно, что будут возрастать денежные ссуды, то есть сумма тех сделок, в которые входят кредитные операции; но эти операции могут возрастать при неизменном размере процента. Это действительно имело место в Англии в 40-х годах во время железнодорожной мании. Размер процента не повысился. И поскольку дело касается действительного капитала, то есть в данном случае товаров, совершенно очевидно, что влияние, оказываемое на денежный рынок, будет совершенно одно и то же, предназначены ли эти товары для заграницы или для внутреннего потребления. Разница получилась бы лишь в том случае, если бы капиталы, вкладываемые Англией заграницей, ограничивали ее коммерческий экспорт — экспорт, оплачиваемый и, следовательно, вызывающий обратный приток капитала, — или, если бы эти затраты капитала уже сами по себе были симптомом перенапряжения кредита и начала спекулятивных операций» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 35, стр. 114 — 115).

75. Вексельный курс и экспорт капитала in natura, а не в форме денежного металла.

«Помещение подобного рода, при котором капитал переносится в другие страны в виде товаров, а не в виде благородного металла, лишь постольку может оказать влияние на вексельный курс (и притом не на вексельный курс с той страной, куда вкладывается), поскольку производство таких экспортируемых товаров вызывает добавочный импорт других иностранных товаров. В таком случае производство это неспособно уравновесить этот добавочный импорт. Но то же самое имеет место при

всяком экспорте в кредит, безразлично, имеется ли в виду новое помещение капитала или обычная торговая цель. Кроме того этот добавочный импорт может путем обратного влияния вызвать добавочный спрос на английские товары со стороны, например, колоний или Соединенных Штатов» («Капитал», т. III, ч. 2, гл. 35, стр. 119).

76. Прилив благородного металла при ограничении производства.

... «Сильный прилив благородного металла может иметь место одновременно с ограничением производства, как это и наблюдается всегда непосредственно после кризиса. В следующий фазе благородный металл может притекать из стран, которые по преимуществу производят благородный металл; ввоз других товаров в этот период уравновешивается обыкновенно вывозом. В этих двух фазах размер процента низок и лишь медленно повышается... Этот низкий размер процента во всех случаях нашел себе достаточное об'яснение без влияния каких бы то ни было «больших запасов всякого рода». И как могло бы иметь место такое влияние. Низкая цена, напр., хлопка, дает возможность прядильщикам и т. д. получать высокую прибыль. Почему же низок размер процента? Конечно, не потому, что высока прибыль, извлекаемая из взятого взаймы капитала. Но единственно и исключительно потому, что при наличных обстоятельствах спрос на ссудный капитал не растет пропорционально росту этой прибыли; следовательно, движение ссудного капитала отлично от движения промышленного капитала» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 35, стр. 123).

77. Причины колебания вексельного курса.

«Заграничный вексельный курс может изменяться.

1) Под влиянием платежного баланса данного момента, какими бы причинами ни определялся этот баланс — чисто торговыми, помещением капитала за границей, или же государственными расходами на ведение войн и т. д.; если только при этом производятся наличными деньгами платежи заграницу.

2) Под влиянием обесценения в данной стране денег, металлических или бумажных. В этом случае изменение курса чисто номинальное. Если Z, в данный момент представляет половину тех денег, которые он представлял раньше, то, само собой разумеется, за него будут выдавать лишь 12½ франков вместо 25 франков.

3) Если дело идет о вексельном курсе между двумя странами, из которых одна употребляет в качестве «денег» серебро, другая золото, то в этом случае вексельный курс зависит от колебаний относительной стоимости благородных металлов, так как такие колебания, очевидно, изменяют al pari между обоими металлами. Примером последнего может служить курс 1850 года; он был неблагоприятен для Англии, хотя ее экспорт страшно возрос; и тем не менее не наблюдалось отлива золота. Это обусловливалось внезапным повышением стоимости серебра по сравнению с стоимостью золота» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 35, стр. 129).

78. Монетная система — основа кредитной и бумажной систем.

... «Монетарная система в основе своей католический, кредитная система — протестантский институт. «The Scotch hate gold» («шотландец ненавидит золото»). В бумажных деньгах денежное бытие товаров является лишь общественным бытием. Это та вера, которая необходима и достаточна для спасения души, — вера в денежную стоимость, как имманентный дух товаров, вера в данный способ производства и его предустановленный порядок, вера в отдельных агентов производства, как простое олицетворение самовозрастающего по своей стоимости капитала. Но насколько мало протестантизм эмансипировался от основ католицизма, настолько же мало кредитная система независима от базиса монетарной системы» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 35, стр. 130).

79. Базис кредитной системы.

... «Отнюдь не следует забывать, во-первых, о том, что деньги — в форме благородных металлов — образуют основу, от которой кредитное дело по самой природе

своей никогда не может освободиться. И, во-вторых, о том, что кредитная система предполагает монополию частных лиц на средства общественного производства (в форме капитала и земельной собственности), что сама она, с одной стороны, является имманентной формой капиталистического способа производства, с другой стороны, движущей силой его развития в высшую и последнюю из возможных для него форм» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 36, стр. 143—144).

80. Кредитная система — показатель общественного характера денег.

... «Банковая система, замещая деньги различными формами кредитного обращения, показывает, что деньги действительно представляют не что иное, как особое выражение общественного характера труда и его продуктов, причем, однако, характер этот, как стоящий в противоречии с базисом частного производства, должен, в конце концов, всегда выражаться в виде вещи, в виде особого товара на ряду с другими товарами» («Капитал», т. III, ч. 2, глава 36, стр. 144 — 145).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие ко II изданию 3
Предисловие к I изданию 4

ЧАСТЬ I.

1. **К. Каутский.**—Деньги. 8
2. **Р. Люксембург.** – Происхождение и их функции денег 47
3. **К. Каутский.**—Возникновение денег и функции 59
4. **Н. Бухарин.**—Деньги и расширенное воспроизводство 73

ЧАСТЬ II.

1. **Евг. Варга.**—Добыча золота и дороговизна 85
2. « « « Добыча золота и движение цен 92
3. **Р. Гильфердинг.** – Деньги и товар 96
4. **К. Каутский.**—Золото, бумажные деньги и товар 106
5. **О. Бауэр.**—Добыча золота и дороговизна 124
6. **Евг. Варга.**—Добыча золота и дороговизна 137
7. **К. Каутский.**—Изменение в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны 143
8. **Евг. Варга.**—Стоимость золота в учении К. Маркса о стоимости . . . 179

ЧАСТЬ III.

1. **Н. Ленин.**—О значении золота теперь и после полной победы социализма 183
2. **Н. Ленин.**—Из речи В. И. Ленина на I Всероссийском Финансовом С'езде 187
3. **Н. Ленин.**—Из статьи «Очередные задачи Советской власти» 187
4. **Н. Ленин.**—Письмо в комиссию об отмене денежных налогов 188
5. **Н. Ленин.**—Из доклада «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» 188
6. **Н. Ленин.**—Национализация банков 190
7. **К. Каутский.**—Деньги в социалистическом обществе 193

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Выборки из произведений К. Маркса о деньгах и денежном обращении . . 204
I. Понятие «деньги».—Теории денег и орудия обращения. 204
1. Понятие «деньги» 204
2. Понятие «деньги» 205
3. Загадка денежного фетиша есть загадка товарного фетиша вообще . . 206
4. Исторический обзор учений о деньгах 207
5. Локк о деньгах 209
6. Стюарт о деньгах 210
7. А. Смит о деньгах 211
8. Д. Рикардо о деньгах 212
9. Д. Милль о деньгах 217

Стр.

10. Теория денег после Рикардо 219
11. Теория денег Тука 220
12. Теория рабочих денег (Грея) 221

II. Деньги—мерило ценности и масштаб цен 222

13. Деньги—мерило ценности. Цена 222
14. Деньги—ценность—товар 225
15. Изменение ценности денег и цен товаров 225
16. Деньги—мерило ценностей и масштаб цен 226
17. Деньги—масштаб цен. Взгляд Д. Стюарта 226
18. Деньги—масштаб цен 228

III. Деньги—орудие (средство) обращения. Оборот денег 229

19. Деньги—орудие обращения 229
20. Деньги—орудие обращения. 229
21. Роль Д в формуле Т—Д—Т как орудия обращения 229
22. Обращение товаров 230
23. Обращение денег и товаров 230
24. Оборот денег. Масса обращающихся денег 231
25. Масса обращающихся денег 234
26. Масса обращающихся денег 237
27. Масса обращающихся денег 239
28. Быстрота и масса обращения денег 239
29. Быстрота обращения денег и денежная масса 240
30. Формула массы обращающихся денег. 241

IV. Деньги—платежное средство 241

31. Деньги—платежное средство. 241
32. Функции денег, как платежного средства 242
33. Платежное средство—расчетные деньги. Деньги и кризисы. 243
34. Платежное средство, расчетный знак и кризисы 243
35. Сфера распространения функции денег, как платежного средства 244
36. Функция денег, как платежного средства и накопление денег 244

V. Золото.—Монета.—Знак ценности. 244

37. Золото—всеобщая мера ценности—деньги. 244
38. Функции золота, как денег 245
39. Благородные металлы, как денежный материал. 245
40. Золото—деньги 246
41. Золото—деньги 247
42. Ценность золота 248
43. Золото—монета 248
44. Золото—металл и золото монета 248
45. Золото—монета—знак ценности 249
46. Монета—знак ценности. 251

VI. Деньги.—Золото.—Сокровище. 251

47. Золото—сокровище. 251
48. Функции денег, как сокровища 251
49. Функции денег, как сокровища 252
50. Происхождение сокровища и его виды 252

VII. Бумажные и кредитные деньги. 253

51. Происхождение бумажных и кредитных денег 253
52. Бумажные деньги—знак золота 253
53. Закон обращения бумажных денег 253

Стр.

54. Бумажные деньги 254
55. Бумажные деньги—знак ценности 255
56. Бумажные деньги—знак золота. Кредитные деньги 255
57. Бумажные деньги и законы, определяющие их ценность 256
58. Закон обращения бумажных денег и их ценность 258
59. Кредитные деньги 258
60. Кредит—банкнота 258
61. Сокращение издержек обращения благодаря кредиту 259
62. Кредит—основа всех методов, сберегающих средства обращения и способ, непосредственного повышения быстроты обращения денег . . . 260
63. Количество действительно обращающихся банкнот 260
64. Влияние абсолютной величины средств обращения на размер процента . 262
65. Различие между выпуском средств обращения и ссудой капитала . . . 262
66. Вывоз товаров за границу и спрос на внутреннем денежном рынке . . 263
67. Количество обращающихся векселей и банкнот 263
68. Изменения в количестве наличного золота и колебания товарных цен . 263
69. Накопление банкнот 263
70. Прилив и отлив благородного металла 264
71. Чем вызывается ввоз благородного металла? 265
72. Благородные металлы, как денежный материал 266
73. Вексельный курс и движение денежного металла 266
74. Вексельный курс и движение благородного металла 266
75. Вексельный курс и экспорт капитала in natura, а не в форме денежного металла 267
76. Прилив благородного металла при ограничении производства 268
77. Причины колебания вексельного курса 268
78. Монетная система—основа кредитной и бумажной системы 268
79. Базис кредитной системы 268
80. Кредитная система—показатель общественного характера денег. . . . 269

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ

Финансовое Издательство Союза ССР

Москва, Центр, Пушечная, 10, Книжный магазин — Кузнецкий Мост, 13.

	р.	к.
Л. ЮРОВСКИЙ, проф. „Денежная политика советской власти“ (1917—1927 гг.)	5	—
Л. ЯСНОПОЛЬСКИЙ, проф. „Восстановительный процесс в нашем денежном обращении и задачи волютной политики“	1	25
Г. СОКОЛЬНИКОВ. «Денежная реформа»	1	20
Д. ЛОЕВЕЦКИЙ. «Валютная политика» СССР	1	35
Д. КЛЭР. «Международные расчеты и валютная политика»	2	25
„НАШЕ ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ“. Сборник материалов по истории денежного обращения (1914—1925 гг.). Под ред. Л. Юровского	3	—
„ПРОБЛЕМЫ МИРОВОГО ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ“. Сборник статей под ред. Г. Сокольникова	1	50

БИБЛИОТЕКА ФИНАНСОВЫХ ЗНАНИЙ

Под ред. проф. БУКОВЕЦКОГО.

М. БРОНСКИЙ. «Финансовая политика СССР»	1	60
П. ГЕНЗЕЛЬ. «Прямые налоги»	1	20
С. КРЫЛОВ. «Бюджетное право СССР»	1	60
П. МИКЕЛАДЗЕ. «Косвенные налоги»	1	20
В. ТВЕРДОХЛЕБОВ. «Государственный кредит»	1	60
А. АЛЕКСАНДРОВ. «Пошлины и налоги на обращение»	1	20
Э. ПОНТОВИЧ. «Финансовый контроль»	1	20

6185

Цена 2 руб. 50 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО СОЮЗА ССР
Москва, Центр, Пушечная, 10.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН Кузнецкий Мост, 13.